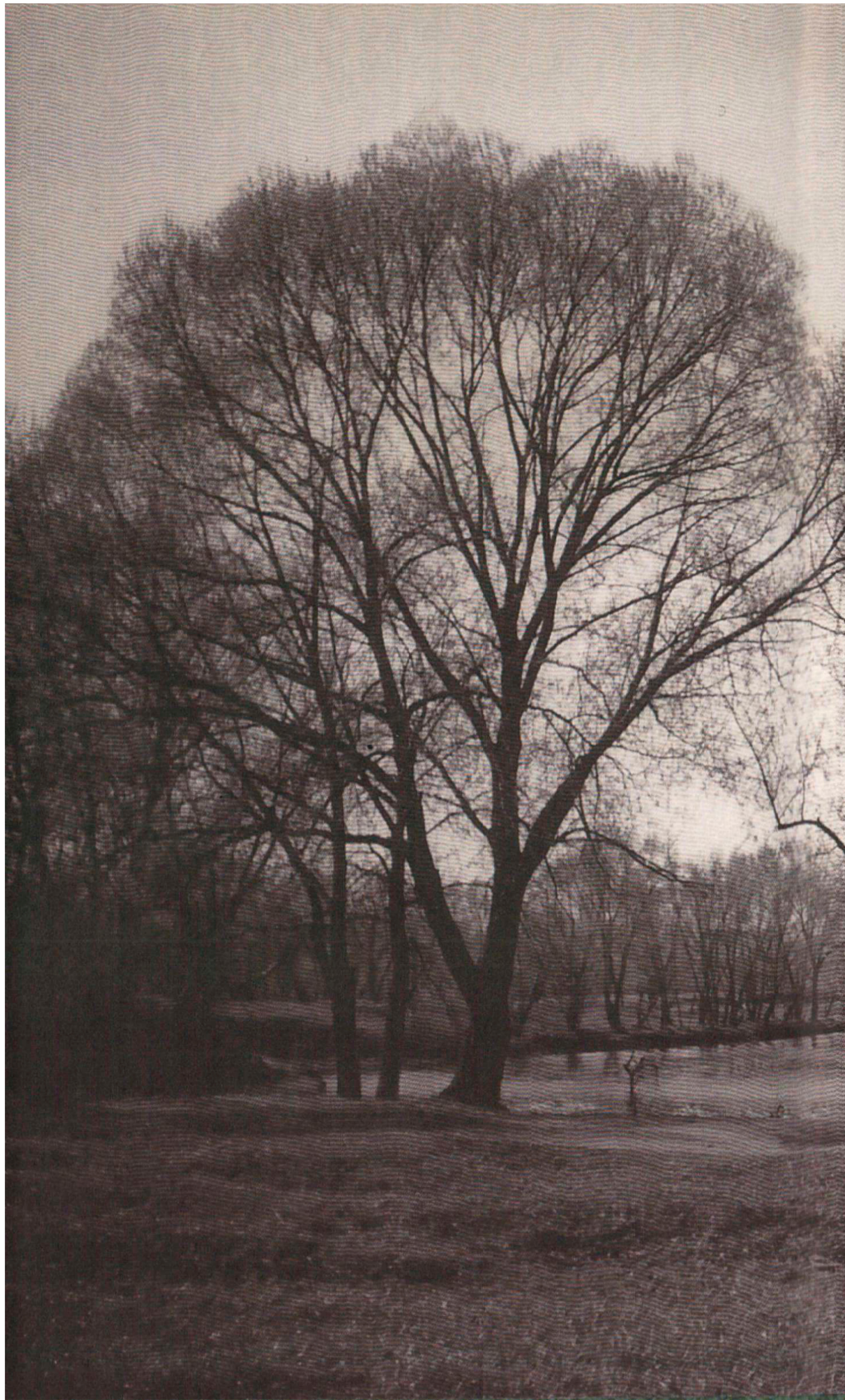

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

*К 80-летию
Евгения Ивановича Носова*

Е.И.НОСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

Москва · Русский путь · 2005

Е.И.НОСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

Том пятый

«Конны, людны и оружны...»

•

Слово о моем друге

•

«Жди ясного на завтра дня...»

•

«Несказанно рад твоему письму!»

ББК 84 Р2
Н 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации Курской области

Составитель *Е.Д. Спасская*
Примечания *Т.А. Соколовой, Е.Д. Спасской*

В оформлении издания использованы репродукции
живописных работ, рисунков и фотопейзажей *Е.И. Носова*

Носов Е.И.

Н 84   Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: «Конны, людны и оружны...»: *Из русской истории. Слово о моем друге: Творческие портреты, предисловия, рекомендации. «Жди ясного на завтра дня...»: Беседы, интервью, выступления. «Несказанно рад твоему письму!»: Переписка разных лет* / Сост. *Е.Д. Спасская*; вступ. ст. *А.И. Солженицына*; примеч. *Т.А. Соколовой, Е.Д. Спасской*. — М.: Русский путь, 2005. — 320 с., ил.

ISBN 5-85887-187-9

ISBN 5-85887-221-2

В настоящее издание включены практически все произведения известного русского писателя, лауреата Государственной премии РСФСР и других литературных премий (в том числе премии Александра Солженицына), кавалера многих орденов и медалей, Героя Социалистического Труда, члена Академии российской словесности *Евгения Ивановича Носова* (1925–2002), написанные с 1948 по 2002 г.

Произведения распределены по тематическому принципу. В том 5 вошли этюды (из русской истории), творческие портреты, беседы, интервью, выступления и переписка *Е.И. Носова*.

ББК 84 Р2

© *Е.И. Носов*, наследники, 2005

© *Е.Д. Спасская*, составление, статья, 2005

© *А.И. Солженицын*, вступительная статья, 2005

© *Т.А. Соколова, Е.Д. Спасская*, примечания, 2005

© *П.П. Кривцов*, фотографии, 2005

© *Русский путь*, 2005

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

Из «Литературной коллекции»

Евгений Носов из своих крестьянских низов поднимался в литературу скромно, неслышно, «тихими» рассказами, никогда ничем не прогремел, — да таким неслышным и остался до исхода своей, уже 75-летней, жизни.

Все рассказы его сюжетны — и разнообразны по содержанию, не повторяются, но и — лишены сюжетной жёсткости. В каждом из них сюжет просочен затопляющим настроением. Оно тоже варьируется от рассказа к рассказу, но после прочтения одного-другого сборника более всего и наполняет грудь читателя эта очень-очень тёплая, любовная к людям и природе расположенность. Ощущение весьма сравнимое с ощущением от рассказов чеховских — тем, когда и малозначительный эпизод лучится от пропитанности теплотой и не подвержен авторскому суду. Это настроение звучит уже и в мелодике названий: «Течёт речка...», «В чистом поле, за просёлком», «Шумит луговая овсяница», «Холмы, холмы...», «Во субботу, день ненастный», «И уплывают пароходы, и остаются берега...».

Сами сюжеты — ничем не из ряду вон, не знаменательны, не героичны, чаще всего — обыденные эпизоды современной жизни — но всегда ласково высвечены. Как говорит автор: «Хотелось написать что-нибудь простое, бесхитростное, ни на малость не вмешиваясь в течение жизни». Краткость, неназойливость, непринуждённость показа. От каждого персонажа автор не упускает ни крохи сердечного тепла, с доброжелательным и чутким вниманием в случайной с ним беседе, «голос — пей, не напьёшься» — и никогда никаких авторских изъяснений, толкований происходящего. Перед нами медленно текут те самые простейшие эпизоды живой жизни, которых так недостаёт нам в учебниках истории, чтобы её ощутить, как бы поживши в ней. Та уверенная, непридуманная покойная обстоятельность быта простых людей — всё менее замечаемая нами в беспокойном современном круговерчении, где человеколюбие становится даром утраченным.

Перебранка ли юных пастушат через речушку, разделяющую колхозы вовсе нищий и более состоятельный. Волненья ли бабы с подросшей дочерью, собравшейся в загадочный город покупать девушке первую шубу, — как не ошибиться? Умиранье ли заброшенной северной деревни, где на 12 добровечных изб осталось восьмеро жителей, полукалек, среди них — всеми забытый георгиевский кавалер Первой войны, — поэтическая грустная мелодия, струение души через северный пейзаж. — Или, в ожидании местного самолётника, простая пересидка от морозящего дождя в недалёкой избе и случайное втягивание в житейскую историю, сирую бабью судьбу с исчужевшим сыном. — Эта тема, одинокой крестьянской матери, вовсе покинутой выросшими, уехавшими детьми, переходит у Носова из рассказа в рассказ. Иных матерей вызывают в город как нянек, для внуков, потом отшвыривают: молодое, огорожаненное поколение бывает удачливо, развязно, хватко, а старушка уезжает домирать в пустую деревню: зато «кладбище у нас хорошее». — Ещё кричаще эта тема сгущена в рассказе «Тёмная вода»: ослепшая старуха по дороге в сельскую лавку за хлебом обронила последние очёчки в невылазную грязь, ищет, застряла и сама, — так что проезжие горожане-охотники издали приняли её за кабана, чуть не застрелили. Пошли избу искать — она без очков и избы своей найти не может. Сын и дочь её — недостижимо далеки, бросили. А мужика её справного, отдыхавшего от смены на лугу, по небрежности раздавили трактором — вот таким высоким мастодонтом, на котором и сейчас им встречается развязный, беспечальный молодой тракторист. — «Трактора теперь стали выше хат», с него и не углядишь, что там под гусеницами.

Или («Течёт речка») — многолетне затаённый, так и не состоявшийся деревенский роман, уже и до старости неудачника. Или («Луговая овсяница») — другое, годами затаённое ожидание молодой красивой крестьянки, уже она и с ребёнком, уже и облеплена приставателями — а дождалась-таки прихода своего желанного — женатого, дождалась всего на одну ночь, волшебную ночь косьбы при луне и лунном затмении к утру. — Или («Варька») ещё одна прекрасная бессонная лунная ночь, первая любовная смута сельской старшеклассницы, внутреннее пробуждение счастья, слияние с природой, «между водой и небом», шаловливая скачка на коне от догонщика-юноши, «живая доверчивая сила коня между ногами», и всё — точно выверенными словами, целомудренно, как всегда у Носова. — А то («Кулики-сороки») — поэма детской души, весеннее возбуждение доброго мальчика у края подступающего невиданного паводка — под возвратными весенними прилётами птиц; разъяснения бабушки в пересыпе народных мудростей, заповедник всего природного и исконно

сельского, русского. — А то: самозанятый городской интеллигент по случайной командировке попадает на сутки в оглушающе запущенный колхоз, взять на анализ пробу их строительных залежей, им нечем строиться, а «в колхозе — ни бревна». Уже год не дождавшись из города отзыва, бабы изсильно ковыряют ломами этот известняк. Приезжий заворачивает кусок на пробу, дарит ночные часы молодой отчаявшейся женщине, председательнице этого гиблого колхоза, на рассвете садится в поезд — а потом и не вспоминает, и теряет этот кусок пробы, так и не послав отзыва. (Очень чеховский рассказ.)

В рассказах Носова крестьянская жизнь — до того натуральная, будто не прошедшая через писательское перо. Никакой литературщины, никаких *приёмов*. Крестьянское осмысленное понимание каждого природного, бытийного хода. Такое коренное, подробное знание его, такой намётанный глаз, такая пронимчивая наблюдательность, какой не находили мы у дворянских писателей и быть не могло у них по их отстранённому положению. Да вот — она и есть неизмышленная простая *народность*, самый *тип* народного восприятия. Нам тут посылается один из последних памятников деревенской, а значит, тысячелетней и навсегда уходящей Руси. Она застигнута в её домирающем советском, а затем и послесоветском состоянии.

Какая соразмерная отчётливость в изображении мужика в оставляемых ему всё меньших клочках бытия. Какие незатёртые, ответственные слова для переданья той точности наблюдений, никогда не пустых и лишних, даваемой только долгим личным опытом и детальной вращённостью в быт. Какое точнейшее, невообразимое различие и называние буквально *сотен* запахов — спектр, уже мало-мало кому доступный. Или: «о хлебе выпекаемом она говорила как о живом существе», передавая его, хлеба, повадки — в замесе, в печи и на отдышке. (Истинно что такое есть *х л е б* — ни нам, ни детям нашим уже никогда не отведать.) Как точнейше переданы лошажьи повадки, вроде: «лошадь усердно мотала головой, помогая себе тащить телегу», а когда пришла по колхозам директива о последнем уничтожении лошадей (60-е годы), боль мужичья о жеребятках: как убивать? «дети ведь ещё!» — А то — незримыми волнами уловленное поведение и чувства коровьего стада (и, на возврате с пастьбы, «нетерпеливое молоко каплет на дорожную пыль»). — Напоминанье о неповторимых, теперь вовсе забытых *праздниках труда* — как бывалый съезд на мельницу для помола урожая, а ещё больше — косьба, сохранившая праздничный характер даже в принудно колхозное время. «В косарях — хмельная удаль, как ни при какой прочей работе». И косьба, как никакая другая работа, «не старит, а молодит». — Находим и поэзию ремесла: покойный мастер так оттачивал фуганок, что с рас-

стеленной газеты «срезал буквы, не повредив бумаги», и «стружка тонюсенькая светится».

И как же Носов удерживался, чтобы не дать себя согнуть в заказную советскую казённую? Его сохраняла душевная чистота и природная недекларативная тихость: он и не претендовал отличиться перед начальством. Даже при типично советском сюжете — показательной сельскохозяйственной колхозной выставке — он переносил туда деревенскую сосредоточенность и ласку доярки к своей корове, когда-то выхоженной ею из прогололенной смерти — и вот до рекордных удоев. (А рядом — манерный выставочный ресторан и тучный, пьяный их председатель колхоза дирижирует залом, помахивая рачьей скорлупой.) — Так и повесть о начале Великой войны и первом массовом уходе мобилизованных мужиков («Усвятские шлемоносцы») Носов сумел нам дать с сильно приглашенными чертами колхозной жизни — и перелил в поэму о вечности крестьянства на земле и судьбоносной грозности всякого предвоенного расставания семей.

Конечно, трудно было бы ждать уж полного чуда. На войну бабы отправляют своих мужиков без крестных знамений. Бригадир отдельным заявлением уходит в армию на полсутки раньше других. — От войны Гражданской (это Курская область) тем поколением только-то и вспомнено, как какие-то белоказаки где-то расстреляли рабочих. — Под немецкой оккупацией «привычную колхозную жизнь враг затоптал», и у семьи не какого там парторга, а ударника-тракториста в наказание отобрали корову и швейную машину; зато как ушли немцы — бросилась баба скорей в сельсовет мыть полы: теперь «вольность вернётся»! — Или такой послевоенный сюжет: парень, техник, бросил полученную городскую квартиру и через обком настойчиво добился, чтоб его послали выручать родной загрябший колхоз. А мать, увидав у сына красную книжечку, «ощутила девичий румянец». Сын же (конфликт плохого-хорошего руководителей): «Могут и подбодрить [сверху кнутом], тут ничего плохого нет».

Но такая слабость — редка, редка у Носова. Да без советских рубцов — и вся ведь литература наша, даже у высших мастеров, не обошлась. И — не так, чтобы вообще деревенская литература содержала приукрашиваний и лжи больше, чем даже верхи литературы интеллигентской.

Однако, год за год, наш автор выстаивает, выстаивает — и ещё распрямляется. Атмосфера сельского неблагополучия всё больше насыщает его рассказы. Вот: «на бабах до сего дня пашем» (уже далеко от войны). «Бабе завсегда сыщется, на чём живот порвать». Полный колхозный развал. Начальники «анбары почистили да и отзвонились» к предколхоза. Как насильственно отбирали коров «в закуп». Как даже не разрешали колхозному хряку огулять частную свинью («расхищение общественного имущества»...). «Зануздают

тебя, чтоб ни туда, ни сюда». «Земля изрыта дыбом от машин, от тракторов». Разросся бурьян «дурнишник» — знак гибели деревни. Разворовали мостики на дрова, жгут и яблони. — Вымирающие деревни на островах Онежского озера. Беспомощные смерти, до лекаря не дотянуться. (Но пароходы возят беззаботные экскурсии к сохранившимся деревянным церквям:

Брезжат верхами островные храмы, будто парят над тусклым серебром Онеги, кисейно-призрачные, неправдоподобные как сновидение.

А ещё совсем недавно: «Разобрали б вы, мужики, этот хлам, смотри, кого ушибёт».)

А присущ Носову и лёгкий, тёплый юмор, как попутная при разговоре улыбка. Туристы с парохода видят — одноногий инвалид землю копает; многозначительно: «Ещё раскопка какая-то». А тот: «Да галюн копаем, для пассажиров».

И уже в последние годы проступают самые издавшие картины, как под медленным, опоздавшим проявителем: воспоминания о Великом Переломе, в городе. «Как мы выжили? Болтушку варили со столярным клеем». — «Повалили нищие, всё в окна стучали, по несколько раз в день. Измождённые, молодые казались стариками, уже безразличные ко всему. В ветоши, в разбитых лаптях, а ребятишки — с рахитичными босыми ногами». Старый детский доктор, ходивший на дом, посажен в тюрьму доносом какого-то родителя: «Не такое лекарство дал ребёнку!» По ночам санитары в чёрных халатах собирали трупы с улиц. Оголодавшие птицы рвали из помоек кто дохлую крысу, кто старый башмак.

И наконец же — Война с Германией! Возраст Носова был последний, призванный на ту войну. Ещё не достигнув и девятнадцати, он взят был к противотанковым пушкам, всегда на переднем краю пехоты; по требованиям маскировки вне боёв полными днями скорчась лежать в боковых барсучьих отнорках от траншей, а в бою вчетвером-впятером управляться, под танковым огнём, с пушкой в тонну двести килограмм. Состав батареи вымывало и вымывало красными волнами, приходила замена. А Носову досталось добратся от родных курских мест — и до балтийского побережья Пруссии, где и был он тяжело ранен под конец войны, так что встретил день Победы в госпитале.

Вся неохватимая огненная жестокость войны как бы не поместилась в душе кроткого автора. Ни одной, до глубины же изведанной, батальной сцены он нам не передал. Время от времени в рассказах своих он оставлял нам как бы окрúжные, побочные приметы войны. Вот — многонедельное мучительное тление израненных или обезрученных в госпитальной палате, в смутной неизвестности своего выздоровления или смерти («Красное вино победы»). —

Или бедствия солдатки, когда муж на фронте, а вот пришла и похоронка. — Или сырые малые ребятишки в разорённой избе, в мороз, в прифронтной полосе. — Или русская печь, уцелевшая от сплошного пожара деревни, так что не осталось «ни былочки, ни поживочки», а печь стоит — и вокруг неё, исколупанной пулями, строится заново какая-никакая изба. — Вот инвалид войны на культяшке, в своей деревне последний годный к ремёслам, к работе («И уплывают...»). — Или бывший старшина, так распущенный трофейной вольностью конца войны, что уже не способен вернуться к скромному труду («Объездчик»).

Надо было автору отдалиться на десятилетия общественного забвения воинов, оттеснения ветеранов, бесприютности фронтовиков, стыдливости за боевые ордена, уже не нужные, почти смешные, когда молодёжь в забаву пляшет около «вечного огня», молодым оркестрантам в изневолю исполнять траурный марш, и никому-никому не памятные, не известны высеченные на обелисках имена — малая доля их, кто по случайности не канул в полное безвестие. Надо было пережить эти десятилетия, чтобы Носов сперва единожды описал нашего убитого, повисшего на немецкой колючей проволоке, у всех на глазах провисевшего так всю зиму.

Из рукавов шинели торчали почти до локтей голые, иссохшие руки; казалось, этими вытянутыми руками он просил землю принять его, неприютного, скрыть от пуль и осколков, которые всё продолжали вонзаться и кромсать его тело.

А годами позже, когда посвободнела речь, — распахнуть нам и всё то поле на днепровском плацдарме при наступившем весеннем обнажении, уже зловонно тлеющее польце, где в разных позах перезимовали никем не убранные «битые солдатики»: их часть поредевшая была тотчас снята на пополнение, а пришедшие взамен: «это не наши лежат», что под обстрелом «дурную работу делать», ползать да хоронить? а потом до весны снегом закрыло всех. — И ещё шире, шире приходят воспоминания: и на госпитальном-то дворе мёртвых лежало выше забора; широкими розвальнями отвозили их до глубоких долгих ям, в которых прежде хранили колхозную картошку, наскоро выгребли смёрзшуюся гниль и приспособили под братские могилы. «Бывало, и по сотне, а то и больше в одну яму клали». «Никто не забыт, ничто не забыто». — Этих рыжих проплешин потом не пахали, а поперву голодные собаки туда бегали.

В рассказах Носова 90-х годов всё внятнее и тоскливей проступает сгущённая горечь покинутых, обездоленных, если не осмеянных, ветеранов Великой войны.

Теперь, через полвека, проступила у Носова, но безо всякого политического жара или упрёка, и подлинная картина советского обезумелого отступления 41-го года («Синее перо Ватолина»):

Весь день поджигальщики скакали окрест, тыкали в спутанную солому огненной паклей на длинных шестах. Жгли хлебный перестой, немолоченые копны, сено в стогах: «Никому дак никому!» Страшно было оставаться с неоплаченными трудоднями,

пустыми закромами и голодными детишками. На заготзерновских складах зерна сжечь не успели, только облили керосином, а кто-то из народа помешал. Слух прошёл — и туда, к станции, потянулись собирать зерно, кто с ручной тележкой, кто и на корове.

Вокруг складов, на железнодорожных путях всё засыпано пшеницей. А пшеница-то что твой перл, чистая, жёлтая — ну впрямь золото. А из складского нутра тошнотно шибает керосином. Ничего, окрестный люд не побрезговал, бросился набирать кто во что горазд.

По расположению своей мирной натуры, по скромной непритязательности, писатель такого склада не мог не отдать дани и добродушным рассказам о природе, и даже с благоговейностью к ней, её многомножественным силам и тайнам, доступным только внимчивому глазу, уху, обонянию, осязанию, — сокровенностям трав, кустов, деревьев, мелким птичьим событиям и повадкам. Целомудренной ненаročности с природой, интимности с ней, свежим, точным словам для пейзажных красок — внезапной ли радости позднего осеннего распогодья, расточительной буйности сохранённого клочка заповедной полынной степи или раздумчивой передвижке молодого месяца вдоль деревни, как бы пересчитывающего стожки на подворьях. И от каждого стебелька — свой запах, и медный отлив заката на пашне, журавлиный клик на болоте, по-весеннему горькое благоухание осин, косматыми старухами сгорбленные древние ракиты, разломистые раскаты грома над полями — и Онега, застывшая в белую ночь.

И все страницы Носова сочатся полнозвучными русскими словами, а в диалогах — живейший разговорный язык, в нём и характер каждого говорящего, и достоверно скрестившийся момент.

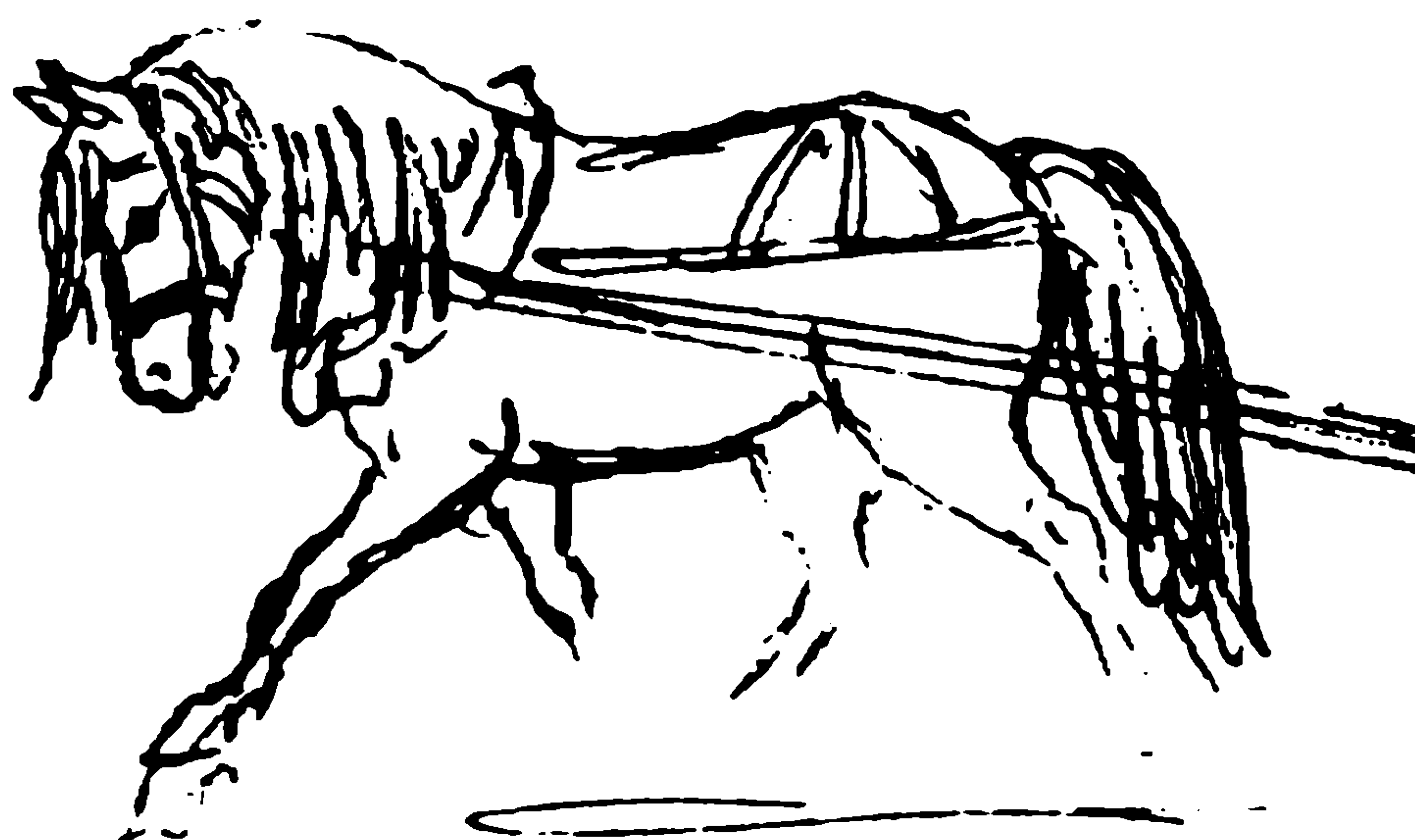
Из его слов:

укормистые луга	снеготал	переливная звень
обрывистое побережье	дурнотравье	ресницы ячменно лучились
корова выладнилась	приспособа — ж	захватистая пятка топора
бычок взмыкивает	намерзь — ж	шагалистая песня
паутиный голос	ветрополье	бегучий свет
каплезвонкий	засумерило	заволнобродило
затайки — мн	утонистая разновсячина (под косой)	

«Конны, людны и оружны...»

Из русской истории

ЗЕЛЕНАЯ ОХОТА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ

В середине XVII столетия «исполнять волю Божью» в российских пределах выпало Алексею Михайловичу из новопрестольного дома Романовых.

Это был невысокий, внешне неброский, крестьянского обличья человек — душевно мягкий, уравновешенный, редко возвышавший в досаде голос, за что и получил в народе свое известное прозвище — Тишайший. Но отнюдь не слабовольный, а устремленный, многодеятельный государь, успевший между прочим за своей тихостью прирастить Русь ногайскими и терскими степями, левобережной Украиной и неоглядной Сибирью, выйдя в лице казака Семена Дежнёва на берега Чукотки. Он обожал церковное многоголосье, в молодые годы сам участвовал в хорах, хаживал на спевки, любил уединенное чтение священных книг и всяких житейских поучений. Вместе с тем не чурался и светских развлечений: коллекционировал печные изразцы, привечал заезжих живописцев и даже устроил на Преображенке первый российский потешный театр, выписав для него из-за рубежа комедиантов и неведомый дотоле духовой оркестр, состоявший из диковинных витых труб, валторн и изначальных фаготов. Правда, оный театр из теса и бруса вскоре был сожжен усомнившимися в его пользе, а заморские актеры изрядно помяты и поколочены за непотребное действо на басурманском языке...

Одним словом, интересы царя Алексея проявлялись весьма многосторонне. И все же самой-самой сердечной его привязанностью было не храмовое пение, не книжная премудрость, даже не соколиная охота, хотя для нее содержал он отменных сокольников, а все ж таки наипервейшей оставалась тихая и неизменная страсть к земле. Не к беспредельному российскому пространству, а к живой, теплой, старательно взлопаченной грядке.

Само собой, поскольку все же царь, то и грядка у него была не одна, и не две, и даже не шесть соток, как ныне у простого смертного садовода-любителя. В одном только сельце Измайлове значилось два цар-

ских сада да два огорода. Измайловский, так называемый виноградный, сад имел в длину 210 сажень, или, по-нашему, почти полкилометра, да поперек 190, а кругом по канаве — 800 сажень. А еще ж садово-огородные угодья имелись на Пахре, на Воробьевых горах, в Коломенском, да в Чашниках, да в Котельниках... И это, поди, не все перечтено. В 1676 году, например, по приходно-расходной книге в Измайлове было взято 93 ведра смородины черной, 68 ведер красной, 11 ведер белой, 19 ведер малины, 25 ведер «крыжу», 12 ведер вишни. Вишен, на наш глазомер, что-то маловато собрано, да и то взять в соображение: сорта ведь не мичуринские, а ежели владимирка, то она хоть и крупна, да не всяк год плодоносит, а то, поди, дрозды с воробьями пошерстили, сколь их ни отпугивай. И ребятишки-пострелы тоже горазды, особенно ежели из царского сада...

Из овощей особенно много сажали огурцов и капусты. Оно и понятно: закуска отменная, а капуста-то во всех видах хороша: квашеной с яблоками, тушеной с гусем, и в жарких щах с грибами, особенно с маленькими опенками, и в пирогах, да и так просто в квашеных вилках... Зимы-то долгие, все подберется, да и челяди сколь! В отчетах, например, показано, что в том же году было снято 4767 кочнов измайловской капусты да 650 сотен огурцов. Правда, про картошку амбарные книги ничего не говорят, поскольку этот важный овощ до Московского царства тогда еще не дошел и не был раскушан, он только обживал гишпанские огороды и российской земли достигнет аж через сто лет, при Екатерине Великой, государыне зело просвещенной и любопытствующей во многих новых понятиях, в том числе и по части картошки.

Помимо морковки да редьки с репою и прочих подобных овощей на царских грядках во множестве произрастали цветы и полезные травы: тут тебе и кошачья мята от грудных простуд, да и просто для квасов и узваров, и клопец от кишечных колик, мелкоцветная пугливая рута от кровотечений, изоп и чабер с шалфеем, «девичья краса» для румян, драгун и ветрогонные ушки, «ногти», то бишь календула, и всякие маки — кумачовые, розовые с прочерню — в угоду душевному созерцанию и ради телесной пользы — для маковиц и рулетов, и много другого разного.

Однако царь Алексей, небось, и во снах видел на своих грядках нечто необыкновенное, диво дивное. Державшему путь в Англию послу князю Прозоровскому государь ревниво наказывал, чтобы присмотрел там у них да прислал бы оттуда «семян всяких, которые, чаять, на Москве взойдут». И по другим краям и землям просил он примечать всякое полезное зелье, дабы совместно с тутошними процветали в измайловских садах. Презилось ему, как прорастут и вольно раскинутся «огурцы кизельбашские, бухарские и турхменские дыни, диковинные тыквы-долгошей, индеягода, перец астраханский, кавказский кизель, да трава морена... А средь

яблонь и груш чтоб без утеснения росли финиково дерево, а еще тутово дерево да дерево бумажное (хлопчатник). Хотелось иметь и просто деревья или кусты без всякой от них пользы, а с тем только, чтобы не походили на свои, московские».

Оные мечтания привели царя Алексея к мысли, что следовало бы у себя под Москвой устроить образцовый питомник, который бы «взростал» и лелеял богатство растительного мира других стран, включая и отдаленные, непохожие области собственного государства.

Особый интерес царь Алексей проявлял к тутовнику, имея в мыслях завести собственное шелководство: уж больно ломили южные купцы за каждый локоть материи. Еще толком не ведал, что это за растение, в каких условиях произрастает, устоит ли против крещенских морозов, а уже наказывал в Симбирск воеводе Дашкову: «Буде тутовое деревье растет кустами, и ему бы [Дашкову] прислать к Москве 100 кустов, да тех же дерев нарезать черенков, сколько мочно, и прислать то все на ямских подводах... чтобы то деревье на Москве рассадить нынешней осенью до заморозья».

Надо полагать, первая попытка завести собственное шелковое дело не удалась из-за того, что не нашлось к нему сведущего человека. И царь шлет новое предписание в Астрахань воеводе Одоевскому: «В Астрахани или на Тереке сыскать или из-за моря призвать тутовых садов садовников, самых добрых, которые б умели тутовый сад завести на Москве и промыслить семени тутового дерева и шелковых червей... да тутового молодого деревья с землею и с кореньями с Ахтубы-реки или откуда пристойно прислать к Москве». Не желая отступить от своей мечты, царь на всякий случай наказывал, чтобы, кроме «шелковых» мастеров, «которые умели б червей кормить и шелк делать», еще «таково мастера сыскать, хотя дорого дать, кто б умел завести и червей кормить таким кормом, который бы был подобен туту или ис тутового дерева бить масло и, в то масло иных деревьев лист или траву обмакивая, кормить червей и за помощью Божиею завести шелк на Москве». А в другом наказе дьякам и воеводам царь неутомонно хлопочет, дабы «с иноземцами уговоритца, поставить всяких шелковых красок самых добрых, чем шелк красить... Красильников, которые б сумели красить шелк всякими цветами и знали, в каких местах, где такие краски есть, травы и леса растут».

Столь же деятельное старание проявил царь Алексей и в отношении «бумажного дерева», то есть хлопчатника. «Чтобы в Астрахани у иноземцев, — отсылался он к тому же Одоевскому, — сыскать семени бумаги хлопчатой самого доброва, сколько мочно, и садовника знающего, самого же доброва и смирнова, который бы умел завести бумагу на Москве. А буде в Астрахани семени не сыщется, и боярину, и воеводе семени подрядить вывести из-за моря... и мастера призвать из-за моря ж». И еще: «Ткачей (сыскать) которые бы ис хлопчатой бумаги умели делать миткали, кисеи, киндяки, фереспири, бязи и бумагу».

Вот, оказывается, из какой одержимости возрос еще более одержимый Петр Великий — знаменитый сын царя Алексея!

А между тем в Измайлове, как и в других подмосковных вотчинных селах, уже несколько лет кишело народом великое устроение. Первоначальный царский план создать образцовый питомник преобразился в намерение обустроить разветвленное многоотраслевое и высокопродуктивное хозяйство, центром которого стало бы Измайлово, состоявшее до того из бывшего двора боярина Ивана Никитича Романова, государевой псарни да трех десятков крестьянских и бобыльских дворов. Так выглядело Измайлово к началу правления царя Алексея. Затеяв переустройство, Алексей Михайлович в течение каких-нибудь нескольких лет превратил это невзрачное селенье в благоустроенную хозяйственную усадьбу, возглавившую целую систему пригородных сел и деревень, объединенных в единый хозяйственный комплекс.

В общей сложности было сооружено 5 каменных риг, каждая с 5–6 печами, с каменными же токами от 30 до 75 сажен в длину; 9 мельниц, при некоторых из них каменные амбары и каменные же плотины, из которых, например, плотина на виноградной мельнице была длиной 87 сажен, шириной 12 сажен и вышиною 3 сажени; построены хозяйственные дворы: конюшенный с шестнадцатью денниками, тремя людскими избами и четырьмя фуражными амбарами; житный двор с двадцатью житницами; запасной двор с несколькими погребами; льняной двор со всеми надобностями. А еще — винокурня да стеклянный завод; наконец, несколько порядков изб для переселенных мастеров-садовников, огородников, стекольщиков, каменщиков, колесников и иных дел спецов и всякой дворовой обслуги. Еще же выкопано было аж 37 прудов разного назначения: под поливы, мочку льнов, но и под рыбу тож: чтоб были лещи с лещами, лини сами по себе, сазаны тоже отдельно, стерлядка же со стерлядью. Были заново разбиты обширные сады и овощники, в садах же поделаны искусные беседки, а в виноградном саду сверх того еще и диковинное сооружение, в коем «ходят колеса с часовыми стрелками». Промеж всего этого и на видном месте была построена церковь и начата другая.

О размахе работ не менее наглядно свидетельствуют и затраченные материалы. Так, только на измайловские плотины было обожжено и доставлено 800 тысяч штук кирпича и 5 тысяч возов песка. На разные постройки вывезено из Рузы 10 тысяч сосновых столбов «в отрубе поларшин», да из Черноголовской волости в один раз вывезено 30 тысяч бревен, в другой же раз — еще 40 тысяч, причем только в первый завоз понадобилось 993 подводы. Из солотчинского лесу было доставлено 40 тысяч тесниц, 6 тысяч лубов, 5 тысяч драниц. Сверх Москвы-реки на стругах сплавлено 9800 штук камней стенных аршинных, трехчетвертных и полуаршинных, да таких же камней числом 80 тысяч было доставлено из Мячковской волости.

Взглянет читатель на сии выкладки, а про себя подумает с укоризной: хорошо-де царю такое затевать, ежели все ему подчинено, все подвластно и холопий труд подневольный, неоплатный, ну разве что за одну артельную похлебку. Но, оказывается, нет, не за похлебку трудились тысячи людей, не под хлыстом и окриком, как писалось недавно в школьных учебниках. Вот, например, какой список припасов (помимо денег) предъявили царю 47 каменщиков, подрядившихся делать каменные погреба на Аптекарском дворе. Было затребовано 250 четвертей¹ муки «оржаной», 250 четвертей сухарей, 25 четвертей круп овсяных, 20 четвертей толокна, 10 четвертей гороха, 5 четвертей снетков, 50 пудов соли, 20 пудов масла коровьего, 5 ведер масла конопляного, 150 пудов ветчины, 50 пудов соленой белуги, 50 пудов осетров, 10 пудов икры, 200 сазанов, 5 ведер жиру рыбьего, 100 ведер вина, 50 четвертей солоду «оржаного и ячменного молотого».

Оную договорную бумагу подавали сперва в Тайный приказ, ведающий такими делами, а уж оттуда главный приказный дьяк нес показать царю. И вы думаете, царь Алексей ужаснулся, изменился в лице, гневно затопал ногами, дескать, откуда взялись такие наглецы: одной черной икры подавай им десять пудов! А ветчины, а вина сколько! Скрутить и пороть за такое лихоимство! Нет, ничего этого царь не выкрикивал, а, помяв бороду, сказал обыденно: «Ну-к што ж, пускай делают...»

Но это еще не всё в договоре. Имелось в нем и такое требование: «И чтоб были к тому каменному делу всякие снасти: ломы и топоры, ушаты и лопаты, и заступы, и шайки, и носилки, и гребенки, и свайные ступы, и льки, и веревки, и лес подвязной, и лестницы, и тщаны большие, и точила, и что к тому делу понадобится — тес, бревна и гвоздь — то все ис государевой казны. А быть у того каменного дела государевым двум лошадям с телеги и с хомуты, что понадобится к тому делу привести». На что царь Алексей кивнул: «И это пусть...»

Спрашивается, для чего же царю иметь столько садов и огородов, рыбных прудов и хлебных мельниц, запасать столько огурцов и капусты, «оржаного» солоду, толокна и прочей разной снеди? А затем, чтобы деньгами не тратиться, деньги в те времена были дороги, каждый рубль сосчитан, и проще было платить натурой. Вот и требовалось этой натуры несметное количество, потому как едоков набиралось препорядочно. В Измайлове, например, нанималось более 600 жнецов у «ражаного жнитва», да около тысячи жали ячмень и овес, а еще 750 косцов убирали пшеницу. Значительными партиями нанимали также чистить лес, луга, пустоши, дороги. «Недельные» (сезонные) работники пололи травы и цветы, готовили землю под «виноградное семя».

Особую разновидность наемных рабочих составляли «дворовые люди»: в селах — сторожа, конюхи, коровники, воловники, птични-

¹ Одна четверть приблизительно равна 200 кг сыпучего вещества.

ки и клушники, мельники и засыпщики, кузнецы и токари, работники соляных и стекольных заводов; на Аптекарском дворе — ключники, «свешник и печник», «хлебные» и поваренные люди, овчинник и котельник, и к ним же опись присоединяла живописного дела учеников, «которые учатца у живописца у Дорофея Ермолаева».

Кроме людей, непосредственно занятых в разных видах труда, дворовых и администрации, на полном государственном обеспечении — «пьют и едят царское» — находились сокольники, весь штат Потешного двора, мастеровые Гранатного двора, государевы певчие, «верховые богомольцы», просто нищие, жившие на Аптекарском дворе, а также отдельные личности, не подходящие ни под одну из названных категорий, например «алхимист Миколай Дмитриев», «карла Тимофей», «дурак Елька» и превеликое множество захожих побродяжек и тунеядцев. И верно сказано: не оскудеет рука дающего! Тем паче что царь Алексей отличался удивительной отзывчивостью. Всякое событие из личной жизни окружающих его людей, радостное и печальное, или просто нужда вызывали в нем сочувствие, за которым тотчас следовало соответствующее распоряжение. «На свадьбу». «На приданое». «На родины и крестины». «На постригание». «На погребение». «На помин». «На пожарное разорение». «За полное терпение». «На окуп долгу». «На платеж» разных сборов. «На дворовое строение». «На лекарства от болезни». «На сапоги». «На шапку». «На кафтан». И вообще «на бедность» или «для скудости».

Даже стрелецкие жены с детьми, пока сами кормильцы находились в ратном походе, а тем паче — стрелецкие вдовы, едва ли не постоянно находятся под опекой государя, получая от него вспомоществование съестным и деньгами, соответственно рангу мужей.

Но особенно дожидались праздников, когда царь Алексей бывал по-праздничному благодушен и щедр. Это случалось обычно на Пасху, Рождество, Благовещение, Петров день или в знаменательные дни в жизни царской семьи. Иногда раздача даров принимала массовый характер. Государь обходил те церкви, при которых содержались богадельни, а также навещал тюремных сидельцев и полонянинов. В такие дни он прямо из своих рук оделял «бещетно» жалованьем, на что обычно уходило не менее тысячи рублей, а часто и больше.

Отеческое внимание оказывалось стрельцам, сопровождавшим в частых походах и выездах царя Алексея. Для стрельцов устраивались так называемые «царские кормления». На Аптекарском дворе, где находились главные винные погреба, выставлялись столы иногда сразу на тысячу человек и кроме обильных медов и пива выдавалось еще по три-четыре чарки вина к обеду с жарким и пирогами. Щедрые дарения устраивались набожным царем и для братии двадцати мужских монастырей и для сестер одиннадцати женских обителей. Так, в одно из празднеств в Чудов монастырь наряду с другими дарами на 170 человек персонала было послано

17 белуг, в Новоспасский на 157 обитателей — 16 белуг, а богомолицам женских монастырей отправлено еще и «вельми гораздо» пчелиного меда. И оттого, должно быть, в подобные православные празднества так весело и переливчато доносились колокольные звоны благодарных схимников, творивших молитвы во здравие государя и воспрянувшей из смуты многострадальной Руси.

1994

«КОННЫ, ЛЮДНЫ И ОРУЖНЫ...»

Промеж Дмитрием Донским и Алексеем Тишайшим, весь этот немалый период, охватывающий почти триста лет и который условно назовем нашим Средневековьем, русское воинство имело весьма постоянное устройство. На время войны оно состояло из поместной конницы, пешего разнолюдного ополчения и набора царских служилых людей, именуемых стрельцами. Завершив поход, войско снова распадалось: поместные конники возвращались в свои угодья, пешие ополченцы тоже принимались за обыденные дела, и даже стрельцы, числившиеся на постоянной воинской службе, шли не в казармы, а расходились по домам — к своим ремеслам, мелкой торговле, к усадебным хлопотам. Лишь в урочное время стрельцы, похлебав щей и поев каши, надевали на себя форменный кафтан, пристегивали к опояске саблю, брали в руки алебарду и выходили на царские наряды — нести стражу у городских ворот, исполнять патрульный догляд за обывателями или же оберегали царевы покои. В малых же окраинных городах служивые люди, они же и хлебопашцы, промеж своих дел блюли государственные рубежи. И так до тех пор, пока не грянет новый поход, который может не случиться ни в год, ни в два, а может, и того дольше.

Из всех перечисленных воинских формирований, возникающих на время войны, главной опорной силой государства являлась усадебная конница как наиболее подвижная, способная одолеть немалые российские просторы, особенно в вешнюю и предзимнюю распутицу, да и в зимние заметы тоже. Она была гораздо мобильнее нашего ополчения, имела при себе больше оружия, а всадники обряжены в более надежную кольчужную защиту, поскольку все это снаряжение доводилось не тащить на себе, а везти на коне.

Именно за эту свою конную службу поместные дворяне получали от государства кормные надель вместе с окрестными деревнями и холопами — кому сколь выпадало по чину и рвеню — и потому были обязаны являться в воинский строй «конны, людны и оружны» по первому же кличу государственных властей, то есть на коне, в необходимом вооружении и приводить с собой определенное количество конных и вооруженных слуг. Мало того, каждый

дворянин обязывался заведомо подать в воинский приказ извещение, или так называемую ревизскую сказку, в которой сообщалось бы, в каком качестве и со сколькими людьми, с чем и на чем намерен он предстать перед воеводой. Эти сведения нужны были воинским столам для того, чтобы заведомо знать, какое соберется войско — нечто вроде нынешнего мобилизационного плана.

Для наглядности рассмотрим одну такую заявку, которую подал в воинское присутствие некий дворянин Дурново. В своей «сказке» он пишет: «На службе буду на аргамаке, а на мне панцирь да зеркало и наручни, шапка-ерехонка да саадак с саблей».

Попробуем расшифровать эти мудреные названия. Ну, прежде всего, аргамак — это конь, главное достоинство воина. Но не просто какая-либо сивка-бурка, а жеребец кабардинских или «трухменских» кровей — «подхватистый, ходулеватый», то есть боевой кавалерийский конь отменных качеств и немалой цены, о чем горделиво намекает в своей заявке хозяин, называя его аргамаком.

А теперь займемся всадником.

Что означают слова «...на мне панцирь...»? Я не думаю, что их следует понимать буквально. Это вовсе не те рыцарские латы, каковые были обычно на Западе, где тяжелое защитное одеяние всадников диктовалось не только традициями копейных сражений, но и культом зрелищных состязаний, заставлявших рыцарей приобретать броские, впечатлявшие высоким кузнечным мастерством доспехи, укрывавшие воина с головы до пят, с роскошными перьевыми плюмажами на глухих шлемах-скафандрах. В таком сверкающем одеянии, верхом на укрытом декоративным покрывалом коне всадник производил должный эффект, особенно на своих поклонниц, но зато был неуклюж и грузен, так что под него требовался особый тяжело-весный конь. Ясно, что такое вооружение совершенно непригодно в условиях русских просторов, где главным неприятелем были подвижные и стремительные лавы степных кочевников. Так что панцирь на конном витязе Дурново — не что иное, как долгополая кольчужная рубаха, не обременявшая тяжестью ни всадника, ни коня, но вполне надежная против татарских стрел и сабель, тем паче что на ее груди прикреплены стальные пластины, названные в «сказке» зеркалами.

Шапка-ерихонка — весьма изысканный булатный шлем с рубчатым оголовьем, увенчанный фигурным шишаком. Шлем имеет надглазный козырек, а уши и шею обороняют узорно отчеканенные наушники и кольчатый подзатыльник. Такая «ерихонка» дорогого стоит и не каждому даже дворянину по карману. Она говорит нам о том, что обладатель был не только состоятельным человеком, но и отменным воином, высоко чтущим свое призвание.

Что же касается саадака, то это слово, если буквально, означает лучный чехол, но так называли прежде весь оружейный комплект: и сам лук, и его хранилище. Саадак был предметом особой

заботы всадника. Он служил как бы его геральдическим знаком. Из сотни налучных чехлов нельзя было отыскать два одинаковых по отделке. Обычно шорничали его из прочной воловьей кожи, иные мастера по желанию воина обтягивали сверху цветным сафьяном, а по сафьяну инкрустировали серебряным и даже золоченым узорочьем, силуэтами зверей и сказочных сиринов, а то и жемчужным бисером. По виду саадака определялась дородность и знатность владельца. Правда, встречались и простенькие, деревянные, ежели хозяин пребывал в упадке и денежной ветхости.

Кроме лука и колчана со стрелами воин непременно имел еще и саблю. Предпочтение отдавалось клинкам дамасской выделки, купленным у персидских купцов, или же трофейным, добытым на поле боя, особенно отнятым у знатных татарских мурз.

Между прочим, тогдашний российский рынок располагал уже достаточным выбором огнестрельного оружия. Уже вошли в стрелецкий обиход разнообразные пищали, мушкеты и разного рода огнебойные рушницы и самопалы. Но пищали массой в восемь-девять килограммов были для всадника тяжелы и громоздки, а более легкие пистолы — малоэффективны, поскольку обладали убойной дальностью не более пятидесяти метров. Поэтому конники по-прежнему предпочитали верные, испытанные луки — легкие, безотказные и скорострельные, разившие врага аж на двести — двести пятьдесят метров!

Некоторые исторические документы позволяют оценить губительную силу стрелы. Так, в 1616 году туляк Остафий Иванов подал челобитную о денежной нужде: в бою с татарами он был «ранен из лука в грудь промеж титек, а стрела вышла в спину, а лечился собою, и лечеба стала в 7 рублей». На челобитной оставлена помета: «Дать три рубли». Рязанец же Михаил Никитин, сообщая о победе над «многими крымскими воинскими людьми» в 1633 году, помянул, что под ним «конь из лука застрелен наповал».

Заметим, что с властями не было твердого уговора, какое оружие иметь при себе на сборах. Отправляясь в поход, каждый был волен избрать бердыши ли, булаву, пику, боевой топор, крючную секиру и прочее разное. Казалось бы, от этой вольности конница могла иметь самое разномастное вооружение, что не очень-то способствовало бы желаемому успеху. Однако чувство самосохранения и трезвая оценка накопленного опыта диктовали избрание самого действенного оружия. Получалось так, что оружие выбирали не сами конники, а его навязывал тогдашний противник. Каков враг — такова на него управа. А тогдашним врагом были преимущественно золотоордынцы и крымчаки, нападавшие внезапно, летуче, как степная саранча. Стало быть, и самим русским конникам надо было быть тоже налегке и как можно подвижней. Вот почему вскоре после Куликовской битвы исчезли тяжелые мечи, хотя и рассекавшие татарина вместе с его кольчугой до самого седла, но орудовать ими

было тяжело и не споро, особенно в краткой горячей сшибке с вертким татаринном под всплесками его легкого и опасного клинка.

По этой же причине отошли в прошлое копья, которые славно послужили в старом дружинном построении. Вспомним из «Слова о полку Игореве», где Всеволод говорит брату:

*А мои куряне —
тебе ведомы воины:
под трубами повиты,
под шеломами взлелеяны,
с конца копья вскормлены...*

Но избыло древнее ратное устройство дружины, а с ним утратили свое грозное назначение и странные долгоостные копья. И даже легендарные червонные щиты, некогда перегораживавшие от края до края Дикое поле и при одном виде которых принимались трусливо лаять половецкие лисицы, — даже они оказались обузой. Ныне перестали биться стенка на стенку, как прежде, в стародавние времена, все больше прибегали к обману, засадам и погоням, а в скоротечном рассыпном бою, где каждый рубился сам по себе, щит даже мешал обзорности и связывал бездействием левую руку. Теперешние воины все больше полагались на добрую кольчугу и крепкий булатный шишак.

С падением Казани, а вслед за ней и Астрахани российская граница далеко отодвинулась к юго-востоку. У подножья ее пограничного столба заплескалось Каспийское море. Набеги татарских орд заметно поубавились. Тревожили российские пределы лишь вылазки крымчаков, которые случались все реже и реже. Кто бы мог подумать, что эта многолетняя борьба с Золотой Ордой, эта славная победа русского оружия погубит ее былинную конницу..

Пока где-то за Коломной, за Рязанью, за Тулой таилась опасность, а ржанье в ночи чьих-то коней заставляло вскакивать и вслушиваться в темень, неведь что копившую за чертой окоема, — под крышей служилых людей обитали воинский дух и неусыпная готовность вскочить в боевое седло. Но проходил год, другой без тревожных вестовых дымов, невостребованно пылились по клетям боевая снасть и оружие, один по одному дряхлели и уходили из мира покрытые шрамами ветераны, а их место занимала новая помещная поросль, уже не столько служивая, сколько все больше пахотная, озабоченная более всего думой о том, соберется ли нынче дождь или хватит затяжная сушь, влекущая за собой изнурение хлебного поля. В зевотном однообразии провинциальной глуши нарождалось новое сословие, тяготеющее своей обязанностью являться на воинские сборы, а тем паче оставлять уют и усладу сельских пенатов и тащиться неведь куда за неверной судьбой, в чужие пределы, откуда можно и не вернуться...

Случавшиеся смотры государеву воинству проводились все более формально, без должного соответствия поданным «сказкам». Так, в одном из тогдашних отчетов читаем: «Князь Дмитрий Долгорукий и сын его Владимир оба служили с 141 двора и привели за собой 20 вооруженных людей, а князь Борис Троекуров с 1163 дворов привел не 188 человек от числа дворов, а только 17». В костромском смотре при 443 дворянах оказался 181 человек дворовых, из них на конях только 42 человека, а остальные пеши и пригожи только для коша (обоза). При некогда «с конца копья вскормленных» курских 1824 дворянах состояло только 11 бойцов, и лишь один из них оказался вооруженным пищалью. В трех станах — Старорязанском, Понисском и Перевицком — при 388 поместных было 255 дворовых, но к бою годных оказалось только 24, остальные были записаны в обоз.

Из этих грустных примеров очевидно, как ловчили и исхитрялись государевы воинские услужники, как не хотели они раскошеливаться и тратиться на полный списочный состав рекрутов, дабы явиться как положено — «конно, людно и оружно»: ведь это означало, что каждого ведомого за собой человека надо было снарядить оружием, посадить на коня и обеспечить кормовыми запасами. И поговаривали промеж собой резонно: «Дак царское смотрение — ишшо не война, пошто ж напрасленны траты? Вот ежели война, тади другое дело... Або мы без понятия?»

Известный российский писатель конца XVII — начала XVIII веков Котошихин писал о таких воинских сборах:

«На конницу смотреть стало стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьем владеть не умеют, не только выстрелить в цель».

О том же свидетельствует художник-историограф Иванов на своей известной картине «Смотр служилым людям». Перед бороатым дьяком, восседающим за столом прямо на городской площади, предстал поместный конник. На нем мятая тряпичная шапка с опушкой, поверх овчинного кожуха напялена куцая кольчужка, приобретенная, поди, еще в молодые годы, на пояском кушаке — зачехленный лук и сабля, а еще — не то наголовник, не то походный котелок для похлебки. К седлу же подвязана обвислая торба со снедью, а под седлом — мослатая сивая лошаденка с прогнутым хребтом и неприбранной куделистой гривой...

Но добро бы так, а то ведь иные служивые стали появляться на конном смотре и вовсе безлошадно, с одной только сабелькой на боку, которая, поди, невесть сколь годов не обнажалась... Да ведь и впрямь ходила тогда такая присловица: «Дай Бог великому государю служить, да саблю из ножен не вынимать».

Но вынимать ее пришлось-таки...

Тем временем фронт государственной опасности повернул с татарского юго-востока на польский запад и шведский северо-запад. Ливонские походы российского воинства обернулись тяжелыми не-

удачами. Поместная конница, прежде успешно сражавшаяся с отсталыми в военном отношении кочевыми племенами и татарской Ордой, не ведавшими огнестрельного оружия, на новых фронтах столкнулась с регулярными войсками западного противника. И хотя конным дворянам были спешно выданы закупленные мушкеты и пистолы, не обученные огневому бою ополченцы не шибко поимели от этого пользу. Оно и в самом деле: конному воину, оскудевшему боевым опытом в своем долгом деревенском сидении, скача в седле, набивать пистоль порохом, досылать пыж, потом закатывать пулю и опять запыживать и всего один раз бабахнуть было весьма хлопотно и обузно. Иные конники забрасывали свои самопалы за ненадобностью и, как прежде, хватались за саадаки... Ну да швед — не татарин, стрелой его не шибко прошибешь, поскольку надежно оборонен кирасами и прочим поковочным доспехом, а мушкетный строевой бой заведомо упреждал стрелу, густо сыпал пулями и косил рясно и убойно.

Неглупый царь Алексей, тоже натерпевшийся неудач в военных спорах с поляками, в конце концов отступился от своих неосуществленных стратегий. В горьких своих раздумьях о напрасно потраченных душах, государь решил распустить остатки конного воинства, почти триста лет «конно и оружно» оберегавшего Русь от напастей.

Тогда-то и были изданы его указы о новой российской кавалерии — учреждении первых рейтарских, гусарских и драгунских полков с полной огневой экипировкой, полковыми штандартами и боевым построением. В то же время мастерские Оружейной палаты получили дополнительные наряды на сверление мушкетных стволов и производство казенных замков к ним. Все наличные мастера были загружены срочной работой до предела и сверх того. В Туле же нашлись разбитные умельцы и отлили несколько фитильных гранат для пробы. «Ну, швед, уж тебе!» — реготали оружейники, дивясь на свое новое изделие. Правда, граната получилась тяжеловата, весила она поперва аж двадцать пять фунтов. Ну да тут же докумекали, что оную бяку надобно не бросать швырком, как задумывалось, а лучше конно завозить во вражеский строй, скажем на пушечную батарею, оставить ее там, а самому втемеже скакать во весь опор восвояси.

Возможно, сама затея с гранатой была весьма сомнительной, и выдумщики даже не решились доложить о ней царю. Но царь Алексей, прослышав, с пониманием распорядился: «Опробовать натурно, авось дельно сие».

Начатая кампания по новому устройству войска, однако, не совсем успелась: у царя Алексея не достало времени... И Россия было поутихла в ожидании Петра. Тот же, как мы уже знаем, не пощадил ни своего, ни иных животных ради будущего величия России. И сам через то стал великим!

Слово о моем друге

Творческие портреты, предисловия, рекомендации

ДА СБУДУТСЯ НАШИ НАДЕЖДЫ!

Я пишу это письмо за тысячу с лишним верст от Вологды. Из моего окна видятся совсем иные дали, чем у вас там, на Севере. Первая зелень уже нежно и празднично приукрасила сбросившие снежный покров холмы. Они грядами уходят к горизонту, открытые, безлесные, когда-то в старину называвшиеся Диким полем. А над холмами — необозримое степное небо в весеннем сиянии облаков. Это моя родная курская земля. Здесь покоятся мои предки, здесь останется после меня мое продолжение.

Но уже с давних пор в душе моей приютилась нежность еще к одной земле на другом конце России, которую люблю с тихой и неутолимой радостью. Это – Вологодчина. Люблю за пронесенную через века и испытания русскость, за сдержанное достоинство ее людей, за неброское, застенчивое небо, тишь озер и березовую светлость ее далей. А еще за то, что там живут мои товарищи по перу, дружба с которыми уже давно переросла в единоутробное братство, и это чувство родства, подобно многоцветной радуге, перекинулось между нашими городами и землями. И потому в эти дни я мыслями и сердцем там, у вас, где свершается большое и важное: дорогому другу моему Виктору Петровичу Астафьеву исполняется пятьдесят лет!

О том, что Виктор Астафьев — большой советский писатель, вам, вологжанам, хорошо известно. Известно это и всей стране. О нем знают и за ее пределами, ибо книги Астафьева переводились почти на все важнейшие языки мира. Тем более нет никакой нужды перечислять названия его книг. Скажу только, не опасаясь впасть в субъективность, что, не будь в нашей литературе Астафьева, при всей ее талантливости и разнообразии, она оказалась бы неполной, и эту брешь уже не мог бы заполнить никто другой. Такова особенность его неповторимого, уникального дарования.

Откуда же оно, это дарование? Где его истоки? В каких университетах пестовалось и холилось оно, обретая свою сияющую огранку?

Иногда в печати промелькивают сообщения такого рода: кто-то там ОДИН на резиновой лодке переплыл океан, кто-то пробыл несколько месяцев в полном ОДИНОЧЕСТВЕ в карстовых пещерах и т. д. Да, видимо, это действительно подвиг, проявление человеческого духа... Но я не представляю Виктора Астафьева в этой роли одинокого героя. Больше того, совершенно убежден, что Астафьев непременно не вернулся бы из такого эксперимента живым. Нет, это не просто слабость нервов. Это — совершенная неспособность жить без людей.

Несколько дней тому назад мы с Виктором Астафьевым обитали в одной московской гостинице, правда в разных номерах. И все трое суток его комната была полна народу. Уму непостижимо, откуда только узнают о приезде Астафьева! Студенты, художники, редакторы, писательская братия, просто знакомые и даже полужнакомые... Когда ни заглянешь в его номер — утром ли, днем или поздно ночью — во всякое время там полным-полно. Кто-то ораторствует, кто-то что-то жует, а то и просто спит на койке хозяина. Сам же хозяин, весь закуренный гостями, ни разу по-человечески не поспавший, с валидолом под языком вот уже трое суток стоически выдерживает это нашествие и на все мои досужие резоны лишь весело отшучивается: «Пусть, пусть ребятишки попомонят!»

Я не знаю другого человека, кроме Астафьева, который вот так легко, запросто и непринужденно сходил бы с людьми. Уже через пять-десять минут после первого знакомства вы ощущаете радостное чувство доверия к нему, хочется говорить и говорить, делиться сокровенным, такое впечатление, будто он давно знает вас, а вы — его.

Есть у дедушки Сабанеева такое наблюдение: дескать, наш обыкновенный речной ерш слывет среди рыбьего народа за редкостного лекаря. Всякий хворый, будь то солидный лец или шалапут-пескаришко, непременно норовит тирануться больным местом о бок ерша, покрытого будто бы чудодейственным бальзамом. С Виктором Петровичем люди ищут встречи по схожим причинам. Есть в нем нечто такое, что исцеляет душевные раны, смуту и прочие человеческие неурядицы. Нет, он не волхв, не старец-кудесник. Но есть, есть у него к людям особое слово — и в книгах его, и изустно.

Он и сам когда-то нуждался в такой поддержке, в теплоте и отзывчивости и на всю жизнь сохранил в себе эту святую благодарность за людскую доброту. Так уж случилось, что вся его жизнь прошла по миру и зависела только от чужого участия. Раннее сиротство, детский дом в забытой Богом тогдашней Игарке, ФЗУ, фронт, передовая, госпиталь, послевоенная разруха... Как бы мог пройти через все эти жестокие жернова одинокий мальчишка, искалеченный войной юноша? Как — не будь к нему сочувствия со стороны?

Вот в этой-то сыновней благодарности народу и надо видеть истоки его писательского дарования. Там же, среди людей, кончал

он и свои университеты, набирался ума-разума, который теперь перерос в глубокую творческую мудрость.

И последнее, что я хотел поведать о своем друге.

Веселый он человек! Шутник и балагур. Любой зал, любую аудиторию заставит смеяться. Но приглядитесь повнимательнее к нему: в его глазах не только одни смешинки, где-то за ними всегда присутствует раздумье, а порой и печаль... Смех для него — лишь с годами выработанная защита. Еще стриженным детдомовцем понял, что хуже ему придется, если не научится смеяться над собой, над своими неудачами, сиротскими бедами. И там, под пулями, в промозгом фронтовом окопе, этот астафьевский смех помогал смелее глядеть в глаза. Да и потом он не раз выручал и теперь выручает. Так и повелось: Астафьев? Этот оторвет! С ним не заскучаешь!

Но если вы хотите увидеть Астафьева в самой сокровенной его сущности, откройте его книги и углубитесь в них. Там он весь, без щитов и забрал, полный трепета, любви и сострадания ко всему живому, полный дум и забот о вашем сегодняшнем и завтрашнем бытии.

Итак, Виктору Петровичу — пятьдесят... Для художника — это золотая пора созревшего таланта. Подобно ручейку, когда-то пробившемуся из недр, он теперь обрел спокойствие и силу большой многоводной реки, из которой всякий жаждущий может черпать, не боясь мелководья и оскудения. И мы с волнением будем ожидать новых астафьевских книг в новой его поре.

Да сбудутся наши ожидания и надежды!

1974

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Хочется начать со стихов, которые сами собой пришли по торжественному случаю:

*Даты, даты...
У одних они просто
Времени серые версты.
Для других,
Для упрямых,
Это — времени шрамы,
Боевые награды солдата.*

Незадолго до своего юбилея Михаил Михайлович Обухов заглянул ко мне повидаться, поговорить, а я, уже настроившись писать о нем, слушал и наблюдал за юбиляром с определенным пристрастием.

Передо мной сидел без всяких «еще», а просто крепкий семидесятилетний человек, и я испытывал какое-то хорошее, легкое чувство от вида его упрямого монголистого лица без каких-либо признаков ветхости, от здорового оптимизма и шумной манеры разговора. Право, приятно видеть вот такого жизнерадостного, спорящего с неумолимым временем человека, который не нуждается в нашем ободрении и снисходительности, а сам ободряет нас, «молодых», своим завидным обликом и крепкой закалкой против всех и всяких невзгод.

И вообще, слушая его в тот вечер, я тут же размышлял, несвязно и калейдоскопично, о самом разном, что было сопряжено с течением, ходом и бегом времени и с его, Михаила Михайловича, семидесятилетием.

Думалось: а ведь он и до сих пор еще пишет стихи, такие же мальчишески горячие, как и в двадцатые годы.

Или: революция застала его подпаском. А что было бы с ним теперь, если бы не грянула эта гроза?

Или, скажем, такое: я родился всего лишь на двадцать лет позже Михаила Михайловича. Для истории такой отрезок времени ничтожно мал. Но вот сравните: когда Мише Обухову было двенадцать лет, он батрачил у хуторского богатея; когда же исполнилось двенадцать лет мне — я был в это время во всесоюзном пионерском лагере «Артек»...

Всего на два десятилетия позже, но уже огромный кусок биографии моей страны приходил ко мне только из книг, кинофильмов и музеев. Эти двадцать лет были для меня историей, тогда как Михаил Михайлович сам был очевидцем и участником великих свершений.

Мальчишкой, бывало, наведываясь в музей, я с завистью прирагивался к конармейским буденновкам и клинкам. Для меня это было необратимое далеко, как «Слово о полку Игореве».

А вот он, Миша Обухов, успел поносить чоновскую трехлинейку за плечами.

Ныне мы с ним современники, но там, в начале пути, нас разделяет целая историческая эпоха. Иное детство, иная юность, иные университеты...

Увечные калек бесславной империалистической войны; вдовий рев и запустение казачьих куреней без пахарей и кормильцев; гром революции и взмыленный галоп вестовых с ленинскими декретами; братоубийственная сеча расколовшихся на два непримиримых лагеря казаков, когда сегодня над сельсоветом трепещет алое полотнище новой власти, а завтра ворвавшиеся белые сотни устанавливают на плацу свежевытесанные виселицы, — все это было для Миши Обухова, как и для его погодка, обитавшего где-то ниже по Дону, Миши Шолохова, неотвратимой реальностью.

Такой же реальностью бытия были для него первые комсомольские хуторские ячейки, первые прочитанные под зыбким светом коптилки случайные книжки, когда в ночи вдруг грохали вражеские обрезы, первые селькоровские депеши... И первые поэтические строки, художественные образы, еще неясные, трудноуловимые, но уже не дававшие спать возбужденной бурными событиями мальчишеской душе.

В этом смысле Михаил Обухов, сегодняшней, семидесятилетний, для меня, а тем паче для более молодого поколения — сам человек-музей, на полках памяти которого хранятся священные образы и вехи уже далеких для нас событий.

Но еще более важное — они бережно занесены и хранятся за обложками его книг. И в этом смысле для меня он — летописец своего времени.

Михаил Обухов — свидетель и участник становления нашего государства. Он был также очевидцем и участником становления новой, пролетарской культуры на ее южном, донском фронте, ибо литература — тоже фронт, тоже битва за сознание людей, осложненная послевоенной разрухой, голодом, неграмотностью, беспощадностью классовой борьбы со своими, рукопашными и трусливыми, ударами в спину. Горячий, напористый хуторской паренек, красный сельсоветчик Миша Обухов, прибывший в Ростов, сразу же снискал крепкую поддержку таких неистовых глашатаев нового, какими были недавний красный контрразведчик Владимир Ставский, командир бронепоезда Александр Бусыгин и дальневосточный партизан Александр Фадеев. Общность интересов и творческого пафоса сдружила их накрепко. Вместе они выступали перед рабочими Лензавода, ДГТФ (Донской государственной табачной фабрики), трампарка, в клубе торговых и советских служащих, в аудиториях Ростовского государственного университета. Вместе же обсуждали только что написанные главы знаменитого фадеевского «Разгрома».

По воспоминаниям Михаила Михайловича, тогдашняя ростовская Ассоциация пролетарских писателей считалась одним из самых боевых объединений России, ибо Ростов в недавнем прошлом был перекрестком ожесточенных классовых схваток. Не случайно на материалах бурной донской и азово-черноморской действительности рождались такие шедевры, как «Тихий Дон» М. Шолохова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Хождение по мукам» А. Толстого. Тогдашний Ростов стал политической и духовной кузницей и для самого Михаила Обухова.

Какой же личный вклад в нашу литературу внес Михаил Обухов? Думается, что этот вопрос не нуждается в особых комментариях. Вклад этот весом и хорошо известен советскому многонациональному читателю. Тетралогия М. Обухова «Ястребовы» занимает видное, прочное и почетное место на полках общественных

библиотек. В советской романистике не так уж много примеров столь огромной масштабности произведений, исследующих конкретные судьбы людей на протяжении ряда поколений, каковым является четырехтомное повествование о братьях Ястребовых.

О том, что романы М. Обухова имеют немаловажное воспитательное и познавательное значение, свидетельствуют факты включения их в программу вузовских учебников и пособий. Назову для примера хотя бы такие: «История русского советского романа» (издательство «Наука», 1965) или «История русской советской литературы» под редакцией проф. Выходцева П. С. (издательство «Высшая школа», 1970).

Тетралогия М. Обухова — это, по сути, художественное исследование развития советского общества на всех его исторических этапах: от первых большевистских прокламаций в хуторской и станичной дореволюционной глуши до великой битвы с фашизмом. Последний роман из этого цикла — «Жизнь не остановить» — своим завершением простирается еще дальше, затрагивая проблемы послевоенного восстановительного периода. А если сказать точнее, то рубежи романтических полотен простираются от 1910-го по 1962 год включительно. Что и говорить, труд воистину фундаментальный!

Разумеется, такие глобальные произведения были не под силу раннему Обухову. Тогда он писал только стихи, да и то больше по молодому наитию, по природной одаренности. Но и для них порой не хватало элементарной грамотности. Маяковский, послушав в 1926 году молодого поэта, порадовался его самобытности и таланту, но нашел малоподготовленным и посоветовал учиться. И Михаил Обухов всерьез взялся за образование, поступив в Ростовский университет. Психология, история, философия пленили и ошеломили жадного до знаний паренька. С каждым месяцем занятий он с радостью чувствовал, как ширится его кругозор, как поднимают крылья науки к желанным высотам, откуда все отчетливее просматривалась диалектика человеческого мироздания. Вот теперь и писать бы!

Но Михаил Обухов не спешил. Окончив университет, он на долгие годы ушел в учительство, сознательно выбирая сельские глубинки. Там он пристально приглядывался к подспудным общественным процессам, так нужным его будущим произведениям. И лишь накопив силы и наблюдения, он в 1934 году сел за большую прозу.

Надо сказать, что все эти годы Александр Фадеев пристально следил за судьбой своего ростовского соратника, за причудливой картой его странствий на ниве просвещения и в 1937 году обнаружил его в одной из подмосковных сельских школ. Тогда же и было написано это полное участия письмо в Московское облоно:

«Знаю М. Обухова как очень талантливого автора, но загруженного работой. Как директор средней школы, он не имеет возможности доработать свою повесть. Прошу помочь ему в этом — дать

ему внеочередной отпуск на пять месяцев без сохранения содержания. Случай мы здесь имеем незаурядный, надо найти способы, чтобы помочь товарищу Обухову. В надежде на благоприятное решение вопроса. С коммунистическим приветом Ал. Фадеев».

Но этих пяти месяцев отпуска ему не хватило: задуманная было повесть просила поводов, перерастая в обширный роман. Не уложился он и в ближайшие годы. А потом грянула Великая Отечественная, и пришлось надевать шинель... Лишь в 1955 году роман наконец был завершён и вышел в свет.

В последующие десять лет, наиболее плодотворные, заполненные вдохновенной и непрерывной работой, одно за другим пишутся ещё три крупных произведения: «Разные судьбы» (1959), «Корни вырастают в землю» (1960), «Жизнь не остановить» (1962).

Многие непосвященные тогда удивлялись небывалому феномену, неправдоподобной писучести автора, наивно не догадываясь, что такой мощный залп из четырех романов общим объемом в тысячу пятьсот страниц готовился долгие и долгие годы. Теперь уже можно сказать, что это было делом и смыслом всей его жизни. И этот подвижнический труд вызывает у всех нас чувство почтительного уважения.

Партия и правительство высоко оценили заслуги писателя-коммуниста, наградив Михаила Михайловича Обухова в день его шестидесятилетия орденом «Знак Почета».

Но что же дальше? Кажется, все мечты сбылись, можно спокойно почивать на лаврах?

Бывает у нас такое: напишет некто мало-мальски сносную книжицу и уже притомился, уже снисходительным и небрежным оком мыслителя посматривает на суетный мир...

Надо близко знать Михаила Михайловича, дабы не задавать ему столь банального вопроса: что же дальше? А дальше все то же: работа, работа и еще раз работа. С детства, с пастушьего кнута, привыкший к труду, не позволявший себе расслабиться на протяжении всей жизни, он и теперь не мыслит себе ни дня без работы. Подъем, как и в молодости, с восходом солнца, и скорее — за стол, за которым он проводит по десять — двенадцать часов в сутки. Теперь это даже и не привычка. Теперь это сама его жизнь — в мире образов, поисков и находок. А на столе, как в тиглях алхимика, парят, клубятся горячей лавой новые творения. Одержимый замыслами, ни одному из которых не отдавая предпочтения, он работает сразу над несколькими вещами: тут и роман о сельских учителях «Но каждый день немножко золотой» — плод его многолетней преподавательской практики; и новая повесть о Гражданской войне — «Повесть о верности»; и еще один роман о современности — «Чужим светом»; и «Кузнец своего счастья» — книга раздумий о путях и судьбах отечественной литературы, о давних и теперешних встречах

на писательских перекрестках: воспоминания о Грьком, Алексее Толстом, Серафимовиче, Сейфуллиной, Петре Замойском, Артеме Веселом, Маяковском, Исаковском, Шолохове... Кстати, главы о Шолохове уже опубликованы Академией наук СССР вот только что, по случаю юбилея автора «Тихого Дона». Вместе с тем «Кузнец своего счастья» будет и своеобразной исповедальной книгой. А еще работа над стихотворной поэмой «Кондратий Булавин», фрагменты из которой уже отобрал для публикации журнал «Дон».

— Иногда настигает усталость, — признается Михаил Михайлович. И тут же лукаво смеется: — Нет, не физическая, а ритмическая. Понимаешь? Устаешь от некоторого однообразия прозы: все-таки роман — дорога длинная. И тогда переключаюсь на более оборотистые ритмы. Пишу стихи с упоением, как мальчишка. Прав, сколько радости в работе над стихами! Какое чудесное и благотворное обновление наступает во всем тебе!

И вот читаем такое откровение:

*Я так писал,
что время забывал,
Я так писал,
что ночи в ключья рвал,
И сами закрома седых веков
Дарить вдруг начинали
слитки слов.
А тут уже вступал
закон литья.
Ему с годами обучался я.*

Так неистово и самозабвенно Михаил Михайлович работает и сегодня.

Вот почему я и помянул ранее, что в свои семьдесят он не нуждается в ободрении, а всем своим обликом и примером ободряет нас, молодых. И оттого приходит хорошее и легкое чувство сопричастности, когда общаешься с этим жизнеутверждающим человеком, вовсе не стариком.

Всем бы пожелать быть такими стариками!

1975

ВЫСОТА

Юбилейный разговор с друзьями о поэзии

Поэту Николаю Корнееву исполнилось шестьдесят.

Если каждый прожитый год приравнивать к ступеням некой условной лестницы, то человеческая жизнь — восхождение по стремянке. С этой лестницы уже никому не спуститься к исходным пе-

рекладинам, и чем выше поднимается человек, тем невозвратней зрится прожитое, где уже ничего ни убавить, ни прибавить.

Однако восхождение это понимается по-разному. Для одних оно — простое количество перебранных ступеней. Для иных же восхождение во времени — процесс качественный: чем выше над собой сегодняшним, тем шире горизонт и мудростью проясненный обзор.

Вся поэзия Николая Корнеева — это борьба за человека, за возвышение его над самим собой. Диапазон его обширен — от терпеливого разъяснения высших нравственных постулатов до гневного обличения обывательской сущности, которая всегда, во все века стремилась низвести смысл человеческой жизни к карабканью по чинам. И если уж достигалась какая-то вершина, то не более как куча движимого и недвижимого хлама.

Обыватель всегда страшится такого счета ступеней, который связан с поступью отдачи. Его пугает высота своей необратимостью, потому что он живет собой. Он готов отвалить любую мзду за утопию омоложения, дабы вернуть себя к прежней поре процветающего эпифита. Но, бессильный предотвратить неизбежное, с годами он все больше начинает брюзжать, вздыхать по ушедшему потребительскому прошлому, и подозрительно прислушиваться к пищеварению, и заглядывать в Библию, ища там лазейку в бессмертие.

О человеке без отдачи у Николая Корнеева есть такие сдержанно-горькие строки:

*Стоит мертвое дерево,
На корню догнивая...
Древком древо не стало,
Мачтой в солнечных рейсах.
Не легло оно шпалой
Под звенящие рельсы.
Нет, не стало ни рамой,
Ни столом, ни бадьею,
Ни подпоркой упрямой,
Ни могильной ладьею.
В очаге не сгорело,
Никого не согрело.*

К обывателю поздно приходит истина, а чаще не приходит вовсе, так что в конце лестницы жизни у него лишь один итог — забвение. Но пока итог еще не близок, он надменен, как сытый ворон из стихотворения Н. Корнеева «Ворон». И хотя эта мрачная птица восседает на мертвом суку, который «никого не согреет», взгляд ее осуждающ, как дуло «вороненого пистолета». Но поэта не смущают этот инквизиторский прищур и черная тога бесстрастия:

*Он столетие напролет
Проживет без любви, без песни
И без радости проживет.*

Прожить с песней — это не значит жить припеваючи, подрынькивая на гитаре. Прожить в радости — не означает беспечное мелькание по Сочам и Золотым Пескам. Песни и радость — понятия не расхожие, и даются они не всякому, хотя всяк волен толковать значимость своего существования на свой лад и в свое утешение. Они сопутствуют лишь горению, бескорыстию и готовности к самопожертвованию, они — спутники Человека и Гражданина.

Именно для Гражданина восхождение на убеленную высоту всегда связано с обращенностью в будущее, ибо он думает не о себе, а о судьбе своего народа, и эта его озабоченность зовет его к новой высоте и новому горению. Как мы знаем, горение в естестве — проявление энергии. А в человеческом смысле — проявление творческих сил и созидания, неоглядный расход этих сил на общественное благо и общественное самосознание, где кредит всегда превышает дебет, и это означает бескорыстие.

Так — до последней ступени, до конца дней своих — только вперед, к солнцу. И в этом непрерывном подъеме духа и заключены песнь души и радость бытия:

*Отпустило.
Не надо «скорой»,
Сто боев еще впереди!
Будто вдруг
извлекли осколок —
Весь в зарубинах —
из груди.
Сердце — к солнцу!
Под свой шатер
Солнце
громко меня позвало.
Рад я, рад ему,
как шахтер,
братством поднятый
из обвала.*

Вот так вот: от смерти в глаза сразу глазами — к солнцу.

В прошлое же поэт глядит без сожалений, без слезливого воздыхания о своей былой румянощекости. Николай Корнеев частично потерял зрение на фронте. Вот как он пишет об этой своей утрате:

*Повязку черную носил я,
Но ей лица не зачеркнуть,*

*И гордых девушек России
Ей никогда не отпугнуть.
Они своей обходят лаской,
Любовью верной и большой
Не тех, кто с черною повязкой,
А тех, кто с черною душой.
А если говорить без фальши
О зренье, остроте его, —
Я сердцем вижу глубже, дальше,
Чем до раненья моего.*

О том же, что будет где-то там, за шестидесятилетием, Николай Юрьевич думает лишь с одной тревогой:

*И меня обжигает стыд:
Как я мало еще исполнил!*

Нет, двусмысленности в этих строках не ищите. Не о бранных благах печется поэт. Не об отсрочке ради пустого прозябания. Не о приобретении, а об отдаче — всего себя, до последней неостывшей мысли, — думает он. А что касается отсрочки, то вот его ответ все тому же сыто нахохленному ворону:

*Не отдам ни одной минуты
За вороны полтысячи лет.*

Собираясь писать эту статью, я преднамеренно хотел уйти от цитат, дабы не дать себе увлечься взволнованными и умными стихами моего друга. Но, как видите, не удержался и чувствую, как неодолима потребность и дальше приводить его стихи и строфы, ибо ничто — никакой комментарий, никакая интерпретация — не способны заменить самого искусства. Поэзия Николая Корнеева — это не торжественные эрмитажные залы, где все благоговейно ходят в мягких тапочках и говорят шепотом. В ней я чувствую себя, как в мартеновском цехе: здесь напряженный гуд горячей плавки, здесь жар и рабочий пот, каскады искр и зарево над бегом раскаленной мысли по поэтическим изложницам, в которых остывают только что рожденные строки, чтобы потом сверкать и радовать строгой четкостью формы. В его стихах даже сама весна, тысячекратно воспетая другими поэтами в образе некой красавицы с цветочным венком на русской голове, предстает по-корнеевски своеобразно, полная кипучей преображающей энергии, едва ли не в рабочем фартуке:

*Весна пришла
и наяву
из камня выжала траву
и высекла огонь из тучи.*

Но все же на этом воздержусь от цитат. Пусть читатель сам полистает в библиотеках его книжки, а я подскажу лишь, как они называются. Это — «Передний край», «Так начинается лето», «Окоем», «Янтарь и гранит», «Дорога», «Моя подорожная», «Свет дня», «После полудня», «Проникновение», «Неспокойное солнце», «Равноденствие», «Память». А днями вы получите его новый, я бы сказал — итоговый сборник.

Книжки эти невелики, их легко вложить в боковой карман, как некогда на войне засовывали за пазуху походный сухарь. Настоящая поэзия мне всегда представлялась именно таким хорошо прожаренным ржаным сухарем. И пусть вас не пугает это сравнение. В отличие от сырой буханки хлеба, из него выпарено все лишнее, оставлено лишь сухое концентрированное вещество. Да, о сухарь иногда ломают зубы и дерут рот. Но какая же это поэзия, которую, как размазню, заглатывают, не жуя? Но зато не забыть аромата, когда неспешно разжуешь кусочек! И дымом, и домом, и полем, и Русью, и вольною волей повеет от крошки его. И ты изумлен: из чего?

Вообще-то многие пытаются разгадать это «из чего?». Из чего рождается поэзия? Откуда в ней этот непостижимый аромат «и дома, и дыма»? И не только разгадать, но и вожделенно проникнуть в ее горячий цех. Иные даже умудряются заручиться контрамарками в виде членских билетов, которыми удостоверяется поэтическая личность. Но увы, справка, даже с печатью, — это еще не доподлинное свидетельство. И нет такого учебного заведения, где бы научили, как это делается. Как подделываться — этому еще научиться можно. Но подобная дипломированная мимикрия сразу же линяет, как только она оказывается перед лицом читателя. Мудрая природа искусства избегает опасного перенаселения, которое ведет к пресыщению и девальвации самого искусства. Один из моих друзей заметил, что если бы все небо было сплошь усыпано звездами, то мы не увидели бы самих звезд. Истинный талант редок и будет редкостью вовеки, и потому он имеет значимость всенародной ценности.

Лес велик, бессчетно в нем деревьев, кустарников и всяких цветов и трав. Каждое из этих растений по-своему прекрасно и полезно. Но в том-то и дело, что их много, потому они своим сообществом и составляют лес. А вот женьшеня в этом лесу может оказаться всего один корешок. Или вовсе не оказаться. Видимо, и здесь, в лесу, природа позаботилась о том, чтобы избежать пресыщения, не дать каждому лопуху мнить себя корнем жизни.

В нашем курском полуторамиллионном крае Николай Корнеев как поэт (как ни крути) пока единственный и неповторимый.

«Да полноте! — воскликнут некоторые Фомы. — Расписал! Знаем, видели...»

Что ж, обыватель любит ниспровергать. А если это не удастся, то хотя бы приравнивать к самому себе. Дескать, и мы такие же...

Да, Николай Юрьевич, в общем-то, в толпе довольно обыкновенен. Ни пиджаком своим, ни башмаками не удивит. Карман не оттопыривается от ассигнаций, собственного автомобиля не имеет, ходит пешком по курским улицам, где его и можно встретить нос к носу.

*Я женат,
Но уют не выстроен,
И коврами паркет не выстелен.*

А однажды, посмотрев на себя чужими глазами, написал как на духу:

*...Низкорослый мужчина,
Неспортивных кровей,
С поперечной морищиной
Меж косматых бровей,
С той скуластостью голой,
Что дана ему в дар
От татаро-монголов,
От монголо-татар.
Невезучий разведчик,
До нелепости прост,
Он с войны лишь увечье,
А не славу принес.
Он делами своими
Никого не потряс.
Не гремит его имя,
Удивляя Парнас...*

Некоторые, узнав Николая Юрьевича поближе (но, разумеется, неглубоко), пробуют переиначивать в умах, убавляя то, что им кажется излишним, и добавляя то, чего, по их мнению, ему недостает. Совсем так, как гоголевская Агафья Тихоновна, которая мечтала «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...» Возможно, из этой маски и получилось бы некое благовидное и благонравное существо, но... не стало бы самого Николая Юрьевича — со всеми его достоинствами и человеческими слабостями, какого мы знаем и любим. А главное — не стало бы поэта. Но ведь обывателю на поэзию ровным счетом начихать, было бы только все внешне округло и гладенько, по его мерке. Тут к месту вспомнить один презабавный случай: в художественную мастерскую пришел новый завхоз. Его неприятно удивило, что мольберты стояли, на его взгляд, без всякого порядка, создавая дурное впечатление разболтанности и отсутствия дисциплины в коллективе. На другой день, когда художники пришли в мастерскую, их

станки были аккуратно выстроены в одну шеренгу и накрепко приколочены к полу гвоздями...

Николая Юрьевича должно принимать таким, каков он есть, без приклеивания чужих носов и ненужной дородности. Тем паче не след приколачивать к полу его мольберт. Да и сам Николай Юрьевич просит учесть:

*Я хожу и дышу, как дышится.
Я сижу и пишу, коль пишется.
Не люблю баловаться красками.
Не хочу прикрываться масками.*

Во всем его облике — как он подает и доброжелательно пожимает руку (а подает он ее всегда по-корнеевски обезоруживающе открыто, еще за несколько шагов вынося вперед); как говорит — порой бритвенно-остро, чаще с добродушным хорошим юмором, с милой корнеевской грассировкой, всегда блистательно умно, пересыпая свои слова чужими поэтическими строками; как с достоинством носит свой недорогой костюм и аккуратно повязанный галстук — во всем, до последнего волоска в его седине, нам видится поэт, человек редкого жизнелюбия, и в шестьдесят ни на йоту не растративший юношеской окрыленности, человек рыцарской щепетильности и светлого, легкого аскетизма и беспретенциозности. Будучи эрудирован во всех возможных сферах познания, он доставляет истинную радость в дружеской беседе, и воистину наступает праздник, когда Николай Юрьевич начинает читать стихи — свои, но больше чужие. За четверть века дружбы с ним я слышал его бессчетно раз, но и до сих пор он не исчерпал своих запасов и вряд ли исчерпает когда-либо. От Державина и поэтов пушкинской плеяды, не говоря о своем кумире, Александре Сергеевиче, от Тютчева, Фета, Некрасова, Бальмонта, Брюсова, Есенина, Ахматовой до Маяковского, Багрицкого, Уткина, Светлова, Ручьева, Смелякова, Твардовского, Дмитрия Ковалева и многих десятков современных поэтов — больших и маленьких, столичных и совсем малоизвестных, глухотоманных — хранит их строки его уникальная память. Да что там строки — наизусть читает целые поэмы! И, бог ты мой, как прекрасен тогда бывает Николай Юрьевич!

Поэтический слух Николая Корнеева безупречен, как слух музыканта. Даже в обыденной, разговорной речи он не терпит, когда кто-либо искажает слова, не там ставит ударение, проявляет пренебрежение к нормам родного языка. Для молодежи он — строгий, нелицеприятный учитель, его ни в чем не умолить, не выпросить послабления, и эти его розги многими потом помнятся с благодарностью. Можно с полной убежденностью сказать, что все, что выпорхнуло за последнюю четверть века из нашего края поэтически

стоящего, воистину соловьиного, — прошло через его строгие руки и чуткую душу.

Шестьдесят ступенек лестницы... В этой поре обычно складывают инструменты, вытирают паклей руки и уходят на заслуженный отдых. Но вот поэтическое интервью, взятое по этому поводу у самого Николая Юрьевича, который и впредь намерен

*Не скучать за двойными рамами —
Обрастать боевыми шрамами.*

1975

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛОНЕЗ

В предзимний день 1920 года в дальнем курском селении, в известной крестьянской семье родился мальчик. Нарекли его тихим именем Михаил, Миша, созвучным камышам, шепотливым раки-там по берегам Неполки, ветреным шорохам окрестных нив и дубрав. И фамилия ему досталась тоже тихая, негромкая, созвучная тому же — Шорохов.

Миша Шорохов... Мальчишка как мальчишка, каких немало появилось на свет после затухания Гражданской войны.

И все же была у паренька особая примета — его необыкновенные глаза, наполненные незамутненной родниковой ясностью, глядеть в которые нельзя было без внутреннего смущения от их вопрошающей распахнутости и голубизны.

Эти глаза, поди что, и на самом деле были какие-то не такие, потому как не давали мальчонке ходу, всему заставляли удивляться, даже тому, что казалось обыденным и не замечалось другими. Бежит ли по былинке божья коровка, распустился ли цветком колючий подзаборный чертополох — остановится Миша, подолгу разглядывает этакую невидаль.

Такая «медлительность» не пришлась по душе суровому отцу, хотевшему видеть в сыне надежного и расторопного помощника в крестьянском непровороте. Разве мог он знать, что в этом белобрысом задумчивом мальчонке уже тогда было, как говорится, всевышне заложено иное предназначение?

Первые его рисунки были обнаружены в темном запечье. Подобные наскальной графике, они были исполнены углем на глиняной печной обмазке: цветы, кони, веселые человечки с воздетыми кверху руками. С этого все и началось...

И все-таки сначала было Слово.

Еще в дошкольные годки матушка, снаряжая сына пасти на лугу гусей, вместе с лепешкой клала в торбочку тяжелую Библию. «Не глазей по сторонам зазря, а лучше вникай в книгу, — наставляла она свое чадо. — В школу пойдешь — уже читать будешь».

Трудна славянская вязь, но иных книг на деревне не было, и, лежа на траве под ракитой, любознательный паренек упорно распутывал кудрявые письма. Слово по слову, строка за строкой, песнь за песнью, и незаметно для себя очаровался музыкой древнесловия: «...Иже везде сый и вся исполняяй... прииди и вселися в ны, и очисти ны...» Не все понимал, но радовался слухом, будто звукам струны. И на всю жизнь заболел вниманием и любовью к Слову как исходному компоненту поэтического творчества. Потом до преклонных лет наизусть читал почти всего Пушкина, Лермонтова, Есенина и огромные полотнища классической прозы, всякий раз закрывая глаза и надолго замолкая в тихом восторге после прочитанного.

В первый сельский класс пришел начитанным и жадным до науки. И хотя не каждый год доводилось ходить в школу, репутация первого грамотея держалась за ним до того времени, когда он, закончив семилетку, решил всерьез учиться на художника.

Я встретился с Михаилом Степановичем Шороховым уже в зрелые годы.

Позади — юношеская учеба в Елецком художественном училище, которое ему пришлось оставить: грянувшая война потребовала Суворовых, но не Репиных... Однако за четыре года войны Суворовым он так и не стал, но дотянул до артиллерийского капитана. Изнуряющее бездорожье, черные гари российских деревень, пустые глазницы порушенных городов, ржавые остовы сожженных эшелонов и кровь, кровь... Под Бреслау довелось пролить и свою... И лишь после этого, припадая на изувеченную ногу, при боевых орденах и медалях Миша Шорохов объявился в своей запустелой деревне.

Зимние времена в обезлюдевшем селе тянулись долго и трудно, а по весне попался в чуланчике старый измятый елецкий тюбик, отвинтил колпачок, и — голова закружилась от волшебного, манящего в иные миры разбуженного запаха киновари! Уложил чемоданчик, поклонился старикам, осевшей углами хате, речке Неполке и укатил с попуткой в неведомое.

Москва, однако, отвергла его притязания: не набрал нужных баллов. И тогда махнул на юг, на манящий шум прибоя. В Одессе повезло: фронтовика снисходительно приняли в училище, дали угол в общежитии. Но вскоре подкралась осень, море свинцово завраждовало с опустевшим берегом. Казалось, что больше здесь ничего и не было, только вздыбленная вода и затоптанный песок. Да еще чужой суматошный город, как-то не принявший русского деревенского мечтателя.

На зиму снова воротился под родную крышу, в соседнем селе учил ребятешек рисованию, а в следующее лето еще раз попытал

судьбу. И вот — Харьковское художественно-графическое училище! После него еще шесть лет харьковского же профильного института. Полжизни ушло на то, чтобы заполучить заветный диплом, а с ним — и право на творческую мастерскую.

И вот я впервые в этой мастерской. Вид у нее суровый, аскетичный, никаких атрибутов салонности: ни мягких диванов, ни коктейль-баров, ни интимных ширм для переодевания натурщиц... За холщевой перегородкой — дощатый топчан, на котором иногда коротал непогоду; разномастные приспособы для сиденья, подобранные в соседних дворах; на подоконнике — чайник, похожая на черепашку электроплитка, кастрюля для ухи. Тут же, в углу, — охапка удочек, зимняя пешня, резиновые бродни. Между холстов и картонов на простенках — пучки трав для ухи и чая, от простуд и прочей ломоты.

Сами же картоны и холсты — это Россия, нашенская, черноземная, вся в холмах, в знойных подмаренниках, в кудрях облаков над вековыми ветлами, ее проселки, зовущие куда-то, ее застенчивые деревеньки, обветшалые церквушки, жаркие хлеба и призрачные кони под тонким месяцем... И ее люди — все те, среди которых родился и рос, кто обихаживал страну, пока он долго и настойчиво учился владеть кистью.

На отдельной стене висела война. Он писал ее на обширных полотнах, как бы давая понять, что пережитые огненные годы невозможно вогнать в тесные рамы. Несколько массивных, тяжелых подрамников стояло фасом к стене — начатые работы, но требующие нового осмысления, поправки временем.

Это были главные его темы: Земля и Война.

Но была еще третья, к которой он относился с особым трепетом, — тема, черпаемая из родной словесности, ее поэзии и литературы, чему он был сыновне предан и благодарен. Так появилось пологно, посвященное поездке Щепкина и Белинского в Коренную пустынь. Потом возникнет мотив пушкинского Лукоморья, следом будет задумано внушительное философское полотно, в котором предпринята попытка осмысления рокового «ухода» Толстого.

А на грубых сосновых стеллажах покоились буквально кубометры отработанного картона — наброски, фрагменты, натурные уточнения, черновые композиции и этюды, этюды... Глядя на эту «девонскую» толщу, невольно изумляешься, какая же в ней спрессована уйма сил, душевной энергии и просто километров, отмеренных с этюдником за плечами по курским норовистым косогорам и в зной, и в морось, а то и в предзимнюю порошу...

И книга книг — истраченная временем, закапанная воском старинная Библия, почти всегда распаханная на каком-либо сюжете, а стало быть, до сего дня читаемая пристрастно.

Та ли книга? Не с пастушеских ли времен?

Нет, не та. Это была другая Библия, выпрошенная у знакомого сельского священника, но привязанность к ней осталась прежняя. Не столько к духу ее, сколь к самому Слову, к букве. Многое он помнил наизусть, держал в голове все царства и все имена от колена Иакова и перечитывал не из-за пробелов в памяти, а так, как перечитывают Пушкина или Толстого, всякий раз наслаждаясь чеканным письмом.

А еще среди картин, этюдов, красок и кистей обитал верный и понимающий сотоварищ — тульский баян. В минуты отдохновения он любил легкомысленно и озорно поперебирать его пуговицы. А то вдруг завздыхают, застонут меха мощным, насыщенным полонезом Огинского. Полонез волновал его высоким драматическим пафосом, жаждой духовной свободы. А сыграв, долго молчал, как бы дослушивая музыку в самом себе. «Да-а...» — отрешенно говорил он, зачехляя дорогой инструмент в уверенности, что после такой мелодии больше играть ничего нельзя.

Он не стеснялся работать прилюдно, во всяком случае, при мне он продолжал топтаться у мольберта, порой отступая и оценивающе щурясь. На каком-то тычке флейцем он вдруг освобожденно поворачивался ко мне, сияющий неповторимой шороховской улыбкой.

На нем был синий расхожий халат, какие выдают техничкам, белая холщовая кепочка с захватанным козырьком, а на ногах, несмотря на лето, — теплые суконные боты: давали о себе знать обмороженные на фронте ноги. Оказалось, что оба мы были ранены в один и тот же день — 8 февраля 1945 года, только я — в Восточной Пруссии, а он — в верховьях Одера. Знаменательно и то, что оба отлежали в госпиталях по полгода и вышли из белых объятий в одном и том же месяце — июле.

— По этому удивительному случаю надобно состряпать братскую уху! — воодушевился он и решительно отложил кисть.

Не помню теперь, о чем были наши самые первые слова. Скорее всего, о милых пустяках: о рыбалке, снастях или о том, где и на что клюет... Но неизгладимо помню, как заморозил меня этот его необыкновенный лучистый взгляд, полный какой-то исцеляющей доброжелательности и расположения. И эта его прямота, и ясность суждений, и обезоруживающее послесловие, завершавшее всякий разговор: «Да все будет хорошо!» И я сразу поверил этому Человеку, почувствовал, как что-то распахнулось во мне навстречу и как самому сделалось легко и защищенно, будто мы стали спина к спине...

Так, наверно, происходит со всяким человеком, когда он встречает доброту и бескорыстие. В нем действительно было что-то от

прежних подвижников, от строгой внутренней схимы, отрицающей мзду как одну из унижительных скверн.

Он написал десятки портретов чем-либо заинтересовавших его людей и раздал их в знак благодарности за то, что эти люди терпеливо и многократно позировали ему, а он испытывал радость от возможности работать над образом и живого общения с избранной натурой.

Музей отобрал один из его холстов для своих экспозиций. Оценочная комиссия предложила за эту работу семьдесят тысяч рублей в ценах 1991 года. Однако он отказался от этой немалой суммы только потому, что на картине был изображен его друг и единомышленник, за которого брать деньги считал для себя недопустимым.

Был случай, когда он уступил несколько своих работ заезжим французским перекупщикам. Но не за франки, а попросил взамен привезти из Парижа тамошних красок. «О ля-ля!» — готовно закивали французы, радуясь удачной сделке, потому что краски во Франции стоят гроши. Зарубежные коробейники действительно привезли краски и были готовы обменять на них еще что-нибудь. Но парижское снадобье разочаровало художника, потому что оказалось хуже нашего. И красивые французские тюбики были розданы ребятишкам.

Кстати, дети окрестных домов иногда об руку с мамой, а чаще шумными ватажками навевались в мастерскую, и каждому находилось место, чистый лист бумаги, кисти и краски, доброе, приветливое слово. И даже чай из полевых трав с нехитрой карамелькой.

Некоторые из них всерьез загорелись желанием постичь живописное искусство и после подготовительной учебы в мастерской успешно поступали в различные художественные заведения. И эта кропотливая и деликатная возня с ребятней, вплоть до утирания носов, тоже обходилась без малейшего звяка «серебра»...

— Да вы посмотрите, что он вытворяет на бумаге! — восторгался маститый маэстро. — Нет, вы только взгляните, каков! Я в его годы только печку углем пачкал... Разве можно за это брать? Да этому надо только радоваться!

Через детишек, разносящих свои «художества» по всей округе, знали его и почтительно раскланивались все взрослые из окрестных многоэтажек — как простой незатейливый люд, так и в солидных чинах.

А еще знали и ласкались к нему все местные бездомные собаки: для них тоже находилось нужное утешительное слово и даже припрятанная косточка. Когда временами уходил из мастерской, целая свора больших и малых, лохматых и не очень, покусанных и скакавших на трех лапах провожала его — все чаще остуженно

покашливавшего, в наглухо застегнутом пальто, ломаемого болезнью — до троллейбусной трассы.

— Ну, будя, будя... — останавливался он на углу Ахтырской, доверительно говоря собакам полузабытым деревенским языком. — Дальше вам, беспаспортным, нельзя, дальше — милиция...

В последнее время у него зафонтанировала новая творческая идея. Вдруг один за другим принялся писать натюрморты. И тоже просторные, на больших подрамниках. Писал увлеченно, запойно, предаваясь какому-то неиссякаемому внутреннему празднику. Композиции составлялись не из подобранных изящных предметов — тусклого серебра, затейливых восточных кувшинов и фарфора, на что стала падка набирающая лоск российская буржуазия, а из охапок полевых цветов и трав, ворохов и корзин со всякой огородиной и вообще из всего, что произрастало и плодоносило в нескольких шагах от мастерской, за оградой знакомых бабушек. Какими, оказывается, роскошными могут быть раззолоченные зонтики укропа, фиолетовая плоть бобовых стручков, росные завитки капусты, винная синева спелых слив, янтарно сочащихся на разломе...

Откуда взялось это небывалое празднество красок и щедрого мастерства, дремавших прежде в каком-то подспуде и не востребованных то ли равнодушным временем, то ли нашим расстроенным зрением?

Работал он иногда сразу на нескольких подрамниках, чтобы успеть, потому что цветы и травы быстро увядали в одномоментных композициях. Жалел, когда вдруг надламывалась погода и приходилось включать люминесцент, скрадывающий полутона. Домой ходить не было времени, спал на топчане вполприщур, торопил ночь и сам спешил вдохновенно.

Извечное стремление таланта освободиться от бремени земных долгов и заполучить наконец свободу.

Но усталые его глаза сияли по-прежнему молодо и лучезарно.

— Это мой последний полонез, — говорил он своим друзьям.

Я сожалею, что напечатанный портрет художника не в состоянии передать эту живительную лучезарность. А заглянуть в его глаза мы уже не сможем. Недавно этот мудрый и добрый человек оставил свою мастерскую, не снятые с мольберта полотна, недоовещенные замыслы и ушел от нас навсегда...

Но память осталась в нас.

А еще — в тех детях, что забегали к нему порисовать. А это значит, что помнить о нем будут долго и хорошо.

1995

Летели самолетом в звонко-синем и малооблачном безбрежье, откуда видать сразу чуть ли не пол-России: едва отсверкал золоченым шпилем Московский университет, как справа по борту празднично высветились обновленные маковки Ростова Великого, но тут же вскоре из левых иллюминаторов открылось Рыбинское море — все в белой ряби, должно быть, гневное в этот ветреный день, а то и опасное для разбредшихся по нему теплоходов и барж, похожих сверху на кожурки тыквенных семечек. А даль Заволжья, насколько хватал глаз, кипела, кучерявилась ярославскими и костромскими сосновыми гривами...

От Вологды мчались поездом уже среди матерых северных лесов, почти без просветов обступивших горизонт, и товарняки, мелькая за окном белотелыми торцами аккуратно уложенных бревен, обдавали встречный скипидаровым вихрем.

С поезда сошли в Харовске — маленьком городке, насквозь пропахшем сплавным кряжем, щепой и опилками, с поленницами березовых дров, выложенными чуть ли не выше самих домов, с тесовыми тротуарами и напевным окающим говорком не очень шумливых улиц. Синий, самодельно покрашенный автобус отвалил от привокзальной площадюшки, шустро прикончил недолгие километры пригородного шоссе, недовольно урча, перебрался на ухабистый большак, и мы тряслись еще добрых полсотни километров до конечной остановки с таинственным названием Азла, что, как рассказывают, осталось от некогда обитавших здесь угрофинских племен.

Дальше машина не шла, и мы потопали пешки под вершинный шум сосен, тиньканье синиц и плотницкий перестук дятлов — все глубже в неведомые мне земли, с волока на волок, мимо островерхих стожков, одиноких, не знаю, кем накошенных, мимо ярко пылавших куртин кипрея у обочин, мимо все реже попадавшихся деревенок...

Я потому так подробно описываю это наше путешествие — самолет, автобус и наконец пешая тропа, — что оно напоминает мне путь вверх по реке, от устья до бьющего студеным ключом родничка. Недаром же слова «родник» и «родина» имеют общий корень, единый смысловой исток.

То было путешествие на родину моего друга Василия Белова, от которого пошла его любовь к Родине большой, путешествие к тому сокровенному, что однажды Твардовский назвал «основой основ поэтического видения мира».

Это видение мира у Василия Белова поразительно. Его книги способны вызвать ностальгию. В наш беспокойный, непоседливый век многие вологжане в разные годы и по разным обстоятельствам покинули свои исконные очаги и оказались кто на великих стройках Си-

бири, кто на степной целине, на Сахалине и Кубани... Но где бы они ни были теперь, как бы благополучно ни жили, каким бы почетом и славой ни были окружены за свои труды и заслуги, — прочитавши «Плотницкие рассказы», «Излуки» или «За тремя волоками», они закроют книжку с тихой грустью и благодарностью автору за почти осязаемую, зримую побывку в отчих краях, за приобщение к описываемым судьбам и событиям на земле вологодской, за колдовскую музыку слога, по-особому родственную им. И, смущаясь своей светлой растроганности, бережно обернув книгу газеткой, чтобы не маралась, понесут ее соседу: «Вот, почитай. Про наши места написано... будто дома побывал». И начнутся растревоженные воспоминания...

Впрочем, одних ли только земляков всколыхнут, взволнуют эти книги?!

Вот я, житель подстепья — земли открытых пространств, где и по сей день сохранились участки никогда не паханных ковылей, где иной говор и иные обычаи, больше тяготеющие к донской вольнице, где и поныне, в век тракторов, поют: «Вдарил шпорой под бока — конь летит стрелою», — казалось бы, что позвало меня в ту северную даль, к немоим истокам и родникам? Все та же зачарованность беловским словом, породившая во мне чувство неодолимой любви и к его земле, и к людям, населяющим эту землю. Так слилась моя степная родина с его лесной, как слилась она с прекрасными отчими краями других моих многочисленных друзей от Карелии до Дальнего Востока в нашу общую большую Россию. Правдивое и чистое слово художника не может принадлежать узкому землячеству, подобно деревенскому замшелому колодцу. Напротив, подлинное искусство, как река, сначала родившаяся где-то из-под укромного бережка, подкрепленная единомышленным братством влившихся притоков, течет полноводно и открыто для всех, всяк имеет доступ испить из нее, и тщетны попытки иных хулителей замутить и осквернить прозрачную глубину потока.

Но вернемся к нашему путешествию.

Где-то на склоне лесной гривы Василий шагнул с дороги к обомшелым валунам в зарослях дикой малины и черемушника и помянул меня за собой. Там, из-под камня, выбегал певуче поплескивавший жгут воды. Струя вымыла под собой воронку, унесла из нее все лишнее, отмыла глинистое ложе, обнажившиеся корешки черемухи. И эта чаша с водой, прозрачной, как самый дорогой хрусталь, непрерывно переполняясь, истекала через край ручейком, тревожившим и теребившим на своем пути травяную поросль.

— Последний волок, — сказал Василий, по-домашнему снимая пиджак и роняя его на кудлатый малинник. — Осталось минуть вон те сосенки.

Он пошарил по траве, разыскал сухую дудку морковника, спрятанную им еще в прошлый наезд, протянул ее мне:

— Давай попьём. Я всегда останавливаюсь здесь.

Я опустил дудочку в переполненную воронку, комарино потянул: вода была тяжела от подкаменного холода и вливалась в меня, как ртуть. Василий довольно сощурился, заметив, как заслезились мои глаза от студеной крепости ключа. Потом пил через трубочку сам, рассыпав по лбу мягкие мальчишеские волосы, и когда оторвался, мы оба радостно рассмеялись. Развалясь на упругом брусничнике, мы блаженно курили, целясь дымками в комаров и слушая вершинный убаюкивающий шум сосен, пока где-то на дороге не застучали развалисто ступицы колес. Могучая гнедая кобылица, мохноногая, гривастая, будто в наброшенной на шею бахромчатой шали, с небрежным безразличием сильной лошади везла двуколку. Дощатый кузовок повозки был заставлен пусто погромыживающими флягами. Молодая женщина с темным, дубленным, но миловидным лицом под белой косынкой восседала на широченной конской спине, свесив ноги в кирзовых сапогах на одну сторону и утвердив их на оглоблях.

— Хорошо ли с пустым пересекать нам дорогу? — крикнул мой друг, приподнимаясь на локтях.

— Василий Иванович! — изумленно встрепелась женщина. — А я размечталась, не заметила. Ой, да с бородой, надо же!

— Борода — не честь, борода и у козы есть, — отшутился Василий.

— Дак пошто не сказался, не зашел на маслозавод, подвезла бы, порожняя еду.

— Не зима, сам добежал в охотку. Вот чемодан, если можно, подвези.

— Ну как же, как же не подвезти!

Чемодан наш уехал с флягами, а мы, попив еще на дорожку, тронулись следом. И была по пути мне рассказана судьба этой женщины, сызмальства вот так и в зной, и в слякоть колесившей с колхозным молоком. Лучшие молодые годы провела она без семьи, не познав радости материнства, потому только, что не за кого было в войну выйти замуж ни в своей, ни в соседних деревнях. Но не покинула колхоз.

Василий, рассказавши это, поумолк, стал задумчив и все поднимал на дороге сосновые шишки и пошвыривал ими в чащобу, изгоняя таким способом подступившую к сердцу боль за судьбу встреченного человека.

Потом не однажды я видел его счастливо-веселым, видел в бесхитростной деревенской пляске с простенькой гармоньей на груди, но был он всегда открыт для чужого горя, был беззащитно раним и даже, случалось, убегал от меня, прятался в укромных лесных стожках, чтобы наедине отсидеться и пережить неладное, случившееся с односельчанином. Не потому ли так песенно-прекрасны создан-

ные им образы деревенских женщин. Вспомним хотя бы Катерину из «Привычного дела» — образ воистину некрасовского масштаба!

И еще встречались люди по пути, все знакомые ему, — ветхий пастух с батогом; тракторист, перегонявший куда-то обширные, как помост, связанные из целых стволов сани; колхозный бригадир в седле и женщина с бельем у речки, — и хотя многих он был тогда моложе вдвое, а то и втрое, величали его не иначе как по имени и отчеству. Это не было тем извечным угодливым подобострастием деревенского человека перед городским, полуграмотного — перед получившим институтское образование, а тем более перед званием писателя — звания еще не всё определяют. А это было то особое почтение, порожденное его книгами, той правдой в них, которую всегда ревниво и как-то болезненно-честно он оберегает перед своими земляками. Конечно же они читали всё, что написано Василием Беловым, иные, возможно, разбирали слова по складам, водя огрубелым пальцем по строчкам. Читали и дети, для которых он пишет столь же тепло и серьезно, как и для взрослых. Тем паче перед лицом такого внимательного и пристрастного читателя, ей-же-ей, трудно, невозможно, непростительно слухавить...

Вскоре открылась Васильева деревенька Тимониха. Разбежались вправо и влево леса, стало просторно и светло. Высокие теремные избы стояли на муравистом холме, у подножия которого увертывалась от лобастых валунов шустрая речушка с коричневой лесной водой. Тут же вскоре речка вливалась в задумчиво-тихое, окантованное лилиями озеро, отражавшее такое же тихое и задумчивое холстинковое небо. У воды, расставив лопушистые мохнатые ушки, похожие на пуховые рыжие рукавички, замер телянок. Должно быть, удивлялся себе подобному, глядевшему на него из ничем не замутненного озерного зеркала.

Что-то дрогнуло во мне счастливым узнаванием, но только спустя, постигая это свое первое впечатление, я догадался, что еще в далеком детстве видел такие картины в книжках с русскими сказками про Курочку Рябу, Козу-дерезу, про то, как посеял дед репку. Видел и эти стожки с непременно шестиком (по-ихнему — стожары) на макушке, и эти белокорые березовые изгороди (прясла), на которых тараторили вертявые сороки, и закопченные баньки понизу.

Сказки сказками, но знал я и то, как трудно жилось здесь в суровую военную безотцовщину, где, в общем-то, кроме этой репки, нечем было поживиться. Разве что еще гороховые стручки с колхозного поля, добытые тайком, скрашивали несладкое детство тогдашних ребятишек, в том числе и Васи Белова, тоже потерявшего на войне отца. Об этом времени великих испытаний Василий Белов написал в своей ранней повести «Деревня Бердяйка», которая, несмотря на многие драматические страницы, исполнена тонкого поэтического звучания.

В окне дома под вековой березой мелькнуло лицо, и вот уже на крылечко выбежала и прижалась к груди сына мать Анфиса Ивановна. Она выбежала босая, в простеньком платье, и лицо ее было удивительно просто — круглое, в девичьих конопушках, русые, такие же, как у сына, волосы мягко, будто платочек, округляли голову. Она минутно прослезилась, но тут же осветилась улыбкой и радостно запричитала те единственные для сына слова, которые всегда наготове к такому случаю у матерей наших.

Ну конечно, была истоплена баня, и стоял на большом, скобленном, ничем не покрытом столе самовар, пеклись бесподобные рыбки, подавались пуговичной величины соленые рыжики, янтарное морошковое варенье, отдающее медом, а вперемежку с чаем баловались черникой с молоком, которую разлюбезная Анфиса Ивановна преподнесла нам в огромном деревянном лотке. Я дивился домашней деревенской утвари, всем этим берестяным коробам, ендовам, братинам и туесам, давно исчезнувшим из нашего среднерусского сельского обихода. Анфиса Ивановна поясняла, что к чему, и слушать эту умную и милую женщину было истинным наслаждением! Оказывается, она много читает и, в общем-то, довольно осведомлена обо всех наших писательских делах и даже критических перепалках.

Вскоре мне окончательно стало ясно, что Анфиса Ивановна не просто мать, старый человек в доме, столь необходимый для писательского быта, но ко всему этому и помощница в том высоком смысле, в каком мы представляем роль Арины Родионовны в жизни Пушкина. Неисчерпаемый клад познаний старины, северного быта, обычаев, празднеств, давних песен, пословиц, поговорок, веселых побасенок некрасовского Пошехонья и просто своих наблюдений и толкований текущей жизни — сколько полезного мог взять у нее Василий для своего творчества! Вспомним для примера искрящиеся здоровым юмором «Вологодские бухтины».

Но даже самому автору подчас трудно определить, от кого что пошло. Вот, скажем, жил через дорогу от Беловых дед Федор Евгеньевич. Как-то слышим, вжикает пила: старик вышел попилить полешков про запас на долгую зиму. Завидев в окне Василия, дед приостанавливает работу, кличет: «Иди, паря, покурим». Выходим, все трое усаживаемся на бревнах, закуриваем. «Слышал я, собираешься ремонтировать. — Дед оценивающе глядит на Васильеву избу. — Дак и давай до холодов. И светелку тебе на чердаке выкроем. Оно, конечно, ежели перебирать...» И пошло, и пошло... Про венцы, про стропила, про шелевку, карнизы, наличники, водотопки, коньки, потом уже и про сами топоры пошла беседа, какой они бывают породы и предназначения... Не из этих ли вот порой препотешных, порой раздумчивых дедовских баек собрались те самые «Бухтины» и «Плотницкие рассказы»? Между прочим, познакомил

меня Василий и с прототипом своего будущего Ивана Африканыча. Тот зашел ввечеру на огонек, принес гостинец — торбу горбатых черноспинных окуней, высыпал их на пол: «Вот, Василий Иванович, на пирог тебе...» — и мы, присев на корточки, смотрели, как еще живые рыбины топорщили колючки и шамкали беззубыми стариковскими ртами.

— Где лавливал? — поинтересовался Василий, пугая окунем подкравшегося кота.

— Дак на лесном.

— Сходим, что ли, еще?

— Отчего не сходить... Завтра и сходим.

— А что, — оживился Василий, — цела ли за лесным озером старая осина?

— Стоит пока.

— Ах и хороша на долбенку!

— Подходяща, дак сейчас ее не взять. Зимой надо.

Мы помним из повести «Привычное дело», как Иван Африканыч отправился-таки за той заозерной осиной с давней мечтой выдолбить из нее челнок и как было не замерз в непроходимых снегах.

Потом мы пили чай, и наш гость, молчаливый, неразговорчивый, больше слушал, чем говорил сам. Пришел он в чистой, только что из сундука, исподней рубахе, схваченной тесемками у шеи, был гладко побрит и старательно причесан, со следами гребня на смоченных волосах. Видно, заведомо собирался в гости к Василию. Когда Анфиса Ивановна поближе пододвигала к нему угощение, он, прижимая большую ладонь к груди, повторял многократно: «Спасибо». «Премного благодарны», — сказал он и уходя домой. И опять приложил руку к груди. Многое от этого тихого и застенчивого человека я потом находил в герое «Привычного дела». Всего не расскажешь, с кем мы в тот приезд говорили и что довелось повидать, во всем сопутствуя Василию. Скажу только, что я увез непоколебимое убеждение: все, что до сих пор написал Василий Белов, бережно сверено им с жизнью высокой мерой ответственности большого и честного художника.

Возвращались мы тем же порядком: пешая тропа сменилась проселком, проселок — автомобильным большаком, наконец, железная дорога — путь в большой мир.

Летняя Вологда зелена, но не так многолюдна, как более южные города. Василий «угостил» меня видом родного города с высоты. Он раздобыл у хранителей древностей ключи от колокольни при вологодской Софии, отомкнул тяжелый неподатливый замок (подниматься на саму колокольню тогда, в общем-то, не разрешалось, как говорят, по причине ветхости ее лестниц), и мы шагнули в полумрак кирпичного цоколя. Лестница действительно была не для туризма, но мы не отступились. Василий топал впереди меня.

Наконец засветился выходной люк, и мы оказались на просторной площадке звонницы.

Высока сама по себе София, но даже и она со своими многочисленными золочеными крестами оказалась далеко под нами. И весь город предстал перед нашим взором как на ладони. В зеленых берегах и сама от них зеленая, не текла, а полноводно покоилась река Вологда. На многочисленных дощатых мостках толпились женщины, и ярко и пестро мелькало в их руках мокрое споласкиваемое белье. Время от времени стрежнем проходили то баржа, то чума-зый трудяга-буксирчик, то вихрево проносились моторки, и тогда гладь реки взбухла валами, смешивавшими зелень опрокинутых берегов с янтарем заката.

На той стороне дородные старинные дома и современные постройки перемежались с церквушками, которые Василий перечислил мне по порядку: слева, на изгибе реки, виделся изящный силуэт Сретения, прямо против нас рядом с Домом культуры вставал суровый в своей аскетической простоте храм Иоанна Златоуста, а справа, сразу же за многоарочным каменным мостом, высилось громадьё собора Дмитрия Прилуцкого. И сам всемирно известный Прилуцкий монастырь виден был хорошо, но только поодаль, уже за городом, на вольном пойменном лужке. Мимо его стен мчались архангельские, котласские, сыктывкарские поезда, а над его сторожевыми башнями разворачивались и ложились на курс узкокрылые стрелы современных воздушных экспрессов. И леса, леса окрест, уже размытые дымкой вечерающего дня...

Я исподволь, с молчаливой благодарностью за увиденное взглянул на Василия. Зоркие, озерной чистоты глаза его таили пытливый, неустанно творящий взгляд художника современности.

1973

ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Перед тем как начать эти строки я развернул карту моей курской стороны и долго вглядывался в ту ее полуденную часть, где к тонкой синей прожилке безымянного ручья прилепился похожий на рыбу икринку топографический кружок села Нижний Реутец. Из этой-то икринки и вышел в большой свет своеобразный и яркий художник Константин Дмитриевич Воробьев.

Родился он всего в одном дне ходьбы от моей деревни, и получилось, что некогда, еще мальчишками, мы видели одни и те же восходы и закаты, слышали одни и те же майские громы и, поди что, мокли под общими ливнями. Да и хлеб ели почти с соседних полей и жили и росли по единым обычаям, дошедшим к нам от общих наших предков-пахарей и воинов земли Северской.

Но так случилось в круговерти жизни, что не знали мы друг друга почти полвека и встретились (теперь горько сознавать это) лишь незадолго перед кончиной Константина Дмитриевича. И чувствую, догадываюсь, как нужны мы были друг другу, почти одновременно вступившие в литературу, трудно, вслепую искавшие туда дорогу, как важны были нам в ту пору взаимная поддержка и ободрение.

Открытие, что Константин Воробьев мой земляк, пришло не сразу, исподволь, через его книги.

Впервые я прочитал его более десяти лет назад, когда он был уже зрелым мастером. Это была повесть «Убиты под Москвой». В общем потоке тогдашней литературы о войне она остановила меня, как останавливает в картинной галерее, повергает в волнующее смятение, скажем, суриковское полотно «Утро стрелецкой казни». Повесть эта, будучи воистину оптимистической трагедией, поразила меня, как и все его последующие произведения, остротой и дерзкой смелостью письма, предельно обнаженным драматизмом, от которого буквально холодело сердце, каким-то особенным крутым замесом сюжета, человеческих судеб и характеров, своеобразием самой техники раскованного, энергичного мазка. Уже тогда я понял, что имею дело с писателем, обладающим недюжинной натурой и непростой личной судьбой.

Я давно заметил прямую, неразрывную связь между характером произведения и личностью ее творца. На этот счет вполне применима емкая русская пословица: каковы сами, таковы и сани. Человек по складу своему рассудочно-созерцательный, склонный к размеренности собственного бытия, оберегающий свою персону от ушибов и добросовестно блюдющий веления журнала «Здоровье», способен воссоздать лишь нечто себе подобное, тоже рассудочно-созерцательное, вялое, безмускульное детище, хотя, может быть, и весьма пухлое по количеству страниц. Подобная натура предпочитает, как правило, иметь дело с уже остывшим словом — методом, так сказать, холодной обработки. Неспешно полистывает он толковые «кирпичи», высматривает и примеряет подходящее словцо, роется в заглавниках записных книжек, расчетливо подтачивает и подпиливает каждую фразу, как подгоняют зубные протезы, и лишь после всего этого прочно и основательно сажает, как ему кажется, на вечный цемент. Что-то, но уж такому «умельцу» не дано написать ни «Убитых под Москвой», ни «Крика», ни «...И всему роду твоему». По крайней мере так, как это написано Константином Воробьевым.

Вот почему сквозь его взволнованные страницы еще заочно угадывается человек, наделенный личной отвагой, пламенным гражданским мужеством, взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем, в чем я и убедился уже потом, при близком знакомстве с писателем.

Константин Воробьев любил работать в горячем цехе, со словом, которое только что из пламени пылающего воображения. Оно еще дышит жаром, стреляет колкими искрами, обжигает самого мастера, и тот, благоговая над ним, испепеляющим, непокорным и прекрасным, размашисто, пока еще не остыло, гранит его на звонкой наковальне. Я представляю, каким усталым, измотанным, весь в ссадинах и ожогах, отходил он от своего горнила. Это было поистине Прометеево искусство. Да собственно, на этом огне он и сгорел преждевременно, так и не дочеканив заветных своих страниц. Тому свидетельство — оборванная строка в прекрасной повести «...И всему роду твоему», которая украшает эту книгу.

Константин Воробьев принадлежит к тем несчастным писателям, которых потом многократно перечитывают. Уже известно, чем начинается и чем заканчивается то или иное произведение, а вот почему-то опять тянет к книге, хочется перелистать еще и еще... И это повторное, уже неспешное, углубленное постижение художника не менее радостно, нежели изначальное его открытие.

Для меня же это постоянное перебирание воробьевских строчек, подобное тому, как пересыпают жито из ладони в ладонь, еще более приблизило ко мне писателя, поскольку то здесь, то там, как чудесные взблески, встречались в словесном зерне щемяще близкие, до трепета родные находки. И было удивительно, откуда писателю, далекому от наших мест, от нашего подстепного говора, живущего где-то в Прибалтике, доподлинно известны те редкие и уже почти забытые речения, какими пользовалась еще моя бабушка: «очутить на дубу», «воробыиные кытечки», «галить» лемехом землю, «почурюкать» и т. д. Я ведь все еще не знал, что и сам он был здешним, нашенским, курским.

Страница за страницей вглядываясь в уже прочитанное, в попытках жадно проглоченное, не всегда разжеванное, я вдруг изумился от внезапного открытия: ведь не только проглядывают отдельные слова нашего южного говора, но оказывается, что и сама образная система, сопутствующая действию полифония звуков, запахов, пейзажные фоны и фенологические приметы во многих его вещах тоже наши, лесостепные, южнорусские! То встретишь упоминание о «древнем сторожевом кургане на подходе к селу», то в рассказе «старик скрутил сигарку и долго раскуривал ее, захватив двумя пальцами *жаркий кизяк*», то обратишь внимание, что «земляной пласт сверкал на солнце *сине-черным глянцем*, будто вороново крыло»... И это частое упоминание белых хат, подсолнухов, степных рос и неугомонных, разгульных летних гроз...

Но вот и более явственные следы, влекущие писателя к «отчему дому», вроде: «Глаза с лукавинкой и густо-черные, как *наши южные черешни*»; или: «я нагнулся к земле — в *наших* краях она особенная: черная как сажа и такая мягкая, пахучая, *родимая*». И еще:

«Купе наполнилось сладковатым запахом чабреца, мяты и солнца — запахом моей родины, юга».

Но русский юг бескраен, и тогда писатель роняет окончательное, будто якорь: «День тогда выдался прямо как наш курский: теплынь, солнышко...»

Фраза, в общем-то, поспешная, простенькая, оброненная проходя. Но обратите внимание, сколько в ней сдержанной, невысказанной и неизбывной сыновней нежности и любви к породившей его земле, к той икринке на синей речной веточке!

Теперь мне было ясно, как всю свою жизнь тянулся он к отчому дому, как обильно сочились его книги этой неиссякаемой любовью к малой своей родине, с которой, увы, ему так и не пришлось воссоединиться, если бы и не пожить на ней остаток своих дней, то хотя бы лечь в нее и успокоиться навечно под «неимоверно синим и высоким небом», где «жаворонков сроду не было видно, но с утра и до ночи они звенели и трепыхались там, крохотные и радостно живые».

Я недавно побывал в Прибалтике, посмотрел места, приютившие моего земляка. Наверное, Константин Воробьев любил их не только потому, что эта земля по-своему прекрасна задумчивой величавостью озер, девственностью прохладных лесов, вечной мятежностью северного неба, но и потому еще, что в грозные годы он сражался там с оккупантами и литовские леса были в ту пору и кровом и домом его партизанскому отряду. Свята та земля, за которую пролита кровь.

И все же нет в том ничего греховного, неблагодарного и предвзятого, если его так неудержимо тянуло туда, где он впервые произнес слова «мама» и «хлеб», где сделал свои первые босоногие шаги по муравистой траве под окнами беленой хаты. А став художником, вдохновлялся образами и видениями той своей родимой стороны.

Однажды я побывал в Ферапонтовом монастыре, что на Вологодчине. Довелось мне там увидеть нетленные фрески средневекового живописца Дионисия. Этими фресками были расписаны внутренние стены одной из монастырских церквей, которая в зимнее время не отапливалась, и в особо лютые морозы фрески покрывались ажурным налетом инея. Весной иней растаивал, по стенам бежали струйки воды, потом церковь просыхала, и роспись вновь первозданно сияла всеми своими красками. И так вот уже шесть веков! Было удивительно: что же это за такие вечные краски, откуда, где брал их Дионисий?

И выяснилось, что вовсе не заморские они, не из благословенных итальянских краев, где в ту пору очаровывали мир своим волшебством Джотто и Боттичелли. А брал их молчаливый ферапонтовский схимник из окрестных холмов и овражков, толоч в ступе какие-то глины и камушки и таким способом извлек из неказистой, ничем не примечательной земли аж сто сорок тонов и оттен-

ков, и по сию пору поражающих своей незамутненной нежностью и праздничностью свечения.

Земля вокруг Реутца тоже на первый взгляд неброская: «Две сотни белых хат двумя посадками рассыпались над речкой, кишащей пескарями и пиявками. Берега речки заросли ивовой дремучестью, хаты тонут в садах, а вокруг — безбрежный океан хлеба, дрожащая синь знойного марева и никогда не потухающее солнце», — так свидетельствует сам автор.

И не чудо ли, если эти вот простенькие поля и перелески глубинной России на всю творческую жизнь снабдили художника щедрой и неувядаемой палитрой. Краски эти так же нетленны, как и сама любовь писателя к отчей земле, завещанная потомкам в его книгах.

1977

СЛОВО О МОЕМ ДРУГЕ

Из морских далей нескончаемыми вереницами бегут облака. Высокий, подтянутый, в непромокаемой блузе человек неспешно прохаживается вдоль причалов. Свежий ветер Балтики треплет непокрытую голову, путает уже седеющие пряди. Человек останавливается перед громадами кораблей, вглядывается в их обводы, и по тому, как внимательно и любовно пробегает его взгляд по корабельным именам, можно догадаться, что здесь, на причалах, он не случайный заезжий, что в нем самом бьется беспокойная морская душа.

Человек этот — Анатолий Пантелеевич Соболев, автор книги, которую вы сейчас держите в руках.

Но ведь книга вовсе не о море, скажете вы, при чем здесь «морская душа»?

Да, описываемые события разворачиваются в далеких от Балтики алтайских степных предгорьях, когда и сам автор был еще мальчишкой, действовавшим в «Грозовой степи» под именем Ленки Берестова.

И все же то, что Анатолий Соболев (или Ленка Берестов), коренной степняк, живет теперь в Калининграде, у наших самых западных морских ворот, — факт в его биографии, не воля случая, не прихоть судьбы.

У степи и моря много общего. Они схожи вольной ширью, таинственностью открытых горизонтов и неудержимым зовом куда-то. И нигде так сладко не мечтается о море, как в открытой степи. Не потому ли в повести «Грозовая степь» деревенские мальчишки, принимавшие самое прямое участие в борьбе за советскую власть, в минуты затишья так страстно мечтали о дальних странствиях?

«Я переворачиваюсь и гляжу на небо. В бездонной синеве, там, где скитаются ветры, проносятся легкие, как дым, облака. Я прово-

жаю их долгим, неморгающим взглядом. Куда летят они? В какие страны?.. И не облака это вовсе, а паруса боевых кораблей, и голубизна неба — это лазурь Индийского океана. Корабли плывут к неведомым сказочным островам, и я — лихой марсовый — зорко гляжу в океан... А кругом голубые волны, зной тропического лета, коралловые рифы...»

Мальчишеские грезы Берестова — Соболева сбылись, когда ему едва исполнилось семнадцать. Правда, не лазурь Индийского океана, не пальмовые острова и парусные фрегаты предстали перед ним, а встретило его суровое военное Заполярье. После школы водолазов, пройденной на Байкале, ступил Анатолий Соболев на причалы Баренцева моря, обледенелые от соленых шквалистых ветров, и там под вой вражеских бомб и уханье зениток познавал подлинную, не прикрашенную романтику морской службы. Около трех тысяч часов провел он в немой толще придонья, ощупывая остовы затонувших кораблей, забираясь в их развороченные утробы, спасая нужные фронту и тылу грузы. Война уже давно закончилась, давно вернулись домой советские солдаты, а он и после победы еще несколько лет продолжал расчищать морское дно от мин и неразорвавшихся торпед то на Севере, то у берегов Балтики.

Впоследствии Анатолий Пантелеевич в повести «Безумству храбрых» так напишет о своих друзьях-товарищах в водолазных скафандрах:

«Вы мужали не в огне сражений, не в атаках, а в одиночку, на дне моря, в борьбе со стихией, в борьбе с самим собой. Вы теряли детские иллюзии о жизни и познавали, что такое работа, соленый пот, ранняя седина, кровь... Море мстило вам, мстило жестоко, за каждую оплошность, за каждый неверный шаг, за минуту слабости или сомнения. Но оно и ломало ваши характеры, пересоздавая их заново».

Да, море мстило... Анатолию Соболеву всего только пятьдесят, и выглядит он по-прежнему молодцом: статен, широк в плечах, по-морскому подтянут, но лишь близкие и не многие друзья знают, как ненадежно стало его сердце, как подводит оно в непредвиденную минуту... Это сказываются те три тысячи часов лихорадочной подводной работы на шланговом дыхании, те приступы кессонки, которая всегда подстерегает водолаза.

Море — мечта детства — не приласкало его, не удержало у своих берегов после демобилизации. Среди бесконечной полярной ночи и изнурительных подводных работ в кромешном мраке и одиночестве волшебной сказкой рисовалась в думах далекая алтайская степь, полная щедрого солнца и света, вольницы разнотравья и безмятежного раздолья. И, отслужив долгих семь лет «чернорабочим моря», он, не мешкая ни одного дня, отмахнувшись от настойчивых уговоров остаться, поспешил поскорее на родину, милее и радостнее которой не было ничего на свете! Истосковавшийся, пал он в вешнюю траву, жадно загребал ее пригоршнями, терся о землю щекой, потом долго ле-

жал навзничь, вольно разбросав руки и ноги, и, счастливый, умиротворенный, глядел на мирные, дремотные облака. Они уже не казались парусными фрегатами, а виделись простыми и понятными странниками над такой же родной и понятной землей. С праздничным чувством вновь засел он за учебники, отложенные на время войны, терпеливо распутывал полузабытые узлы науки, закончил институт и получил диплом инженера. Потом с тем же непроходящим чувством обновления работал на заводах Урала и Сибири. Позже, как энергичного, эрудированного специалиста, его пригласили в сибирский металлургический институт на преподавательскую работу.

И вот в эти годы Анатолия Соболева вдруг властно позвала литература. И он отдался ей со всей страстностью увлеченной натуры. Профессор, подобрав ему тему для кандидатской диссертации, частенько озабоченно спрашивался, как идут дела, пишется ли, и молодой диссертант отвечал, что дела идут хорошо, а сам в это время по ночам работал над своей первой книгой «Безумству храбрых». Вслед за ней была написана «Грозная степь», получившая на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу вторую премию. Воодушевленный первыми успехами, он оставил все: карьеру растущего инженера, перспективное поприще преподавателя технического вуза, запланированную диссертацию — и уехал в Москву учиться писательскому делу.

Разбуженная соприкасанием с искусством, в Москве воспрянула давняя страсть к морю, как будто бы навсегда отвергнутому и перечеркнутому. Грозная и прекрасная стихия, некогда сурово встретившая подростка, возродила в нем, теперь уже бывалом моряке и писателе, новый приступ любви к себе — зрелой, осмысленной и неотторжимой. Так после учебы в столице оказался он на сквозных ветрах Балтики, решив полностью посвятить себя и свое творчество морю, кораблям и людям дальних странствий.

В 1972 году, несмотря на все больше дававшее знать о себе сердце, он нанялся на рыболовное судно матросом и, полный мальчишеской радости, ушел в океан. Долгие месяцы «Аргунь» не ведала портов, бороздя Атлантику вдоль и поперек. Моряков трепали штормы высоких широт, изнуряли парные штили тропиков; за бортом проплывали то гренландские айсберги, то куполообразные пальмы Канарских островов.

Это скитание под всеми параллелями и всякими погодами, напряженные рабочие будни бок о бок с простыми матросами вознаградили писателя бесценным материалом для новых книг о морях. Правда, за это он поплатился двумя месяцами, проведенными в больнице. Но, оправившись, с прежним энтузиазмом засел за работу. Уже пишутся повести «Не попавшие в сводку», «Записки рулевого». Не забывает Анатолий Пантелеевич и о своих юных читателях, для которых он задумал книжку под названием «Салажонок».

Новые книги писателя пополнят его полку в наших библиотеках, на которой помимо упоминавшихся повестей «Безумству храбрых» и «Грозовая степь» уже стоят «Бушлат на вырост», «Тихий пост», «Ночная радуга», «Какая-то станция», «Кешка и Василек», а также сборники рассказов: «Март, последняя лыжня», «А потом был мир», «Тополиный снег».

«Но знаешь, — как-то признался он мне, — море морем, а все-таки я чего-то еще не досказал о своей степи детства. Нет, не могу я с ней порвать окончательно. Снится по ночам. Просто наваждение какое-то!»

Мне доводилось бывать в алтайской степи, и я понимаю своего друга. Особенно поражают закаты. Восторг и смятение, радость бытия и безотчетная грусть, желание куда-то бежать, горланить, размахивать руками или тут же повалиться в траву, онеметь, глядеть и думать: кто ты и зачем, — все это сразу, одновременно наваливается на человека. И этот вопрос — кто ты и зачем? — всегда незримо присутствует в облике степи.

Так же, как и в облике моря.

Что ж, море и степь, как ничто другое, всегда не давали покоя художникам своей неистощимой красотой и силой, в разумном взаимодействии с которыми прекрасным и сильным становится и сам человек.

И думается мне, что эта книга, которую мы сейчас с вами держим в руках, — не последняя песнь о степи для моего друга, что ныне в раздумье прохаживается по морским причалам.

1976

ЗА РОДНОЙ ОКОЛИЦЕЙ

Лев Конорев — уроженец среднерусского предстепья. Это означает: за околицей его родной Карасевки, что под Курском, небо не подпирают белоснежные горные пики, не бьет прибойно морская волна, не подступают нескончаемые таежные дебри. Словом, вблизи и окрест нет ничего такого, что само собой просилось бы на чистый лист. Виделось же из окна только и всего, что обмелевшая речушка Рать, пойменные ивняки да ольховники, шишковатый кочкарник да сизые бахчи капусты на распаханном лугу. В школу бегал в райцентр под тихо-смирным названием Беседино. И там тоже, как выяснилось, ничего особенного и примечательного... Где-то в иных местах шатун-медведь забредет в поселок, наделает тарараму или выследят и изловят матерого браконьера-соболятника, а тут не токмо медведя, а и захудалого волчишки во всей округе на погляд нету. Что ни говори, а начинать в литературе без экзотики, без этой пахучей, обвораживающей приправы, много труднее. Тут ты, как говорится, весь на ладони.

И потому вольно или невольно, а почти весь среднерусский литературный молодняк в своих первокнижках так или иначе обращается к самому главному и самому трудному — к человеку. По себе знаю, как это непросто — вылепить характер, когда этот характер выверяется не сорокаградусным морозом, не многосуточными переходами по толям и хлябям, не выигрышной схваткой с «хозяином тайги».

И второе, на что молодые, идя в литературу, вынуждены обращать повышенное внимание, — это на свой живописный язык, без умелого владения коим в наших скромноландшафтных местах понастоящему не «запоешь», не «засвищешь»... Именно благодаря обостренному вниманию к человеку, к его судьбе, благодаря заботе о точности и емкости слова только и возможны такие примечательные произведения, как, скажем, рассказ «Балалайка, которой у меня не было», написанный Львом Коноровым по воспоминаниям о своей Карасевке и таком же ничем не выдающемся Беседине.

Да и большинство других вещей, вошедших в эту книжку, также держатся на двух главных литературных компонентах — духовном мире человека и выразительности языка, над которым Л. Коноров работает с особым тщанием. Впрочем, этой непреложной заповеди учит молодых все великое наследие русской классики и прежде всего таких гениев, как Толстой и Тургенев. Для своей жизни и творчества они избрали именно эти неброские предстепненные холмы и доли, обрета в них неиссякаемые источники вдохновения.

1977

ЖИВОЕ СЛОВО И РЖАВОЕ ЖЕЛЕЗО

На моей книжной полке у подножья выстроившихся томов лежат осколки — угрюмые свидетели минувшего. Ржавые, клокасто разорванные тротилом, они ужасны уже одним своим отрешенным молчанием, своим леденящим душу обличем.

Казалось бы, книги и мрачные ошметки войны несовместимы. Одни олицетворяют человеческий разум и торжество жизни, другие — безумие и смерть... Но я сознательно собрал это разодранное железо и положил рядом с томами Пушкина и Толстого, Байрона и Шекспира... Чтобы очевиднее были противоестественность и несовместимость величия человеческого духа и темных сил, некогда посягнувших и теперь еще посягающих на свет и разум.

Ведь именно кровавое железо, сваренное в крупновских доменных печах на Рейне, повергло в руины тысячи наших городов и селений, взрыло и обезобразило воронками неоглядные поля и нивы, оборвало жизни двадцати миллионов советских людей, и среди этих миллионов погибших не в малом числе — и наши дети. И я

вижу, как входящие ко мне люди, протягивая руки к заветным книгам, вдруг, заметив осколки, опасливо задерживают ладонь и в раздумье стоят, созерцая скопление уродливого металла. Наблюдая за их лицами, я удовлетворенно замечаю, что еще ничто не забыто и не забудется никогда.

Вот почему я обращаюсь к читателям и настоятельно прошу ознакомиться с книгой Николая Ивановича Харченко «Самый горький мед», которая имеет непосредственное отношение к поржавевшим осколкам...

Эта книга — о войне, но не о сражениях и битвах, а о самом тяжком и горестном ее порождении: детях войны, детстве без детства. Я убежден: никто не сможет равнодушно пролистать ее страницы, никто не закроет ее со спокойной, невсколыхнувшейся душой. Написанное менее всего хочется рассматривать как обычное произведение литературного искусства. Автор не стремится искушать читателя словесными таинствами, а захватывает его чувства и мысли главным образом именно своей безыскусностью и суровой правдой, каковой и является сама жизнь. Такое выдумать, сидя только в писательском кабинете и поглядывая в белый пустой потолок, просто невозможно. Для этого надо было все воочию видеть, пережить и вынести самому. И книга эта предельно автобиографична.

Вот, для примера, один из потрясающих фактов биографии автора.

Тринадцатилетним парнишкой Николай Харченко вместе с отцом и дядей Антоном партизанил в Брянских лесах. Его использовали в качестве связного отряда и подпольного райкома партии, доверяли даже явки и места укрытий первого секретаря райкома и председателя райисполкома. Нечего и говорить, насколько опасна, полна лишений была его жизнь. Больше всех тревожилась и переживала за него родная бабушка Катя, оставшаяся в деревне. И вот однажды, вспоминает Николай, бабушке занетерпелось проведать внука, узнать, как это он, такой еще маленький, бедует в холодном лесу. Через кого-то наказала, чтобы он в назначенное время явился в село Сальное, что на полпути между лесом и родной деревней. Ехавшие на задание бойцы отряда подвезли его в то село; он помнит, как бабушка Катя забралась к нему на печь, в укромное место, и все гладила его по голове, угощая мочеными грушами и расспрашивая про его лесное житье. А сама меж тем укладкой утиралась концом платка...

И тут раздался резкий, нетерпеливый стук в дверь. Бабушка и внучек сразу догадались, что это полицейская облава. Мигом соскочили с печи, хотели было спрятаться на чердаке, куда из сеней вела лестница, но в это время полицейские открыли пальбу в дверь. Хозяйка, испугавшись, отомкнула запоры, а бабушка, вся побелев, стояла перед дверьми уже с простреленным животом, прикрывая рану скрещенными руками. Поняв, что и ему несдобровать, мальчик как

был, в одних суконных носках, вышмыгнул мимо полицейских во двор и по снегу пустился наутек через огород. Бабушка, оттолкнув полиция, тоже выскочила вслед за ним. Но, наверное, бежала она в горячах, потому что, оглядываясь, мальчик видел, как она запнулась за что-то, упала плашмя и больше не поднялась. А может, ее добила полицейская пуля... По Николаю тоже стреляли, пули, взвизгнув, взрывали снег то справа, то слева, он петлял, как заяц, и, может быть, тем и спасся, добежал до подлесного села Доброе Поле. Туда полиция сунуться не посмели. Там его отогрели, нашли обувь и одежду и с попутным партизаном отправили в лес. На подводе ему было неудобно сидеть, мешало что-то запрятанное под соломой. Он принялся разгребать подстилку и наткнулся на окоченевшую руку. А когда прибыли в отряд и возница стал искать дядю Антона, то оказалось, что вместе с ним привезли и его любимую бабушку Катю...

Из лесов вернулись через два года, когда после сражений на Курской дуге Советская армия освободила и Николаеву деревеньку Ясную Поляну. Надо было заново поднимать колхоз. А в селе — одни женщины, старики и дети. Из подростков Николай оказался самым старшим. Так он в свои пятнадцать лет стал основным косарем, пахарем, сеяльщиком в небольшом тридцатидворном колхозе. Дни проходили в непосильной работе по общественному хозяйству, а вечерами вдовы просили починить кому сапоги, кому ведерко, а кому подладить трубу или печь.

Осенью 44-го во время предзимней пахоты, вспоминает далее Николай Харченко, корова, на которой он пахал, наступила на немецкую гранату, синюю, яичком. Колпачок на гранате был скручен, и корова выдернула копытом запальный шнурок. Оторопев, он увидел, как гранату засыпало опрокинутой землей и она оказалась у самой полицы — железной лопаты для отвала пласта. Эта полица и отвела от него осколки. Только ручку сохи разнесло в щепки и деревянным остряком насквозь пронзило руку.

После взрыва под сохой, вспоминает далее автор, он впервые обнаружил у себя седину. Поседел довольно странным образом: побелели нижние ресницы на левом глазу, часть брови и появилась белая латка на боку головы. Он очень стеснялся этой своей ранней седины, и когда повзрослел и поступил учиться в Москве, то тайком от товарищей закрашивал эти «позорные» места.

Однако автор настаивает, чтобы на эту книгу смотрели не как на тщеславное изложение его собственной жизни, а как на написанную кровью погибших детей, как на биографию обездоленного и поруганного детства его сверстников, кому выпала горькая доля родиться и вскоре, так и не испытав радости мальчишества, даже не поев досыта хлеба, уйти из жизни, погибнуть под пулями карателей, в пламени пылающих деревень или от непредвиденного взрыва запрятанных коварным врагом мин и снарядов.

Книга эта в своем подтексте — не только о той минувшей войне. Каждой страницей она призывает бороться и против тех войн, которые замышляются. Она зовет людей сплотиться в защиту мира на всей земле. Ибо без мира прежде всего не будет детства, а значит, не окажется и будущего у планеты.

1983

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Ивану Ивановичу Евсеенко,
вступающему в Союз писателей СССР

Когда-то я собирал Ивана Евсеенко на учебу в Москву, писал рекомендательные письма, «болел» за него на вступительных экзаменах. Потом ревниво следил за его учебой, за первыми публикациями, первыми похвалами в печати.

Учился Иван хорошо, все годы студенчества был ленинским стипендиатом. Одновременно вел большую общественную и партийную работу в Литературном институте. Но больше всего радовало меня, что он много писал и год от года все лучше, проникновенней. Уже тогда его охотно печатали такие известные журналы, как «Москва», «Смена», «Советская литература на иностранных языках» и др.

И вот передо мной его первая книжка «Начинается осень»...

Состоялся ли в итоге писатель?

С убежденностью и удовлетворением утверждаю, что мои волнения и надежды оправдались, из Ивана Евсеенко получился интересный художник со своей темой, с самостоятельным видением мира, с собственноручно замешанными красками — чистыми, акварельно прозрачными, которых он с самого начала ни у кого не одалживал, как бы они ни сияли на чужих палитрах. Его краски не просто говорящие, рационально-эпические. Они у него поющие, разгульно-гулярские, всегда вызывающие к сочувствию, к сопереживанию.

Но дабы, как всякого опекуна, не заподозрили меня в предвзятом подобострастии, скажу, что предисловие к его первой книжке написал Сергей Залыгин, который и застраховывает меня от субъективности. Надо думать, что такой ревнитель русского художественного слова, коим является Сергей Павлович, не станет подписываться под случайной, никчемной книжкой.

Под сим со всей ответственностью подписываюсь и я.

Е. Носов,
член правления СП РСФСР

11 июля 1974 г.

Курск

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Василию Ивановичу Юровских,
вступающему в Союз писателей СССР,
выданная Носовым Евгением Ивановичем,
членом правления СП РСФСР

В последнее время приемная комиссия при Союзе писателей РСФСР обеспокоена тем, что в ряде случаев выдаваемые рекомендации не соответствуют требованиям, которые предъявляются к вступающим в Союз советских писателей. Полностью разделяя эту тревогу и будучи сам обеспокоен ненормальным явлением, я тем не менее горячо ратую за прием в наш Союз молодого прозаика Василия Юровских, со всей ответственностью считая его именно тем кандидатом, который всем своим творчеством, отношением к художественному слову и всей своей жизнью подтверждает готовность с честью нести высокое звание советского писателя.

Василий Юровских — автор лирических миниатюр о природе. Книжки его невелики по размеру, и я несколько опасаясь, что эта их невеликость и тематическая обособленность могут вызвать определенный скепсис. Вот почему я решаюсь отнять у членов приемной комиссии несколько лишних минут и привести одну из его новелл полностью, с тем чтобы воочию убедить в художественных достоинствах автора. Друзья мои, пожалуйста, прочитайте ее всем присутствующим на приемном заседании. Этот крошечный рассказ называется «Перепела». Я уверен, вы ощутите какое-то радостное, очищающее чувство от соприкосновения с душой этого чистого и светлого художника.

«Когда летний вечер выстлал по ляжинам и речкам сырые туманные холстины и начал стелить для ночи желтобокие звезды, тогда с берегов Крутишки стали окликать друг друга перепела. На правом склоне в чистой пшенице картаво шелестел один своей перепелке: “Ха-а-ша, ха-а-ша”. И сулился не то ей, не то соседу: “Буду ткать, буду ткать”. И хотя подруга время от времени ворчливо звала его — “Спать иди, спать иди”, перепел сновал челноком в травах и уже ясно и определенно отвечал: “Тку ковры, тку ковры”.

Все птицы давным-давно спали, и всяк на свой лад видели сны, а на берегах все бодрствовали два перепела. Справа восторженно двоил: “Ха-а-ша, спеть хочу”, слева упорно утверждал: “Тку ковры, тку ковры”.

Ночью я завидовал ближнему. Рядом с ним пестренькая курочка, он лобуетя на нее и жарко шелестит, как она хороша. И пусть еще не спел, но собирался спеть о чем-то, наверное, необыкновенном.

...Расплеснула заря горячие краски, и справа перепелишка как бы зевнул, уже невнятно пробормотал: "Спеть хочу". Слева чего-то долго ждал, но лишь над правобережьем выкатилось счастливое солнце, скромно подтвердил: "Выткал я, выткал я". И тоже замолчал.

Поднялся я от речки на правый берег и тоже оглянулся. По скло-ну лилась к омутам сине-зеленая пшеничная волна. И трудно было угадать в ней влюбленного перепела с ненаглядной перепелкой.

А слева по берегу.. Посмотрел и замер.

По дымной зелени трав расстилался живой ковер. И каких толь-ко узоров не выткал по нему неутомонный творец... Тут лилово рас-пушились позолоченные маковки лугового василька, расшиты ко-выльным гарусом кашка и богородская травка, ярко синее коса-ми вероника и алеет гвоздика. Там рассыпаны голубые звездочки герани и мелкое золото лютиков, раскрыты огнисто-желтые буто-ны козлобородника и лазоревые глазки незабудок. А вон волчьи медунки зверовато уставились темно-фиолетовым прищуром на розовые шапочки клевера. Поодаль стелется в обнимку с белоголо-выми нивянками густо-лиловый мышинный горошек, и синими гре-бешками пытается расчесать свои кудри вязиль...

Высоко над ковром распахнулся душой жаворонок, и зажекал-защебетал на тысячелистнике черноголовый чекан. А в поднебе-сье парил орел и все не мог оторвать зорких глаз от всеобщего искусства перепела. Вместе со всеми птицами и солнцем смотрел и я — хотел надолго запомнить ковровые узоры. Хотя... останутся они и после меня. И кто-то уже другой встанет здесь в необъясни-мой сердечной радости и до конца дней своих не разлюбит отчие края...

Невелико выткано полотно, но сколько в нем писательского тру-да, кропотливого, тонкого, умного, какой прекрасный подтекст, ка-кая бездна поэзии в этом «хочу ткать»! И какая светлая сыновья лю-бовь к отчей земле! И весь Василий Юровских таков — каждой сво-ей новеллой, каждой строкой, каждым ярким и точным мазком — в беспредельной этой любви к родной земле, в трепетном преклоне-нии перед чародейным русским словом. В этих крошечных новел-лах-гимнах, как в чистом зеркале, отражается и весь душевный склад, весь облик этого скромного и сердечного человека, который, кладу голову на отсечение, до конца дней своих в чистоте и безро-потном трудолюбии пронесет писательское имя. И сколько еще пре-красных книг напишет он, ободренный нашим доверием и призна-нием! Ведь как важно вовремя сказать молодому таланту о том, что и тема его — не пустяк и сам он нужен нашей литературе!

«Жди ясного на завтра дня...»

Беседы, интервью, выступления

БЕСЕДА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ имени В.И. ЛЕНИНА

— Я не уверен, — сразу сказал Евгений Иванович Носов, — что всякого рода интервью и беседы на тему «Как мы пишем» — серьезное занятие. Я гораздо больше люблю встречаться со своими читателями, получать от них письма. Вот это — настоящий контакт, настоящая общественная работа. К тому же я не слишком доверяю словам писателя, записанным на бумагу через посредника: у устной речи свои законы, разговорную интонацию на бумаге не передашь. Если уж что-то накипело, так лучше самому взять — и записать...

— Но, как ни трудно рассказывать о себе и своем творчестве, такие беседы неизменно привлекают внимание...

— Чье внимание? Своего же брата-писателя, критиков, ну, психологов, может быть. А широкой читательской аудитории — не уверен. Понимаете ли, настоящий умный читатель, я убежден, все узнает о писателе и о том, как писатель работает, из тех же книг. Он моментально увидит, трудно давался автору рассказ или шел легко, почувствует, готов был писатель к данной работе или не готов. Я восхищаюсь такими читателями. Они у нас есть, и их, честное слово, немало...

— Евгений Иванович, тогда, если позволите, сформулируем тему нашей беседы иначе. Все мои вопросы будут касаться не жизни писателя (вас в данном случае) в литературе, а места литературы в вашей жизни. Вы помните, с чего началось ваше приобщение к книге?

— Помню. Мой отец работал на Курском мотороремонтном заводе, это был даже не завод, а мастерские. По соседству с заводом стоял старый дом. Его восстановили почти из руин, поделили на квартиры и поселили там несколько рабочих семей, в том числе и нашу. Не было ни у кого ни стеллажей, ни книжных шкафов. Но была неподалеку общественная библиотека. И все мы, ребяташки из на-

шего старого дома, туда ходили. Гурьбой. Не просто потому, что гурьбой — веселее, а главное, чтобы отбиться от мальчишек с соседней улицы: две улицы враждовали еще с незапамятных времен.

Вот эти походы в библиотеку — поменять книжки — была наша главная радость, главный праздник. Да нет, было, конечно, еще и кино, и игры, и какие-то совместные мечтания, но они не запомнились именно как праздник. А походы за книжкой запомнились.

И читали мы много. Бессистемно, бестолково, но действительно много, от Павки Корчагина до «Золотого осла» Апулея. О вкусе тогда речи не было, хотя у каждого обнаруживались свои пристрастия. Я считаю себя человеком романтического склада, так мне в ту пору больше нравились Майн Рид, Жюль Верн, брэмовская «Жизнь животных». Запоем прочитаны были та же «Как закалялась сталь», настоящая высокая романтическая книга, «Петр Первый», «Кочубей». Мне и теперь эти книги дороги. Трудно объяснить почему, но ведь в детстве и в ранней юности такие вещи читаются с особым восторгом.

Читали и классику, но опять-таки, согласуясь с тогдашними пристрастиями. Мы не были настолько «заструганы», чтобы понять, почему страдает Наташа Ростова, чего это там мечется Пьер, отчего они все без конца говорят по-французски. Эти страницы, то есть весь толстовский мир, я опускал, а война — тут уж читал не отрываясь. Так что до зрелых лет, когда смог наконец перечитать (а точнее, прочитать) эту гениальную книгу Льва Николаевича Толстого, я имел о ней несколько странное представление...

— Вы, по-видимому, читали «Войну и мир» в рамках школьной программы, так что это типичный случай.

— Наверное. Должен признаться, что вспоминаю уроки родной литературы в школе без удовольствия и как-то отдельно от чтения. Из всех школьных предметов я не любил, пожалуй, только литературу. Бóльшая часть русской классики, прочитанной в детстве, входила в школьную программу, однако я затрудняюсь назвать хотя бы одну книгу из этого золотого фонда, которую полюбил еще с тех пор. Это было не чтение, а какое-то мучение. Выучить биографию писателя, знать к следующему уроку идейно-художественное значение того или другого образа — мне и тогда казалось такое отношение к великой нашей литературе противоестественным. Жалко и очень больно, что и сейчас оно в ходу. Понимание классики, восхищение ею приходит до обидного поздно.

— Но это еще и с возрастом читателя связано, с его жизненным опытом?

— Да, конечно, еще и с возрастом. Происходят неизбежные переоценки, тем более если страсть к чтению в привычке. Но есть

книги, отношение к которым не меняется, просто всякий раз находишь что-то новое.

Мы говорим о классике — вот пример. Мой любимый Юголь. Я помню, нас учили: «Старосветские помещики» — картина полного разложения, обнищания провинциального мелкопоместного дворянства. А я читал — и так сочувствовал им, так за них переживал. Сейчас читаю — какая там жалость! Я вижу там такие нравственные высоты, такой пример человеческой доброты, верности, самоотверженности в любви к ближнему! Куда там Ромео и Джульетта: они дети, в семнадцать лет любить сладко. А здесь — непостижимо пронзительная и чистая лебединая песня, ни одной фальшивой ноты, даже в этой ложке, которую Афанасий Иванович, после смерти Пульхерии Ивановны, мимо рта проносит...

Я могу показаться «оригиналом», но, ей-богу, мне и в «Мертвых душах» каждый по-своему люб: и Собакевич, который правду-матку в глаза режет, по-своему прекрасный человек, и эти мужики, гадающие, докатится колесо до Казани или не докатится. Я не понимаю читателя, которому не жаль Плюшкина, отставного боевого офицера, или Манилова — этого строителя «воздушных замков»... Все они совершенно естественны и абсолютно гармоничны. Единственный, кто мне мерзок, так это Чичиков.

Чтение классики не дается сразу. Оно требует такой же серьезной подготовки, отдачи сил, терпения, как и восприятие классической музыки. Меня раньше раздражал синтаксис Толстого, эти его периоды, повторы, словесная корявость, необязательные затяжки — так я его воспринимал. И надо было вчитаться, поддаться течению толстовской фразы, чтобы принять и — через это понять его. И теперь стиль Толстого я иначе как колдовством назвать не могу. Ты уже не следишь ни за повторами, ни за бесконечными запятыми (кажется, чего проще: поставь точку, начни с красной строки) — ты не замечаешь этого, ты растворился в очаровании и непостижимости этой прозы...

— Евгений Иванович, то, о чем вы сейчас говорили, действительно похоже на восприятие музыки...

— Я очень люблю музыку. Если взять все виды искусства, я бы разделил их по родственным признакам на две группы. Прозе, мне кажется, близки поэзия, музыка, живопись.

Эти четыре вида искусства я вижу как бы в комплексе, они перекликаются друг с другом и дополняют друг друга. И сильно влияют друг на друга.

Сказать что-нибудь подобное о театре или кино я затрудняюсь. По крайней мере, в связи с прозой.

Вот музыка. Когда был напечатан мой рассказ «Шопен, соната номер два», я получил письмо из журнала «Музыкальная жизнь», в

котором меня просили написать для них статью о моем любимом композиторе или о моем отношении к музыкальному искусству. Я, конечно, ничего не написал, потому что считаю себя в музыке дилетантом. Надо серьезно заниматься каким-то одним делом. Но мне радостно было, что музыканты-профессионалы «услышали» в моем рассказе звучание шопеновской сонаты. Я не ставил себе такой задачи специально, просто во время работы несколько раз слушал пластинку и попробовал словами передать музыкальную тему. Оказалось, что мне это удалось. Можно было бы вспомнить еще случаи, когда музыка помогала мне в работе, но это нас вынесло бы на тему, которой мы договорились не касаться...

— Да. А стихи вы любите читать (обратите внимание, я не спрашиваю, писали ли вы стихи)?

— Знаете, уж так повелось, что прозаики любят говорить: «Поэзия для меня загадка». Я так не могу сказать, потому что поэт в моем понимании — не обязательно тот, кто пишет стихи. Я думаю, что Чехов, Достоевский, Гоголь — в полном смысле слова великие русские поэты. Но это, скорее, принцип или метод творчества, а не комплекс разрешаемых задач. Задачи все-таки разные. На меня огромное влияние оказал Паустовский; теперь я к нему поостыл. Мне кажется оттого, что он ограничил себя в прозе чисто поэтическими задачами.

Мой любимый поэт — Бунин. У нас мало таких прозаиков: его проза, великолепная, тонкая, чем-то напоминает дорогую мебель, уникальную, со вкусом сделанную, — так что не замечаешь, что это дорогая вещь. Но Бунин прежде всего очень большой поэт. Его стихи в моем понимании безукоризненны, идеальны. Они могут показаться холодными, излишне рассудочными; это ложное представление. Эти стихи абсолютно точны, в них нет пустот. Знаете, когда делают калоши, берут тридцать процентов каучука и семьдесят процентов каолина, глины, мела — всяких инородных веществ-наполнителей. Вот так же часто, чаще всего, и стихи «делаются». Это, между прочим, и великие поэты себе позволяют, даже у Блока есть такие добавки, хотя они и не бросаются в глаза. А поэзия Бунина — стопроцентная.

Таким поэтом был в своей поздней лирике Твардовский, кстати чрезвычайно ценивший Бунина; таковы в наше время Владимир Соколов, Давид Самойлов. Разумеется, это правило не обязательно для всех. Мне близка поэзия Василия Федорова. Прекрасные стихи о войне пишет Юрий Кузнецов. Может быть, лучшие стихи о войне, написанные в последнее время, — это стихи Кузнецова; одно его стихотворение у меня даже есть в записной книжке...

— Евгений Иванович, вы коснулись сейчас темы войны в современной литературе, и я хотел бы спросить вас, что вы думаете о

сегодняшней «военной» литературе, «военной» прозе? Быть может, это вопрос скорее к вам как участнику Великой Отечественной войны, чем как писателю...

— Что там ни говори, а это уже история. Но история недалекая. Вот в чем главная сложность. Нужны художественные обобщения, а какого факта ни коснись — саднит. Главное в работе над этой темой — честность и одновременно осторожность.

Честность в показе фронтового быта, будней войны.

Осторожность в обращении с материалом. С ним нельзя вольно обращаться, нельзя идти на поводу у художественного домысла; свидетелей того, как это было на самом деле, остается все меньше, а те, кто помоложе, и так могут на веру принять. Принять-то примут, а потом и сами что-то убавят. Так через пятнадцать-двадцать лет мы сами не будем узнавать собственной истории, она выглядеть станет вроде бы похоже, да иначе.

У нас очень много честных, правдивых, точных книг о войне. Это всем видно, и имен называть не нужно. Меня беспокоит в этом пласте нашей сегодняшней прозы то, о чем говорилось на съезде писателей. Уже сейчас появляются книги, фильмы, спектакли о войне, авторы которых войны не видели. Это естественный процесс, ведь и Лев Толстой войны 1812 года не видел. Но такие произведения создаются по материалам архивов, по каким-то документам, по отрывочным изустным рассказам. Я убежден, что еще придет писатель, не видевший войны, который так всех поразит, так потрясет, и книга его окажется по главной сути выше всего, что мы написали. Но нам-то писать войну по бумажке не пристало! У нас есть огромное преимущество: мы — очевидцы. Это преимущество, по-моему, должно определять всю нашу работу.

Я не видел штабной войны — и не рискую о ней писать. Кому-то это по силам, пусть пробует. А я пишу войну окопную. Но это не означает, что мне писать легче. Мне трудно, больно писать о крови, о смерти, о нечеловеческом напряжении. Но я должен обо всем этом рассказать, иначе не разрешу главной своей задачи.

А в чем она состоит?

Почему меня так коробят фильмы и спектакли, в которых все солдаты одеты с иголочки, у всех справное оружие и офицеры — как куколки? Потому что это неправда. Но неправда не только внешнего плана, а и глубинного; неправда историческая, неправда корня.

Были в нашей войне красивые победы, высокие минуты. А в целом эта война была страшная, неприглядная, некрасивая. Смотришь, бывало, на пленного или убитого немецкого офицера или солдата. Видно, что это — военный человек. Наш враг был готов к войне, приспособлен к ней. Он даже мертвый оставался хищником: все эти нашивки, погоны, пуговицы и ремни. У него даже спе-

циальные баночки были для гуталина и повидла. Все это было создано для запугивания, для устрашения. Этот человек был создан для того, чтобы воевать.

Мы были созданы для другого.

Вот наши обозы. Вы думаете, шли такие хорошенькие игрушечные машины, повозки, такие аккуратные чистенькие танки, как это часто показывают в кино? Ничего похожего. Это были некрасивые, неудобные скрипучие телеги с колесами от плуга, и лошаденка такая, что голова на шее едва держится, и возчик небритый, в нелепых штанах, пилотка велика, сползает на лоб. Все это грохочет и тарыхтит, переваливается с боку на бок в глубокой грязи. Но все это было только внешне! Внутренне-то это была армия духа, армия, ко всему готовая, способная все перенести. Нам оружия не хватало, и сухари были по счету, чем мы там брились и брились ли вообще — не помню. За нами гонялись их летчики, чтобы позабавиться, а мы не могли им ответить. Они устраивали артподготовки, засыпая нас снарядами, а у нас и снаряды все были на счету. Но все это не означает, что мы не готовы были; просто они готовились воевать, а мы готовились самой жизнью победить. Они спали, подложив сжатый кулак под голову, а мы заботились, как бы успеть в эту ночь сено докосить.

Воевать — это ведь не только стрелять, это еще и делать постоянно очень тяжелую физическую работу. Наша армия была не из нежных. Нашему солдату-труженику и до войны всласть поспать не пришлось: он и болота, и грязь, и холод, и голод видал. И уходил воевать он в лапоточках: все равно сапоги дадут казенные, а здесь жене или сыну пригодятся, не пропадут. Это не бытовая деталь, это уже высшее соображение, явление народного духа. А народный дух — венец всему. Что же говорить о народности литературы, если мы в своих книгах о войне не сможем вполне показать, как все было на деле.

Здесь я вижу выход на очень широкие пространства. Вопрос о нашей победе в Великой Отечественной войне связан в литературе с проблемой народности. Наш народ искони был миролюбив, неагрессивен. Потому и сохранились малые народы России, что русский человек по натуре деликатен, доброжелателен. Но уж если шел сильный враг — погоди, дай кулак сожму!..

Жизнь и смерть на войне — нам потому еще надо с каким-то особенным волнением говорить об этом, что мы и радоваться и бедовать привыкли всем миром. Когда на широком экране штабелями падают наши солдаты, во мне все протестует: я слишком помню, как это было, чтобы мне не хотелось заглянуть в лицо каждому нашему убитому солдату. Да и сейчас еще люди домучиваются, догорёвывают этой войной, столько жизней поломано. Хорошенькая медсестра или телефонистка в военном романе или кинофильме — это просто уже какой-то обязательный атрибут, а я всякий раз

вспоминаю, как эти девчушки выли, когда осколок попадал им в лицо или разрывная пуля — в ногу..

Видите, сколько еще задач перед нами стоит в показе нашей жизни на войне! Какой честности требует эта работа, каких сил. Каким космосом оказывается узкий окоп, тесная землянка. Тем более осторожен должен быть писатель, показывая тех, кто решал ход войны, кто намечал ее дальнейшее течение.

Листая многотомную «Историю Великой Отечественной войны», я обратил внимание на старую фотографию. Немецкие магнаты, промышленники — те, кто развязал войну. Крупп, Шахт, всего там человек десять. Я поразился: это были какие-то шуты, клоуны! Десять или двенадцать стариков, кто с костылем, кто с тросточкой, на всех какие-то дурацкие шляпы, жилетки, галстуки. Они смешны, их только на арену выпускать. Это кажется только потому, что прошло уже больше сорока лет. Ведь эта клоунская группа — та самая шайка, тот очаг и рассадник всех несчастий, всех жертв, всех смертей и поломанных судеб. Несмотря на то что они выглядят на фотографии так забавно. Видите, что такое расстояние, ход времени... Вот это к вопросу о документальной прозе...

— Но как быть с авторским домислом?

— Я думаю, автор художественного произведения должен помнить, что его право на домисел — явление не столько эстетического, сколько этического порядка.

Я был огорчен постановкой моих произведений в кино и театре. Экранизация, инсценировка — это, по существу, перевод книги на другой язык. И здесь неизбежны потери. Как правило, режиссеру не хватает разговорного материала, не хватает сценического материала. А автор книги редко соглашается переписывать уже раз написанное. Здесь и вступает в права «художественный домисел»: условность, сценическая образность, бутафория. И попросту «дописанные» за автора сцены. Мне как автору может не нравиться просцениум, затянутый холстиной, — знак того, что дело происходит в деревне. Ну, может быть, я этого не понимаю, о вкусах не спорят. Но когда актер, очень молодой человек, совершенно не чувствует законов деревенской речи, деревенского ритма, не чувствует момента, когда должна возникнуть в диалоге пауза, — это ведь не только я, автор, почувствую, но и каждый зритель, знакомый с материалом.

Все это происходит от элементарного незнания того пласта жизни, который должен возникнуть на сцене. Это очень просто. Мало смелости, желания работать. Нужно быть готовым к работе...

— Евгений Иванович, вы по преимуществу пишете рассказы. Исходя из солидного читательского опыта вашего можете ли вы сформулировать особенности развития рассказа в наши годы?

— Боюсь брать не себя такие полномочия. Но это вопрос для меня очень важный, и я попробую что-то сказать...

Я люблю рассказ. Это действительно мой любимый жанр.

Начинал я в литературе в 50-е годы — в «золотой век» советского рассказа. Люди моего поколения, вообще те, кто постарше, помнят, что рассказ тогда был чрезвычайно популярен и звонок в силу его мобильности, нацеленности. Хочу подчеркнуть: рассказ, новелла были произведениями социально направленными. Роман когда еще напишется, а рассказ рождался почти сразу, в ответ на наши запросы, на потребу дня. По радио каждый день передавался рассказ, чаще всего Паустовского, Нагибина, Никитина. Журнал «Огонек» был журналом рассказа. Рассказ был на гребне.

Сейчас прошло несколько дискуссий по проблемам рассказа. Все время возбуждается мысль о том, что рассказ переживает затруднения, пришел к упадку. Говорят, настало время романа. Рассказу, дескать, непосильны задачи, разрешаемые в современной крупномасштабной прозе.

Это неверно. То, что происходит сейчас с нашим рассказом, — это ведь не только с ним происходит. Это и с повестями, и со стихами, и с драматургией современной — пробуждение острого интереса к нашему быту, нашей повседневности, к мелочам жизни. И вполне естественно, что рядом с прекрасными произведениями, очень своевременными, острыми, глубокими, появляются вещи вторичные. Это уж как водится.

Я пишу иначе. И в общем-то, о другом. Но с огромным интересом слежу за раскрытием этой темы. Она вовсе не запретная, совсем напротив. Повторяю, она зазвучала своевременно. Именно поэтому я считаю, что рассказ не упал как жанр. Он просто стал иным, и в нашем восприятии тоже. Он идет своим логическим путем, развитие рассказа продолжается. Рассказ, как луна, оказывается, имеет обратную сторону. Вот этой стороной он к нам вдруг повернулся...

— Можно ли в связи с этим говорить о закономерностях в развитии литературы, о том, как складывается ее жизнь?

— Очень интересный и очень непростой вопрос.

Биологические ритмы, что ли, развития литературы, на мой взгляд, прямо связаны с темпами жизни вообще. Ведь литература — это не только работа писателя, это и книгопечатание, и общая культура человечества, и то, что представляет собой в данный момент читатель. Я думаю, появление письменности было связано с какими-то изменениями темпов жизни того или другого народа, той или иной страны. Перо почти не меняется, а мысль бежит быстро. Четыреста-пятьсот лет назад писателя никто не торопил, сама жизнь не торопила, он и книги-то свои сам переписывал, всё до буковки, и заставки в книгах сам рисовал.

Мы просто не можем себе этого позволить: нас и наши скоропечатные машины не удовлетворяют, не могут удовлетворить нынешнюю потребность в книге.

Больше успеть прочесть, больше успеть написать! И все равно — мало. И жажда книги растет пропорционально росту тиражей. В такой довольно драматической ситуации соответственно увеличивается и количество отходов.

Я в ужас прихожу, когда заглядываю в книжный магазин. Что там современных писателей — классиков на полках нет. Но стоят два огромных магазина, стометровых, буквально через дорогу — и все полки забиты. Такое обилие человеческих знаний, человеческого опыта сконцентрировано. И я здесь не только о художественной литературе говорю, но и о технической, и о книгах по биологии, истории, строительству... И все равно, спроси строителя или историка — скажет: нужной книги достать не могу. Кто-то подсчитал, что нормальный, здоровый человек за всю жизнь от силы может прочитать две или три тысячи книг. А у нас за один только год восемьдесят пять тысяч книг издается. Это проблема социальная, и она меня как писателя и как читателя чрезвычайно волнует — вот эта пропорция: две-три тысячи за всю жизнь и восемьдесят пять тысяч в год...

Ну а если говорить о нравственных, этических функциях литературы — они, по-моему, неизменны. Здесь с литературой никаких серьезных перемен не произойдет.

Тем более — в нашей стране. Нашей литературой, всеми нашими великими писателями во все времена руководило одно и то же: чувство справедливости, желание помочь установлению справедливости, общественной гармонии. То, что классическая русская литература во всемирной литературе занимает особую полку, определено историческими судьбами России. Это мое многолетнее убеждение, которое с годами не слабеет, а только укрепляется.

Наша литература — остросоциальная. Она всегда считалась воплощением совести народа. Ей верят, к ней обращаются не для времяпрепровождения, а потому, что ищут в ней все ответы на все вопросы. Спросите любого писателя, о чем ему пишут. Ведь не только о его книгах. Пишут люди о своих ближних, о своих радостях, а чаще — о своих бедах и невзгодах. Не случайно у нас возникла поговорка: «На миру и смерть красна». От писателя люди ждут помощи, ждут совета, ждут сочувственного слова. Напишите, просят, обо мне, чтобы другим — урок был. Видите, какая ответственная миссия у наших писателей.

И так сложилось, что в нашей литературе лучшие ее силы — лучшие писатели, осознавая эту ответственность, не позволяли себе врать и пытались помочь людям, подсказать, как жить. Они себя не осознавали мессиями, они просто трезво и серьезно оценивали свой патриотический, гражданский долг.

Между прочим, этим я объясняю и взлет нашей публицистики. Писатели, работающие в этом жанре с полной отдачей, — это настоящие писатели. И настоящие граждане. У них стоит поучиться. Может быть, начинающим прозаикам надо обязательно попробовать себя в очерке, в публицистике. Поучиться у покойного Овечкина, которого я без колебаний могу назвать уникальным писателем, человеком необыкновенной чистоты и мужества. Он и жизнь свою положил на алтарь правды...

— Евгений Иванович, верите ли вы, что книга, художественная литература способна нравственно преобразовать мир?

— Я не только верю в это, я в этом убежден.

Только книга сделала все, чем мы сейчас владеем. Она сохранила опыт, она его и передала и приумножила. Она зафиксировала все хорошее, что сделано людьми, утвердила нравственные позиции людей. Все закрепила, зацементировала, в ней все хранится.

И если мы теперь не будем верить в силу, уже доказанную, силу книги, силу знания, — то во что же мы тогда будем верить?

Других средств у нас просто нет.

1981

КАК ЖЕ ОБИДНО ЗА НАС!..

Из интервью разных лет

Заняться делом

Сейчас многие (я говорю о писателях) сетуют на «мрачность нашего времени». Упирают на то, что людям не дают зарплату, все вздорожало, властям недостает твердости... Но ведь недовольные в свое время потихонечку разрушали то, о чем сейчас жалеют, — каждый по мере возможностей в своих произведениях что-то разоблачал, а суммарно это привело к созданию общественного мнения — надо все поменять! Ну вот, меняли... Но неправильно считать, что меняли прежнее на что-то бесперспективное. Просто пока что не все определилось. Ясно одно — Россия избрала себе новую дорогу. А страдаем мы оттого, что нет четкости в ее видении.

Правда, вроде бы просматривается в качестве национальной идеи идея Руси святой. Но я, например, с трудом представляю, как из теперешней России можно сделать Русь святую. Может быть, этого и можно достичь, но очень и очень не скоро, потому что мы пережили страшную войну, пережили столько разоров, идеологическое давление партии коммунистов... Вряд ли сегодня вся Россия способна вернуться к прежнему миропониманию. Работа в этом направлении предстоит долгая и кропотливая.

Раздаются высказывания, что для этого нужно организовать общество духовно, без этого якобы трудно, а то и невозможно обеспечить материальное благополучие. Я считаю это мнение ошибочным. Духовно человека, не занятого делом, организовать не получается. Вот он лежит на диване, и сколько ему ни говори, что надо поступать так или эдак, он это не воспримет. На правильный путь человека наставляет только дело. Когда он им занят, он вдохновляется — вдохновляется самоуважением и уважением к труду другого. И как раз это организует общество. В этом главная проблема: как занять людей делом, понятным им и устремленным в будущее.

Все вокруг колхозное...

Сотни лет, да и последние десятилетия (при советской власти), Россия существовала фактически при крепостном праве, под кнутом, а люди совершали революции, оставаясь, по сути, крепостными. И сегодня понятия о демократии у нас никакого нет, уважение к закону в нас не воспитано. Тем не менее мы хотим видеть свое общество таким, как в цивилизованных странах. Копировать, конечно, нам никого не нужно, да мы и не сможем скопировать ни одну общественную систему Запада. Наше общество определится исходя из собственного миропонимания, из того, с чем мы пришли к настоящему моменту, из того материала, который у нас есть.

Пресловутое «все вокруг колхозное, все вокруг мое» очень сильно деформировало человека. Хотя считалось, что заводы, земля — все это принадлежит народу, на самом деле они ему не принадлежали, это было общее понятие. И от этого человек был как бы *отстранен от дела*. Он хотя и выполнял какую-то работу, но выполнял ее в силу житейской необходимости или из страха. Эта двойственность все время тлела в обществе, внутри семей. А разговоры о том, как бы «достать» что-то, словчить, пробиться куда-то, велись при детях, в результате мы *подготовили базу нынешней безнравственности, нынешнего разгула преступности*.

Среда обитания

Меня всегда удивляет Голландия — как можно жить на суше, отвоєванной у моря, с такой огромной — полтора десятка миллионов — скученностью населения, с постоянным страхом перед стихией. Но они живут, и живут мирно, на удивление все вежливы. Они привыкли к своей тесноте. У них нет выбора, нет другой родины. Они выработали у себя настоящие человеческие отношения. А ведь могли бы ожесточиться, купить пулемет и стрелять в соседа, что, собственно говоря, мы и делаем. Но жизнь научила голландцев беречь друг друга, беречь свою землю. Поэтому Голландия — сказочная страна, она просто невообразимо богатая, она опрятная, ухоженная, как обитель человеческая. И как же обидно за нас! Нас же

не очень много — около ста сорока пяти миллионов на такую огромную территорию. Столько воли, столько природных богатств, столько пространства — и как мы нераспорядительны, как мы небрежительны...

Но я напомним: *плохих народов не бывает*. Просто какие-то исторические обстоятельства делают человека плохим или общество — неперспективным. И наоборот.

В числе исторических обстоятельств я бы назвал прежнее и нынешнее *небрежение властей культурой*. Ведь культура — это среда обитания, и если она нарушена, человек не получает духовного питания и потихоньку деградирует. Если этот процесс длится достаточно долго, так что в условиях культурного голодания появляются и сменяются целые поколения, то он создает тип человека, *равнодушного ко всему*. И он живет только своими, очень узкими интересами, а на остальное ему наплевать. Именно такие люди потребляют *агрессивную массовую культуру*, а она *суррогатна*, почти несъедобна, она сдобрена запахом улицы, потребиловки, а мы потакаем этому. Меня совершенно приводит в недоумение, как заигрывают с этой категорией населения.

Преодолеть равнодушие

Думается, что законы о земле, вышедшие в ходе реформ, сильно запоздали. Их надо было принимать лет тридцать-сорок назад, сразу после крушения сталинизма, когда еще была связь поколений, жива еще была настоящая крестьянская закваска. Поясню это на примере. Сейчас, кто бывает в деревне, знает — еще вдалеке от машинного двора начинают попадаться всяческие запчасти, блоки, сельхозорудия, все это в грязи, переплетено бурьяном, проросшим через отверстия. Это — многолетнее кладбище, человек ходит по нему, привыкает, становится равнодушен к технике. Эта поруха передавалась из одного колхозного поколения в другое, люди перестали ее замечать. То есть бесхозяйственность стала нормой, вполне приемлемой для большинства.

А у прежнего — доколхозного — крестьянина была иная закваска. Я помню своего дедушку. Вот мы едем с ним на телеге, и вдруг он останавливается, слезает — железяку какую-то на дороге приметил, поднял ее, отряхнул пыль, положил в телегу. И в его амбаре — столько всего было натыкано. Даже сабля от Гражданской войны! Хотел он то ли приспособить ее для рубки капусты, то ли для другой хозяйственной надобности. У крестьян *бережливость*, *хозяйственность* передавались из поколения в поколение, от дедов к внукам. Воспитанный по-старому крестьянин никогда не будет действовать варварски — губить землю, леса и луга, сливать мазут в реку, мыть в ней машину или трактор. Вся его деятельность — ради сегодняшней и будущей пользы.

Но нынче это все порушено, и мы постоянно ощущаем моральные потери. Можно восстановить завод, наладить производство стиральных машин, порошков, но «производство» качественного человека — очень долгий процесс. Колхозы деформировали не только крестьянина. Известно, как, например, секретарь райкома во время напряженных сельскохозяйственных работ устраивал в четыре часа утра радиоперекличку председателей колхоза: «А где это председатель “России”?..» — «...Родины?» — «Еще не подъехал». — «А-а, спит!» Это было абсолютно абсурдно, на этом нельзя было держать экономику, но это подчеркивало власть секретаря над людьми. Но и нынешние главы районов продолжают помыкать избранными руководителями производственных сельхозкооперативов. А от государства требуется другое: обеспечить крестьян полным набором технических средств и, поскольку Россия, в общем-то, страна *общинного труда*, активизировать деревню, организовать ее на каких-то новых принципах, при которых крестьяне проникнутся чувством *собственников земли* и смогут трудиться на ней как в классической коммуне, которая не противоречит национальным традициям. Именно она дала бы в ближайшее время очень большой эффект.

О музыке в прозе

По натуре я лирик, романтик, письмо мое не для постоянного употребления, оно — для души. Но само время и какие-то обстоятельства иногда заставляют обращаться к жестким темам, и все равно я даю им романтическую окраску. Есть у меня рассказ «Потрава» (первое название «Объездчик»). Это вещь суровая, она о безысходности жизни колхозников. Там убийство объездчиком односельчанина Яшки, косившего траву в заповеднике, происходит во время ночной грозы, а это романтическая форма подачи материала. Или рассказ «За долами, за лесами...». Речь в нем о заброшенной, вымирающей деревне, где живут всего несколько человек. Здесь я избрал сказочную форму, и появился новый привкус.

Когда задумываю новую вещь, долго около нее хожу, иногда забуду, отвлекусь или уеду, но все равно она у меня календарно висит. Наконец в какой-то счастливый момент я напишу первую строчку. Это ритуально, это для меня святыне действия. Каждую строку я должен попробовать, как медведь сухую щепку, на звук. Я должен выстроить какой-то музыкальный ряд... Я не могу писать холодным, дребезжащим текстом, он у меня должен быть музыкальным, это сказывается и на тематике. Но пишу я медленно и в итоге сильно отстал от своих сверстников. Но меня это мало беспокоит. Упреки к себе, конечно, есть, иногда время потеряно просто так, но так уж, видно, жизнь устроена...

Я человек земной

Вот я услышал в свой адрес высокий фейерверк: легко ли быть классиком при жизни? Спасибо, конечно, но я как-то ничего этого не ощущаю — без всякого кокетства. У меня даже *нет ощущения, что я писатель*. Писатель — это Лев Толстой. О себе же я могу сказать, что просто *умею писать*. Я человек земной, земляной, и пишу не о каких-то высоких материях, а о простых, маленьких людях. Редкий мой герой поднимается социально высоко. Вот, скажем, повесть «Не имей десять рублей...». Там директор завода — это обобщенный тип, тип времени застоя, — он просто мне нужен был как сукин сын. Рядом с ним фигурирует Фомич, дорогой для меня человек. Они начинали на одном заводе вместе, но один стал директором, а другой так и остался рабочим. И ведь как они разошлись — и социально, и нравственно. Директор прожил, быть может, нужную государству жизнь, но она его развратила, а Фомич остался аборигеном и как раз он-то мне интересен.

Или, скажем, «Красное вино победы». Это рассказ о войне, но там ничего нет, скажем, о генералах, там — о Копешкине, который даже не боец, а возница — он не воевал, он ездил по войне на телеге, возил ленты пулеметные, диски...

В «Пятом дне осенней выставки» рядом с коровами-экспонатами сидит их хозяйка, деревенская доярка, и ее все рассматривают, будто она сама экспонат... Меня эти герои останавливают — здесь большие возможности для сострадания, для философских размышлений о несправедливости человеческой, для косвенных приглашений, позывов к милосердию.

Свободное вдохновение

Беру ли я своих героев из жизни? Не совсем так... Я вообще-то по натуре не только романтик, но и публицист, прошел серьезную газетную школу и никогда ей не изменял. И когда работаю как писатель — пользуюсь методом журналиста. Для меня важна *проблема*. Поэтому я обозначаю проблему и ее разрабатываю. Вот я увидел на деревенской дороге, в глубокой колее, разбитой тракторами, бабушку, ползающую в грязи в поисках упавших очков. И вот этот горестный образ обрел острый социальный аспект — у меня созрела тема о бездушии к земле и к человеку...

Работать мне всегда помогало ощущение того, что *мне не нужно было ничего особенного от общества*, — у меня не было желания сделать карьеру, что-то урвать, достать, добыть. В искусстве надо уметь пнуть свой талант, но не гнать его, не выжимать из него последнее, доводя талант до бездыханности. Нужно *быть свободным*, нужно уметь сказать себе: «А вот я поступлюсь тем-то». Я, правда, не утверждаю, что так поступать должны абсолютно все, но сам по-другому не умею. Очень важно, когда ты чувствуешь себя

свободным, — тогда может зародиться *свободное вдохновение*, не определенное потребой дня или соображениями карьеры. Собственно говоря, на этом и основано наше старое российское духовное борство.

1990-е

НЕУГАСИМО СТРЕМЛЕНИЕ К КРАСОТЕ...

Запомним этот день — первый в грядущей цепи Фетовских поэтических праздников, которые, будем надеяться, войдут в традицию, всякий раз расширяясь и полнясь, как расширяется и полнится река на своем пути, начавшись робким истоком. Запомним этот июльский день 1986 года, запомним это небо, эти облака, эти милые нам всем воробьевские дали, запомним лица собравшихся здесь людей — притихшие, торжественные, одухотворенные предвкушением встречи с прекрасным, возбуждающим в нас желание всмотреться в наше прошлое, наше будущее и в самих себя. Запомним этот день!

Еще недавно все мы, собравшиеся здесь, не были единомышленниками. Этому дню предшествовали долгие месяцы горячих словопрений, перепалок, взаимных наскоков, волевых давлений и безвольных отмалчиваний: быть или не быть Фетовским чтениям, быть или не быть Воробьевке в роли литературно-ландшафтного памятника?

И вот мы наконец здесь. Не стану называть имена победителей, как не назову и имена отступивших — возможно, отступивших временно. Эти подробности несущественны, ибо над всеми нами верх взяло время.

Пришло время и подняло энтузиастов на это важное и неотложное действо. Потому что дальше без Афанасия Фета нам нельзя. Я не говорю о его неувядающих стихах — книги Фета с детства стоят на наших полках. Но этого теперь мало. Стало нельзя без ощущения его овеществленной близости, без воплощения его духа, без Воробьевки. Мы больше не можем, не имеем права называть себя культурными людьми, лицемерно восхищаясь фетовскими строфами на виду оскудевшей обители его вдохновения.

Еще больше мы отвечаем перед нашими детьми, которым передались наши равнодушие и невнимание и которые без должного трепета, без освященной робости прикасаются к этим камням, к этой земле, этим деревьям, принося всему окружающему свой детский неподсудный ущерб.

Итак, сегодня мы включаем еще один светильник нашей культуры.

А несколькими неделями раньше был засвечен такой же факел Овечкинских чтений.

Свет Овечкинских празднеств питается от аккумуляторов, надолго заряженных мощью гражданского пафоса писателя. Этой завещанной нам энергии хватит на многие-многие годы.

Точно так же светильник Фетовских торжеств питается неистощимой и лучезарной энергией высокого чувства и красоты, оставленной нам в наследство большим русским поэтом. Энергия фетовской поэзии долговечна, подобно атомному расщеплению, и ее тоже хватит на много поколений.

Говоря о значении подобных литературных празднеств, тут и там проходящих по стране, — Пушкинских, Некрасовских, Тютчевских, Шукшинских, Рубцовских, в том числе и наших — Овечкинских и вот теперь Фетовских, — не преувеличиваю ли я их значения, не нарушаю ли я некую объективную соразмерность жизненных проявлений?

Нет, нисколько!

Современное общество не может существовать одним только производством материальных благ. Все больше встает вопрос об экологии, о среде физического обитания человека. Научно-техническая революция задействовала столь мощные производительные силы, ввела в действие такие энергонасыщенные машины и механизмы, вызвала к жизни такие сложные и все более трудно управляемые физико-химические процессы, что все это вместе взятое вошло в острое противоречие с экологической средой и выросло в еще более острую проблему бытия.

Но это еще не самая жгучая проблема. Оказывается, самой больной проблемой является проблема нравственности, то есть вопросы нравственной среды человеческого обитания, которая не менее важна, чем чистота земли и воздуха. Ибо безнравственность неизмеримо опаснее, скажем, заводской трубы, источающей вредные дымовые выбросы, или сточной канавы, переполненной зловонными химическими отбросами. Тому пример — высоковольтная проволока Майданека, печи Освенцима, огненный ад Хиросимы и Нагасаки и еще более зловещие призраки будущих злодеяний, планируемых империализмом, у которых одна общая демоническая маска безнравственности.

Немалый урон несем мы от этого тяжкого недуга и в своем обществе. Вот почему чем больше наши успехи в сфере духовных достижений, тем реальнее наши планы как в области экономики, так и в злободневных вопросах охраны окружающей среды.

Буржуазные философы пытаются навязать людям мысль о том, что миром, человечеством правят голод и страх. Эта ложная теория легко опровергается материалистической логикой. Страх можно изжить, голод можно утолить. И что же, жизнь, развитие обще-

ства, согласно буржуазной теории, должны остановиться? Нет и нет! Ибо движущей силой человечества является неугасимое стремление к красоте. Ею никогда нельзя пресытиться. Потребность в красоте беспредельна, поскольку совершенствование человеческой души не имеет конца.

Конечно, можно убить чувство прекрасного в одном человеке, такие примеры нередки, но это означает убить и самого человека. Потому что поведение и поступки человека с атрофированным чувством красоты непредсказуемы и, как правило, входят в противоречие, в конфликт с обществом.

Однако убить потребность красоты целого народа невозможно, ибо это связано с уничтожением всего народа.

Что же это такое — красота?

Красота — это не то, что блестит, не то, что приятно глазу, не просто красивая безделушка, хотя возможны и такие представления о прекрасном. Красота — это прежде всего нравственное устремление человека, всего народа к высоте духа, красоте человеческих отношений, справедливости общественного бытия. В этом смысле наша революция тоже рождена потребностью красоты, составными компонентами которой являются идеалы свободы, равенства и братства. Ибо нет ничего красивее этих великих чаяний человеческих — ни золото, ни мрамор пьедесталов, ни атрибуты устрашающей власти, ни звук фанфар победных завоеваний — все ничто: эфемерно, тщеславно и безнравственно.

Таким образом, если красота — двигатель человеческого общества, то что же в таком случае культура?

Культура — это страж красоты. Чем культурнее общество, тем большую защиту обретает в этом обществе сама красота — красота человеческих отношений, красота самовыражения, красота самого бытия.

Вот почему нам нужна и поэзия Фета, поэзия, работающая на красоту, на духовное совершенство общества.

Вот почему нам необходимо восстановить усадьбу Фета, которая тоже будет работать на наше общее дело, воспитывая в людях духовную связь с нашим прошлым, нашей историей, воспитывая в наших душах осознанное чувство высокого патриотизма. Не только чувство своего дома, своей калитки, своего дерева под окном, но и своей принадлежности к великому русскому народу через понимание глубинной и нерасторжимой связи прошлого, настоящего и будущего.

Вот почему всякое действие в защиту красоты и духовности — это гребок веслом в помощь движению нашего общественного корабля вперед.

Напротив, всякое противодействие или даже нейтральная лень, нежелание сдвинуться с нагретого и удобно умятого кресла,

равнодушные, а тем более равнодушные, наделенные чиновной властью, не говоря уже об элементарном невежестве, чем бы оно ни прикрывалось, — это содействие гребку назад.

Вот почему я в конечном счете рассчитываю на прекращение всяческих словоговоров и словопрений вокруг Воробьевки, и отныне все вместе возьмемся за бесспорное и святое дело.

Вот почему я называю сегодняшний день праздником — праздником торжества культуры.

Это прекрасный, волнующий день нашей всеобщей победы над нашей же косностью, рутинностью и душевной обездвиженностью.

1986

«ЖДИ ЯСНОГО НА ЗАВТРА ДНЯ...»

Прошлый раз мы условились встречаться на каждой первой неделе июля. И вот мы снова здесь, на холмах Воробьевки, на земле Афанасия Фета.

Отсюда, с убережных тускарных высот, далеко видать окрест. В эту летнюю пору все буйно зелено: и заливные луга с первыми стожками сена, и купы деревьев, под которыми прячутся людские строения, и даже хлеба еще зелены, не успели обрести свойственной им золотистости, и по полям вольно, широко ходят по-морскому зеленовато-седые пшеничные волны. А над всем этим, как и в прошлый июль, величаво, будто фрегаты, поднявшие ввысь все свои паруса, плывут через всю Россию вымытые недавними дождями белотканые облака.

Это наша вторая встреча на Фетовских поэтических взгорьях. Между встречами, между двумя июлями прошел всего только один год. Я произношу это «всего только» с чувством понятного сожаления, оттого что долгие годы ушли на схоластические споры в высоких кабинетах о том, быть этому празднеству или не быть, звучать с этих воробьевских высот прекрасным стихам Афанасия Фета или не звучать, выпускать ли его для общения с народом или придержать еще на какой-то срок, уже не раз продлевавшийся где-то и кем-то... А тем временем, проходившим всуе, эта замечательная поляна на береговом склоне, этот ромашковый амфитеатр, как бы самой природой приготовленный для праздничного, вдохновенного звучания поэтического слова, была пуста, безлюдна, и над ней все эти годы не витал, как должно, дух фетовской музыки.

Но о двух июлях можно сказать и с чувством удовлетворения: эта наша вторая встреча — вполне очевидное свидетельство зарождения знаменательной и плодотворной традиции. В самом деле, то

наше первое зерно, что с упованием было посеяно год назад, уже пустило вполне жизнеспособные и обнадеживающие побеги. На наших с вами глазах в ряду подобных зарождается еще одно народное празднество, обретающее черты ежегодного Дня поэзии на курской земле. Приятно на этой поляне, склоном развернутой к солнцу, благоухающей летними травами, июльскими бархатными клеверами и медвяными подмаренниками, под этим мирным, лазурно-безмятежным небом видеть красочное разноцветье собравшихся людей. По загорелым лицам и натруженным рукам узнаю крестьянок, наших курских мадонн, на коих и по сей день, ревущий всяческими моторами, свалена еще уйма деревенских дел, особенно сейчас, в летнюю пору, когда привалили сразу и сено, и сорняки, и самое большое, июльское молоко, и малые телятки, да ко всему свои домашние хлопоты, свое подворье не терпит... Но вот выбрали минутку, прибрали волосы, надели чистое, нарядное, пришли. И мужики их, у кого есть, пришли — их тоже не спутаешь с горожанами: деревенский июль метит их особо. И старики прослышали, тоже доковыляли. И конечно, дети... Что за чудо эти деревенские мальчишки и девчонки! Вроде и обряжены все хорошо и добротнo, но всегда как-то невпопад: то слишком коротко, то слишком длинно, то еще с какой-то несуразинкой. Но им все нипочем, не привыкли они смотреть на себя, а больше на других, на то, что вокруг, на мир окрестный, и потому, должно быть, здесь, на поляне, глаза их как-то по-особенному полны ожидания чего-то необыкновенного и праздничного.

Пошел, пошел народ к Афанасию Фету! Даже повалил, вопреки некоторым досужим предреканиям: дескать, не пойдет, не поймет его, Фета, будто бы оторванного от жизни, от народа с его замкнуто-поместной поэзией.

А народ и понял, и признал поэзию своей. И как же не признать:

*Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.*

Такие простые, обыденные слова... Но тогда отчего же так хватают за душу, отчего вдруг собьется с привычного ритма сердце и зачистит неуправляемо, и защежит от тихой сладкой печали?!

Не оттого ли, что вновь и вновь услышали мы в этих словах нечто необыкновенно родное, до слез знакомое, такое узнаваемое, нашенское, русское, прошедшее через всю нашу жизнь от самых первых страниц «Родной речи»? А еще, может, оттого, что душевная музыка этих строк вновь одарила нас видениями детства, вернула нам минувшее, полузабытое, сладостно попечалило, навер-

нуло слезу, как дивный отлетевший сон? Впрочем, кто наверняка знает, в чем магия этих грачей, что вчера мелькали «вон над той горой»?..

И возникает вопрос: кто же кому больше нужен — Фет нам, ныне живущим, или мы Фету?

Разве теперь не очевидно, что наследие Фета является ценностью абсолютной, что оно — из жизнетворных компонентов нашей национальной культуры? Национальная же культура является мощным и наиболее действенным средством против всякой скверны, против обнищания человеческого духа и одичания самого человека. Да, существует еще одно выверенное средство против деградации и одичания. Это человеческий труд. Но и он, этот могучий целитель, не является стопроцентной панацеей. Ибо труд без культуры, без опозитизированного понимания задач и целей своего труда, без вдохновенного понимания его общественной значимости обращается в труд бездуховный, в труд раба.

Только в сочетании с культурой, овеянный ее вдохновляющим пафосом, труд становится плодотворным и созидющим. И только культура, подлинная и высокая, абсолютно благотворна и единственно способна остановить злокачественный процесс оскудения и распада человеческой души.

Всем известно, какой ущерб наносит человечеству самая обыкновенная ржавчина. Ежегодно она обращает в прах одну треть всех полученных металлов и сплавов. Трудно представить себе, что было бы с человеческой цивилизацией, если бы люди не боролись, не искали неустанно способов против коррозии металлов. Пожалуй, вряд ли мы смогли бы вырваться за параметры бронзового века.

Еще бóльшую опасность представляет коррозия человеческой личности. Ущерб от нее не поддается статистике. Не поддается потому, что ржавчина эта многолика и не всегда зрима и опознаваема. Если я попытаюсь перечислить разновидности этой скверны, то, убежден, не исчерпаю всего бесконечного ее ряда. Это и безнравственность поступков и помыслов, цинизм и жестокость, лживость и лицемерие, эгоизм и высокомерие, равнодушие и вероломство, нечистоплотность рук и совести, тунеядство и хамство, неуважение к женщинам, старикам, законам общественного бытия и т. д., и т. п. Ржавчина души не всегда распознаваема еще и потому, что она часто прибегает к мимикрии и камуфляжу, рядится в добропорядочные одежды, нередко закрывается дипломами, высокими постами и званиями. И в этом своем высокопоставленном качестве она может наносить особенно разрушительный общественный урон.

К сожалению, некоторым коррозионным явлениям подвержена и сама культура. Будучи продуктом жизнедеятельности общества,

накоплением его духовных усилий, культура, как всякий живой организм, и сама подвержена болезням, спадам и угасанию, как только ослабевает человеческое радение о ней. Небрежение традициями, народными обычаями, отречение от национального фольклора, народных празднеств, угасание ремесел, традиционных трудовых навыков, когда не умеют испечь хлеб, сложить печь, подоить корову, напеть собственному дитю колыбельную или рассказать народную сказку, — все это и многое другое — симптомы оскудения нашей культуры, ее нездоровья, а также косвенные признаки нашего с вами иждивенческого, потребительского отношения к самой культуре. Готовый хлеб, готовые (иногда с чужого голоса) песни, всегда готовый к услугам экран телевизора и многое другое, изготовленное на массовом конвейере, — все это и есть приметы потребительства в сфере культуры.

В условиях массового потребительства основная, материковая, на чем нам стоять и прочно опираться, национальная культура, не пополняясь общими, нашими с вами, духовными вложениями, не подпитываясь в должной мере, начинает оскудевать, ронять свои целебные свойства, постепенно утрачивает свой иммунитет против агрессивных вторжений антикультур, идеологически вредных и враждебных влияний. То, что наша молодежь бездумно, а порой с какой-то обреченной готовностью бросается в объятья зарубежных грохот-ритмов или стадно ломится за импортными кинонаркотиками, как раз и свидетельствует о разрядке наших национальных духовных аккумуляторов.

Вот почему мы обращаемся к поэзии Фета. Это не прихоть отдельных интеллигентов, не капризы эстетствующих любителей «изящной» словесности. Нет, это веление времени. Особенно теперь, в условиях перестройки, в том числе, а может быть, в первую очередь перестройки духовной, когда человек ставится во главе всех наших планов и надежд на лучшее будущее. Веление времени в том, что мы должны расчистить от всего наносного, от мусора предвзятостей, от песка забвения все источники и родники, питающие русло народной культуры. Таковым благотворным ключом, по-прежнему светло и жизнеутверждающе бьющим из глубины минувших десятилетий, является воробьевский родник отечественной поэзии. Так давайте же все вместе, сообща и дальше расчищать этот священный для нас источник, добиваясь того, чтобы ему ничто не мешало воссоединиться с другими подобными ручьями и ручейками в одну большую и полноводную реку нашей отечественной культуры — матери национального самосознания.

Я уверен, что общими усилиями мы добьемся, чтобы и эти захватывающие дух воробьевские высоты, и этот соловьиный парк, «дремлющих кленов шатер», и этот старый пруд, в котором опро-

кинулась и замерла зеркальной тишью июльская синева, и сам дом-усадьба воистину принадлежали Афанасию Фету, пока снимающему здесь всего лишь квартирантский угол. Полновластно принадлежали бы его высокой поэзии, утверждающей прекрасное на Земле и в самом Человеке.

1987

ТЕКСТ ДЛЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ ПРЕМИИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «УМНОЕ СЕРДЦЕ»

Приятно удивлен присуждением мне звания лауреата литературного конкурса имени Андрея Платонова.

Скажу честно: сперва подумалось о не очень прочной стыковке таких понятий, как железная дорога и высокая словесность. Дорога — тут все весомо и зримо: стук колес и стон рельсов под тяжестью эшелонов с углем, лесом, рудой, нефтью и хлебом; это — людская толчея на вокзалах и на пригородных платформах, это всегда чьи-то хлопоты и заботы, тогда как поэзия слова — это уже из области тонкой духовной материи.

Но я оказался не прав, особенно перед глубиной мысли Андрея Платонова, златокузнеца русского слова, о том, что дорога — это особенное человеческое дело и она вполне и накрепко воссоединяет в себе и тяжкую, потную повседневность, и поэтику окрыленного словотворчества. Ибо дорога не только трудится во благо человека, но и способствует общению между людьми, обогащает их познанием своей земли, которую пронизывает нитями своих магистралей.

С искренней убежденностью теперь признаюсь, что именно железная дорога во многом помогла мне стать писателем. Никакой «Аэрофлот» со всеми его ультрасовременными лайнерами не откроет пишущему человеку столько живого, образного материала, сколь доставляет ему даже самая маленькая безвестная узкоколейка. А мне довелось под перестук вагонных колес увидеть и ощутить все бескрайнее величие нашей России. Дорога — воистину неисчерпаемый кладезь познания жизни.

А еще до сих пор горжусь тем, что из многих десятков тысяч километров стальной сети есть и уложенные мной рельсы. Мне посчастливилось в бригаде добровольцев участвовать в прокладке семнадцатикилометровой ветки и тем самым воочию ощутить «прекрасный и яростный мир» народной стройки.

2001

«С ВАМИ ГОВОРIT СОЛЖЕНИЦЫН...»*Речь на вручении премии Александра Солженицына*

Досточтимые Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна! Уважаемые члены жюри! Дорогие гости высокого собрания!

Вглядываясь в историю многострадальной Руси, невольно приходишь к мысли, будто нам, россиянам, досталась воистину роковая земля, подверженная постоянным социально-тектоническим катаклизмам. С незапамятных времен нас все время что-либо сотрясает — то извне, то изнутри, непременно случается то, что не дает ощутить надежную твердь под ногами, обрести желанное и устойчивое благоденствие, коим счастливо пользуются многие другие народы.

Я и сам приехал сюда из мест, где исстари пахали землю, положив меч и шелом в борозду, и где ветер часто тянул палом и плачем. Здесь, в Дикой степи, веками копился злой половецкий умысел. Здесь же потом забраживала великая российская Смута, от которой и по сей день в путивльском монастыре остался стоять походный трон Гришки Отрепьева. Отсюда, из-под Касторной, выплеснулась конармейская лава самой кровавой братоубийственной Гражданской войны. На этих же среднерусских холмах изогнулось огненной дугой самое ожесточенное противостояние Великой Отечественной... И по сей день там еще скрежещут под лемехом ржавые осколки, а по курганам белеют скорбныеobelisks братских могил...

А великий передел земли с его кандальным перезвоном на российских Владимирках?!

А ГУЛАГ, это запекшееся невыводимое клеймо, которое, как татуировка, навсегда останется на заново отброшированных страницах нашей истории. Но и теперь, уже спустя порядочно лет с того дня, как мы принялись заново обустраивать наше существование, что-то не очень-то спокойно, надежно и уютно под общей российской крышей...

Но и то благо — нас минула гражданская междоусобица, ибо нет ничего страшней, кровавей и противонародней, чем зло этой неукротимой стихии. С ее вихрями вздымается все самое темное, самое несправедливое, самое мстительное и алчное, что с годами накапливается в обществе.

Она, эта стихия, безрассудно рушит и величественные колоннады, и хрупкие судьбы людей, в неистовстве топчет прежние, надоевшие правды, обращаясь к новым, наспех придуманным правдоподобиям. И все это якобы во имя народа и во благо его. Но на самом деле во главе этих завихрений ума и совести нередко стоят затаенные властолюбцы, возбудители галлюцинирующего самомнения, а то и откровенные стяжатели и прохвосты.

К нашему всеобщему благу, нынешнее общество хотя и не удержалось в сплоченном единстве, но и не распалось на несовместимые половины, к чему некогда привели большевистские революционные химеры. Не произошло это потому, что за годы тотальной анемии примелькались и пообтрепались на ветрах времени сами путеуказующие постулаты. Общество, его конкретные человеческие массы, перемещиваясь в будничности сосуществования, со временем ослабили радикальность своих групповых идеологических символов. Как это, например, произошло во франкистской Испании, где непримиримость противостояния обрела предельную жесткость и вовлекла в соучастие глобальный классовый фанатизм. Надо думать, закон социальной усталости присущ всем эпохам и народам, всем общественным водоворотам. Видимо, мы тоже не исключение. Красное сознание от постоянного, ежедневного соприкосновения со все возрастающим инакомыслием просто устало, как устает даже всемогущая сталь, в которой ослабевает молекулярная сцепка. Гбсподствующая идея поблекла, ее бывшая кичливая кумачовость заметно порозовела и даже в чем-то высветилась покаянно.

Утрата власти большевиками возмездна и морально справедлива. Ибо они не только обманули свой народ, позвав, а вернее, погнав его в недвижимый коммунистический эдем, но и сами предали свою идею, построив для себя отдельный, зазаборный раек с закрытыми распределителями благ здоровья, увеселений и сладострастий.

Поэтому идея нового перепаха общества, вертикальной смены его пластов вызревала не только в социальных напряжениях народного неблагополучия, но и в потаенных катакомбах самого деморализованного коммунизма.

Задача такого перепаха грандиозна и предельно ответственна. Тем не менее множественные попытки запустить историческое орапо оказались несостоятельными. Перестроечный плут, установленный гайдаровскими пахарями-самоучками на несоразмерную идиллическую глубину, сразу же завяз в слежалой толще общественного неустройства, перевитого корнями цепкой большевистской идеологии.

Но получилось не столько дешево, сколько сердито. Устроители будто бы новой морали самосудно пустились метить крестами забвения чем-то не показавшиеся имена, как, например, был предан анафеме много сделавший для кинематографа режиссер Сергей Бондарчук. Едва не вывели «на канаву» прекрасного актера Евгения Матвеева только за то, что он сыграл Нагульнова в пресловутой «Поднятой целине», а может, и за то, что его брови оказались уж очень похожими на брови генсека Брежнева.

Да и дивный Бунин представлен молодежи всего лишь раздраженными и не во всем справедливыми «Окаянными днями», тогда как за одно только «Легкое дыхание» я бы отдал всю современную новеллистику.

В элитных салонах ныне стало неприличным поминать кисть Репина, поскольку он своим якобы прямолинейным примитивом не способен что-либо противопоставить непостижимому «Черному квадрату» Казимира Малевича, тем паче тонкому и задушевному иррационализму Марка Шагала.

Подобную калибровку почувствовал на себе и я. Уже с первых дней нового порядка меня определили в состав «бывших», не отвечающих духу современности, хотя меня никак нельзя было упрекнуть в том, что я баловался соцреализмом и угодничал перед прежним режимом. Алексей Кондратович, ответсекретарь «Нового мира», в своем дневнике еще в 1966 году вспоминает, как его вызывали в Главлит по поводу моего рассказа «За долами, за лесами». Начальник Главлита, некий Аветисян, резюмировал: «В тридцать седьмом году вас бы посадили...» (сиречь и автора, и редактора). Меня поспешили вычеркнуть из прежних издательских планов, расторгли заключенные договоры и перекрыли радиоэфир для моих рассказов. Не стало столичных заинтересованных звонков, опустел и почтовый ящик. Постепенно ветшая и изнашиваясь, мои прежние книги начали исчезать с библиотечных полок, которые больше не восполнялись, поскольку выход новых изданий был произвольно остановлен.

Я списался с Василием Беловым, и оказалось, что и он пребывал в таком же мертвящем положении. Но у того хотя бы была видимая причина: когда-то он написал не совсем дальновидный роман о своей парижской поездке...

...Я хожу вдоль рядов книжного сброса, выискивая знакомые имена. Вот сощуренно усмехается с обложки Анатолий Рыбаков, уже упокоившийся за океаном. А это добродушно растягивает до ушей свои подростковые губы Анатолий Алексин, тоже облюбовавший для творчества иные берега. У него в развале сразу аж четыре тома! Везет же человеку! А вот и новый кумир, Виктор Пелевин, один из романов которого начинается почти патологической строкой:

«Утреннее солнце высветило каверны можжевельника».

Было острое ощущение конца света.

И вот однажды, зимним заиндевелым днем, вдруг раздался телефонный звонок, и в трубке совсем близко зазвучал неизвестный и в то же время удивительно узнаваемый по своей торопливой деловой тональности голос.

Этот голос я уже много и подолгу слушал, и он прочно запал в мою чувственную память всей своей неповторимой особенностью.

— С вами говорит Солженицын.

Это было так внезапно, так неподготовленно, что, совершенно обескураженный, я спросил нелепо и глупо:

— А вы откуда?

Говоривший не стал отвечать на мой оторопелый вопрос — откуда он, а сразу же объявил, что мне в паре с Константином Воробьевым присуждается известная всем премия за предстоящий год.

Ради ощущения чуда я вынужден тут хронологически несколько сместить событийность и сообщу, что во исполнение воли мессии нашлись такие сподвижники, которые отвалили этот захоронный камень и освободили от усыпальных пут воскрешенного Лазаря.

Я с удовольствием называю их имена: это Леонид Фролов и Георгий Пряхин. Они совсем недавно издали мои книги «Вечерние стога» и «Журавлиный клин», которые выставлены здесь и которые можно полистать как живую реальность.

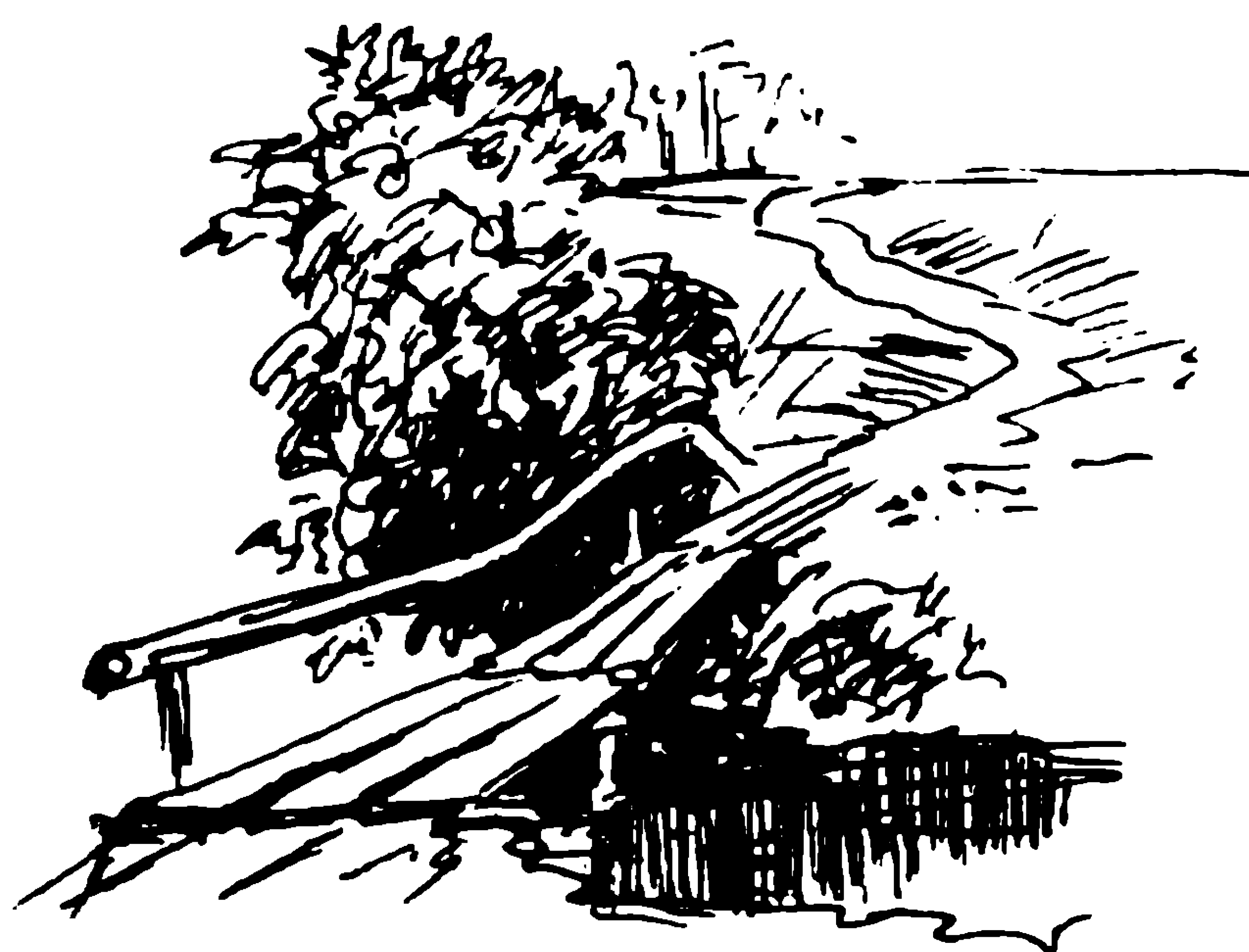
Пришел момент низко, сердечно и благодарно поклониться дорогому Александру Исаевичу, воочию воплотившему это чудо о воскрешении Лазаря. А также всем его единомышленникам и соучредителям. Особую душевную признательность выражаю Наталье Дмитриевне Солженицыной — за ее жертвенное сподвижничество и удивительную человеческую доброту...

2001

«Несказанно рад твоему письму!»

Переписка разных лет

Е.И. НОСОВ — В.А. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

Дорогой Всеволод Александрович!

Очень благодарен Вам за теплое отеческое письмо и за фотографии. Они мне вновь напомнили о чудесном Ленинграде и днях нашей совместной работы. В моей жизни не много таких событий, чтобы не помнить об этом. С особенным чувством признательности думаю о Вас, дорогой Всеволод Александрович, крепко жму Вашу руку и от души желаю доброго-предоброго здоровья и творческих успехов в Новом году.

Я ношу в кармане кусочек обточенного гранита — в память о нашей экскурсии по городу и посещении берега Финского залива.

Вернулся домой с уймой впечатлений и хорошей творческой зарядкой.

Не знаю, слышали ли Вы мои рассказы по московскому радио? Их как раз передавали на Новый год, в 9.20 вечера. Читали опять же «Живое пламя» и «Таинственного музыканта». Очевидно, они многим пришлись по душе, потому что сейчас получаю письма с хорошими откликами.

«Радугу» взяли в журнал «Молодая гвардия». Очевидно, будет напечатана в первой книжке этого года.

Дорогой Всеволод Александрович! Уезжая из Ленинграда, я оставил весь свой творческий архив у Екатерины Михайловны Шереметьевой из «Костра». Кроме тех рассказов, которые Вам известны, там еще есть более десятка, которые Вы не читали и которые я так и не сумел передать Вам. А так хотелось, чтобы Вы их посмотрели. Не знаю, не затрудняю ли я Вас, но хотелось бы просить Вас взглянуть на них. Там даже есть крошечная повестушка «Пропавшая заря». Из всей этой папки рассказов «Костер» выберет лишь одну какую-нибудь вещь. Остальные им не понадобятся и будут напрасно пылиться в архиве.

А еще взяла у меня тот самый сборничек, который разбирался на семинаре, тов. Довлатова из Лениздата. Но я, к сожалению, потерял ее адрес и не знаю, как с ней связаться.

Сейчас работаю над циклом рассказов, объединенных общим местом действия и действующими лицами. Работа увлекла. Одновременно написал несколько этюдов, которые (два) посылаю Вам. Совершенно не уверен, что они имеют какую-либо литературную ценность. «Сучок» — это набросок о литературной кухне, коротенькое размышление о вещах, которые окружают нас и становятся объектом изображения. Вторая вещица — типичный весенний этюд, весь построенный на чувстве и красках. Очень робею, показывая Вам, но тем не менее прошу показать и Вашей дочери. Интересно, как она воспримет их?

Увидите Степана Васильевича, прошу кланяться ему. Чудесный человек! Кстати, Нина Семенова¹ — в Ялте, в Доме творчества. Проезжала через Курск, но не дала о себе знать, пишет, что не хотела меня будить: ехала через Курск ночью. Я сообщил ей о фотографиях.

10 января 1958

Еще раз сердечно благодарю за внимание. Буду чрезвычайно рад держать с Вами связь.

Искренне Ваш.

Е. Носов

Е.И. НОСОВ — В.П. АСТАФЬЕВУ

1

Дорогой Витя!

Сижу в Переделкине. Вернее, сидел, сегодня уезжаю — залили дожди. В прошлые годы купался здесь в пруду, а нынче — сыро, вода холодная. Зато — грибы. Вчера пошел по территории и возле стола нашел два белых, а возле второго — целую кучу валуев, которые отдал тете Дуне — уборщице. И еще — комарье.

Из наших общих знакомых был Юра Воронов¹, который редактирует журнал и хочет изменить его, повернуть к русской литературе.

Говорили о твоём романе, и Юра почесал затылок, мол, Виктор наверняка уже кому-то пообещал. Я предложил все-таки к тебе обратиться. А что? Такая была бы поддержка и Юре, и его журналу. Встретил твою болгарскую переводчицу, говорила об очках, заказанных для тебя, дорогих, но не знает, как их тебе передать. Я сказал насчет Капустиных, дал ей Женин телефон. Оказалось, она живет в доме с ними рядом и обрадовалась. Ты имей это в виду.

Женя
1963

2

Дорогой Витя!

Все думал, думал, как ответить на твое предложение и приглашение погостить у тебя. Так ничего пока и не придумал. Оставь за мной возможность написать более определенно — да или нет. Сейчас просто не могу представить свое время на такой далекий срок. Кто знает, как получится со временем. Пока знаю, что июнь буду работать, а дальше — не знаю. А тут еще вклинивается одно сугубо важное дело. Но все-таки оставь слово за мной — очень уж заманчиво побродяжить с тобой в твоих угодьях. Я знаю: такие приглашения не рассылаются на ветер, и я очень это ценю как доброе ко мне отношение.

В Москве я был, и разминулись мы с тобой довольно близко. Предлагали мне там пойти на зав. отделом в новый журнал «Волга», но я не захотел. Контора — не мое дело. Договорился с «Советской Россией» о книжечке на 66 год. Там сейчас Володя Туркин, и если есть у тебя что предложить — куй железо. Кстати, можешь к нему зайти и перетолковать на обратном пути.

Прислал своих «Первых петухов» Сапожников¹. Книжка ничего получилась, но уж больно размалеванная, похожая на деревенского кочета. Тебе не присылал?

Ая свою повестуху забросил. Что-то стало нудно ее писать. Я все лезу в социологию, что-то пытаюсь доказывать, а это вряд ли нужно. Ведь все эти штуки, пусть даже написанные с жаром души, быстро гаснут и покрываются холодным пеплом. Спустя пять — десять лет их читать уже невозможно. Очевидно, надо подумывать о «вечности» творений, об их всегдашней свежести, и в этом смысле лучшее дело, ты прав, — лирический, теплый и душевный, не обязательно сладкий и благополучный рассказ. Тем не менее, бросив по этой причине повесть (может быть, временно), катаю сейчас опять-таки злой рассказ о деревне, как ты выразился, строю золотой нужник. Уж больно зло берет. Назвал пока «Потрава». Накатал три главы или четыре. Осталось дописать последнюю. Закончу — покажу. Хотя тебе показывать всегда как-то и стыдно, и боязно.

Как там прибалтийские елки-палки и лес густой? Как отдыхается — работается? Где-то там сейчас на своей мызе уединился с Валдой-Милзой Можяев². Если бы знать адрес, можно бы тебе послать ему открыточку, и он бы подскочил в Дубулты — повидаться и поболтать.

Обнимаю тебя, родной. Напиши, если выберется минутка.

Женя
1964

3

Витя, привет!

Обрадовал ты меня своим письмецом, хотя, честно говоря, разбирал я его два дня. Ну и узелки ты вяжешь! Сначала разобрал толь-

ко отдельные слова, хотя и по ним все понял. А сейчас вот распутал все до запятой. Это с непривычки. Присылай еще — привыкну.

Насчет твоей повести — действительно закавыка. Но, как я понимаю, ты упустил какой-то благоприятный момент. Был такой просвет в нашем многослойном официальном мышлении. Теперь, кажется, дело чуть-чуть меняется. Но вообще-то надо толкать. Я, конечно, тупо представляю, куда ее можно сунуть, тем более что о содержании знаю только с твоих слов. А если, скажем, не обязательно ломиться в столичные? А допустим, в «Урал» или «Сибирские огни»? А уж потом издать отдельно в Москве?

Кстати, для сведения: Туркин сейчас в «Советской России», и он может для тебя застолбить место на самое ближайшее время.

А я связался с повестью и чувствую, что очень рискованное это дело по замыслу. Пнут меня за нее, а то и просто никуда не возьмут. Но догрызать повесть надо. Пишу с пробуксовками, застреваю, как худой грузовичко, да и тема такая — все больше трясины, а сухие бугорки только кое-где маячат. Уходил я с ней, закурил всю хату, и даже сердчишко стало по ночам давить. А передохнуть, сбегать на речку все как-то не получается. Да и погода распроклятая: сегодня сыпал снег, а у нас об эту пору уже цветет черемуха.

Сегодня закончил четвертую главу и несколько дней поваляю дурака.

Получил от Пети Борискова книжку очерков о Карелии. Славно написана, с истинно Петиной добротой. В сущности, книжка об одном только селе, но в ней — вся Карелия: сплав леса, падуны, озера и озерки, лесные избушки, язи, лоси и пр. Зовет туда и, между прочим, обижается на тебя, что ты уже три года собираешься и никак не доедешь.

А я через неделю в Москве — приглашают на какое-то совещание детских писателей. Пробуду там с неделю. Так что наши орбиты сойдутся довольно близко, но все-таки с разрывом в неделю. Если потянуть по несколько дней с обеих сторон, то можно и встретиться. Но время ли: ведь ты будешь не один. Разве только что выедешь на несколько дней раньше своих домочадцев.

Витек, черкнул бы ты рецензенку на мою книжку, что ли. Пишу, пишу, а как в кадушку: ни звуку ни грюку. И та прошла незамеченной, и эта, кажется, тоже молчком пройдет. Если будет охота и время.

Как отгулял май? Я — так никак. Болел. Но на День нашей Победы надо трохи тяпнуть, а?

Поздравляю тебя сердечно с этим суровым и великим днем, и, ты прав, хорошо бы, если бы еще по двадцать без войны.

Женя
1965

4

Дорогой, милый Витюха!

Посылаю тебе фотокарточки. Вот уж несколько дней, как я с теплым чувством разглядываю твою родную человеческую морду на фото.

Все-таки славно, что ты побывал. Жалко только, что мало, что был болен и что вклинился этот семинар. На другой день я орал на заключительном слове, облаял своего турка-шефа, накричал за тебя, что проявили по отношению к тебе свинство. И еще будем добивать его на писательском собрании.

Спасибо, что покрутил мешалкой в застойном котле «Нового мира». Рассказ мог попасть в поток самотека. Им-то что! Хотя бы прочитали, черти!

Получил письмо от Сапожникова. Вопит, что все молчат, не отвечают на письма. То-то! Не заносись, парень! Литература — дело такое. Тянуть ее надо ровно, как положено хорошей рабочей лошади. А он все как жеребчик: норовит лягнуть соседа, цапнуть за холку.

Внял твоему совету: сел писать «Затмение луны». Накатал одну главу. Самочувствие такое, будто ходишь по канату. Пока что кусок каната прошел, не сорвался. Потопаю дальше, буду строить веселые рожи, но на душе — холод и страх. Наверно, вечно будет этот страх в душе: боязнь сорваться. Все-таки все мы в той или иной мере самоделковые канатоходцы. Но иного выхода нет: пусть весь в синяках и шишках, а идти все равно надо. Если напишу более или менее удачно — пришлою почитать.

А у нас сейчас дивная погода: солнце, теплынь, что-то около 12 градусов. Завтра смоюсь на речку. Я уже после твоего отъезда один раз был, но не очень удачно. Целый день с Женькой молотили. Он поймал одного окуня (на спиннинг), а я пару щук. Правда, погода была похуже. Сейчас хорошее время ловить окуня на зимнюю блесну с длинной удочки. Можно поймать много. Но я не хочу: еще успею надергаться зимой.

Игорек укатил в Москву. Будешь в Москве — иногда навещай его. Парень он славный, но боюсь за него в том вертепе.

Прислал письмишко Вася Белов. Сидит в деревушке, жалуется, что не с кем пилить дрова. Сообщил неприятную весть: в озере ихнем утонули два 17-летних парнишки. Одного из них я знаю. Перевернулись с осиновою долбленкой, до берега далеко, замерзли в ледяной воде. С содроганием вспоминаю, как мы с Васькой плавали по озеру и как нас застала буря и мы держались за колья, носом на волну.

Витек, успею ли поздравить тебя с праздником? Обнимаю тебя сердечно, кланяюсь Марье¹ и твоим ребятишкам.

А в деревню ты сможешь попасть из-за ледостава?

Женя

1965 или 1966

5

Дорогой Виктор!

Извини, пожалуйста, задержался с ответом. Заела попа грамота. Как знаешь, под Новый год я поехал в Москву. В «Новый мир». Полгода провалялись у них рассказы. Надо было спасать. Или у них добиваться печати, или где-то еще. Приехал. Берзер¹ прочитала. Она за «Потраву», но против второго. Потом прочитал Виноградов. Он — за оба. Потом читали Лакшин² и другие. Но не было Дементьева. Куда-то уехал. Все застопорилось. И я уехал. Числа 27-го. Встретил Новый год, прочитал новый рассказ. И вдруг телеграмма из «Нового мира». Поехал. Дементьев³ — за оба. Сели редактировать. Снимали с меня кучеряшки. Настрогали, думал, что теперь лысый останусь. А они, шельмы, хохочут. При мне заслали в набор. Одновременно я хотел пристроить где-нибудь «Затмение луны». Но перед тем показал Лильче⁴. Она, парень, разбирается в этих делах хорошо. Зарубила большой кусок, ближе к концу. Надо, говорит, переделать. А я уже договорился с Зубавиным, что вышлю ему к 15 января. Думал, управлюсь с переделкой. Но вызов «Нового мира» спутал мне все дела с «Затмением». Пришлось бросить пока. Вот теперь сижу в поте и мыле, дострагиваю. Потому как-то не сумел, не собрался с силенками написать тебе о твоём рассказе. Как-то думал, что это будет трудно. Так что, Витя, не обижайся за задержку. Так вышло. Даже на рыбалку сбегать некогда. Сижу, зарос, глаза очумелые, порой и мысли в голове уже ни единой, а строчить надо.

Теперь о рассказе. Честно говоря, я тоже сначала не нашел, что в нем дотягивать или как-то иначе. Повез его Лильче. Она посмотрела. (Ты не фыркай, что я ей показал. Дескать, тоже, мол, судья!) После того мне как-то стало самому яснее. Дело в том, что мы почти сошлись в оценке. Она так полностью одобрила и даже кое в чем поспорила со мной. Вот какие мои замечания (с которыми Лильча, между прочим, не согласна): мне кажется, что конфликт с Ширинкиным ты трохи измельчил под конец. Ширинкин при своем положении все-таки серьезная сила. Царишка! Самосуд и самодур. И когда Ночка хватает его за морду — тут уж слишком карикатурно! Затрачивается вхолостую тот огромный морально-психологический заряд, который ты готовил всем началом рассказа; в то же время понимаю, что если как-то делать иначе, то порвется цепь рассказа. Собственно, на удавлении верного друга подонком Сухониным из-за этого курьезного случая с Ширинкиным и держится весь рассказ. Если же к этому добавить тот случай, когда Ширинкин организует убийство молодого специалиста, то Ширинкин проступает как грубая, тупая, глупая и не очень-то потому опасная сила, хотя и наделенная властью. Дело ведь в том, что таких и само наивысшее руководство не терпит. Иваны Иванычичи куда хитрее, демагогичнее, очень не прочь побаловаться в демократию! Вот такие балкой убивать не будут.

Они убивают иначе. А у тебя Ширинкин — дурак и дурак. И все знают, что дурак. И должны смеяться, а не бояться его. И высокое начальство долго не будет его держать, поскольку он уж слишком примитивен, как пещерный питекантроп.

Витек, пишу тебе без всякой уверенности в своей правоте. Может, все, что я наговорил, — чушь. Лильча, например, со мной не согласна. Говорит, что может быть и такой Иван Иванович. Тем более где-то в глубинке.

Но вот второе замечание, которое я бы отстаивал. У тебя есть стилевые срывы. Ты начинаешь рассказ широко, плавно, элегически, чистым, хорошим языком размышляющего интеллигента. А в середине есть места, где ты срываешься, — говоришь запальчиво и грубо. Например, тебе надо бы посмотреть все места, где описывается житие Ив. Ив. Смотри, как у тебя: «Три дня и три ночи гуляли по случаю возвращения земляка засекинцы, слюной и слезами мазали ему пиджак». И дальше про вошебойку. Это в то время, как вначале все идет на легком дыхании: «Где-то я слышал, будто в час синих сумерек рождаются ангелы...» Мне кажется, что если бы рассказ был выдержан в подобном грустном, сдержанном, элегическом настрое, то он разил бы куда сильнее, чем твое злое ехидство. Об Ив. Ив. надо бы тоже рассказывать сдержанно и печально, как ты прекрасно сделал это в «Индии». (С этим Лильча тоже не согласилась. Она говорит, что рассказчик — это сам Витька. Он может быть и раздумчиво-грустен, и вот так, когда надо, резок, непримирим и даже грубоват в запальчивости. Почему же не могут быть люди, подобные Витьке?) Но я с этим доводом так и не согласился.

И третье. Это уже не столь существенно. Надо тебе чуть подправить портрет Ночки. У нее передавленное горло, это вызывает у нас к ней особое, сочувственное отношение, а потому режет ухо, разрушает образ, если так можно сказать, собаки то место, где ты пишешь об ее хвосте: «Мне даже кажется, что Ночка понимает цену и важность своего хвоста и немного форсит, укладывая его на холке с особым, крендельным, шиком». Какой уж там шик, если она, кроме тертых сухарей, ничего есть не может. Несоответствие. И дальше, в том месте, где скребет лапами и чуть сама не снимает с дерева белку, — тут тоже текст работает на разрушение образа. Она ведет себя, как здоровая собака. Даже как выдающаяся из всех собак. Бодра, активна, предприимчива. Очевидно, травмированная, хотя и оставшаяся верной своему охотничьему долгу, собака будет вести себя иначе. Что-то приглушится в ней. Она может оставаться все так же умной, добычливой, но все должно соответствовать ее состоянию. Ведь психология у неё будет после петли иной. Да ты и сам об этом пишешь: она не отзывается на голос рассказчика. Мне кажется, что тут можно поправить, ничего не выбрасывая. Просто и ее хвост, и поведение на охоте сделать в прошедшем времени, то есть отнести

его к тому состоянию собаки, когда над ней так гнусно не расправлялись. Напр.: «Особый вид Ночке придавал хвост». Или: «В прежнее время Ночка понимала цену и важность своего хвоста и немного форсила...» Или как-то в этом роде. И лишь где-то потом сделать переход, сказать, что теперь что-то изменилось и в поведении, и в облике собаки. И вот как хорошо ляжет то место, где ты сравниваешь теперешнюю Ночку с многосемейной хозяйкой, которая «сама костями гремит...». А у тебя она еще хвост с крендельным шиком носит. Несоответствие. Взаимоисключающие подробности.

Вить, вот и все. А вообще очень хорошо! С болью, с тревогой сделано. Дай бог каждому так сработать.

«Луну» я тебе не послал, потому что не готова. Сижу, перетряхиваю.

Получил ли ты фотокарточки из Белгорода? Я получил. И еще к Новому году — монографию о городе с серией открыток.

В Москве ничего нового не узнал. За неделю до меня был там Вася Белов, что-то толкал. После него через два дня застрелился сынишка Яшина⁵. Вася как раз у Яшина до того жил. Пишет мне, что написал повестуху на 9 листов об одном мужике, Иване Африканыче, которого я знаю. Отдал в «Советский писатель» и в «Север».

Игорек⁶ наш помаленьку учится и пописывает. Читал мне свои новые заготовки. Ну, брат, здорово! Силища какая у парня. Есть у него сцена похорон девочки. С попами, с отпеваниями, дает церковные молитвы прямо по Евангелию. Прошибает до слез. Широко пишет, где-то по-толстовски. Что-то из него должно получиться.

Сейчас я помаленьку болею. Грызет меня брюхо, и по ночам — бессонница. Сплю с бутылкой под боком, а у изголовья банка соды, которую глотаю среди ночи, когда особенно приспичит. А вот против бессонницы средств никаких нет. Единственное — день на воздухе, на рыбалке.

Витек, пиши. Привет дому. 18–19 февраля приглашают на пленум Союза. Оказывается, я какой-то член комиссии по прозе. Когда собираешься в Москву? Сообщи.

Обнимаю.

Женя
1966

6

Дорогой Витя!

Письмо твое я все-таки получил с большой жирной пятеркой вместо ноля, кто-то переправил «30» на «35»¹. Но, судя по штемпелям, оно где-то походило, хотя и не вскрылось, надо думать.

Я очень рад, что «Кража»² наконец пошла. Прочту и напишу о ней непременно. Но пока в городе еще нет в продаже «Сибирских огней». Днями должны появиться. Включил ли ты повесть в новый сборник? Или только одни рассказы? А повесть будешь издавать отдельно?

Мое «Затмение» тоже в восьмой книжке «Современника». Толя Соболев прислал о повести первый отклик, а у нас тоже еще нет в киосках. После нее написал еще один рассказ — «Храм Афродиты». Также о деревенской жизни. Лежит пока в столе, никуда не посылал. Я о нем еще и сам не составил мнения. Знаю только, что он не в жилу, особенно после последних постановлений о «культурной революции».

Книжка моя с исключением новомирских рассказов идет в «Советской России». Уже видел частичное оформление. Какой-то пижон с растительностью Иисуса Христа на аскетической тощей физиономии взялся иллюстрировать. Он приезжал ко мне и показывал. Делает под Фаворского³ псевдогравюры. Очень изящно, утонченно и для московских дамочек — ничего. Но уж больно благодушно. О деревенской жизни он ровным счетом ни в зуб ногой. А сборник подобрался такой, что и рисунок в нем должен быть тревожный и где-то беспощадно-суровый. Впрочем, «Советская Россия» никак не наладит должное оформление книжек. Я уж говорил им о твоём сборнике, как они его безнадежно засинили и ослепили.

Сейчас вот все думаю засесть за новый рассказ о рыбалке. Собственно, рыбалка там будет только фоном. Хочется мне разделаться с одной разновидностью рыболовов. Есть такая начальствующая каста. Они и на рыбалке якшаются только друг с другом. На них добротные полушубки, и лески шведские и норвежские, и нашего брата, щелкопера, чураются и в душе презирают, считая, что река для них продолжение служебного кабинета. В общем, планов всяких много, но пишу я мало и медленно, для меня каждый рассказ — все едино что роды. И беременность проходит тяжело, и рожать еще тяжелее, аж осунешься и глаза провалятся.

Витек, спасибо, родной, за приглашение. Очень хочется мне повидать тебя, поглядеть на твои пермские пенаты. Но как-то все не складывается, время, как говорят хохлы, проходит швырком. Вот уж и лето проскочило, а я только раза три побывал на рыбалке, да и то осталось впечатление, что я бывал как-то наскоком, по-быстрому. Даже в этом году ни разу не искупался. Теперь уж отложу поездку к тебе до следующего лета. А увидимся, может быть, в Москве. Надо только списаться. Когда будет этот пленум, о котором ты говорил? А я надумал поехать на конец октября — ноябрь в Переделкино. Посижу там маленько. Замучил меня желудок...

Квартиру мне не дали, хоть и прошел какой-то шумок, да и я не настаиваю. Да и жалко мне уходить из своей деревни в казенную цивилизацию, привык я к своей крапиве, к мухоловкам, к ощущению земли под босыми пятками. Вот подремонтировал маленько избу, стало чуть-чуть почище, да и ладно.

Побывал я этим летом у себя на родине, в той самой деревушке на горизонте, которую мы видели с тобой с курского крепостного

бугра. Побывал и расстроился, так же, как и ты. Увидел свою родную хату, забитые ржавым железом окна и надпись мелом на железе: «В этом доме никто не живет». Года три тому назад там еще обитала моя бабушка в обществе двух козлят, которых она под осень зарезала себе на зимнее пропитание. А сейчас она переселилась под одичавшую сирень на кладбище, откуда далеко видно окрест — и река внизу, и лес за рекою. И тоже ходят по тем благодатным местам какие-то девки в купальниках, и солдаты на амфибиях учатся форсировать водные рубежи и на гусеницы наматывают водоросли и последнюю рыбеху. Никакой там деревни теперь не осталось, так, куча домов, населенная шустрой жуликоватой публикой, поголовно работающей не на земле, а кто на железной дороге, кто на стройке, кто на базах, кто шоферами. Какой-то люмпен. Ни путного петуха, ни собаки, одна бензиновая вонь на улице. Словом — поедешь, и одно расстройство. Ты прав, лучше и не бывать. Много я увидел и услышал там такого, что даже скулы ломит... Одно утешение — работа. Ты знаешь, и до сих пор идут письма с откликами на новомирские рассказы. Значит, народ читает! Это такая мне, Витя, поддержка. Как, оказывается, важно попасть в самое человеческое сердце. А официальная критика помалкивает. Правда, в 7-й или 8-й книжке «Невы» (забыл, кажется, все-таки в 7-й) есть статья ленинградского критика Гурелова «Дело всей жизни» — о языке современной прозы. Там об этих рассказах сказано много и очень основательно. Ты бы посмотрел, Вить. Там и о Васе Белове тоже. А его Иван Африканыч⁴ — что-то гомеровское. Я его тоже спрашивал, Васю, что он еще хочет к этому добавлять. Кажется, все завязано. Впрочем, сам знаешь, писать о родине можно бесконечно. Повесть его выходит в «Советском писателе».

А Ленька Соболев сейчас живет в Орле, кажется, я тебе говорил. Или даже ты его сам видел. Не знаю, как у него теперь дела, но книжечку он издал в «Советском писателе».

Вить, обнимаю тебя, родной.

Женя
1966

7

Витек, здравствуй, дорогой!

Вот черт! Сижку пишу тебе вочках — в тетки-Таниных. Худо стал видеть и вообще чувствую, что сдаю сильно. В эти 2–3 года. Пора! Этот «уголек», который мы с тобой покупаем, дает себя знать. Непременно посмотрю в магазинах твою книжку. Может статься, что есть, а может, придется как-то доставать.

Вот ведь как получается! То, о чем ты говоришь (касаемо работы), донимает и меня. Хочешь сказать фразу, а раздухаришься, наболтаешь страницу. У меня тоже так с «Затмением» получается.

Третий раз уже переписываю, и все время прет наружу лишнее. Так хочется выговориться. Значит, надо тоньше делать, тоньше, Витя, тоньше... Сильнее бьет.

Вот опять получил нокаут, брошен на землю, буду вытирать разбитую морду и снова переписывать. А пороку уже нет, не чувствую вещь, записал, надо бы отложить, но поджимают сроки. Если в течение марта не напишу, то в этом году ни в одном журнале не пробью. Они везде уже планируют 6–7-е номера. Надо поспешить с журнальным вариантом, а то жрать нечего будет. За весь прошлый год весь мой урожай — 3 рассказа, из которых опубликовали только один. В «Новом мире» тоже может сорваться, это дело такое. Цензура секанет, обстоятельства могут быть не те, не попадешь в жилу, тем более что скоро съезд, и т. д.

Развязаться бы с повестухой, малость передохнуть, да сел бы писать рассказы — милое дело! Есть тройка хороших тем — давно я на них облизываюсь. Одна тяжелая, трудная — «Два сольди» (про самогонщицу, ты знаешь), а две полегче: «Переписка на машинке» и «Лесные дудочки».

«Переписка на машинке» — о бедолагах-машинистках, печатающих на дому. Есть среди них хищницы, есть горемыки. Хочу сделать такой экскурс по московским подворотням, ковырнуть эту столичную жизнь. Героиней возьму безногую девку без роду, без племени, без мужика... Тюкает с ошибками... Ну да ладно, может, еще и не стану писать.

Сегодня сидел рисовал Вологду. Из старых своих блокнотов. Что-то захотелось света, цвета, красок. Они тоже очищают душу. Завтра засяду работать. Если ничего получится — пришлю. Я ведь тебя, Витя, стыжусь, когда плохо.

Ты знаешь, нет твоей книжки у нас. Спрашивал в магазинах, в книготорге. Говорят, что еще не получали. Буду заходить, узнавать.

Витек! Прочитал твоего «Монаха». Очень хорошо! Чисто и грустно. Чудесно получилась бабушка. Да и дед тоже. Хотя в начале рассказа ты избегаешь о нем говорить, и он тебе как бы чем-то мешает. Очень зримо все путешествие мальчонки в новых штанах. Особенно сильно сделано то место, где парнишка смотрит с обрыва на таежные и заречные дали.

Витек, очень впечатляют, как-то направляют весь настрой на грустные размышления твои коротенькие вставочки, забежки вперед, вроде того, что да, не знал я тогда, что лучших штанов у меня уже никогда не будет, или о том, как спустя время ты окажешься в низовьях Енисея... Эти забежки делают рассказ очень глубоким, с большим драматическим подтекстом, и становятся особенно ясными нелепость и жестокость расправы над такими трудягами, как твои дед и бабка, которых потом повезли глядеть кузькину мать. Не будь этих твоих отступлений, похожих на тяжкий вздох, рассказ не имел бы второго, глубинного течения.

Вить, очень хорошо написано: и по мысли, и по языку. Но все же хочется кое-что сказать по сюжету. Ты не сердись, может быть, это мне показалось.

Ты знаешь, я читал рассказ с напряжением и душевной болью только до того места, когда мальчонка пришел к деду. Видимо, здесь и кончается рассказ — на том месте, где дед, этот суровый и строгий молчун, цыкает на второго парнишку за то, что тот упрекает «монаха» в девчачьем занятии — собирании цветов.

Дальше пошло уже чисто приключенчески — без подтекста, без той легкой грусти, которая, как утренней дымкой, путает все твоё повествование. И как ни странно, особенно не принимаешь всю сценку с утоплением сапог. Во-первых, потому, что все это уже было. Во-вторых, потому, что это лежит на поверхности. Раз сшили новые штаны с такими превеликими трудами, то с ними, штанами, должно непременно что-то случиться. И случилось! И это плохо. И немножечко стыдно читать, потому что все известно заранее.

В этом пристегнутом кончике с гибелью сапог и штанов (они потеряли прежний вид) много такого, чему внутренне сопротивляешься. Совершенно неоправданно появление на заимке бабушки. Не то что бы неоправданно, а оно просто не нужно. Бабка здесь рисуется уже не такой, какой я ее запомнил. Здесь она тоже приключенческая, вроде тетки Тома Сойера. Непонятно, зачем она так упорно пытается изловить этого злыдня, который спровоцировал утопление сапог? И опять — не то чтобы непонятно. Понять-то понятно, но не нужно. Лишнее все это. Лишенное подтекста, а стало быть и той прелести, которую испытываешь, читая рассказ с самого начала. Все это место — про лягуху, про колдобину с водой, про перебранку ребятишек, про свирепое упрямство «монаха», застрявшего в грязи, — все это написано само по себе очень хорошо, но довесочно.

Вить, подумай. Сразу как-то трудно что-то принять. Мне кажется, что так... Но может быть, и я тут наплел и не прав. Но все-таки первое впечатление мое такое: бежал, бежал рассказ ручейком и вдруг растекся мелкой лужицей. Лужицу эту, мне думается, надо отсечь. Тем более что она отсекается безболезненно. Мне думается, что нельзя специально топить штаны. Достаточно одного того, что он их вымарал и вымочил по дороге на заимку (залазил в обожженное дупло, бродил по ручью). И может быть, даже где-то трошки деранул штанину о сук или обо что еще... И все. Рассказ получился оригинальным, очень самобытным, без банальностей. Ведь рассказ, в сущности, не о штанах! О жизни рассказ! О ее суровых перевалах и перелогах. Он как вздох у тебя. Он очень значителен своим произвольным обобщением. Он прекрасен, как строгая линогравюра. Но без сцены утопления. Дальше вздоха нет, рассказ не парит, а волочится по дороге. Его еще несет ветром твоего разгоряченного воображения и расправленных воспомина-

ний... Ты где-то увлекся, и я понимаю это, коль дело дошло до воспоминаний пережитого.

В общем, написал я тебе целый короб — ругайся не ругайся. Поверь, что написал это с глубокой любовью к твоему рассказу. Он где-то соперничает с «Далекой и близкой сказкой», и соперничает успешно: строгостью своей, панорамностью, лиризмом и многим другим. А еще точнее сказать, что он продолжает твою «Сказку». Молодец ты, Витька! Сколько в тебе всего!

Про кемеровский семинар ничего не знаю. Когда будет — тоже не знаю. Никто меня туда и не звал. Да и с какой стати они позовут меня туда? А вообще, я бы поехал. И вполне согласен с тобой, что хоть так только посмотришь на Россию, тем более что в Сибири я никогда не бывал.

Вить, а у нас уже не то чтоб весна, а чистое лето. Я уже загорел на речке, успел опечь плечи до волдырей. Кругом зацветает черемуха. Речки убрались в берега, и славно ходить по чистым, намытым пескам. Очень бойко клевал последний раз на червя подъязок икряной. Брал под самым берегом мелким — не больше метра. На хлеб еще не хочет. Скоро пойду с горохом.

Не прочитал ли ты «Привычное дело» у Васятки Белова, в «Севере»? А какие у тебя дела с «Кражей»? Что-то Юрий Петухов¹ писал мне, будто дело застопорилось. Не сердись, что не так сказал о рассказе.

Обнимаю.

Твой Женя
1966

8

Родной мой!

Ну, прежде всего, сломал себе руку — хожу с гипсовой культей, поскользнулся на наших курских ухабах.

Разозлился я на все это и уехал с Игорьком в его Орловщину. Мотались по заснеженной России, по ее городишкам и весям. Снега выше грузовиков. Шоферня поразбросала машины по полям и утекла. Едва мы пробились... А потом несколько дней гудела вьюга, и мы отсиживались в избенке тетки Феклы — Игоревой родной тетки. Она изжарила нам в русской печке свинину под завывание метели. И еще наслушались тетки Феклы старинных русских песен.

Какая же это удивительная прелесть — покосные, троицкие, мясоедские и т. п.! Бездна поэзии, чудом уцелевшая в этой одинокой бабьей душе. Живет она одна-одинешенька и от скуки сама для себя гонит самогонку из буряков. А то иногда забредают к ней подружки и сидят за бутылкой «змия», вспоминают жите-бытье, поплачут, попоют... Вот, говорит, китайцы опять что-то на Красной площади порушили, видать, пенсию нам не дадут, раз пошла такая поруха... Народ! Он все соображает и очень тонко отзывается на события.

Висит у нее прибитый гвоздем к стенке «Астор» — пустая пачка английских сигарет, забытая Игорем еще летом. Выбросить пачку не решилась — больно красивая, какой-то лорд нарисован в белом парике, вот и приколола его к стенке — для украшения жизни.

А моя «Афродита», видать, накрылась в связи со статьей в «Правде» по «Новому миру». Им теперь не до этого. И «Пятый день осенней выставки» не в жилу попал. Отдавал я Зубавину. Василевский прислал рецензию, что-де опять «Матренин двор», надо выправить героиню, сделать ее полную достоинства — в полном соответствии с характером русской женщины. А я вот вспоминаю Игореву Феклу, «Астора» на стене — и аж дух захватывает от злости, от того, что вся эта журнальная кодла поучает, как и о чем надо писать.

В связи со статьей же по «Новому миру» устроили мне на нашем писательском собрании головомойку (задним числом) за новомирские рассказы. Как же, раз была статья, стало быть, надо искать и у себя космополитов и очернителей. Говорили, что в «Объездчике» даже природа не юбилейная: гроза, ливень и вообще — что я хотел сказать этим рассказом?

Правда, ребята отбили, не дали меня топтать, но все же настроение кислое.

Так что и не знаю, о чем теперь писать: о чем ни подумаю, все, кажется, не пойдет. Вот малость оклемаюсь и буду сочинять, как одна старушка ехала помирать в свою деревеньку после того, как она нанянчилась внуков по разным сыновьям и дочерям — сытым и именитым.

Вить, а насчет прошвырнуться по Северу — до Вологды, а потом в Карелию — я не против. Но давай до лета, а? Сейчас всякие текущие дела и у тебя, и у меня: у тебя в «Молодой», а у меня идет сразу две книжки в Воронеже — переиздаю, вот отправил одну двадцатилстовую книжку рассказов, а теперь сижу, составляю вторую — детскую. А там, не успеешь оглянуться — съезд. Я тоже думаю приехать. Там будут и Петя Борисков, и Вася Белов, полагаю, тогда обо всем и договоримся. А то есть и еще вариант: доехать до Вологды и съездить в Белозерск, туда, где теперь отбывает ссылку колокол новгородского вече и вообще чудные места: Белозерская крепость, Кириллов монастырь, древность, святость повсюду.. Или из Вологды взять билеты на старенький колесный пароходишко и пошлепать не спеша по Сухоне и дальше по Северной Двине — чудный Русский Север! С замшелыми церквушками, рублеными погостами, белоголовыми ребятами и буйными двинскими, а вернее — холмогорскими покосами. Взяли бы с собой спиннинги да и не спеша так приплыли бы...

Словом, обо всем можно бы договориться: как, куда.

А у нас на редкость суровая зима — снега, морозы, и уже хочется капли, синичьего тиньканья. Рука меня подкузьмила, и на рыбалку не ходил: нечем долбить лунки. Но еще есть время, и похожу туда

дальше. Очень хороша рыбалка в марте, солнце, снег оседает, блестит, начинает брать окунь, судак, а уж сорога и подавно. А главное, растянешься, как тюлень, на льду, так на боку и ловишь. Хорошо! А когда побегут ручьи, все сбивается на озера: там долго еще стоит сухой лед. Уж крутом грязь, чибисы летят, гуси, а там, в лесу, — зима, только синяя, весенняя — синее небо, синие тени, синий лед.

Напиши, что ты сейчас делаешь, как поживаешь, над чем работаешь. Не ходил ли с ружьишком? У нас в этом году хорошо били лис да и русаков было порядочно. А еще кое-кому выдавали лицензии на отстрел кабанов и лосей. Но это не про меня. Вот сынишка все просит ружье, да я не знаю, какое ему купить — не разбираюсь.

Ну, Витя, пока!

Обнимаю тебя, родной, кланяюсь твоему дому, твоей Марье и хлопчикам.

Женя
Зима 1967

9

Дорогой Витек!

Рад, что ты выцарапался из захлестнувшего тебя уныния. Ничего, парень, три к носу, мы еще повоюем! Вон какой славный рассказ тиснули в «Новом мире»! И еще напишутся. Что ж в эту-то пору теряться? Самое набрал силу. Если ты уже теперь уступишь свое место в литературе, добытое таким потом и кровью, то этому только кое-кто порадуется. Свято место пусто не бывает. Вместо тебя сразу же появятся пижоны и сморчки. Так что зубами удерживай завоеванные позиции и не сдавайся. Теперь это нужно не одному только тебе. Теперь ты уже не принадлежишь самому себе, а прежде всего — святому и великому делу, коим во веки веков было на Руси слово — будь то былина, песня или простое слово правды. А то Марья твоя напугала меня своим письмом. Писала, что с тобой что-то неладное. Я даже растерялся. Просила, чтобы я написал тебе, с тем чтобы она переслала мое письмо в Сибирь, где ты должен еще побыть маленько. Но я решил, что напишу после твоего возвращения, тем паче что ты вот-вот должен был возвратиться.

Хотелось бы, конечно, чтобы ты приехал к нам на семинар. Дело это весьма формальное, никаких особых рукописей у нас нет, так что читать пришлось бы немного, а тем более задумываться не пришлось бы. Все сплошное графоманство, и слава богу, хоть не объемистое — так, жиденькие рассказы на 5–8 страничек. Да дело, собственно, и не в семинаре. Это всего лишь повод. Правда, пора будет весьма унылая — конец ноября. Но зато мы бы с тобой потом слетали или поездом съездили бы в Воронеж и отвезли бы туда твою детскую книжку. А лучше бы, если бы ты ее туда заслал, а мы бы потом подскочили туда. Народ там интересный — Гавриил Трое-

польский¹, Юрка Ёнчаров², есть и еще народ хороший. Да и в «Подъеме» что-либо сунуть, они только рады были бы. А то бы махнули в Орел, к Ленке Сапронову. Он у меня был, гостил, ездили с ним на лодке по нашей реке, ему понравилось. Живет он весьма одиноко и был бы рад тебе до безумия. Приезжай, Вить.

Между прочим, в «Новом мире» теперь сидит Юра Буртин³, его выжили из «Литературки», так что поддерживай с ним связь, парнишка он наш, умный, а главное, русак до кирпичного кончика носа. А в «Новом мире», ты прав, напечататься — великое дело, хороший звон получается — на всю Россию. Уж колокол так колокол, не то что зубавинские бубенцы.

Кажется, наконец-то вышла моя книжка в «Советской России»⁴. Я ее еще не видел, но получил телеграмму из «Литературки», просят на рецензию. Если бы Туркин не выкинул из сборника «Храм Афродиты», книжка и вовсе получилась бы добрая.

«Новый мир» просит у меня «Красное вино победы», хотели даже поставить в юбилейный номер, но я не дал, потому что буду еще работать над рассказом, а потом отдам им. Пусть пока полежит. Вот все в голове мелькает мыслишка написать о Карелии, о Кижях. Но не традиционно-туристически, а как-то поглубже. Тоже насмотрелся я на эти Кижы и на все, что вокруг них деется. Горько становится. Все это балаганно, формально. Пижоны, пижоны, транзисторы, «ракеты» на подводных крыльях и еще много всякой глупости. А край опустынел, покинули его люди, стоят по островам и заливам развалившиеся, пустые деревеньки.

Ну, Витек, пока. Крепись, не унывай.

Твой Женя
1967

10

Вить, привет!

Прими, старик, мои наилучшие и протчая по случаю Нового года. Потому что если начнешь перечислять все пожелания, которые ныне пишут к делу и не к делу, то как-то само собой получается пошло: все эти «успехи в работе» и «счастье в личной жизни». Единственно, чего бы я тебе от всей души пожелал в Новом году, так это хорошего здоровья, а остальное, как говорится, само придет.

А мне, брат, опять не повезло с Москвой. Подхватил где-то махровый столичный гриппище и до сих пор никак не отчихаюсь. Вот ведь беда — как съезжу в Белокаменную, так хвораю. Перволеде мое из-за этого накрылось. Вот раскатал старый полтинник, сию делю серебряные блесны для утех. А еще наладил лыжи, думаю серьезно спастись от инфаркта, если еще не поздно.

Начинаю серьезно подумывать о романе. Хочу воспроизвести в прозе «Слово о полку Игореве». Но не просто пересказать, а покопать-

ся в этом времени поглубже. Этот князь противоречив и авантюрен, и я вовсе не собираюсь выдавать его за национального героя. Но до романа еще далеко, если вообще решусь. Отпугивает огромная подготовительная работа, надо много перерывать бумаг и чуть ли не изучать древнеславянский. Без этого ничего не получится.

Завидую вашему застолью, тому, как вы все собираетесь и вам не надо друг друга остерегаться в непринужденном праздничном разговоре.

Обнимаю.

Женя
1967

11

Вить, родной мой!

Чудо-то какое ты мне прислал! Богов-мужиков! Сидит, бедолага, держится рукой за ушибленное место, а в недоуменных глазах вопрос: «За что, братцы?» И сколько в этом современного прочтения... Громадное спасибо тебе за книжку!

Вить, а мы, кажется, буквально разминулись на день-два в Москве. Если ты там пробыл восемь дней и уехал, как говорил Игорек, числа 7–8, то мы могли встретиться даже: я отбыл 1-го. А? Вот черт! Ходишь ты где-то вокруг да около, и никак тебя не увидишь. Вот Игорек знает, что к чему. Я ему говорю: «Пора, брат, тебе делать книжку. Ведь уже на третьем курсе». А он: «Нет, литература — дело серьезное, и книжек делать пока не научился». А какую он штуку написал: «Родительская дорожка» называется. Полурассказ-полуповесть. О том, как померла на деревне бабка. И где он, каналья, берет такие слова! Молодец!

Вить, в про Кизи писал, но так и не написал, что-то не получилось. Пока бросил, может, потом ляжет на бумагу. Да и вообще как-то разладилась моя писанина, подрастерялся малость. Опять все тот же вопрос: о чем писать? Я знаю, он приходит, этот вопрос, в минуты малодушия. Писать есть о чем, бродят хорошие темы и образы. Но теперь вот кажется, что это не то, что всем это надоело. И начинаешь метаться, лихорадочно перетряхивать свои запасы тем и сюжетов. Вот для разминки решил пока написать маленькую дорожную историю. Перед отлетом самолета из маленького городишки зашел я переждать ненастье в одну окраинную хату, и о том, что я там увидел — будет этот рассказ.

Мою «Афродиту» Сякин таки зажал. Заходил я к нему. Не глядит, глаза бегают. Говорю ему: «Чего же ты юлишь, говори прямо, я не дамочка, за водой не пошлю, в обморок не упаду». — «Да, — говорит, — зарезали, в последнюю минуту.. Никонов зарезал. Но мы, — говорит, — отдали ее в “Литературную Россию”. Пусть там попробуют».

Получается, как в чеховском «Произведения искусства». Канделябр хорош, но не знают, куда его поставить. «Помилуй, батенька, у меня же в доме женщины. Ну, куда я его дену, эту пикантную вещь?» Вот и пересовывают друг к другу. Нравится, но страсть как боятся пикантности.

А у меня, как нарочно, одни «пикантности» в голове. За какую тему ни возьмусь. Вот и переживаю. Потому что на это тоже надо силы. Просто всякий халам-белам для прожитку писать не хочется. И вот какой результат: за весь год написал всего-навсего один рассказ. Правда, лежат две заготовки. Но обе надо переделывать заново, т. е. на каждую затратить по полтора месяца с непременными после того болезнями и нервными расстройствами, коими обычно кончаются наши с тобой труды.

Ай-я-яй, Макарова нет! Что за человек был! Бренны, бренны мы, Витя! И поэтому надо нам держаться друг за дружку. Ибо — конец нам тогда.

Вить, купил я Женьке¹ своему ружьишко. «Иж-58», простенькое. Еще летом. Рад был. Мотался с ним на мотоцикле. Кое-что привозил из птицы: лысух, крычек, даже гагарку шлепнул. А вот за зайцами бегают-бегают и — ни одного не угнал. Смотрел я в Москве ружья, хотел купить ему получше. Но сначала ничего не нашел, а потом, когда поизрасходовался, нашел за 140 р. с вертикальными стволами, на экспорт. Ружье хорошо, но денег уже не было, и не купил. А еще видел — 736 рублей! Обалдеть! Даже бумажных патронов не купил. Нету. И дробь нету зимней. Привез «тройку». Можно и ей палять. Но он сам приловчился катать «нолевку». Все хочет лису обхитрить. Ездили мы с ним на охоту. Уток было — тьма. Пожег все патроны по ним и все — ближе сорока метров. Одну только сшиб. Вот подумываю, не купить ли и себе пушку. Только все сомневаюсь, сумею ли убивать? Больно жалко. Вот летела и — трах-бабах! — готова, кровь из носу. А сама еще живым глазом смотрит. Была в «Литературке» статья против бабахателей. Автор предлагал отобрать все ружья и заменить их луками, а то всё поперебили. На каждые пять ружей приходится один заяц.

А сам с этим семинаром даже на окуня не сходил. Так и прошло без меня перволестье. А сейчас снега, морозы, и окунишко затаился в потемках подо льдом до весны. В последние 3–4 года совсем стала плоха рыбалка. А тут еще металлургический завод начали строить на нашей бедной речушке. Хоть возьми да езжай куда-нибудь.

Вить, Маш, ребята! С Новым годом вас, дорогие мои. Обнимаю сердечно, держитесь, не сдавайтесь!

Вить, воронежской книжки еще нет. Посылаю московскую.

Сейчас сяду и напишу в Воронежское издательство письмо, что ты не возражаешь прислать им детскую книжку. Они очень хотят узнать тебя. Если ты вздумаешь им послать почтой, то вот тебе

адрес: Воронеж, ул. Цюрупы, 34, Центр.-Черноземн. книжн. изд., Тамаре Тимофеевне Давыденко. Девка она хорошая, со вкусом, тоже брошенная мужиком, так что ей теперь ничего не остается делать, как с головой уйти в литературу. Кстати, и Семенов там главным редактором, тот, что был с нами на семинаре в Белгороде, напомнить? Он-то тебя помнит.

Ну, Витек, пока. Крепись, не унывай. Береги себя, родной, от всякой унутренней и наружной скверны.

Твой Женя

Марья пусть меня простит, что я ей не ответил, что-то помешало, мужицкая, что ли, сдержанность, только не хамство, ей-богу!

1967

12

Здравствуй, Вить!

Приехать не могу. Все корплю над злополучным сборником для «Сов. России». Мне уже дважды продляли срок, а теперь и вовсе продлять некуда: книжка в плане на 69-й год, а у меня всего только пять листов текста. Над последним рассказом — «Красное вино победы» — работал все лето — апрель, май, июнь, июль. Вот вчера только отнес на машинку. Собственно, это единственная вещь в этом году. В прошлом году написал тоже всего один рассказ. Продуктивность моя упала до предела, хотя дурака и не валяю, работаю много, пишу по 3–4 варианта одного и того же рассказа — не правлю, а каждый раз пишу заново. Фактически на один рассказ приходится по 5–6 печатных листов. Вот надо писать следующий, поскольку книжки по-прежнему еще нет, она кажется бездонной. Но чувствую, устал, нет никаких сил писать, и надо бы проветриться, передохнуть малость, и было бы, конечно, не худо поехать с вами. Но, видишь, не получается. А тут уже и с деньгами туговато. Живу-то все на прежние книжки, а рассказов нигде не печатается, так что надо вкалывать, пока окончательно не обанкротился. Да и неловко перед Колосовым¹: ... терпит пока, что не шлю рукопись.

Женю моего забрали. Служит в Днепропетровской области. Попал в сержантскую школу. А потом направят куда-нибудь в дальние края. Жалеем, что не остался в Перми, когда был там в командировке. Ему там предлагали зачислить в часть недействительную. Там он пользовался привилегиями как специалист, вешали ему сразу старшину, и жить не в казарме. А тут его гоняют, как говорится, на общих основаниях, подъем, отбой, подворотнички, наряды, чистка автомата и прочие солдатские прелести.

С Васькиной книжкой в Воронеже ничего не вышло. Директор издательства был на заседании Комитета по печати, и там как раз

Ваську крыли за «Плотницкие рассказы». Директор перепутался и отказался их издавать. Тем более что узнал, что эта повесть издается в Архангельске. Архангельскую книжку я уже купил, продают у нас, в Курске...

...Игорь сейчас в своей деревне. Оженился. Выходит у него в Воронеже сборник. В «Современнике» дают его «Родительскую дорожку».

До побаченья.

Женя
1968

13

Вить, дорогой!

Че там у тебя углядели в больнице-то? Че с печенками?

Петька мне под Новый год прислал из Петрозаводска открытку, спрашивает, не поеду ли я к ним полечиться. Уже в который раз спрашивает. И о тебе говорил. Может, правда поехать туда вместо Ессентуков? Путевка стоит 150 рублей, отдельная комната, чудесные места — леса, озера, рыба, русские кондовые люди, потомки пришивинской Выжегории. Можно съездить в Кижы, на Соловки, и вообще славное место — и уму, и сердцу, ну и печенкам тоже, поскольку сам Петр Великий там лечился. А что этот затасканный Кисловодск? Как думаешь? Напиши мне. Лучше поехать летом, можно и ружьишко взять с собой, если к открытию охоты. А оттуда можно заскочить и в Вологду к ребятам. Там из Ленинграда есть прямой поезд на Вологду.

А я ездил в Ташкент хоронить Овечкина. Загнулся мужик от инсульта. Вернее, загнули его потихоньку.. Закопал его в ташкентскую глину узбек с обвислыми усами — не лопатой, а кетменем, азиатским заступом. А на ноги положил три валуна, чтоб не вертухался. Грустно было смотреть на ту поспешность и безалаберность, с какими все это было сделано.

Обратно летел, заходил в общагу, две ночи спал у Витьки Коротаяева¹, хотел повидать Лихоносова², но тот уже уехал. Витька славный малый, шебутной, мы с ним были в Карелии, рассказывал, как вы летали с визитом доброй воли в Краснодар.

«Храм Афродиты» выскочил в воронежском сборнике, так что все мои заботы о его напечатанье автоматически отпали. Сегодня закончил рассказ «Во субботу, день ненастный...». Отдал Зубавину. Очень по тебе скучаю. Напиши, когда будешь в Москве, может, подскочу, поговорим. Кажется, мне наконец дадут квартиру, но пока еще рано говорить «гоп». У нас умеют переиграть в самую последнюю минуту.

Обнимаю тебя, родной.

Женя
1968

14

Дорогой Виктор!

Вот и черемуха забушевала под окном, а я и не заметил, когда это случилось. Шумит, кипит на ветру, вся в пчелином гуле, и ветер пьяный ходит по избе. Да. Вот так и жизнь проглядишь. Очень ты меня беспокоил своими недугами, Вить. Ты уж не разваливайся совсем. Что-то предприми.

Купил-таки наконец твою повесть, как-то промелькнула в киосках, нашел один экземпляр в дальнем заводском киоске. Буду читать. А до того читал рукопись Артура Макарова (что печатался в «Новом мире»). Повесть написал он хорошую, очень точную и нелицеприятную. Как один московский корреспондент приехал в дальнюю калининскую деревеньку с заданием написать о браконьерах. И как-то поселился у одного такого браконьера-дедка, и как этот дедок оказался хорошим, умным русским мужиком, который никак не может понять это слово «браконьерство», потому что ловили мережками его прадеды и деды, и рыбы никогда не убывало. А между тем ловят прокурор, рыбнадзор и прочее начальство, и снасти у них капроновые, и лодки-моторки шустрые. Накатал огромную рецензию, но думаю, это не поможет и повесть не дадут, тем более что к Макарову уже относятся с предубеждением.

Прислал письмишко Белов, пишет, померла бабка Колоколена (есть у него такой рассказ), и еще помер отец Верушки-сорожки, тот самый бессменный бригадир, что в моем рассказе седлал коня и отвозил на нем свою жену на ферму. Задавило его, бедного, трактором.

Мы все тут читали твою статью в «Литературке», спасибо тебе за добрую поддержку братии-рассказчиков. Это очень верно, Витя, ты написал и, может быть, до кого-нибудь дойдет. Я получил из нашего Воронежского изд-ва, там тоже читали и сочувственно отнеслись к твоей мысли о том, что за рассказ надо платить не с листа. Как видишь, уже аукнулось. Написался тут у меня рассказец «Домой, за матерью». «Лит. Россия» хочет напечатать его где-то в первых номерах мая. Посмотри.

Позволит ли тебе здоровьишко быть на съезде? Я, наверно, тоже подскочу. Прочитал верстку своей книжки в «России». Вроде так ничего, с картинками. Но дадут ли ее или заначат до будущего года?

А вообще хочется писать — «проголодался», не знаю, где только брать время. А теперь везде стенки тонкие и всяк тебя может достать и потянуть за воротник.

Обнимаю тебя, родной мой.

Женя
1971

15

Витек, привет!

Не поздравил я нынче с Маем, прости: три недели лежал пластом с животом, а тут еще признали воспаление поджелудочной железы. Кололи меня самыми длинными шприцами и поили всякими пилюлями, едва оклемался, так вот и прошли праздники в бессонных ночах и одурении. С каждым годом болею все тяжелее — дело к старости. Сiju на самой жесткой диете — одно молоко. Даже чаю нельзя пить. Вот в таком состоянии получил от тебя письмо с приглашением в Сибирь. И сам не знаю, как быть. Очень хочется поехать. Но куда же я такой поеду? А уже 7-е число. Ясно, что за неделю я не стану на ноги как следует. Так что 15–20 мая — срок для меня тяжеловатый. Вить, а нельзя ли хоть чуть отодвинуть? Ну, где-то поехать числа бы 1 июня? Если ты поедешь один, то это хуже. Хорошо бы ехать вместе. А то где там тебя искать, и вообще.

А тут еще такое дело. Прислал мне письмо Викулов¹. Хочет в конце мая — начале июня приехать в Курск с бригадой. В бригаде называет Васю Белова, тебя, Троеспольского, Васю Емельяненко², Васю Шукшина³.

С одной стороны, это разбивает наши с тобой задумки поехать в это время в Сибирь. Но с другой стороны, было бы здорово, если вы с Беловым и Шукшиным приехали бы ко мне. Сам понимаешь, для меня это большая радость. Я бы покатал вас по курской земле, по хорошим местам. У нас в это время теплынь, купайся сколько хошь, жарься на песках. А, Вить? Как считаешь? А уж потом бы мы махнули с тобой во Сибирь-матушку. От нас идет туда прямой поезд «Киев — Хабаровск», поезд тихоходный, поволок бы он нас по черноземным областям, через Воронеж, Мичуринск, Тамбовщину. Тоже ведь интересно! Да и я к тому времени пришел бы в справку: чтобы и рюмочку по дороге можно было выпить, и все такое. Дак, а ежели и Васята Белов с нами бы увязался, и вовсе славно-то получилось. Вот решай, посоветуй, как поступить. Напиши скоренько ответ.

А тут еще Женьку охота встретить. Сам понимаешь, радостные это минуты — дожждаться из армии сына: пойти с ним в магазин, купить ему костюм, рубаху. Тем ведь и живем теперь — ребятами.

А то разминемся с ним — я буду в Сибири, а он приедет — неладно как-то получится. Да и надо бы с ним сразу решить — будет ли он поступать тем же летом в институт или как... Я ведь до сих пор точно не знаю, когда он приедет. В апреле написал, что их будут отпускать в три срока: первая партия — 15 мая, вторая — 25 мая, а третья — в июне. А вот с какой партией его отправят, он пока сам не знает. Хорошо, если бы в мае, тогда я быстро освободился бы.

Вот такие всякие препоны возникли у меня. Ты уж сам сообрази и напиши, как лучше поступить. А уж если ничего не получит-

ся, тогда езжай один, что поделаешь. А я потом приеду в Вологду. Для меня Вологда и то хорошо.

А лучше, если бы ты с Васятой (да и Сашу Романова⁴ прихватить) приезжали бы с викуловской бригадой ко мне. Сашу Романова хорошо бы, потому что Викулов хочет взять еще 2 каких-то поэтов.

Саша Романов — самый подходящий для такой поездки поэт! Ты ему скажи про эту поездку.

У нас дома пока все нормально, ну, за исключением того, что я малость прихворал. А так — ничего. Правда, ничего не работаю. Ну да успеется.

Прислали мне из «Современника» твою вступительную статью. Читали с Валентиной⁵. Ну ты, брат, разукрасил меня: по буханке хлеба съедаю! Правда, если посмотреть на мою фотокарточку, которую дают в книжке, то поверят: и две буханки слопаю... А в общем-то написал славно, аж я растрогался. Спасибо, Витек! В «Современнике» уже всем расхвастались этой статьей...

Вить, ну, пока, напиши мне сразу.

Женя
Весна 1971

16

Дорогой Виктор!

Что-то совсем захирела наша с тобой связь. Понятия не имею, как ты там живешь-можешь? С годами все больше чувствую, как ты далеко от меня, за горами, за долами, а теперь уже и за искусственными каналами и водохранилищами. А бывает, так не хватает тебя рядом... Из всех ребят, что у меня были, ходили в друзьях, ты один остался мне близок и дорог — так распорядилась судьба и ее строгий отбор.

Этот год для меня оказался отчимом: всю зиму до мая проболел в лежку, а летом и вот теперь, осенью, перебог две пневмонии. Так я отметил свои 50! Что же будет дальше?

Между болячками все хлопочу насчет Пети Сальникова: мы его уже взяли на учет, выбрали в нашу ревизионную комиссию, чтобы показать обкому, что он наш, но там все мурыжат и никак не дают добро на его избрание секретарем. Правда, хлопоты в обкоме подстегнули в другом, и он смог обустроить свои личные дела, но увы, сидит на мели...

В память о моей многострадальной земле шлю тебе открытку с обелиском. Густо утыкана она вот такими сооружениями, но... почему-то эти боевые ребята с бицепсами никаких серьезных мыслей не вызывают, наверное, потому, что их можно назвать как саперами, так и забастовщиками, — куда-то тырятся, театрально устремляясь вперед...

Не такие веселенькие композиции, смаживающие на балетную сцену, надо ставить в память о русских саперах — великих мастеров войны, как, впрочем, и об остальных солдатах тоже. Но мы почему-то боимся мыслей, раздумий, стыдимся печалей, стыдимся утрат и сердечного воздаяния жертвам.

Витя! Хорошо написал о тебе Потанин¹. Я вырезал эти его штрихи и вложил в твой «Последний поклон»².

Обнимаю.

Твой Женя
1971

17

Милый мой друг Виктор!

Вчера возвратился с рыбалки (пробыл там два дня и ночь, конечно, без сна, потому как разве же найдешь время на реке для сна), устал, разумеется, дорога до курской рыбалки всегда винтом, да и на себе рюкзак громадный — с палаткой, шмутьем и пр., так вот устал, а было уже десять вечера, и, увидев твое письмо на столе, не стал распечатывать, не было сил разбирать твои каракули. Но засыпал с хорошим чувством, что твое письмо лежит на столе. И вот проснулся и прочитал. И сел сразу отвечать, чтобы не утратилось за суетой нежное чувство к тебе, пришедшее от прочитанного. Спасибо тебе, старина, за твое неутомимое беспокойство — видно, до конца дней будешь ты стараться всех устроить на земле, укрыть от ушибов. Вот и с Капустиным... Парень он дивный, в наше время редкий, и ты сделал доброе дело, купив для него избушечку. К старости вот только такие, как Капустин и Сальников, и останутся возле тебя, верными тебе навсегда. Такие не пропадут. А «конвой» — ты это верно окрестил их — все это преходящее. Народец самолюбивый, чудовищно эгоистичный и жесткий.

Я очень рад за тебя, что ты свалил «Царь-рыбу»¹, и понимаю твое блаженное чувство исполненного дела. Знаешь, когда что-то висит на душе, то и отдых не в радость. А так ты, полностью отключившись, славно отдохнешь на Байкале. Кстати, передай всем ребятам мой огромный привет: Пакулову, Ляпину², Жемчужникову, Распутину³, Машкину⁴, Петьке из Култука (забыл фамилию), я их как-то всех полюбил и привязался. Но, может, бог даст, еще свидимся с ними.

Ну, и рад, конечно, что ты наконец купил машину. Это — благо. Я по себе чувствую, что силенки уже не те, чтобы, как раньше, с огромным рюкзаком ходить за 10–12 км. А кланяться у кого-то транспорт я не могу — умру, а не попрошу. А машина — конь добрый, особенно «Волга», да при твоём-то семействе.

Ну, браток, кончаю и я, ты прав: нам общаться не с помощью бумаги: всего не обговоришь. Вот когда отправишь письмо, вспомнишь: то надо бы сказать, это бы.

Трудности есть в семье. А все-таки вместе, кучей — лучше. Я бы очень без них скучал. Особенно без Ромки. Ну, артист! Как-то пошли на речку, взошли на мост, а он восклицает: «Друзья мои! Вот речка!» Как Жак Паганель⁵, увидевший Кордильеры.

Мане великий земной поклон.

Поедешь в Астрахань — дай знать.

Обнимаю.

Женя
Весна 1975

18

Дорогой Виктор!

Вернулся из Белгорода и среди накопившихся писем нашел и твое письмо из винницкой больницы. Надо думать, ты оттуда уже давно выцарапался, а вообще, в наши годы негоже подхватывать воспаление легких. Этак, брат, и подзагнаться можно. Дело все в том, что такие болезни не проходят, как, скажем, насморк или чирей. После воспаления остаются какие-то там рубцы и спеклости, и легкие уже не то, что были до болезни. А если учесть, что ты уже пырянный трудяга, то и вовсе надо беречься. Но это вовсе не значит, что ты теперь никуда не годный инвалид и многое тебе заказано. Напротив, единственное, что помогает в таких случаях, это свежий воздух, лес, рыбалка, ну, конечно, в разумных пределах. Ну, как в разумных: не спать на сырой земле и не лезть по горло в ледяную воду. Меня-то это когда-то тоже спасло. Когда фрицы отравили меня газами, я ведь совсем подыхал, нечем было дышать, кашлял до рвоты месяцами, даже сосед по ночам стучал кулаками в стену, чтобы я не мешал ему спать. Весь я высох тогда, ходил блеклый, и шатало ветром. Делали со мной врачи всякое: пичкали всякими микстурами — ни черта не помогало. И вот один умный врач-старичок посоветовал мне заняться рыбалкой. Я послушался, бросил жрать ложками собачье сало с колючим цветом и ушел на речку. Через два года я уже спал на сырой земле, как дикий пес. Бывало, иней уже, в бутылке вода замерзла, а я сплю на куче бурьяна между двух кизячных костерков. Совсем недавно, года четыре назад, я тоже подхватил воспаление после гонконгского гриппа, пролежал сорок дней, едва выходили уколами, и опять же, уже зная по опыту, что делать, я обратился к матушке-природе, и она безотказно поставила меня на ноги, и опять я привел себя в порядок, в «спортивную форму», как пишут в газетках, то есть могу на реке и в лесу жить дико и неприхотливо. А вот дома — простываю! Вот это-то и может подставить ножку. Помещение, сидячий образ жизни, курево — вот где враг. Враг — в этой коварной цивилизации. Вот так посидишь за столом месячишко, попишешь, насосеешься табакку, как паук, — и гнет тебя долу, давит какая-то колода. А добежишь

туда, к себе, в свой исконный дом, где крыша — небо, пусть хмурое, дырявое, с морозящими дождями, и опять все в норме. Дня три отплевываешься цивилизованным холодцом. Так что не отчаивайся, ходи себе, рыбачь. Без рыбалки нам с тобой — край. Мы еще не довели себя, слава богу, до такой цивилизованной дикости, чтобы нас тащить под выхлопную трубу, без которой теперь уже многие дышать неспособны.

Месяц я, Витя, прожил на Волге. Хоть ты и ставишь ее ни в конский гвоздь, эту зачуханную, замусоренную реку, но ведь на Курщине и вообще не стало никакой воды. Всю повыхлебывали, поразбызгали из дождевальных установок, просушили все болотца. Наши курские лягухи уже все пешком ходят, перестроились на новый лад. А уж дикая утка — редкость теперь. Теперь, ежели где обнаружат беднягу, по всей области на мотоциклах гоняют, дробь по крышам барабанит, горизонт пороховым дымом затягивается, гоняют, пока та не сбежит к Игорю Лободину, в соседнюю область, где еще кое-где сбереглись мочажинки. Один Михайловский железорудный карьер целый район со всеми ручьями и речушками выпил. Раскопали недра матушки-земли до самых кишок, вся грунтовая вода устремилась в эту прорву, бьют фонтаны по стенам карьера, и оттого речки пересохли и последние наши дубравы засуховершили. Но не то еще будет: и копают, и копают, строят всякую чертовню, чудовищный индустриальный молох встал и поднялся над нашей землей, дышит огнем и гарью.

...Вить, очень рад, что ты есть среди кандидатов на премию. Это уже кое-что. Хотя я понимаю, всегда могут подставить ножку. Много еще среди пишущей братии завистников и пакостников. Но если ты все-таки пройдешь, я считаю, что это будет справедливым, праведным судом. Я очень люблю «Белого Бима»¹, но когда увидел его рядом с твоим «Поклоном», то не задумываясь принял твою сторону. Твоя книга неизмеримо выше и по значительности, и по вложенной в нее душе, по всей ее сути и неизбывной, хватающей за сердце мелодике. И еще подумал: не надо таким образом сталкивать двух русских писателей — лоб в лоб. Это ведь самопожирание, когда так делается. Пусть-де они сами объедят друг друга, кто кого. Тогда как писателя надо бы поберечь, повести дело так, чтобы достойное было вознаграждено по заслугам. Я бы Троепольскому тоже дал премию, но не сейчас, не за счет тебя. Почему-то всякие «чурки» идут вне конкурса, и только русскому устраиваются скачки с препятствиями, со всякими рвами, наполненными помоями.

А повесть про войну задумал писать давно, но и до се не решил еще, ее ли писать или что-нибудь другое. Хорошо писать по сюжету. Но я их делать не умею, сюжет — это всегда придумка. А жизнь —

она без сюжетов. И чем ближе к жизни, тем безыскуснее должна быть вещь. В этом-то вся и трудность написания. Повесть о том, как отступал солдат. Один. Часть разбита, кругом по дорогам немцы, и вот он пробирается. Никаких особых событий. Но надо сделать так, чтобы это вылилось в образ, в судьбу, в символ русского человека. Тут заранее ничего не выдумашь, тут все должно прийти уже во время писания, всякая мелочевка, всякие подробности этого отступления, потому что, как я сказал, особых событий и сюжетов там нет.

Вот предстоит ехать на редколлегию. И как всегда — не вовремя. Только-только настраиваешься на работу. А если поедешь — то наверняка улетит еще месяц...

Ну, Вить, пока. Обнимаю тебя.

Твой Женя
1977

19

Милый Виктор! Дорогая Маша!

Годы, как холмы, живешь — переваливаешься с одного на другой. И вот еще один перевал... Что-то будет за ним, что откроется душе и взору.. Дай Бог, чтобы вам, дорогие мои, с этого еще одного житейского рубежа открылась ясная, незамутненная даль и пошли, Господи, силы одолеть в мире отпущенное нам.

Большущее спасибо за вологодский гостинец, который мы получили в целости и сохранности. Ромашка — книголюб, особенно обрадовался книжке, да и ягодам-конфетам был рад и тотчас все это стал пользоваться единовременно. Были на пленуме с Петей, потерлись с ребятами, видел Потатина, Ягана¹, Толю Соболева, В. Быкова².

Обнимаю.

Женя
1978

20

Дорогой мой старина!

Как твои болячки? Что-то ты замолчал. Дошел слух, будто вызывал тебя на прием Красноярский государь и звал к себе на жительство. Уж не сгношился ли переезжать? Не пересилила ли родина? Чудные у тебя там места, однако твоя Овсянка на берегу замерзающего Енисея — для твоего жительства из-за слабых легких вряд ли годится.

А я таки довез один-единственный жарок до дому — остальные умаялись в самолете и сникли. Мы ведь тогда очень долго торчали в аэропорту.

Купил тебе обещанные «рыбацкие» штаны прямо с сапогами (приваренные к голенищам насмерть).

Дорогие мои Виктор и Маша! А как ваши солдатские кружки, не заржавели ли? Давайте чокнемся через российские леса и доли, через расстояния — в память о пережитом и за благополучие наших солдат-сыновей.

Всяческого вам добра — здоровья!
Обнимаю.

Женя
Май 1979

21

А я ведь чуть было не околел: отказал желудок, ничего не проходило, четыре недели рвало, и уж думал, все, конец! И телефон отключил, чтоб не досаждали, стал прибирать архивы, рвать кое-какие «веселые» письма. А высох! А то — невестка собралась в Москву, дал ей денег на карманные расходы и попросил из них истратить рубль на свечу в церквушке на Соколе. И как я ей об этом сказал, в тот же вечер меня отпустило. При одном упоминании о свече. Без всяких врачей. Я от них утаился. А на другой день, вернее глубокой ночью, я жадно, по-волчьи, сожрал с костями соленую рыбу. И — ничего! Выспался и блаженствую!

А мы ведь думаем: всё про всё знаем.
Обнимаю тебя и Машу по случаю праздника.

Твой Женя
1979

22

Дорогой Витя!

В этом году так получается, что посылаю привет и братские объятия по случаю Победы только тебе одному, и больше никому. Много у меня приятелей застольных, шапошных, но ты у меня один — друг, товарищ, с кем хочется говорить, молчать, пить водку, горевать, радоваться, раскрыться душой — словом, Друг с большой буквы.

А еще — некогда писать всем остальным: засел за работу, начинаю помаленьку звереть — это меня по-настоящему бодрит, гонит застоявшуюся кровь и мысли, что я их взболтал вот уже два года после «Шлемоносцев». Пишу повестушку про войну, про русского мужика в этом пекле; но пока не знаю, что получится. Целых три месяца подступался к ней, подходил к столу и уходил с позором, не написав ни строчки. Но теперь, слава богу, что-то сдвинулось. И меня радует, что и ты начинаешь о том же. Удачи тебе, здоровья и сухого пороху.

Как хорошо, что ты уцелел и протопал еще по матери-земле целых тридцать годов. Кажется, я был бы вдвое беднее и одиночей, если бы тебя убили и я бы никогда тебя не узнал...

Вот этим и живу на сегодняшний день! И этого, оказывается, немало, когда на свете есть один верный друг.

Марье и всем твоим поклоны. Тебя прижимаю к сердцу.

Твой Женя

1979

23

Дорогой Виктор!

Спасибо тебе за подарок — всякая твоя книжка всегда радость, потому что, считай, вот уж вся жизнь прошла вместе и, хотя живем порознь, в разных городах, но никогда не покидало меня чувство родства к тебе, соучастия и сопричастности ко всему твоему — радостям и печалям. Встретились-то мы, в общем, зрелыми людьми, и до нашей встречи у каждого за плечами уже было по большому куску жизни — было голодное детство, неприкаянная юность, война, но вот и то далекое твое, что прошло без меня, но узнанное из твоих книг, из общения с тобой, — стало моей реальностью, и впечатление таково, будто знаю тебя весь осознанный век, с самого далекого мальчишества — так близко, памятно и трепетно любимо мной все, что написал ты о себе в своих книжках. И потому книжки твои в моем доме не просто книжки, как все прочие, а будто ты сам: стоит открыть страницу — и ты заговоришь со мной во всей осязаемости твоего живого голоса, со всеми одному только мне понятными и воспринимаемыми тональностями и оттенками доверительного, дружеского разговора.

Вот и смерть отца твоего отозвалась во мне родственной печалью и пониманием твоего надломленного состояния. Да, брат, каковы они ни были, наши старики, но все же это была хотя бы мысленная, воображаемая, но ограда, межевые столбушки, ограждавшие нас от чувства края, и это было неосознанной защитой, позволявшей нам заниматься собой, транжирить свое время. Теперь дорога туда расчищена, подгнили последние колышки, ограждавшие нас от бездны, уже никто нас не заслоняет собой, теперь уже сами мы стоим у края, заслонив собой всех, кто за нами, и в этом теперь наша роль и мудрость жизни. И это ощущение своей очереди, края и скорбь по ушедшим оставляют необратимый след, как раз тот, которого недоставало нам, чтобы окончательно почувствовать себя стариками. Но что поделать? Надо как-то жить дальше.

Этот год прошел у меня всуе, еще по весне отпустил на волю своего Пегаса, и он пасется, бездельничает, отмахивается хвостом от мух.

Повесть о войне, начатая было зимой, не пошла — что-то навалилось на меня, утрачен интерес ко всякой писанине. Нигде этим летом я не был, не ездил даже на декады, секретариаты, редколлегии. Словом, прозябал, молча переживая в себе этот свой затяжной

кризис. Да и как посмотришь вокруг, что делается, право, не хочется ни о чем писать — такое ощущение, что все это бесполезно.

Маша мне написала, что избушку в Овсянке ты все же сторговал. Не знаю, насколько она понадобится тебе практически — далеко, но понимаю и тебя — как-никак родина. Оглядишься и, может, обдумаешь, да если она все-таки крепка, то и надстроить сверху можно чем-нибудь, светлым и уютным мезонинчиком для работы.

Что-то Маша невнятно написала о вологодцах. Пишет: «Что-то пошатнулось в их общем настроении, какие-то темные, раздражительные течения, что ли? Может, и раньше так было, только так обостренно не чувствовалось...» Что она имеет в виду?

Вить! Я наслышан про твоего «Макарова». Зачем в «Знамя»? Может, в «Наш современник» — поможешь журналу. А то, что Макаров работал в «Знамени», и потому им отдавать рукопись, — это ж чистая формальность. Иль я не прав?

А так — жизнь бежит к своему уклону. Петя Сальников частенько хворает. Лето отвалился в больнице, а через месяц опять схватил воспаление. У него это уже хроническое, у каждого свои болячки. Они нас и доконают.

Обнимаю.

Твой Женя
Осень 1979

24

Дорогой Витя!

Вот дождался газетки с постановлением и когда лично, собственными глазами нашел тебя в списках, вздохнул облегченно: «Ну, слава богу!» — и сел за открытку, чтобы поздравить тебя от всей души.

Конечно, меня скребануло, когда меня вышвырнули из претендентов, чего уж наводить тень на плетень — обидно было. Но я это пережил, знал заранее еще в Москве и говорил об этом Маше. Я и раньше знал, что это ненужная и скверная затея — выдвигать нас сразу обоих: кому-то так и так не дадут, и, может быть, просто расчитывали: хоть таким образом нас удастся разлучить и поссорить. Но про себя-то я трезво отдавал себе отчет, что, мол, очередь еще не настала, что всей своей жизнью, всей своей страстной, полной боли и скорби работой ты заслужил ее, эту премию. И было бы по-человечески, по-товарищески несправедливо, если бы случилось наоборот — дали бы мне, а тебе не дали. Пишу это тебе так потому, чтобы, боже избави, у тебя не мелькнула мысль, будто моя любовь и нежность к тебе дрогнут и поколеблются.

Досадно вовсе другое, что вышиб-то меня из списков человек, который, в общем-то, плевал на Россию, как, видно, плевали и те, кто его выдвигал за высосанную из пальца вещицу. Одним словом, они сделали все, что возможно, по принципу: «Коси коса — пока роса...»

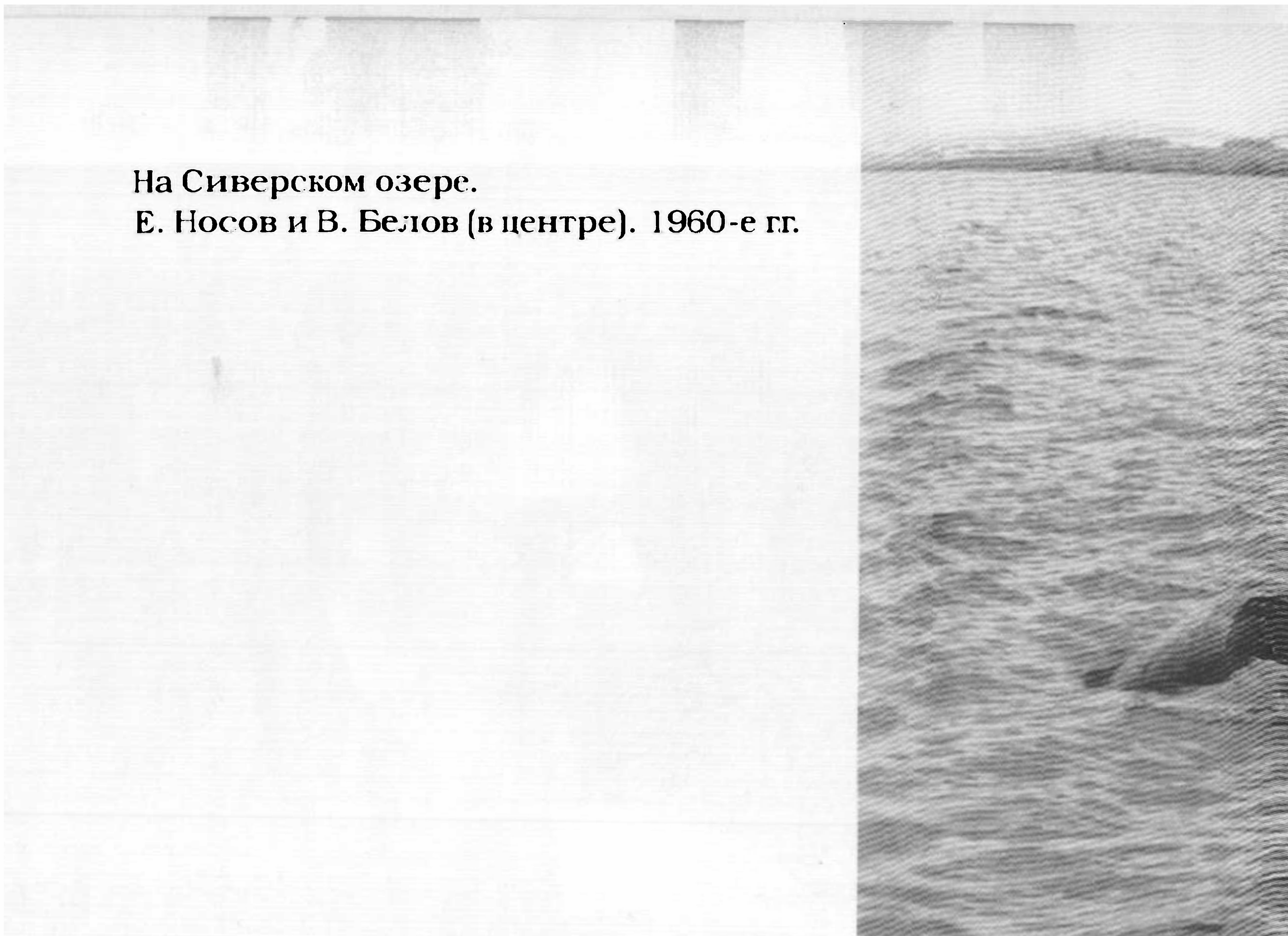

В кабінеті. 1985. Фото П. Кривцова

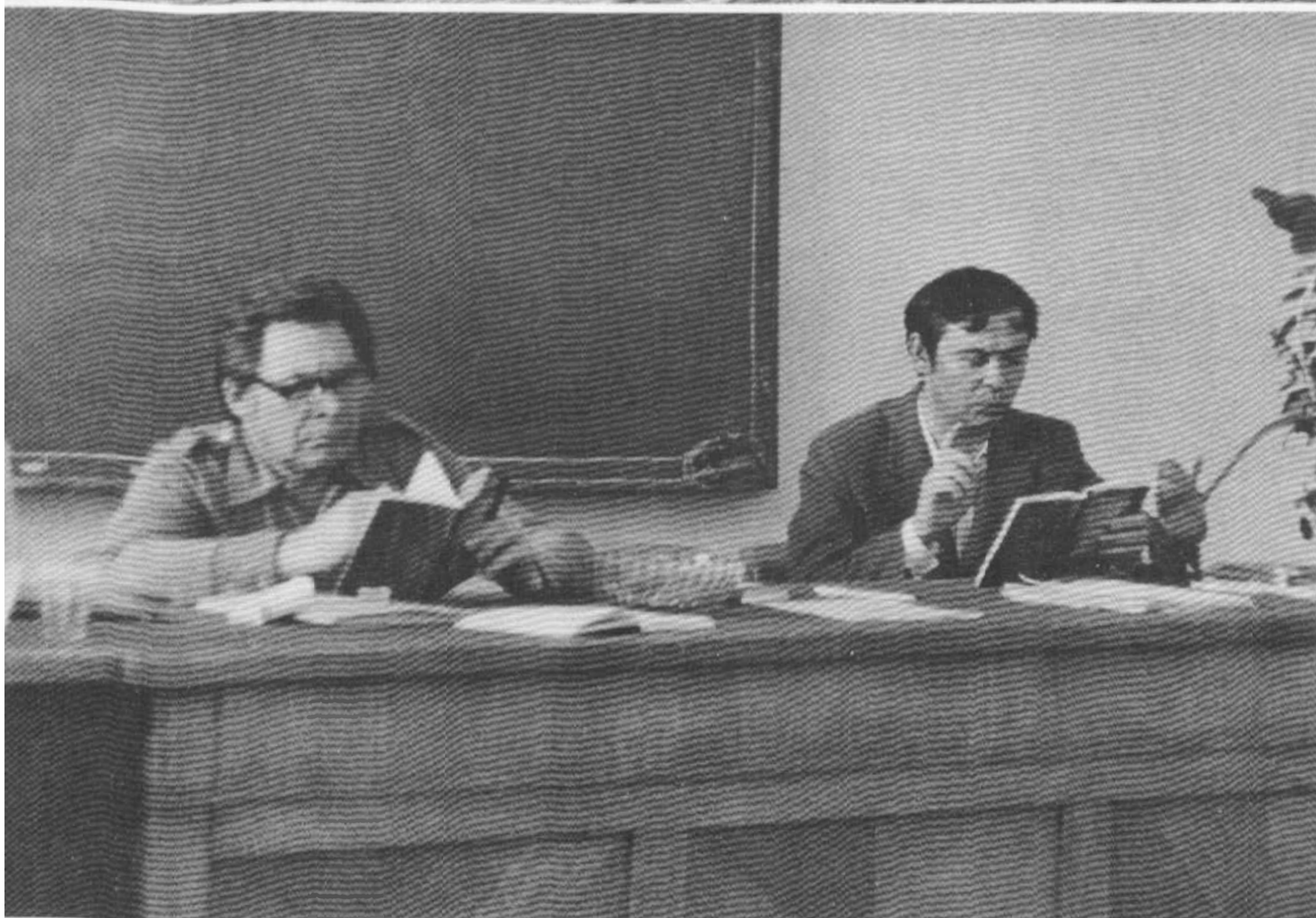

На Сиверском озере.
Е. Носов и В. Белов (в центре). 1960-е гг.

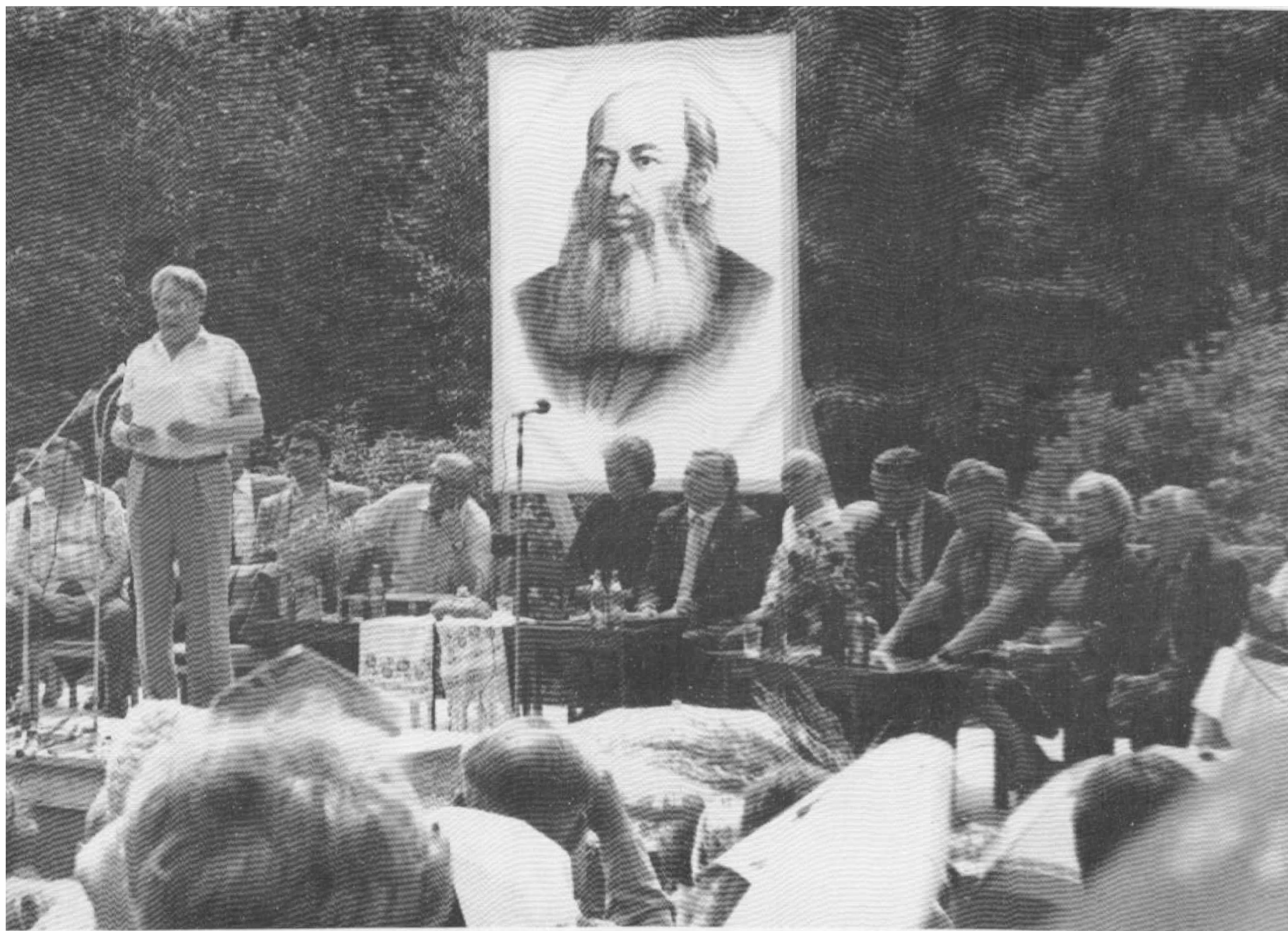
По реке Сухоне с В. Астафьевым. 1974

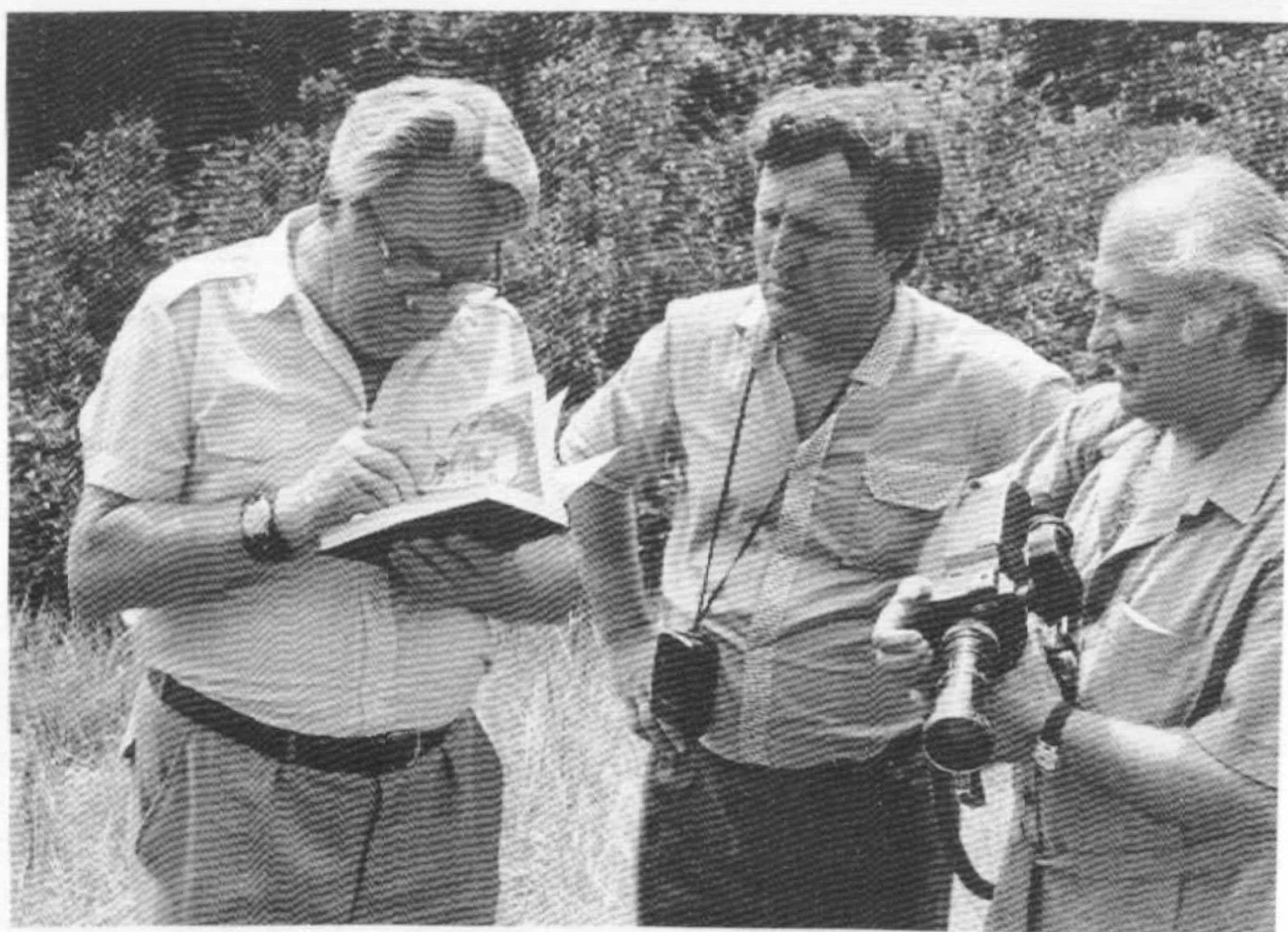

Е. Носов и В. Распутин на семинаре молодых писателей. Иркутск. 1976

На I Фетовских чтениях. Дер. Воробьевка,
Золотухинский район Курской области. 6 июля 1986

Автограф на память... 1986

И вот теперь, когда страсти улеглись, я подумал: подождите, братцы, а где же моя книжка? Где же мои «Шлемоносцы»? Оказывается, кроме провинциального воронежского издания в 50 тысяч тиражом... Я в задах уже четвертый год. Вроде и хорошее это дело, но скучное... Зато где-то после года наступает отрада души.

И еще огорчает, что нынешние папы-мамы скупы на ребят и сильно внуками не балуют. Вот у меня один Романтей, уже пора бы быть и второму, ан нет, говорят, дудки.

Вить! Не болей и хоть лето продержись на ногах. Насчет вологодской рыбалки пока не знаю, надо отдышаться.

Твой Женя
1981

25

Дорогой Виктор!

Не так уж много осталось у нас с тобой этих скорбных Побед. И все меньше остается людей, с кем хотелось бы разлить красное вино Победы, терпкий вкус которого ни заесть, ни запить... Можно благодарить только самого Господа, что он не дал нам сгинуть в этой мясорубке и позволил потом сколько-то пробыть на белом свете, чтобы своими глазами увидеть, за кого и за что рекой лилась народная кровушка...

В печали обнажаю голову перед миллионами павших, а тебя обнимаю и хочу одного, чтобы ты был здоров.

А я, брат, залег на самое дно, ничего не пишу, совсем обмякла душа после перенесенной болезни, так что ты не сердись на меня за долгое молчание: трудно мне стало даже водить ручкой, чтобы ответить на письмо. Я по-прежнему полон к тебе неувядаемой нежности, и из всех людей, каких помню, ты остался для меня единственным светом и примером.

Да, на Студии им. Горького вроде хотят ставить фильм «И уходят пароходы». Но меня больше беспокоит судьба «Шлемоносцев» — на «Мосфильме» — берется ставить молодой дебютант, не напортил бы, не заземлил бы до мелкого бытовизма — там ведь надо сохранить эпос, парение черного орла над потрясенной Россией...

Твой Женя
Май 1980

26

Дорогой Виктор!

Вот сейчас смотрели на тебя по телевизору. И волновались, и переживали не меньше тебя самого, особенно когда ты впервые вышел на сцену, и было заметно, может быть, одному только мне, как ты внутренне напряжен. Я бы даже сказал, насторожен был ты от встречи с

незнакомой толпой, сидевшей там, внизу, у твоих ног. Ты все-таки был прав, когда говорил потом о неизбывном чувстве нашей провинциальной неполноценности. Но это не столь комплекс, сколь непривычка говорить с народом несвязно, как обучены говорить с ним московские литературные снобы. И даже потом, когда ты обвыкся и стал сам собой, когда все пошло хорошо, когда свободно, непринужденно пошла беседа, когда установился тесный контакт с аудиторией — то и тогда нигде ни разу не прорвалась, не проскользнула эта развязность, самолюбование, а по-прежнему оставалось все то же уважительное и сдержанно-почтительное отношение к слушателям. И это народ почувствовал и оценил в тебе, и оттого в зале стало как-то свободно, расковано и непринужденно. Они почувствовали в тебе равного, как бы давно знакомого и близкого человека.

Я видел эти лица крупным планом, видел написанное на них сочувствие и сопереживание, видел, как глубоко осмысливали сказанное тобой какие-то бородатые мужики, как записывали что-то в блокнотах полковники. Но ты ничего не говорил лишнего, хотя я видел, как было трудно тебе сдержать свою волю, чтобы не сказать того, что ты хотел бы сказать в таких случаях.

Словом, все получилось славно, хотя, может быть, ты и недоволен собой в каких-то моментах, что, в общем-то, естественно.

Большое спасибо тебе, что ты нашел место помянуть и меня, моих «Шлемоносцев». Мне было, конечно, очень приятно слышать это. Прошло уже четыре года, как она написана, а повесть так-таки еще и не издана в Москве, за исключением «Роман-газеты», и, по существу, ее мало знает читатель.

И это тем паче странно, что она в свое время собрала большую прессу. Но ни одно издательство не предложило мне издать эту вещь, а носить, навязывать ее я не могу, не умею, да и унизительно ломать шапку. И получилось забавно: повесть давно уже переведена на многие языки, ставится фильм, взялись инсценировать сразу четыре театра: в Москве, во Владимире, Куйбышеве и Алма-Ате, а книги все нет и нет. Правда, ее издали в Воронеже — худо, к несчастью, вот еще запросил на издание Челябинск. Но все это провинция, локальное, очень ограниченное издание и не для всех.

Будешь ли в ноябре на редколлегии журнала? Приезжай, охота повидаться, соскучился я по тебе, и эта встреча с тобой по телевизору была для меня, как праздник.

Архангельскую книжку получил.

Спасибо!

Обнимаю.

Женя
1981

27

Милый, дорогой Виктор!

С весной тебя, с этой чистой, детской порой года, которых остается все меньше, а может, и ничего уже...

Но жизнь все равно хороша, даже в конце, и будем за нее бороться хотя бы тем способом, чтоб не тратить ее на свары, подлости и мерзости.

Я все тревожусь, как ты там после гриппа, все ли обошлось, а то ведь я по себе знаю, во что это обходится: вот уж 10 лет, как со мной случился мой Чернобыль, от которого и до сих пор не приду в себя. Давай свинчивайся снова, а в мае, бог даст, поедem с тобой в Минск, на праздник славянской письменности. Мне туда хочется, потому как я там воевал и видел Минск порушенным и полусожженным.

Кланяюсь Марье Семеновне. День 9 Мая — и ее день. А мы с тобой давай помянем невернувшихся, а потом чокнемся и выпьем за остаток нашего здоровья.

Обнимаю.

Твой Женя
1982

28

Дорогой Виктор!

А и далеко ты, сокол, залетел! Вот сижу гадаю: дойдет ли к Новому году это письмецо с моими поздравлениями-пожеланиями или не дойдет? Впереди еще целая неделя, должно бы дойти при современной технике, но как подумаю, куда лететь — в Сибирь! На Енисей, да еще в какой-то Академгородок... Нет, не успеть письму! Да, брат, расстояние сказывается: реже стали видеться, потому как дальше стали орбиты коловращения и их точки пересечения почти непредсказуемы. Остается только писать письма. Да и они пишутся все реже — по лени ли, по нерадению ли или же по безвременью. Вон когда ты прислал мне свое послание, а я вишь когда собрался ответить.

А помешали мне вынужденные отлучки. Сначала съездил в Воронеж, на выездной секретариат, больше затем, чтобы повидаться с ребятами. Был Толя Соболев, Леня Фролов, Сережа Викулов, Зоя Николаевна Яхонтова¹ и вся прочая московская и немосковская братия вплоть до Льва Сорокина²...

...Со мной внучок Ромашка — моя единственная отрада. Мы с ним и уроки вместе делаем, и рыбачим вместе. Летом попыхтел с удочкой, то карпенок хватит, то карасище грамм на 500. Но уже сам справляется. Своих родных детей так не любят, как этого. Да и все деды, наверное, так. Такова мудрость природы — ниспослать старикам утешение не в детях, а в детях детей их.

Спасибо, Витя, за 4-й том, из огромной любви к тебе мы с Петром еще и подписались по подписке. Так что у нас по две пары твоих сочинений, чем мы оба с Петром очень гордимся!

Петя благодарит также Машу за присланные коренья. Марьин корень как раз хорош при его болезни. Книжек почти не издает, держится на зарплате секретаря.

Дорогой Виктор! Где ты? Был ты для меня всегда конкретной реальностью и оплотом души. А теперь чую: и ты куда-то уходишь от меня, ушел уже, за горы и доли, за годы и туман времени, как все уходит, как уходит и сама жизнь, заведомо утрачивая цвет, вкус и запах. Остается одно какое-то бесполезное шевеление.

Все вертится мысль побывать еще разок в твоих краях, да тьфу-тьфу! Загад — не бывает богат. Дай перезимовать.

Ну, тебе и Маше еще раз всех благ! Не хворай.
Обнимаю.

Женя
Осень 1982

29

Дорогой Витя!

Живой ли ты там, в своей далекой Сибири? Земля хороша, на всю жизнь запала она мне в душу своей вольницей, но уж больно далекая. Прежде, когда ты жил в Вологде, нет-нет да и пересекутся наши дорожки, а теперь подгадать встречу стало труднее.

Зимы у нас, в России, нынче еще не было. 15 января реки еще гуляли, а на зеленых лугах ходили гуси, коровы. Не к добру все это. А вот бедную Армению задушили морозы. Ночью у них до 25 градусов и повымерзли все сады и виноградники. Говорят, будто какой-то вулкан набедокурил в Мексике, оттого все на белом свете перепуталось. Чего уж там валить на вулкан. Поди, сами чего нашкодили...

Ирка моя наконец-то вышла замуж и уже родила мне внука. Вот он плачет, подает голос в коляске, а в мире тревожно, пакостно, и оттого тревожно и пакостно на душе за вот таких несмышленишей; куда заведем мы нашу матушку-землю, до какого края...

Прошлым воскресеньем ездили мы с Петей и моим Женькой удить окуней на родину Брежнева — в деревню Брежнево. Там еще целы старики, которые знали его отца, Илью. Показывали нам хутор, где он жила, пахал и сеял. Колхозишко замурзанный, хилый. Мы едва не утопили в грязи на улице. И вот странно: когда он помер, везде давали траурные салюты, даже в Чите, где он когда-то отбывал армию. Только не у нас, где он прожил лет шесть, где учился и даже напечатал стишки в курской газетке за 21-й год. И даже не называли улицу его именем или какой-нибудь колхоз. А орден Отечественной войны, который дали Курску еще в прошлом году, до сих

пор еще не вручили. Прошел год, а орден так и повис в воздухе. Не вручили его даже в такой подходящий момент, когда в декабре Курск отмечал свое 950-летие. Вить, видел у Пети Сальникова¹ книгу Яновского. Кто-то ему раздобыл. Там роскошные фотографии. Да и текст, видимо, добрый. Не смог бы ты мне прислать такую, а? В продаже у нас она не была, и достать негде. Не поговорить ли мне с Тамарой Давыденко² об издании твоей «Царь-рыбы» в Воронеже? Напиши. Ну, будь здоров. Витек, передай поклон Маше.

Твой Евгений
1983

30

Дорогой Виктор!

Виктория Николаевна Иванова¹ прислала открыточку, написала, как ты ее по-царски встретил: и на сцене, и дома — со стерлядью. Сказала, что выглядел ты молодцом, а это самое главное.

Вот зовут в Барнаул, на Шукшинские и Соболевские чтения. Да доконала меня язва — куда уж мне на буфетскую еду, на сало да на капустные щи? Не был я и на Куликовом поле, на большом межроссийском семинаре.

Ты, дружок мой родненький, не хворай, держись, и пусть тебе хорошо живется и работается. В Москве было много всяких ребят, повидались, натолковались, но когда нет тебя, то и встречи были какие-то не такие, без стержня, без той радостной праздничности, которую ты всегда вносишь своим присутствием. Не повидав тебя, вернулся с какой-то пустой душой и тешу себя надеждой когда-нибудь хорошо повидаться, поговорить от души.

В первую голову желаю, как всегда, доброго тебе здоровья, которого всем нам все больше недостает. Вот и Сереги Никитина уже не стало. А раньше ушел Ваня Пузанов, не пожив и ничего не написав. Беда, беда...

Тебе когда 60? Не забудь позвать.

Твой Евгений
1983

31

Дорогой Виктор!

Думал, что ты уже в разъездах, как писал мне в письме, но вот через Пашу Кривцова¹, кстати превосходного мастера, узнал, что ты пока задержался дома, а потому спешу тебе ответить на твое хорошее, теплое письмо. Я так рад, что ты мне написал!!! Наверное, я чем-то тебя обидел и потому очень переживал. А может, кто чего трепанул из наших общих «друзей».

Прости, друг, если что не так с моей стороны. Тот год был для меня очень тяжелым — отказывали глаза, замучили головные боли,

даже языком по небу нельзя было провести — сразу отдавало каким-то электричеством в голову. За весь год я ни разу не развернул ни «Литгазету», ни «Нашего современника». Так и лежат все эти да и другие тоже издания за 1983 год нетронутыми стопками. «Костю» (Воробьева) я с чтением все откладывал до лучшего момента, но, видно, дооткладывался до того, что и тебя этим обидел. К зиме мои дела пошли помаленьку на поправку, и вот стал уже кое-что пописывать, кое-что полистывать — так, мелочевку, вроде твоих «затесей» — для разминки руки.

Я ведь не писал целых семь лет!!! Ушло впустую столько времени, что я взаправду разучился писать даже простые письма. Последнее, что написал, так это «Шлемоносцев». Кстати, Сиренко их порядочно испортил. Он пришел ко мне сразу после ВГИКа, с дипломом. Опыта никакого, но жажда вырваться на простор огромная. И расчет был верный: надо опираться на известных писателей: если сам не потянешь, так писательское имя вытянет. И верно. Пляжу, мой Аркадий² и премию Ленинского комсомола получил — «Родник». А картина хреновая. В Курске она шла только один день, только в одном кинотеатре и только один сеанс.

Не осилил материал парень, ведь в повести нет действия, а без действия — какое кино? Правда, он пытался внести некоторую событийность: заставил Селивана тащить на себе кривое бревно, а потом посадил на столб аборигена, чтобы тот с высоты сосчитал, сколько ящиков водки везет в магазин продавщица. Но это не помогло. Эти шуточки оказались дешевыми, и картина не получилась. А ведь дело не в столбах, а в ямах под столбы. По повести ямы успели отрыть перед каждой хатой, а столбы поставить не успели. И эти ямы остались перед каждым осиротевшим домом как символы предстоящих утрат и потерь. Вот если так СНЯТЬ!

Петр изнашивает свои последние ресурсы. Совсем отказывают ноги, запечатало тромбами артерии, в ноги не проходит кровь, живет от барокамеры до барокамеры, вот и опять уезжает в Москву, в бароцентр. Да и тебе, слышал, тяжело было этой зимой. Даже не знаю, чего тебе посоветовать. Легкие — такая капризная штука, а ты такой живой, темпераментный по характеру. За каждым углом тебя будет стеречь эта неотвязная хвороба. Единственное от нее спасение — сухой, горячий воздух — Средняя Азия (там особенно хороша и суха осень и тянется долго). А в Овсянке уже легла зима. Крым лучше Кавказа именно в смысле сухости и целебности воздуха. А еще хорошо бы попить кумыса, только не аптечного, а степного, пожить бы в Башкирии, средь лошадей. Кумыс, наверное, есть и в Туве, но в Башкирии — давнишние, хорошо организованные санатории-кумысницы.

Попалась нам тут книжка воспоминаний о Рубцове³. Как-то само собой получилось вроде вечера Рубцова. Собрались все наши курские ребята, читали вслух воспоминания, стихи, и было хоро-

шо и очищающе на душе. Особенно всем понравились воспоминания Марии Семеновны. Написано душевно, зримо и трепетно. Передай ей наше общее спасибо.

От всех приветы.

Обнимаю

Женя

14 апреля 1984

32

Дорогой Виктор!

Твое письмо, которое начинается словами: «Петя прислал мне открытку с какого-то курорта...» — я получил исправно. Исправно же ответил на него. И тут у меня в свою очередь возник вопрос: получил ли ты это мое письмо?

Посылаю тебе фотографию с Плебом Паншиным¹. Он собрался приехать в Курск и вдруг от него звонок: «А я из больницы. Инсульт хватил...» И вот парень: только выписали, с еще полуживой ногой, в Курск. Погостил маленько и махнул домой. Это вместо того, чтобы дома отлежаться, прийти в норму.

Вот опять звонит, зовет на Куликово поле. Но мы подождем тебя и поедем вместе. Только давай чинись, вылазь из хвороб, не давай свалить себя. Хотя, я понимаю, сопротивляться становится все трудней и трудней.

Петя в больнице — проходит барокамеру. Ноги его нуждаются в подпитке кислородом. Такую подпитку он проходит дважды в год. Но ведь курить так и не бросает. Ну, да все мы грешны. Как сойдемся, так и начинаем соображать. У нас тут есть приятель — художник, я тебе о нем писал. Он и рыбак заядлый! Попишет пейзажей, схватит удочки и бежит за окунями — на уху. Ну, а какая уха без этого дела! Там, среди картин и тюбиков, мы и собираемся иногда, когда душа начинает сохнуть. А все трое уже старые, в болячках, как в репьях.

Когда-то мы с Петей мечтали пешком сходить на Куликово, теперь Петя уж на второй этаж без отдыха подняться не может. Время берет свое, а мы помогаем бегу времени.

Все мы живем ожиданием тебя, и это греет душу и похоже на светлое будущее.

Милая Маша! Держись и не сдавайся.

Обнимаю.

Женя

1984

33

Дорогой Витя!

Позволь взаимно поздравить тебя с весной, с маем, с днем рождения, с Днем Победы!

Крепко обнимаю тебя в день 60-летия, которое ты встречаешь не с пустыми руками и с неопустошенной душой, а, по моему ощу-

щению, все таким же Виктором Астафьевым, каким я узнал тебя четверть века назад и который магически притягивает к себе не только меня, а и многих-многих других людей, как-либо прикоснувшихся к твоему яркому и мужественному бытию.

В «Нашем современнике» говорили, что у тебя есть новая рукопись. Не знаю, как ты сейчас к ним относишься, но Володя Васильев просил при случае написать тебе просьбу, чтобы ты дал им почитать. Сами они даже не решаются тебя просить об этом, хотя Викулов был бы страшно польщен, если бы ты передал свою папку «Нашему современнику», а не куда-нибудь еще.

Родной ты мой Витя! Ну что тебе сказать по случаю твоего юбилея... Ты прав: он всегда странен и неожидан. И можно ли ему радоваться? С одной стороны — можно — в том смысле, что дожил, что не убили еще безусого, бездетного... Но по-человечески — все-таки избавиться от чувства горечи и печали, наверное, невозможно. Потому что когда оглянешься назад, то такое ощущение, будто жизнь — это односеансная кинодрама или кинокомедь. Не успел сесть в кинозале, как лента твоей жизни промелькнула перед твоими глазами и тебе сказали: «Это все. Продолжения никакого не будет»... Все это печально. Но что, дорогой ты мой, поделать? Такова селяви. Утешают только внуки. У меня их теперь два.

Ирка¹ вышла замуж за своего заводчанина, живут в общежитии, ждут заводскую квартиру, а тем временем народила Андрюшку, который раз в неделю приходит навестить деда, все разбрасывает в его кабинете, а пивные и кефирные бутылки таскает из кухни и ставит на мой письменный стол. Это его любимое занятие. Делает он это молча, так как пока не знает еще ни одного отечественного слова. А кобель мой остарел, на сучек уж не обращает внимания. Иногда по-стариковски, по беспамятству принимает ножку стола за штaketину и поднимает ногу, а ночами охает и стонет... Все как у людей...

Обнимаю.

Твой Женя
Апрель 1984

34

Дорогой Виктор!

Ох, уже 85-й! Поздравляю, брат, с тем, что дотопали мы до него. А могли эти 40 годов уж прорасти бурьянами. Хоть и поизносившиеся, с трехэтажными хворями, но трекаем помаленьку, и на том спасибо. Вот уж и февраль. В этом месяце меня кокнуло под Кенигсбергом. А ты еще, кажется, где-то топал по Европе. Многое уже стало забываться. Вот лицо солдата-батарейца помню, вижу его

глаза, торчащие уши, а имени не помню. А мы хоть полуживые, но докарабкались почти до конца века, хотя и в его конце нет ничего хорошего, но, слава богу, живы!

Обнимаю.

Женя
Декабрь 1984

35

Дорогой Виктор!

Вася Белов получил твое письмо, но почерк твой, сам знаешь какой, — пришлось мне читать Васе — твой почерк, наверное, только я да Марья и понимаем.

Спасибо, Витя, за душевные слова Васе Белову. Растрогал ты нас обоих, и Вася безмерно благодарен за такую поддержку. Спасибо сердечное от него и от меня.

Был тут В. Сапожников, собирался и вкалывал. Мы с ним поговорили по душам и даже сдружились.

Получил и я твое толстое письмо, адресованное на Переделкино. В нем ты ничего такого не написал для того, чтоб тебя второй раз отправили в Игарку или куда подальше. Что ты хотел сказать про ту «эпоху» — сказал уже и в книгах своих, и за «круглым» столом, а мне один читатель написал, что-де Астафьеву не дали к 60-летию Героя Соц. Труда потому, что он к своему юбилею не написал соответствующего романа.

Письмо с фотографиями тоже получил. Спасибо!

Да, брат, дожили мы до такого времени, когда нас уже не украсят никакие кустюмы, украсить может только здоровье. Вернее, часы и дни, когда нас немного отпускают хвори и мы становимся как бы попримечнее... А для меня ты по-прежнему, в любом виде и состоянии, хорош и прекрасен. Я уж как-то по-бабьи люблюсь тобой, и все твое корье на лице вызывает лишь грусть, но зато вместе с грустью еще больше крепнет братская привязанность и желание вымолить у Бога хоть сколечко здоровья тебе.

Обнимаю и люблю.

Твой Евгений
1985

36

Дорогой Виктор!

Получил от тебя весточку и рад обнять и поздравить тебя ответно, хотя нет у меня ощущения, что приближается очередной Новый год, и потому не бью копытом, как когда-то в молодости. Я уже давно не праздную всякие календарные праздники, разучил-

ся ходить в ногу и живу только тихой случайной радостью внутри себя, какую удастся залучить, как в клетку.

Вот родилась у Ирки внучка, назвали Настей — это мое солнышко, к ней повернут всей душой. А это верный признак старости. Только для нее Бог придумал такое утешение — внуков.

Женькин сын, а мой внук, как-то и не внук — выше отца ростом. Позавчера пришел из школы — табачищем несет — говорит, мол, это еще когда в колхоз убирать картошку гоняли — насобачился курить, да никак не отвыкнет. А на миру стало пакостно. Про сахар власти говорят — на самогонку разбирают.

Обнимаю тебя, дорогой, держись изо всех сил! Ты нужен не только внукам. Большой-большой привет Маше! Мы ее всегда помним и всегда любим.

Милый, родной Витя, тронут теплым, сердечным словом в «Литроссии», спасибо, дружище.

Обнимаю.

Женя
1986

37

Дорогой Виктор!

Должно быть, эта майская открыточка не застанет тебя дома: сказывают, что ты собираешься в Москву на конференцию Академии наук, в Новгород, а потом твой корабль странствий надует паруса и отчалит по следам Колумба в Америку. По этому случаю французы говорят: жизнь на дорогах. И это правда: живешь — пока двигаешься.

А я что-то оброс ракушками. Получил приглашение на конференцию в Академию, но не поеду, бог с ними, с академиками, и, кажется, в Новгород не соберусь, хотя и зван. А что же касается Колумбии — то не зван, да если бы и был зван, то не поехал бы: далеко и тряско. Теперь уж обойдусь и без Колумбии. А тебе — попутного ветра в паруса!.. Береги себя.

Твой Евгений Носов
1987

38

Дорогой Виктор!

Я так думаю, что к празднику ты уже не получишь этот пакет: все в России пришло в расстройство, и почтовое дело тоже... И все же я рад послать тебе весточку и сказать, что все мы тут все еще полны твоим таким коротким, но памятным приездом!!!

Посылаю в память о тех днях фотокарточки, какие получились. Жаль только, что не побыли мы с тобой наедине, не поговорили о самом-самом...

Поедешь ли ты на пленум СП? Я — нет. Что-то не хочется соваться в эту пустую говорильню. И вообще в Москве стало скверно, противно: все смотрят в глаза: с кем ты, за кого ты?

Большой, большой привет Маше. Обнимаю и целую.

Твой Женя

Да, Вить, пришли, если можно, твой «Зрячий посох»¹, а то у меня нет.

1989

39

Дорогой Виктор!

Получил твои светлые, чистые, как облака, книжки «Последнего поклона», а еще хорошее, умиротворенное, ровное письмо, похожее на поставленную свечу в тихой часовне. Я страшно всему этому обрадовался, весь ослабел, даже обессилел от радости. И только билась мысль: надо ответить поскорее. Но сразу не смог — не хватило сил, а время уходит. Чувствую, что я не успею написать тебе ответное большое письмо до твоего скорого отлета в Москву. Я знаю, что ты днями едешь в Одессу, а оттуда пароходом до Киева, поэтому и спешу ответить тебе хотя бы открыткой. Сказать тебе спасибо за добрые слова, а еще сказать, что я неизменно и тихо люблю тебя и надеюсь хоть мельком увидеть тебя в Киеве, куда тоже собираюсь поехать на Славянский праздник. Буду рад повидать тебя, тем паче — поговорить.

Твой Женя

1989

40

Дорогой Виктор!

Ты, наверное, уже тревожишься: в чем дело? Почему молчим? А я был занят чтением твоей книги. И вот теперь могу сообщить, что книга получилась мощная, астафьевская, своеобразная, полная добра и сострадания, несмотря на горестный фон. Поражен рубенсовской силой многих картин. Страницы о солдатских сортирах — вообще классика. Сильно написана уборка брошенного поля. Но есть и замечания. Все пометки делал на отдельных страницах, поэтому мне еще предстоит распутывать все, что я там пометил. Одним словом, потерпи еще маленько.

Обнимаю и целую.

Твой Е. Носов
16 апреля 1991

41

Милый, дорогой Виктор!

Качели года подбросили к вершине лета, всегда ожидаемой с какой-то надеждой, будто именно летом должно произойти что-то особенное и важное, но, как всегда, ничего особенного не произошло, и вот теперь эти качели полетели вниз — к зиме, к концу года (а про себя думаешь, что и к концу жизни вообще...). Так вот, в расклевывании надежд и упований, вверх — вниз, вверх — вниз, и проходит суета и, в сущности, никчемная человеческая жизнь.

По той же причине суеты все не собрался написать тебе, все ловил какое-то в себе настроение, высший душевный порядок. Порядка я пока не дождался и вот пишу без всякого порядка, а просто так, по велению души, которая по тебе порядком соскучилась. Опять хочется тебя видеть и слышать и просто молча почувствовать тебя рядом, как, бывало, в детстве чувствовал близость деда-ва коня, потно-полынный запах его могучих боков, мельничное ворочанье тяжелых конских салазок и вкрадчивое, бархатное шуршание губ, перебирающих сено, отыскивающих себе наиболее сладкие травинки и былинки... Теперь я понимаю это свое чувство — это потребность человеческой дружбы, надежности опоры, созвучности дней, часов и минут в нашей разобщенной жизни.

Часто вспоминаю твой внезапный, такой короткий, но такой праздничный заскок к нам в Курск и тайно мечтаю, что это еще раз возможно, еще можно повторить, когда ты будешь в Москве — на съезде ли или так, по каким-то иным делам.

В июле я был в Переделкине, и было весьма скучно среди старых, шаркающих подошвами каких-то переводчиков, пахнущих нафталином и собственным увяданием. И тешил себя тем, что ездил по малым окрестным городишкам, где особенно обозначилось опустение и пагубность всех этих последних десятилетий, но тем не менее всегда находилось что-нибудь для души, как, например, прекрасный пятиглавый собор в Малом Ярославце, построенный по случаю победы над Наполеоном. А больше — удил карасей в переделкинском пруду. Это тихое мое увлечение имело тот смысл, что позволяло полностью, напроць отключиться от московских литературных проблем и так опроститься в общении с водой, нависшими ольхами, барахтаньем диких уток, меж поплавками наплывающих хватать хлебные корки, которыми обычно прикармливают здешнюю рыбу, что после проведенного на пруду рассвета становится странным видеть потом, по возвращении, всю эту заспанную респектабельность переделкинской территории и ее обитателей, бредущих есть утреннюю овсяную кашу.

Я по-прежнему остаиваюсь и живу в старых деревянных коттеджах, с которыми связано столько воспоминаний, в том числе и то, как у тебя в 61-й комнате хлебали стерляжью уху из голо-

визны, купленной Кузькиным-Воронецким¹, к сожалению, умершим в начале этого лета.

Вчера вечером проводил на поезд Павлика Кривцова, который по дороге к матери в Белгород всегда останавливается у меня. Теперь он загорелся поснимать нашу Коренную пустынь, которую передали в руки церкви и которую спешно и расторопно восстанавливают уже объявившиеся монахи...

Хорошо бы тебе там тоже побывать: иноки и монастырские отцы отзывчивы и гостеприимны, угостят заведшимся медом, парным молоком от собственных коров, покажут и расскажут.

Витя, милый! Наступил край бумаги, и на этих последних клетках осталось только обнять тебя крепко и пожелать тебе и Маше добра и здоровья!

Твой Женя
1991

42

Дорогой Витя!

Странно стало на земле: все нынешнее лето лило и мочило, на наших огородных сотках не выросло ни огурцов, ни помидоров, лук — с ноготок, а моркошка — с авторучку, но не с ту, что с чернилами, а с ту, которая со стержнем. Огород наш на краю оврага, поросшего дубами и березами, а понизу — всякий веселый подлес: дикие груши, яблони, боярышник, шиповник, терн и пр. Но так нынче лило, что ничего не завязалось на дикоросье, и я не собрал даже терновника на варенье, который в те года был всегда ядрен и обилен. А еще хороша из него наливка — черная, как ночь, с малиновыми молниями, если встряхнуть...

Правда, в домашних садах на некоторых сортах яблонь яблоки все же занялись. Коля Шадрин¹, твой родич, присылал тебе посылочку. Это он бегал в сельхозинститутский сад за городом и натрусил маленько. Там они, яблоки, все равно погибают, так как студентов в это время гонят на картошку, а свои яблоки убирать некому. Потом они падают и гниют. Когда проходишь мимо этого сада, то слышно, как стучают и шелестят ветви под падающими яблоками и как веет оттуда, из-за садовой канавы, терпкой бражкой и рислингом. Постепенно румяные опавшие яблоки превращаются в рыжую грязь, потом эту прель прикроет листвой, бражка уйдет в землю — и в таком бесполезном круговороте круглый год. А все ж это — труд человеческий, денежки. А сейчас какие-то привозные яблоки продают по 400 рублей...

А потом, опосля дождей, в конце сентября, резко заглодало, и весь октябрь и часть ноября стоял мороз. Ну, морозы, конечно, не ваши, не сибирские, но пали они на раздетую, бесснежную землю, на голые озими, и веет от всего этого новой бедой...

А сейчас вот отпустило, расквасило не ко времени. У вас, гляжу, держатся морозы в 9–12 градусов, самое хорошо, а у нас потекло-побежало. А Европа вообще плавает, вон сообщили: у немецкого канцлера Коля затопило гараж и вода грозит самому парламенту. Паводки подступились и к Западной Украине. Но нам, курянам, вода не страшна: мы живем на верхотуре. Впрочем, кто живет по речным берегам — тем иногда достается. Во время паводков начинают резать коров, свиней — все, что нельзя втащить на крышу.

А еще примета странности: в Курске не стало воробьев. Прежде, бывало, в летнее время на рассвете такой галдеж, столько веселого, беззаботного чириканья, а в этом году — зловеще тихо. Не видно их ни на помойках, где они обычно дожидаются вместе с голубями, ни возле кафе, где склевывали с покинутых тарелок на летних столиках, ни возле булочных, которые привлекали запахом свежего хлеба или оброненным ломтем. Не-е-ту-у!!! В газетке нашей писал какой-то ученый, видно, велено было ему разъяснить народу, — так он говорил, будто воробьев не стало по многим косвенным причинам: сократились места удобного гнездования, уменьшилась кормовая база и пр. ученая ересь. Но народ упорно называет главную причину — Чернобыль... Уже давно весной в курском небе не поют жаворонки, а теперь вот извели и воробьев. Очередь за писателями... Клевать им совсем не стало чего, и пробавляются кто чем.

Петя Сальников живет пенсией. Завел собаку, но кормит ее впроголодь, поскольку на колбасу пенсия не тянет. Коля Шадрин¹, интересный парнишка, очень благодарен тебе за помощь, за публикацию в «Сибирских огнях», говорит о тебе с деликатным трепетом и все время только «Виктор Петрович, Виктор Петрович...» — так этот самый Коля по три раза в день бегаёт по детсадам и школам изображать Хоттабыча, а еще ведет кружок пантомимы...

А теперь в самый разгар на остатке листа бегло и скороговоркой, как всегда делают это наши собраты-славяне, разреши поздравить тебя с наступающим (или уже наступившим) Новым годом (ох, сколько их еще там, за бугром?..) и пожелать тебе, милый, добра и здоровья, здоровья и добра, и Маше, дорогой Марии Семеновне, и всему дому твоему тоже.

Обнимаю.

Твой Женя
1991

43

Дорогой Виктор!

Когда долго нет от тебя письма, на меня нападает тревога — как-то ты, не заболел ли, не случилось чего?.. В этот раз было так: за день до твоего письма снилось мне, будто я уже получил от тебя

известие, просыпаюсь и точно — от тебя письмо! Телепатия! Значит, нечто во мне уже предчувствовало близость твоего письма. Ну, а само письмо, конечно, настоящий праздник. Твои письма всегда частица твоей души, совести, темперамента, истовой любви к живому миру и полыхающего гнева ко всему уродливому и лишённому совести. Формальных, равнодушных писем я от тебя не получал. Спасибо!

Думал ответить сразу, но не сподобился: замучило артериальное давление. Прежде у меня такого не было, хворь новая, интеллигентская, все ее причуды я еще не усвоил.

Под конец зимы, вернее уже по последнему льду, был на рыбалке. Было припаристо, буро, нагрето, высились холмистые берега вокруг очередного льда, на крутых глинах высыпала доверчиво едва проснувшаяся мать-и-мачеха, а в раздерганной облачной вышине летели гуси. Я никогда не видел сразу столько гусей! В один погляд виделось шесть стай от 30 до 150 штук. Небеса полнились их отдаленным приглушенным перекликом, а на душе творилось что-то невероятное: и радость весны, и тревога за все живое, за этих усталых гусей, которым негде присесть, не найти места на земле для передыха. Все под ними стало враждебно или погибельно...

Под конец на блесну попался окунище, который, расшеперясь колючками, застрял в лунке, как пыж в трубе. Ну, конечно, я оборвал леску, а он еще долго топорщился в ледяном тоннеле, пока не догадался сложить колючки. Я кинулся за багром, но не успел... И прекрасно! А если бы вытащил, то съел бы его, красавца, и забыл... А то вот помнится! И моя неудача обернулась удачей памяти, улаждения души... В мае — русская письменность в Москве. Поедешь? Напиши.

Обнимаю, целую.

Твой Женя
17 апреля 1992

44

Дорогой Виктор!

Легко и весело ты обмолвился о своей старости! Видимо, у каждого она своя: каков сам человек, каков у него характер, такова и его старость. В этом смысле тебе повезло. В силу своего иронического и гораздого подшутить склада ты непринужденно встречаешь и эту фазу человеческого бытия. Тем не менее она, злодейка со вставной челюстью, укорачивает и веселых, и не очень... Я себя отношу к «задумчивым», но это мое состояние не избавило меня от наступающих тягот, и на многие мои прежние дозволения сам собой пришел укорот.

Вить, тут очень просили, чтобы ты прислал в «Поле Куликово»¹ какой-либо рассказ, а еще — свой отзыв о журнале, что в нем хоро-

шо, а что худо. Журнал живет трудно, каждый номер требует головоломных решений: где достать 30 миллионов на его выпуск (на один номер). Ездили к Ганичеву², но тот не дал ни копейки. После очередного номера Плеб, как правило, доходит до ручки и ложится под капельницу. А маленько оклемавшись, опять спрашивает себя: где взять 30 миллионов? Начали-то его с размахом, даже по виду чувствуется, что эта игрушка дорого стоит... Но вся беда в том, что такие издания не приносят дохода, впрочем, как и вся литература. За последние 2–3 года я написал штук пять новых рассказов, собралось на приличную книжку. Издавать же еще и не пытался. Может, потербить Л. Фролова? Не возьмется ли он под какие-то собственные резервы издать мою книжку? В дни предвыборной кампании он дважды побывал в Курске. Виделись с ним. Маленько порассказывал о тебе. Пообещали Толе Заболоцкому³ помочь издать альбом о Шукшине, а Толя за это пообещал своим аппаратом помочь создать им предвыборную рекламу, но я сказал Толе, что ни в какую Думу его протеже не пройдут. Я это пишу к тому, как Толе приходится выкручиваться, чтоб издать красивую и нужную книгу о Васе Шукшине.

Витя! Кончилась у меня бумага. Осталось несколько строк для того, чтобы обнять тебя и пожелать всего-всего доброго, чтоб не болел и держал свою старость за порогом своего бытия. И еще строчка — сказать Маше все хорошие слова за то, что она есть, где-то там присутствует возле тебя, хранит и бережет, сколь может.

Люблю и целую вас обоих.

Женя
1992

45

Дорогой Виктор!

Летом, в сушь и зной, умерла моя матушка, Полина Алексеевна. Кончина ее порушила мое и без того непрочное душевное устройство, и это послужило причиной, почему я долго не мог собраться с мыслями, чтобы ответить на твое последнее письмо (журнал тоже благополучно получил — спасибо!) — откладывал со дня на день, ловя в себе необходимый настрой в сумбуре и хаосе чувств и мыслей.

В осиротевшем доме перед портретом матери на телевизоре кто-то еще во время поминок поставил стопку водки и накрыл ее хлебушком. Да так и стоит до сих пор. Хлеб заочурился, высох, водка тоже наполовину высохла — горестно смотреть на это языческое подношение, заменяющее свечу.

В брошенном саду, уже присыпанном снегом, все еще цветут поздние цветы, дорожки усыпаны полусгнившими сливами, а на яблонях обнаглевшие от безнаказанности дрозды долбят, добира-

ются до самых семечек, курочат яблоки поздних антоновских сортов, почти истребленных повсеместно.

Где-то в траве до весны упрятались подснежники и совсем полесному вольно росли в саду ландыши и кружевные папоротники — всех их опекала моя матушка, как и пичуг, поштучно знала всех синиц и всю зиму сыпала им на кормушку. Но теперь некому будет обихаживать птичью мелочь, не просунется в форточку корявая рука с зернами... Надо бы перед зимой выкопать корневища садовых георгинов, надо бы... Но никто так и не выкопает, и померзнут они за зиму, и не взойдут весной...

Ромка¹ мой летом закончил техникум, получил диплом технолога-химика, специальность вроде бы хорошая, раньше всех дипломников распределяли по предприятиям, а сейчас просто выставили за дверь техникума.

А впереди зима... Сколько их еще впереди? Вот сегодня, 30 октября, по телевизору была передача о Гюше Семенове². Показывали его собаку, его ружья, курительную трубку, самого смеющегося Гюшу. Но он — уже в прошлом... Витя, родной, обнимаю тебя.

Твой Женя
1992

46

Дорогой Виктор!

Поздравляю тебя с Госпремией, вчера по радио сообщили, правда, не сказали, за какую книгу. Ну, да я тебе дал бы за любую: вот так зажмурился бы, выбрал бы, шарясь вслепую на полках, — и не ошибся бы. Потому что дело не в моменте, как иногда дают, а в самой сути художника. Борьку Можаяева большевики топтали, а меньшевики дали премию, потому что это им на руку именно сегодня. Но художеств у него не ахти, об этой его книжке сказал еще старик Олег Волков¹, в «Мужиках и бабах»² много брехни. В те времена мужики и бабы так остервенело не матерились, они еще Бога помнили и совесть у них была, несмотря на горе, поруху, раскулачивание и коллективизацию.

А из тебя, Витя, просто прет живое человеческое слово, целебное, как бежит целебная вода из отрогов Пятигорска — подходи к ней кто хочет, сколько хочет — всем хватит! Из народа взято — в народ и вытекает, щедро, неистощимо. Честно сказать, я бы дал тебе Госпремию за одни только твои письма, ибо они ничем не отличаются от твоих книжных страниц, так же полны страстности, душевной боли и страдания...

Обнимаю тебя крепко.

Женя
1992

47

Дорогой Виктор!

Прости, что задержался с ответом на твое письмо с тайменем. Да, брат, подходит время, когда будем только смотреть в окно и жить одними только воспоминаниями. Этой зимой я всего лишь однажды был на подледной рыбалке, а ведь были времена, когда я не пропускал ни одной недели. Помню, однажды собрался ехать, а утром — пурга, сечет в стекла, мотает раму.. Ехать — не ехать? И поехал-таки. Приезжаю — едва докопался по снегу выше колен, а на реке — ни единой души, а обычно набиралось человек по 30–40. Согнулся я на коленках над лункой, натянул на себя плащ и куковал там до обратного автобуса. А сверху меня намело целый сугроб! Теперь уж нет такого рвения даже летом.

А задержался с ответом потому, что сидел и писал рассказ. Писал, как всегда, трудно, тяжело, много переписывал, на одну чистую страницу штук пять черновых, в общем, ушло более месяца. Все время помнил о твоём письме, но всякий день уже не оставалось сил и мыслей для ответа.

Вот подвел печальные итоги: на рассказ потратил более 40 дней, а если напечатают, то получу не более четырех тысяч. Сейчас нищему дают больше. Да и печатать-то негде. Все обанкротились. В январе послал один рассказ Залыгину¹, ответил, что будет печатать, а когда — неизвестно. «Новый мир», кажется, тоже дышит на ладан. Прежде можно было и подождать, но теперь всякая неизвестность угнетает морально, порождает чувство своей ненужности и напрасности писания.

Недавно видел неожиданный сон. Будто я поехал к тебе. Но не в Овсянку, а куда-то на побережье Белого моря. Там, на чистых песках, в пустынном одиночестве, у самой воды ты построил себе белую двухэтажную дачу. Встретила меня Маша, вся в побелке, сошла мне навстречу по строительным мосткам через оконный проем. Мне понравилось это место. Катились барашковые волны, парусили над водой белые чайки, летели белые облака, и дом был белый, и Маша в белом, обрызганная белой известкой на загорелом лице. И было много простора и волн, и мне даже во сне стало радостно и хорошо. Я спросил, где ты, и Маша сказала, что тебя нет дома, что ты уехал на встречу с читателями. И я вернулся домой, так и не повидав тебя. Когда я потом обдумывал этот сон, то стало почему-то тревожно за тебя. Но потом успокоился, подумав, что сновидение навеяно телепередачей о тебе...

Обнимаю.

Твой Женя
1993

48

Дорогой Виктор!

Все лето ждал от тебя письма. И так и не получил... Теперь вот узнал, что ты посылал, но оно не дошло. А я тревожился, думал, что чем-нибудь нечаянно обидел тебя. В это смутное, пороховое время любое неловкое слово может наделать беды... Но, слава богу, кажется, ты не сердишься — просто подвела почта. Позвонила Лялька Полухина и сказала, что ты мне писал и даже предлагал издать мою книжку в Красноярске, а я, видишь, ничего этого не знал. Впрочем, есть ли смысл теперь издаваться? Ведь издательства почти не платят. Недавно купил в магазине свою новую книжку, изданную в Москве в прошлом году. Но ни денег, ни хотя бы авторских экземпляров так и не получил. Молчат. А может, обанкротились и разбежались.

Вот тоже: еще в августе «Новый мир» напечатал мой рассказ, писал, чтобы прислали экземпляр, но — глухо, молчат. Правда, еще тогда же прислали шесть тыс., а на письма не отвечают. В киосках «Нового мира» нет, нет его и в библиотеках. Так что писать и посылать куда-то нынче стало неинтересно: народ перестал читать.

Получил ли ты от Леба Паншина приглашение в редколлегию «Куликова поля»? Мужик он энергичный, замахнулся на цветной журнал, благо что в Туле мощный полиграфический комбинат, куда он пробил доступ. Он хочет поддержать провинциальных писателей, не дать им захиреть и заглохнуть в своей не востребуемости, в губернской глухоте. Ты бы прислал что-либо ему на ражженину, у него плохи дела с прозой. Не обязательно рассказ, можно и кусок из твоей новой книжки, какую-либо главу, эпизод, смачную картинку — все сгодится, а тебе это не повредит. Хорошо, если бы ты не мешкал, а прислал сразу же, поскольку Леб формирует уже второй номер (выходят они пока 1 раз в 2 мес.).

Давай, Витя, пока поддержим это, в общем-то, нужное начинание, попробуем удержать его от экстремизма ради только того, чтобы поддержать пишущую провинцию, упавшую духом и почти забросившую перо.

Витя! Знаю, что ты чертячишь над книжкой. Представляю, как ухандокался, а потому желаю благополучной точки в конце этого беспредельного марафона. Обнимаю и целую.

Твой Женя

Р. S. Приехал Леб Паншин вместе с членами редколлегии, остановились у Пети, который на это время отпросился из больницы. Будем обсуждать второй номер журнала. Читал твое выступление в «ЛГ» — все правильно.

Е. Н.

17 ноября 1993

49

Мой дорогой Виктор!

Вот подлил водицы, поболтал и пишу тебе разбавленными чернилами. У нас тоже не стало черных чернил. Говорят, ты на всю Россию шумел из-за этого. Ну да че делать, ежели писателю нечем писать? Вот дождусь, пока пойдут «мерцающие» навозники — грибы есть такие, — закусывать ими нельзя спиртное, зато чернила из них получаются отменно-черные, поди, Пушкин такими сочинял — до сих пор не выцвели.

А понадобились мне чернила не роман писать, но ответить на твое теплое, милое письмо, на твое братское приглашение побывать в Сибири, на твоём юбилее... Вот как раз и телеграмму только-только мне вручили — все о том же...

Вот читаю твое письмо, где ты пишешь, что, возможно, это была бы наша последняя встреча, и становится жутковато от этого нагрянувшего предела, а может, и правда, не станет больше возможности обняться и повидаться. Что, разве уже все? Все хорошее уже позади? А еще недавно казалось, что что-то будет, мерещились какие-то надежды на недожитое, на запасаец оставшихся сил, коих уже фактически не стало... Вот стоит в моей комнате новенький велосипед, еще не изведавший дорожной пыли, с ненакачанными колесами. Когда покупал, то будто бы разумно думал ездить на нем на рыбалку, на Женькин огород. Но уже стоит он возле книжного шкафа третью весну, а я ни разу не вывел его на улицу, да, пожалуй, и не влезть на него теперь уже. Так обыденно и быстро рушатся наши благие порывы, несообразные с нашими возможностями.

Пишу тебе, положив перед собой твою фотографию, которую ты мне прислал: старенькая, изболевшаяся Мария Семеновна, но все еще готовая сражаться до последнего патрона, внук Витька с ушкуйно сверкающим левым глазом, задумчиво присмирившая внучка и ты — седенький, с резко обозначившимися рытвинами на лице, но, в общем-то, слава богу, еще крепкий, основательный, с достоинством во всем кряжистом облике. И дай-то Господь тебе еще сил и здоровья на благие дела и годы!..

...Из Новомосковска приехал Плеб Паншин с Витей Пахомовым, тульским секретарем, выгрузили на Петькином дворе кипы свежотпечатанного второго номера «Поля Куликова» для распространения в Курске. Второй номер глядится вовсе солидно: цветная обложка, цветные вклейки репродукций внутри, много стихов, неплохая проза, дискуссионные философские статьи, исторические записки — словом, вполне как у людей. В третьем номере дают твою «войну». Позарез нужен твой хороший, «умный» портрет, хотят дать его крупно, гвоздем номера. Хотелось бы, чтобы ты срочно выслал по своему выбору что-либо подходящее. Можно одно только лицо в самый обрез, а можно нечто сюжетное, вроде того, где ты стоишь у

бани или над Енисеем, как сибирский пророк. Это я для примера, я-то не знаю всех твоих фотографий. Сделай, пожалуйста! Я понимаю, в предъюбилейной суматохе тебе теперь не до того, но поручи кому-нибудь, а? Времени — в обрез, надо уже сдавать, так что хотелось бы, чтобы ты прислал сразу же по получении этого письма.

А вообще-то журнал держится на одном Плебовом энтузиазме и пробойности. Журнал, конечно, убыточный. Если его продать до последнего номера, то прибыль составит 1 млн. рублей, а стоимость его выпуска — 8 млн. Так что на каждом номере Плеб несет чистых убытков 7 млн. Но как-то выкручивается, занимается книжной торговлей, переизданием редких книг (вот издал «Историю русской церкви», том матерщинных частушек Коли Старшинова), приторговывает сахаром, сигаретами. И все для того, чтобы окупить журнал. Совсем недавно раздобыл аж в Австрии книгопечатное оборудование, думает заводить свое полиграфпроизводство, чтобы не платить сумасшедших денег. Одним словом, молодец, и ему надо по возможности помогать.

Вот когда выйдет номер с твоим отрывком, решили просить тебя обратиться к Татьяне Земсковой¹, чтобы та сделала на телевидении беседу с Плебом, поговорили бы о содержании журнала, о его планах. Как смотришь на это? Думаю, тебе она не откажет. А такая реклама нужна на предмет подписки. Люди-то пока не знают о существовании «Поля Куликова», пока идет трудное его прорастание по областям.

Витя! Просишь ты в своем письме не хандрить, написать весенний рассказ про то, как мать выставляла зимние рамы и пр. Странное совпадение, но в день, когда получил эти твои душевные строчки, какая-то сволочь подожгла осиротевший дом и все, кто был способен, кинулись туда тушить... Такое глумление над памятью моей матери! А сперва этот заколоченный дом обокрали (сразу, как она умерла), выломали из сарая окно, проникли внутрь и унесли, что увидели: телевизор, швейную машинку, кресло-кровать, постель, электроплитку, часы, даже лампочки повывертывали из патронов... А теперь вот и подожгли... Правда, подлетели две пожарные машины, не дали огню разбушеваться, сгорела веранда и садовый угол дома... Но на душе мерзко от этого разбойного беспредела, от душевной человеческой темени... Так что весеннего рассказа не написалось. Вот маленько подсохнет, пойду обряжу материну могилку, которая зимовала пока без креста, без коего выглядит она особенно неприкаянно и горемычно.

Ну, а от меня — крепкие мои объятия и молитвы к Всевышнему, чтобы Он не оставлял тебя и оберег тебя за всех нас, грешных.

Целую и поздравляю.

Твой Женя
1994

50

Дорогой Виктор!

Видимо, это общероссийское поветрие — я тоже переболел ленью. Особенно удручающая летняя лень, похожая на сонную дурь. И в самом деле, вроде бы жив: видишь, слышишь, а пальцем пошевелить не можешь. Мне кажется, не все люди и не в такой мере подвержены этому опустошающему недугу. Или у других людей применяются какие-то прививки, например у немцев. Сдается, что немец этим никогда не страдает, его не тянет в темную кладовку, на сеновал или под копнушку.. У нас даже ухитряются спать за штурвалом самолета.

Лишь наступление осенних холодов заставляет медленно шевелиться, искать какое-никакое дело — для сугрева. Но за долгое прозябание так отвыкаешь от стола, от ручки, от бумаги, что не сразу берешься даже за письмо, а сперва несколько ден чешешь затылок в поисках, о чем бы написать, потом, севши за чистый лист и попробовавши что-то из себя выдавить, с ожесточением комкаешь написанное, потому как обнаруживаешь, что ты намарал уйму грамматических ошибок и что такую писанину отправлять через всю великую страну, занятую перестройкой и прочими умными и неотложными делами, просто неприлично...

А еще мы перезахоронили Костю Воробьева. Гроб привезли аж из Литвы, которая стала за границей, и всякое русское там пребывание, даже на кладбище, сделалось нежелательным, что ли... Было много народу, много начальства, музыки, цветов, венков, милиции, КГБ, панихиду отслужили в переполненной церкви, где было душно, сыро и пахло ремонтной побелкой и цементом. А вокруг стоял тихий золотой денек, и могила и ее днище были запорошены золотыми монетами опавшей листвы. Говорили прощальные речи, читали стихи, церковный попик тоже произнес вдохновенную речь с литературоведческим уклоном... А потом взвод солдат, одетых парадно, трижды грохнул в осеннюю синь, и мы кинулись собирать памятные гильзы меж начищенных солдатских сапог.. Кажется, наконец-то успокоился Костя. Земля детства — она ведь и в могильном холме — родина.

Милый Виктор! Люблю и целую.

Твой Женя
1995

51

Дорогой Виктор!

Когда ты долго не пишешь, то меня начинают одолевать два предположения: или ты заперся и работаешь, и тогда слава богу; или ты занемог, расхворался — тогда не дай бог..

В июле дважды видел тебя на экране: вид свежий, в пижонских темных очках, необязательных в Красноярске, в добротном летнем

костюмчике — и облегченно вздохнул, и понял, что ты пока ничего, а не поешь, видно, из-за жары, лени и самотечно бегущих дней, а может, потому, что я не пишу..

Фотокопию с твоего портрета поместил в рамочку, повесил на стене. Портрет сделан удачно, с толстовскими аллегориями, с намеком на колючий твой характер. Словом, портрет хорош, и даже встрепанные твои седые вихры обыграны художником.

Ну вот, прибил я к стенке портрет, а писем от тебя нет, и стало как-то разлаженно и скучно.

Дня три назад приезжал Глеб Паншин, привез кипу очередного номера «Поля Куликова» — для здешнего распространения. Куряне не хотят на него подписываться, потому что не местный, а из какого-то Новомосковска. Но уходить с лица земли жалко: столько средств ухлопал Глеб на поддержку его существования. Ради этого торгует сахаром, консервами, настенными календарями и еще всякой всячиной. Ездили мы с ним на рыбалку, так он к воде сам не может сойти, надо поддерживать его под руки — весь кривой и покореженный: у него ведь вырезали из мозгов 400 граммов опухоли. Говорит, журнал — его последняя стимулирующая отдушина, без журнала-де я загнусь...

А как ваши «Дни и ночи»? Тянете или бросили? На Дни славянской письменности ты не приехал, а я надеялся, ты, может, приедешь. У нас стоит опасная жара, иссякли ручьи, обнажилось дно в верховьях прудов.

Нет ли у тебя рассказика для Глеба?

Обнимаю.

Е. Носов
1995

52

Дорогой Виктор!

Получил твой очень полезный подарок: вот видишь, пишу о нем ответ, а заодно благодарю душевно!

...Да, брат, такое вот нескладное дело... Эти первые две строчки я написал еще три недели назад и с тех пор, оторванный, сиротливо и без продолжения, пролежал до се дня. Прихватило сердце. Так прихватило, так болело, едва знакомые врачи отходили. Да и сейчас еще грызет, гложет по ночам. Потому прости, что так долго задержался. А с моими юбилеями ты малость напутал: не в марте я родился на свет, а в январе. Вспомнил, как вы с Марьей прилетели на мой день рождения. Гоша Семенов тогда был, Колосов. Зимой дело было. 15 января. Ай-яй-яй... куда жизнь девалась, уже восьмой десяток разменялся на мелкие рубли, на мелкие расходы. Оно и верно — время мое расходуется как-то мелко, никчемно. А Борька Можаяев и вовсе сыграл... Все гонорился, а ни хрена путного и не

написал... Правда, за свое горлопанство получил в Переделкин полдачи — очень уж хотелось ему побарствовать на природе. Дал им дачу на двоих с Солоухиным¹...

Месяца полтора назад я написал Лене Фролову письмо. Набралось у меня с дюжину новых рассказов, хотел узнать, нельзя ли их как-то издать в «Современнике». Просил сообщить, как теперь издают, на каких условиях. Денег, конечно, у меня нет, чтобы оплатить расходы. Но, может быть, Леня рискнул бы издать под аванс. Нет, не ответил Леня на мое письмо, промолчал... А может, сделал вид, что не получил письма... Такие настали времена. Не хочется думать, что это была бы моя последняя книжка. Еще одной мне уже не написать. Нет ни здоровья, ни времени.

Петя Сальников решил помирать на своей родине — в Плавске. Присмотрел там избу, хочет купить, а курскую продать. Подробности не знаю, но это его последнее душедвижение я понимаю. К тому же он наладил отношения со своей родной дочерью, ныне живущей в Туле. Она уже доктор каких-то там наук, знает языки. Да и кое-какие родичи еще остались в Плавске и разные племянники, которые быстренько приведут избу в порядок, проведут газ, переберут крышу и все, что потребуется.

Витя! Мелькнул тут у нас в Курске твой роман. Я не успел застать его на прилавках. Не прислал ли бы ты мне экземплярчик? А то я пока хворал, куряне все твои книжки раскупили. Они ведь тебя знают и помнят.

Ну вот. На большое письмо не хватило пороку. Сел с желанием хорошенько отписаться, да не рассчитал — опять жмет, давит под рубахой, отбивает мысли да саму охоту. Прости, пожалуйста!

А в открытую форточку слышно зяблика. Рад без памяти, что долетел до родной ветки! А я рад его радости. Все-таки пришла весна наконец-то, а то уж больно долго тянулась нынче зима. Может, оттого, что было морозно, без единой оттепели. А я так и не посидел на льду, не порыбачил. Это первая зима, когда я не был на льду.

Обнимаю и желаю тебе здоровья и душевного обогрева на нашей старческой завалинке.

Женя
23 июня 1996

53

Дорогой Виктор!

Собирался ответить тебе сразу по возвращении твоём из Москвы, но вот опять расхворался брюхом: рвет меня, не проходит пища, с этой непроходимостью я уже лежал зимой в больнице, вытаскивали уколами, а теперь вот снова... Все это следствие моих былых язв, которые настолько деформировали выход из желудка, что при малейшем воспалении пища не идет, и тогда остается единственный

гуть — обратно с помощью двух пальцев... В таких случаях человек начинает тощать, ноги его не держат — словом, невеселая такая вот житуха... Но в больницу не хочется, пока перемогаюсь, надеюсь как-нибудь выцарапать с помощью голодания...

В Киеве не застал тебя всего на один день. Еще были там Валя Распутин, Крупин¹, застал Мишу Колосова, а тебя уже не было. С Залей почти не разговаривал, он одержим мессийством, держался больших верхов и вообще жил в другой гостинице, да и времени почти не было для душевных разговоров. В тот же день после произнесенной им речи со свежесколоченных перед Софией подмостков, туго набитых начальством, Валя улетел на съезд...

А сам Киев, конечно, великолепен! Весь он в каком-то ансамблевом единстве — и зеленые его холмы, и золото бесчисленных маковок среди каштанов, и мягкая ширь Днепра. У Москвы нет такого единства облика, она вся рассыпается на районы, на микроландшафты: скажем, Арбат, Лефортово, Сокольники... А вообще, я понимаю недовольство Киева Москвой... Такой город подвергнуть чернобыльской напасти! И по сей день киевляне избегают ловить рыбу из Днепра. Спрашивал рыбачков на берегу, зачем они ловят, если есть нельзя. А так, для интереса, половить-то охота. И такие вот АЭС закладывают по берегам Днепра до самого Черного моря и на самом Черном море тоже пытаются насаждать — в Одессе, Крыму.. Смотрел я с Владимирской горки на Днепр, и не по себе делалось при мысли, что где-то на дне этой могучей реки ползают пораженные радиацией ракушки, снуют обреченные окуньки, расгут смертельно опасные водоросли. Все упования киевлян — на Десну, которая вливается в Днепр чуть выше. Но они забывают, что и Десна теперь — не святая водица. На ее притоке, Сейме, как раз там, где мы с тобой были, стоит такой же, как и в Чернобыле, мрачный монстр атомной энергетики. Там, где когда-то стояла наша палатка, теперь плещется искусственное море, зимой парящее черным, как стена, туманом, и там, в полукипятке, плавают голые, бесчешуйные лещи и офонаревшие от жары лягушки, которые, когда сильно припечет, выскакивают прямо на прибрежный снег, покатаются, как после бани, и опять — в кипяток... А рыбе порой некуда выпрыгивать, и она массово всплывает — вареная, с белыми выскочившими глазами... Первые блоки Курской АЭС скоро выработают свои ресурсы, и их начнут консервировать, покрывать бетонными саркофагами. И будут вечно стоять эти ужасные гробы, начиненные, как египетские пирамиды, страхом и мщением всему живущему вокруг них. А рядом строятся новые блоки. И так постепенно выстроился долгий, многокилометровый ряд живых и мертвых чудищ, мимо которых даже проезжать боязно, а не то чтобы жить там постоянно. Но вот живут же! Бедный, наивный наш народишко, изгнанный с полей, из родных деревушек бесправием

и неблагодарной работой, он жметя к любой стройке, к любой возможности зацепиться где-нибудь. И весь этот атомный поселок собран из окрестных деревень, за исключением ИТР: все это шоферы, слесари, монтажники, бетонщики — это же все окрестный деревенский люд, согласный и на стронций, и на облучение, и на выпадение зубов и волос, лишь бы не в колхозе...

Да, но после Киева, после днепровской эпопеи тебе еще предстояло выдержать Москву, съезд, который еще прибавлял тебе две недели испытания. Представляю, насколько это изнурительно. Несколько раз ты мелькал на экране телевизора, иногда у тебя брали интервью.

Пока ты сидел на съезде, в это время Петя Сальников сидел в Переделкине. Я ему подсказывал, чтобы он съездил хотя бы в Москву и повидал бы тебя. Но он что-то не решился тебя тревожить тебе и так было суеты по горло. Теперь вот надеемся на осень, на осеннюю сессию: может, когда надоест заседать, под субботу махнешь в Курск, одна ночь езды. Осенью же планируем мы очередные Воробьевские чтения. В Костином селе, Нижнем Реутце, организовали мы его музейчик и вот уже третий год собираемся в дни его рождения помянуть, поговорить о нем. Он любил эту свою затюканную родину, эту печальную землю, осыпанную палым листом, но она, сама, попираемая сапогом бездушной власти, так и не дала ему приюта. Может, и ты захочешь приехать на день-два и поклониться Костиной памяти.

Витя! Посылаю тебе сборничек Прасолова², возможно, он до тебя не дошел.

Вот позвонил Пете Сальникову узнать, желает ли он с моим письмом послать тебе приветы. «Обязательно и непременно!» — обрадовался Петя. Он в эту минуту варил себе из трех картошек похлебку. Ему охота выпить, тем паче что сегодня — 5 июля, начало Курской битвы. Повод, конечно, значительный. Но наш старейшина — художник Мих. Степ. Шорохов сказал по поводу выпивки «Погоди, Петя, надо выждать. Нынче не время, надо пару деньков выждать, пока немцы выдохнутся. Давай отложим на седьмое». Так мужики и решили: сварят какую-никакую ушицу, соберутся на Петиной кухне и помянут павших на Огненной дуге. Витя! Ты ведь тоже там был, где-то под Богодуховом... Мысленно оставляли место в нашем солдатском кругу. Хотя я нынче — пас...

Обнимаю.

Твой Женя
1991

1

Дорогой Женя!

Как мы расстались под звон медалей, так с тех пор ни слуху ни духу. Я почти месяц был в Москве, сдавал в «Наш современник» повесть и в «Молодую гвардию» книгу. Очень устал и подпростудил легкие. Наш хитромудрый Серега добавил мне головной боли. В письме не хочу писать, но если он выкинет еще такой же пируэт по отношению ко мне, я и его, и журнал этот выкину куда подальше. Разговаривал с Ингой Фоминой¹, и она мне с потрясением сообщила, что ты до се не прислал книжки на расклейку. Ты что, хвораешь или забыл, но ведь книжки-то должны выйти уже в нынешнем году. Тебе же бояться лишний раз напоминать и надоедать, а сроки поджимают. Расклейку сделают в издательстве, и стоит это тебе будет рублей 18–20, так что сам себя и семейство свое клеем не мажь.

Женя, я числа 20–25 улечу в Туркмению с Марьей, греть свои преющие легкие, потом съезжу на юбилей к Толе Соболеву (совсем он плох — подвиги водолазные его добивают), а после безвылазно, вплоть до съезда буду в деревне, так что приезжай погреться на нашем незнойном солнышке, подергать окунишек да сорожонку, которая еще не выдохла. Если брюхо болит — наладим диетой — молоко в селе замечательное, птичек тебе настреляю. Приезжай обязательно, а то так и не увидимся до съезда.

Петя Сальников прислал мне письмо и «Братуна», но я пока еще не прочитал, голова болит шибко. Привет твоим.

Твой Виктор
5 марта 1975

2

Дорогой Женя!

Давай-ка я тебя обниму побитыми, рематизменными лапами и помянем-ка мы среди ликующих толп, вспоминая солдатские пути-дороги, которые только в воображении современных классиков так прямы, победны и сплошь цветами усыпаны. Но они, классики-то, сплошь из второго эшелона и нам не родня. Меня грусть и печаль охватывают в День Победы, хочется молчать, и я не могу видеть радостных лиц, все они мне кажутся ненатуральными, кощунственными, да и как после Днепровского-то плацдарма я иначе могу все это воспринимать?!

Пожелаю тебе здоровья, сердечный мой друг и солдат, сколь Богом отпущено пожить еще и поблагодарить судьбу за то, что не зарыла она нас в «шар земной», а дала возможность еще подышать, детишек слепить, друг с другом повстречаться, поговорить, рыбы половить, цветов порвать.

Я вот вчерась щучонку на спиннинг выдернул, а позавчерась головля и ельца на удочку на глазах у изумленной Марьи. То-то радости было! Тем радостней, что это первые рыбы, пойманные на новом месте, после ледохода и под окном моего деревенского дома!..

Ан и весна вологодская меня нынче с моей пневмонией угнетает — все время льет, льет, всего пять дней за весну солнечных простояло. Схо-

дил с ружьем в лес (у меня все это рядом!) и прошвырнулся-то верст восемь, а бывало, хаживал с ружьем по 40–50 километров за день, — и скололо у меня всю спину, потом и грудь — едва домой приволокся. Но отлежался. Очень здорово, что я домишко этот купил. Это мое спасение.

В остальном пока все более-менее. Книга моя, изданная в Красноярске, помогла найти трех со-етдомовцев — уже всем за пятьдесят и все не верят, что они уже старики, как сговорились, пишут: «А жизни-то не видели». Вот и всё. Маня и я целуем вас всех. Не хворай!

Вечно твой — Виктор
1975

3

Дорогой Женя!

Письмо твое застало меня в момент, когда я после двухгодичной муки и проволочек наконец-то раскачал себя на славную и самую большую главу «Царь-рыбы» и уж не оторвался, хотя мне, как всегда, захотелось тут же засесть и хоть на бумаге поговорить с тобой.

Глава эта была какая-то неловкая, все что-то мешало ее написать. Да и вся книга так идет, то воспаление легких, то супом ногу обварил, то дети женятся, то папу надо везти, то самому юбилей справлять, и если б не самодисциплина и сибирский упрямый лоб, бросил бы все. Но теперь уже легче — глава начерно написана, вся книга пусть и сырая, но в сборе, а доделывать, домучивать — это уж дело писателя, а не человека, тут уж профессиональная машина пусть скрежещет шестернями, но домалывает.

Впереди еще часть июня и июль. В июле, может, осенью надо съездить за отцом — и все, можно отправляться на Байкал — заработал моральное право быть там, считать себя в отпуске, хоть с деньгами и туговато.

Мой деревенский дом взял и берет много — все детки, замужние и холостые, сироты братовы, — все, считай, на моей шее, хотя им кажется, что живут они сами собой, на свои средства. Да я и не угнетаю их сознанием нахлебничества, пусть так и думают, а умру — почувствуют. Работоспособность, хотя уж и не прежняя, еще сохранилась. Конечно же и страх сохранился: не так получилось, видать, весь порох вышел, выписался, издержался...

Деревня и дом мой здесь принесли мне не только радость, а счастье — такая здесь тишина, красота, рыбалка, уединение, физический труд и хлопоты отвлекают от самокопания и политических размышлений. Убухал все деньги — купил «Волгу», чтобы еще и транспортную зависимость аннулировать.

Был у меня по весне Женя Капустин несколько дней, нарыбачился, задохнулся, глядя на меня печальными глазами, — понял я его, бедолагу, мечту выговорил, купил ему тут избенку аж за 150 рублей — старенькая, хроменькая, но славная избушка. А Женя свалился — сказываются раны, отнимаются ноги, лежит вот в больнице и мечтает лишь о том, как скорее попасть в деревушку. Жду его на следующей неделе. Марья посадила в их огороде редиску, лук, чеснок, салат, морковь, репу и кар-

гошку. Я сегодня ее окучил. Хорошо на участке, белый морковник цветет чуть не выше избы, яблоньки растут, красная смородина под окном вызориваться начала. Когда покупал избушку, думал: может, и другой Евгений, который Носов, придет, когда захочет поработать, — вот ему и угол, отдельный, топи печь, пиши, думай, а потрепаться ко мне придешь — двести сажен ходу. Право слово, Женя, приедь осенью и увидишь, что сманивал я тебя не зря...

Рассказ твой, «Переправу», мне прислали из Курска еще до появления его в «Лит. России». И я подумал: не написать ли тебе — для раскочки — таких вот «мелочей» побольше, и про муравьев в дровах, и про повара, и про все, что ты помнишь, — это можно и нужно делать — для поддержки «формы» и в малом промежутке времени, иногда и «на ходу». Мне очень хочется, чтобы ты работал, ибо работа наша — жизнь.

Я получил письмо от Пети Сальникова и не знаю, куда ему писать. Очень я люблю этого мужика и, будь на месте бабы, никого, кроме Пети, не выбрал бы себе в «вечного спутника». Но как и чем ему помочь? Думаю, что в Курске, возле тебя, ему было бы полегче, поспособней, что ли. Ну, смотри сам, а я боюсь, чтоб он не потерялся.

Я если из Астрахани поеду (туда полечу), дам тебе телеграмму, хоть коротко повидаться на вокзале. Миша Колосов вроде бы собирался на Байкал. Очень жаль, что не получается у тебя. Там нас ждут — шлюпку, удочки — все приготовили. Но работа есть работа.

Милый ты мой старичок! Сколько бы я тебе ни писал, все будет мало, все не выговорится, потому закругляюсь. Кланяюсь тебе и твоему семейству: Вале, Жене, Тане, Ирине, Ромке — всем-всем! А перед моими глазами стоит книга на японском языке, и на ее корке твой и мой портреты...

Целую.

Твой Виктор
Июнь 1975

4

Дорогой Женя!

Вчера пришла ко мне баба по имени Анна из соседнего села и говорит: «Давай, Виктор Петрович, звонить куда-нибудь — от сына из армии более двух месяцев писем нету, мы уж с мамой ревим...» Баба чистенькая, в новой телогрейке, полушалок на ней еще моды тридцатых годов, и история ейная совершенно российская: 26 лет было, как пошли они с мужем в гости, в деревню Стегаиху, к братьям мужа. А муж-то ейный если пьяный, то шибко буйный. Ну, и тут, как выпил, так и кулаки в ход. Братья его связали, ткнули рылом в подушку — утром рано хватились — успокоился, буян, навеки — неловко в подушку уткнули. С тремя детьми осталась, замуж не выходила, теперь вот в единственном жилом доме среди пустой деревни зимогорят. Ребята выросли, разлетелись.

Думали мы с Анной, думали и решили позвонить кому поближе, дочери, что работает на станции в буфете. Поговорила Анна, узнала, что и им ничего от Миколая нету, и пошла обратно в пустую деревушку Деряжницу — «крымовать», как выразилась она. А я долго сидел, потря-

сенный и умиленный: это ж надо такое ироническое, горькое и неунываемое отношение к жизни сохранить, чтоб сказать слово экое! Гюголевское прямо.

Вот, стало быть, и я крымую год уже в деревне, как это татаре-то поют: «Сидит заче на бирюзом и долбит своим нога». И я долблю, пытаюсь додолбить «Царь-рыбу», совсем дошел до ручки, если б не тишь деревни, не леса да долы. Повесть эта, начавшаяся без определенного сюжета и замысла, вытянула из меня все кишки, надоела мне до смерти, а надо кончать, уж финиш виден, но работы еще немало.

Днями звонил Викулов, интересовался моими делами (нечего печатать). Сказал, что звонил и тебе. Я маленько порасспрашивал, и он мне про твою повесть сказал, а про болезни нет, да ты, наверное, ему и не говорил. Слушал по радио передачу — я в деревне-то давно один, топлю печи, варю еду, помойки таскаю и радио слушаю, — по случаю выдвижения тебя на премию, читали, как всегда, не лучший рассказ, но на душе все одно приятно. Передо мной на полке стоит японский сборник, изданный «Прогрессом», — там мы с тобой на одной корочке, и я иной раз подмигну тебе своим кривым глазом и говорю: здорово, мол, живем, старичонка!..

Хотел позвать тебя в октябре к себе — жаль такой благодатью одному пользоваться, побродили бы по тихому осеннему лесу, да все боялся, сорвут меня, в город вызовут из-за Андрея, и тебя собою с места, от работы оторву. Ладно уж, теперь до весны. Весной тут рыбешка хорошо берет, а к осени река обмелела. Днями я покину деревню с так и не завершенной повестью, хотя работаю как вол, но стал вовсе короткий день, да и нет его почти, сумерки все время. Север-то шибко сказывается, слепнуть и печи топить не хочется больше, и опять в шум городской, к суете и на сквозняки. Ох уж эти сквозняки! Так я боюсь больницы! Оказывается, с воспалением не легче, чем с сердцем.

В конце сентября я выбрался в Астрахань, за отцом, обернулся за десять дней, с обострением пневмонии. Сначала кашель бил, затем насквозь пробивало-промывало, но я смылся в деревню,пил прополис, медвежий жир, ушел от городских сквозняков, много бродил по лесу и... больницу миновал.

Октябрь был прекрасен. Я ходил с ружьем и, хотя вологодский рябчик напуган еще более, чем японец в Хиросиме, утащил из леса их более трех десятков, ибо надо было питать сына.

Ну что же, друг мой сердечный. Писать я могу без конца, да ведь лучше воочию поговорить. А Маня моя человек деликатный, и она мне все напоминала: «Ты Жене-то не написал еще?» — «Не написал, — говорю, — все собираюсь». А у вас в Курске юмористы не перевелись. Галя, наша знакомая, в своем поздравлении написала, рассказывая о своем физкультурном муже: «Толя чувствует себя хорошо. У нас много работы: всякие спортивные соревнования, кроссы, эстафеты — конца не видно. Но когда-то и куда-нибудь прибегут, а пока все бегут, бегут...» Прелесть, правда? Нам — сочинителям — так и не написать!

Ну, остаюсь «крымующий» в деревне Сибле, кланяющийся твоему многочисленному семейству, Виктор, сын Петров, а тебя к сердцу при-

жимаю. Не более, пожалуйста, надо до весны как-то доживать, а там и лето наступит, солнышко обогреет и легкие наши сипеть перестанут и можно будет аж до пупа дышать!

До встречи, родной мой братан!

Виктор
14 сентября 1975

5

Дорогой Женя!

Вот уж лето покатилося под гору, а я все собираюсь написать тебе и послать журнал «Родина», который свозил в Москву — для тебя, и впервые не знал, радоваться или горевать, что ты не приехал. Сказали ребята, и ты, и твои — заболели. А как сейчас-то?

Почти все лето я в деревне. Мария стала шибко сдавать. А мы с внучкой съездили на Алтай, в деревню, что напрямую в 30 километрах от шукшинских Сросток. Внучка — человек контактный, как нынче говорят, село редкостное, по-сибирски первозданное, работают и пьют в меру, живут крепко, замков почти не знают, ограды внутренней «друг от друга», как и в Курске, на твоей усадьбе, нет, кони сытые, при сбруе, с кистями и бляхами. Отрадно на все это смотреть. Климат почти крымский, землю можно на хлеб мазать — как масло. Жить бы да жить, но новые правители задавливают крестьян налогами; появились беженцы, в том числе азербайджанцы, армяне и цыгане, и присутствие их гостеприимные чалдоны уже начинают ощущать...

Женя, пишу коротко.

Жду от тебя ответ.

Обнимаю.

Виктор
Август 1992

6

Дорогой Женя!

Приветствую тебя уже с зимних квартир — вот написал эту фразу, и на полмесяца письмо остановилось: суетился, по первому снегу и ветру простудился, самолечился, показалось — уже орел, поехал в город, добавил и слег уже тяжело.

Тем временем и Глебушек уже объявился с предложениями, и пришло твое долгожданное письмо, и, забегая вперед, сообщу, что я уже отправил Глебу отрывок, выбрав самый «смешной» из совершенно несмешной рукописи о том, как нас истребляли немцы и морили голодом наши «отцы» на Днепровском плацдарме...

Но маленько хоть по порядку. Поехал я, значит, в деревню четвертого мая, а уехал оттуда третьего октября, т. е. в самый разгар «революции». За лето в городе был всего три раза, вынужденно, а ночевал только раз, потому как здесь бетонные стены, бездушные, то горячие, то холодные, а в деревне русская печь, деревянный пол и до суббот и воскресений хотя бы ночная тишина.

До начала июля у нас, как и у вас потом, — лило, холодило, потом пошло прекрасное лето, урожай вырос отменный, погода для уборки и

до се подходящая: солнечно, сухо, перепады есть, но нечастые, и снега в огородах еще не белеются, хотя леса ветрами ободрало догола. В такую пору на Урале, бывало, я до упаду бродил по тайге с ружьем, гонял орезавших, поумневших, штаны на зиму надевших рябчиков. А ныне лишь в окно гляжу. Был в сентябре на Сыме, совершенно сказочной реке, брали белые грибы, которые тут растут морем, и их заготавливают, а для кого, не ведаю. Один раз поехали на ямку — окушков на блесну подергать, и приди к нам в гости на пищик жеребец (так тут рябчиков зовут), и мой напарник, стервец, что стреляет с левого и с правого плеча, с пузы, с колена и со спины, желая, видимо, себя повеселить, втравил меня в охоту, и я четыре раза стрелял по рябчику, и он исчез куда-то, и я спрашиваю с надеждой: «Улетел, что ли, курва?» — «Да не, завалил ты его в конце-то концов».

Этот Вася-охотник сейчас в тайге соболя промышляет, на вид тощий, ходит всегда при галстукке, в кожаном пальто, стригется только в Красноярске, у знакомой парикмахерши, за сто рублей в старом исчислении. Он из одиннадцатидетной семьи, отчество его Нестерович, и Нестор — отец — тоже был охотник, и Вася, единственный из детей, пошел дорогой отца. Имеет участок с восемью избушками, в тайге строг, собран, а в городе и в поселке стеснителен, но зато рассказчик!

Жаль, что летнее письмо к тебе пропало. И не одно. Я что-то после творческой запарки расслабился и не узнал на почте, почем ноне письма, и отправлял в старых, копеечных конвертах, и все их, летние мои письма, на ближайшей же сортировке, т. е. в Дивногорске, побросали в помойку, в том числе и два письма деловых.

Писал я тебе то письмо сразу же после прочтения твоего рассказа «Красное вино победы» и высказал тебе свою радость тем, что ты не оставляешь работу, и восторг тем, как написано. Сейчас я прочел и «Темную воду» и могу только повторить то, что писал летом. Болезнь тяжелая твоя, вопреки моим тайным опасениям, нисколько не отразилась на твоём, говоря пышно, «пере», все так же оно точно, красочно, певуче, и проникновенно, все так же лучший ты стилист в современной литературе, и дай тебе бог здоровья и мужества. Знаю, каким трудом и мужеством тебе дается каждая строка. Таким же стилистом, равным тебе, был на Руси Гюша Семенов.

Насчет книжки. В Иркутске Гена Сапронов, хороший сибирский мужик, затеял издательство, выпускает двухтомник моей военной прозы, где заглавная часть романа — первая, и я закинул удочку насчет твоей книжки на будущее, и он не отринул моего предложения. Ситуация, правда, меняется и по дням, и по месяцам, все страшно дорожает, но если мой двухтомник хорошо реализуется и они заработают деньги, то я составлю для них две книги — коротких повестей Дина Рида «Леопард» и Джона Стейнбека¹ «Жемчужина», Хемингуэя² — «Старик и море», Джима Корбетта «Тигр-людоед» и твою листов на двадцать, сам и маленькое вступление напишу. Это тебя ни к чему не обязывает, работы не добавляет, и, вообще, теперь, как видишь, дело неблизкого будущего, а платят по совести, сколь могут и, как у буржуев, платят проценты с проданного экземпляра.

Видел, в «Москве» объявлены твои новые рассказы, буду ждать. Там же начала печататься совершенно изумительная повесть Ивана Шмелева «Нянька из Москвы» — и от такой литературы мы были отторгнуты, читали шедевры Панферова, Кочетова, Кожевникова и прочих! Ах ты, господи! Морду бы кому-то набить за «бесцельно прожитые дни»!

Сейчас я отдал Марье на машинку уже читабельный вариант второй книги, а сам по приглашению министра культуры вместе с культурной челядью поеду в круиз по теплым морям — выгонять из себя простуду. Публика всякая, но, главное, тепло и едет Залыгин, для общения я его хватит. Авось за это время революции тут не случится?!

Обнимаю тебя, дорогой мой! Как я горжусь и радуюсь, что есть мы вместе на старости лет. Это так нынче много. И землячок мой, Шадрин, совсем от радости обалдел — прислал мне ящик яблок и бросил в них бутылку настойки. И представь — дошло!

Целую тебя.

Виктор
Ноябрь 1993

7

Дорогой Женя!

Пролежавши всю осень в больнице, веду я, как сказали бы медики, вялотекущий образ жизни. Вроде как дохварываю или уж хворать теперь и до конца не перехворать. В доме я живу в блочном, и оттого, видать, с больной головой спать ложусь и встаю тоже с больной головой.

Чего-то делаю, куда-то хожу, даже в городок Боготол съездил — на юбилей кинорежиссера Вити Трегубовича¹. Он работал на «Ленфильме», снимал много и неплохо, может, помнишь по Вите Курочкину² фильм «На войне как на войне»? Мужик был здоровый, выходец из Белоруссии, имел трех детей. Цыганка ему наворожила, что он доживет до 72 лет, он этому истово верил, строил дачу под Петербургом, полез дощечку какую-то пришибить, а она оторвалась, он рухнул и убился...

Я еще до твоего письма узнал из письма моего земляка Шадрина, что Костю перевезли на родину, и сделали это достойно, с почестями, а мне вспомнились стихи, которыми я когда-то заканчивал статью о нем: «И все цветы живые, не из жести, придите и отдайте мне теперь. Теперь, теперь, пока мы еще вместе...»

Заболел-то я 3 сентября, побезалаберничал, сходил в баню, а печь не протопил (шел какой-то жуткий итальянский фильм про городскую итальянскую окраину), и залег сырой в постель, и едва не сдох от воспаления — умудрился заболеть в субботу, никакая «скорая» иль «тихая» не едет в деревню, потом уж ребята со «скорой», слышав перебранку диспетчера и моего врача, на свой страх и риск приехали, довезли, едва пышкающего. Марья поехала в деревню за моими бумагами и документами, взяв с собой внучку, и попали они в аварию, Марье руку сломало, ее левую, «рабочую».

На Полины плечи легла и забота о нас, и дела по дому. На беспомощную Марью и смотреть-то было невыносимо. Но уже все позади. Я долго прокисал в хандре, но все-таки заставил потом себя сесть за стол, делал

два давно написанных рассказа и хреново делал-то, память ли сноси-лась, обленился ль, но так плохо написаны черновики, будто я сроду ничего не писал. Однако Марья стучит на машинке, не дает ломаной руке застояться. Кудри навила, кофту шелковую надела, юбку черную. А я брожу по избе в халате и в кальсонах «навыпуск». Спрашиваю: «Ты че?» — а она мне: «Ниче, нарядилась, и все тут».

Недавно открывали на берегу Енисея памятник А.П. Чехову³. Я никогда не разделял восторгов по поводу его творений, особенно по поводу его скучнейших пьес, удивлялся его многораздутой славе, но это ж не Бланку-Ленину очередной памятник, не большевику Перенсону, на улице, названной его именем, и стоит ныне Чехов — а русскому писателю, истинному доктору. Я с удовольствием перерезал ленточку и дернул шнурок на покрывале. А потом, конечно же, пьянка — ныне без нее ни шагу. Но Марья с Полей меня ждали, чтоб ехать на концерт. И попустился я пьянкой-банкетом. Ныне уж рюмку-две осилю и «конец пределу!» — как мой незабвенный папа говаривал.

Ах, какое неподходящее для моей егозливой и веселой натуры состояние — старость. Как она, милая, угнетает меня. В деревне выпался, на земле поработал, воспарил было — ан, не балуй! хрен старый — Господь не велит в годах старых забывать о летах своих и о грехах тоже. Иногда тужусь, пущусь в рассказы, бурно поведу себя и тут же, как опара в квашне, осяду, устану, давление поднимется, на боковую потянет.

В деревне все старшие родичи повымирали, младшие испарились, и вообще деревня моя стремительно меняет лик свой: место красивое, от города недалеко, на берегу реки. И сносят деревенские гнилушки, и воздвигают на их месте особняки, виллы, дворцы. С Енисея, глядя на них, все угадывают, который же из них дворец мой, ибо и в мыслях не допускают, что писатель может и должен жить в деревенской избе, которую я, кстати, все больше и больше люблю и зимой страшно по ней тоскую. По огороду у меня вырос лес, есть ели и лиственницы уже выше избы, кедр пышный, на пол-огорода растут рябина, калина, береза, даже пихта есть. Середина лета нынче была жаркая, картошшонка у всех выросла неважная, а у меня-то, под кустами и деревьями: с двух ведер пять кулей накопили! Все вокруг охают и ахают, а я, как покойной тетке говорил, так и всем гробовозам толкую: «"Колдунья" тетка Апроня, считавшая меня по прадеду колдуном, возмущалась: "Родной своей тетке 'слово' не говорит! Знат — и не говорит! Вот какой человек!"» Как же всех их сейчас не хватает! Бывало, и досадовал, и ругался, Апроне, жившей напротив, говорил не раз: «Ты ко мне в первой половине дня не приходи». — «А пошто?» — «А по то, что в первой половине дня я работаю». — «Че работа-то? Это ручкой-то по бумаге водишь? Пузу на стол навесит — и это работа? Я вон картошшонки счас окучивала — вот работа! А тебе, небось, за это ишшо и платят?» — «Да побольше, чем тебе». (Пенсия у нее была 17 рублей.) — «А у нас вечно так кто пластаца — тому фигу, а кто дурака валят — тому все!» Потом, когда ей пенсию увеличили, она с частушкой ко мне прибежала: «Давай омывать!» Ну, омыли, и я спрашиваю: «Сколько прибавили-то?» — «А семисят пять копеек». Это генералу, у которого пенсия 500 рублей, со-

гласно проценту вышло прибавки на 50 рублей, а тетке, надорвавшейся на земле, вышло 75 копеек!

Ох уж эти коммунисты-мудрецы! И народец наш достойный, снова покупается на их посулы и обманы.

«Поле Куликово» получаю. Рад, что ты пишешь и печатаешься. Понимаю, что на копейки от гонорара сейчас не прожить, но хоть какое-то утешение от работы происходит и время не так утомительно течет.

Обнимаю тебя и целую. Зимы у нас все еще нет, тепло и солнечно, значит, весною будет зимно и слякотно до середины июня. Вот уж шесть лет: затяжная осень и еще более затяжная весна. Так, видно, и остынет обиженная, израненная земелюшка, и скоты, ее населяющие, во зле и суете не заметят, что давно уж погибают, и погибнут, танцуя и вопя о всеобщем совокуплении, называя это любовью.

Преданно твой

В. Астафьев
1 декабря 1995

Женя, милый! Извини меня за такую неряшливую перепечатку! Бывает. И примите от меня поздравления с приближающимся Новым годом, здоровья всем вам и крепости духа.

В.П. АСТАФЬЕВ — Ф.Ф. КУЗНЕЦОВУ

Дорогой Феликс!

Пишу, чтобы поблагодарить Вас за щедрый дар! Теперь мне хватит книг надолго, а то я присланные прежде книги расфукал и спохватился, когда их осталась одна пачка.

Но пишу я не только ради этого, а еще и ради моего самого близкого друга, почти брата — Евгения Ивановича Носова, прекрасного писателя, несомненно, лучшего стилиста в современной русской литературе. После долгой и тяжелой болезни он с трудом «разломался», восстановился и написал пятнадцать новых рассказов. Печатает он их в журналах: «Поле Куликово», «Знамя», «Москва» и «Новый мир», а издать нигде не может. Бедствует.

Я прошу Вас, даже умоляю, включить в Вашу серию «классиков» книгу Евгения Ивановича Носова и, если получится, известить его об этом.

А я пока и отвечать не буду на его последнее горькое письмо. Мужик он не из тех, кто любит жаловаться, даже другу, и если пожаловался, значит, подошел край. Нельзя допускать, чтобы писатели такого уровня и высоты духовной бедовали, упрек это будет России вечный.

Я предлагаю состав сборника Е. Носова такой:

Повести: «Усвятские шлемоносцы»,
«Шопен, соната номер два»,
«Шумит луговая овсяница»,
«Моя Джомолунгма».

Рассказы: «Красное вино Победы»,
«Шуба»,
«Игнатъич» — «Объездчик»,
«За долами, за лесами...»,
«Домой, за матерью».

А из рассказов, написанных в последнее время, пусть отберет сам автор.

Предисловием можно поставить мою статейку о Носове, писанную к книге «Берега», — лучше и свежее мне все равно уже не написать, а уж с той любовью, которую я там высказал, — и подавно никому не высказать. Виктор Федорович Потанин тоже знает и любит Евгения Ивановича и дополнительно может рассказать все, что Вам потребуется.

Моя Вам благодарность и за то, что включаете в свою серию книг М. Кураева, из «новых», пишущих «по-старому», — это самый крепкий и умный писатель.

Кланяюсь и еще раз благодарю.

В. Астафьев
Красноярск
21 января 1996

М.С. АСТАФЬЕВА-КОРЯКИНА — Е.И. НОСОВУ

Здравствуй, дорогой Женя!

Я уж давно собираюсь написать, да вот собралась только сегодня. А собиралась не только потому, что сверхзанята, но и болела опять тяжело и, слава богу, похоже, выкарабкалась и на этот раз, и еще потому не сразу взялась написать письмо тебе, что знаю, как трудно писать письма умным людям. Это я тоже знаю.

Конечно, мне бы надо себя пощадить в смысле дел, которые-то отложить подальше и решить — не беда, если не сделаю. О перегрузках бытового порядка я и говорить вовсе не собираюсь: всю жизнь веду дом, как могу, умею, успеваю; варю еду, убираю квартиру, а в прошлом году даже одолела капитальный ремонт нашей большой квартиры. Делать его было уже и необходимо, помощников все равно нет, откладывать еще, скажем, на год — какой в том смысл? Годков будет еще больше, сил и здоровья еще меньше, цены еще выше... И мы с мастером — он — молодой мужик, который умеет все! — вот мы с ним на пару и трудились. Он работал по 13 часов в день и однажды взмолился, мол, мне 32 года, а у меня руки начали дрожать...

Мне взмолиться, кроме как перед Богом, было не перед кем, потому я, заплетаясь за собственные ноги, еще и готовила «рабочую площадку» для дня грядущего. Оставались доделки, когда сын Андрей с женой и сыном Женей приехали из Вологды и сноха с сыном — из Перми — на мой юбилей. И не столь порадовались встрече на первых порах, сколь изумились: я, одна, в свои 75 лет сделала (почти) такой ремонт, капитальный, большой квартиры, — мол, я, — сказал Андрей, —

мужик, на такое не отважился бы, я кухню отремонтировать три года собираюсь...

Они с ходу впряглись в дело: невестки моют окна, полы, растаскивают по местам мебель, взяли на себя и кухню и артелью ходили в магазин за продуктами... Витя в деревне, мол, дышать клеем да краской не могу..

И всё! И квартира сделалась красивая, светлая, просторная! Знай живи! Витя приезжал на два часа, посидел за столом, и Андрей с внуками его проводили в Овсянку, на другой день, 23-го августа, у них (у Андрея) свой юбилей — 15 лет супружества, и рано утром они улетели в Москву и оттуда в Вологду. Мы с Андреем до утра засиделись в кухне, попили вино, кофе и все говорили, говорили — времени-то из-за моего ремонта на общение не выпало. А мы с Андреем — души очень родственные, и не только по складу характера, а во многом, я же еще и винюсь всю жизнь перед ним за то, что хотела его лишиться жизни. И до сих пор, как только он заболит, — у меня больная мысль: это моя вина...

И потом тоже много всего и всякого.

Когда я в последний раз умирала (теперь — это уж предпоследний, слава богу) — лежала в реанимации, и меня долго выводили из тяжелого приступа мерцательной аритмии. Лежу-полеживаю да гляжу на экран, который подвешен над кроватью, где ноги, вся опутана проводами — ни сидеть, ни ходить, только и остается, что глядеть на эту бегущую зелененькую ниточку, а она то, как айсберги, вниз — вверх, то почти вытянется... Врачи то поодиночке, то бригадой, глядят то на меня, то на экран, поговорят-пошепчутся и уйдут, и сестра «подключит» капельницу и тоже уйдет. А я, всю жизнь мечтавшая почитать вдосталь, теперь вот не могу и этого себе позволить, другое дело: если бы кто перед глазами держал книжку да листал страницу за страницей... Но увы. И оставалось мне одно: думать о чем угодно и сколько угодно.

И я надумала: если мне еще будет дано пожить, то надо как можно рациональней прожить этот оставшийся, такой уж небольшой, отрезок жизни. Я наметила себе: выстроить родословную. В живых из семьи нашей большой осталась я одна, значит, мне это и сделать надлежит. Мне милая моя тетя Тася, доживавшая уже свои земные сроки, очень многое рассказывала. Ездил я к ней в ту пору часто, иногда и без ночевы, но чтоб не к холодным ногам... Как-то приехала (ей оставалось жить неделю), сидит в подушках моя тетушка и умирает голодной смертью: подавилась зеленой горошиной, и та никак не разлагается, пытались помочь в Загорске — не смогли, увезли в Москву. Там горошину ту злосчастную извлекли, но наджабили горло, и есть она уж более не могла. Мы посидели с ней, я с ложечки ее попоила бульоном, с ложечки — чаем, собралась убирать посуду, чтоб вымыть, а она мне: «Мария, оставь ты ее, отодвинь в сторону, после вымоешь... — Перевела дух и спрашивает: — Взяла ли бумагу да ручку?» Я сказала, что все взяла. «Тогда я буду тебе рассказывать, а ты записывай». Она рассказывает, я пишу. Затем скажет, мол, теперь ты рассказывай, я устала, отдохну. Дело идет. Попросит прочитать, чего написала, правильно ли...

Под конец сказала: «Вот так бы и о Вите кто рассказал — это ведь было бы очень интересно и ценно». Но когда у меня в работе дошло до

Вити, до его многочисленной когда-то родни, никто ничего не знает, ничего не помнит и «в каждой строчке только точки...». Попросила его «заполнить» нужное, а он мне: «Надо внимательней читать “Последний поклон”». — «Да что я узнаю из того “Поклона”? Не документальная же повесть... К тому же в его родне нет таких, кто не был бы женат или замужем не раз, так хоть два, а все три да четыре...»

Родословную я сделала, конечно, не по правилам, чтоб год, месяц и день рождения и т. д. Много писала писем оставшимся в живых из моей поредевшей родни, некоторые отозвались, но не то чтоб мои сведения дополнить или уточнить, а больше о своих детях да внуках, которых я не видела, не знаю и никогда уж не узнаю...

Витя прочитал, сказал, что местами наивно, но очень любопытно. И то слава богу! Осенью вроде обещают издать книжечкой в одном из здешних издательств, сейчас над фотографиями работают. Обещают издать безгонорарно и маленьким тиражом. Да господи! Кто теперь на это рассчитывает? Все ищут спонсоров, бумагу.. Вон у Вити три готовых к изданию книги лежат, а никто не издает — денег нет. Когда в этот раз был на приеме у пензенского губернатора и в разговоре сказал об этом, тот изумился и заверил, мол, за честь почтем издать вашу книгу. Но... сейчас многие обещают, и от него пока ни слуху, ни духу. Когда сообщили, что ему присуждена Гос. премия за роман, я обрадовалась прежде тому, что это заслуженно, а потом еще тому, что к 114 млн. уже меньше просить у спонсоров, если таковые найдутся, а нужно-то 300 млн., не меньше.

Ну, уж тут будет как будет.

Ох Женья! Утомила я тебя своим длинным письмом, и неинтересным, и занудным, ну уж потерпи — это я пока все вокруг да около, что сказка будет впереди...

Вторым делом было: распорядиться бумагами, которыми обросли. Я между делом да за счет сна разбирала и их, и часть переправила в Пермский архив, где открыт наш семейный фонд; часть — в Пушкинский дом в рукописный отдел — там тоже открыт его фонд; часть в овсянскую библиотеку, поскольку в ней есть комната Витина; часть в здешний краеведческий музей, с тем чтоб, как закончат реставрацию помещения и в нем откроют литературный музей, там будут выделены две комнаты для Витинового архива.

Вроде шестой раз перепечатывала Витин роман и «попутно» делала свою книгу, свои «Знаки жизни». Спала часа по два и, когда сдала ее в издательство, принялась за ремонт. Книжку свою я увидела и прочитала, лежа в больнице под капельницами, откуда вышла с пожизненным клеймом «инвалид 1-й группы». Прочитала и огорчилась: это и не книга вовсе, а рабочий вариант, редактор сначала выкинул «за борт» 70 с хвостиком страниц, мол, машина не возьмет, затем часть восстанавливал, и оттого книга плохо отредактирована (если отредактирована вообще, неряшливо издана)... Одно утешает: в ней нет ни слова неправды, все было, как было в нашей с Витей жизни, и не вдруг кто-то посмеет переиначивать нашу жизнь после нас — для этого она писана.

Уж как Витя буйствовал! — ни в сказке сказать! Так «пылила пехота!», что небо вздрагивало... А мне уж терять-то и нечего: стращал с бал-

кона выкинуть в свое время, это уж здесь, в Сибири, — не выкинуть — обещал отправить пешком на кладбище, да смиростивился. А паровоз-то ушел!!! Более того, когда был в Игарке, женщины из музея попросили у него автограф на моей книжке! И он написал: «От бабы бабам»...

Разнообразно мы, Женя, живем, однако осенью вот уж отвели свой золотой юбилей, а это — дороже дорогого!

После больницы, после ремонта я еще и на улицу не выходила, и вдрут!.. Вечером позвонил из Овсянки Витя, мол, у меня все нормально, что вчера был целый сабантуй: понаехало журналистов, телевизионщиков и пр. — 23 человека... Я, конечно, выслушала, а потом сказала, что красиво жить не запретишь...

А на другой день перед обедом (суббота была) звонит и истошно говорит, что подыхает, что ищи машину, вывози отсюда, что срочно надо в больницу, что иначе умрет...

«Скорая» за черту города не едет, кардиология — тем более, знакомых с машинами вроде много, но кто на даче, кто где — выходные же...

Привезли, волоком врач с водителем затащили его домой на 4-й этаж. Положили на диван, дала попить и умоляю не уезжать, чтоб написали, чего вводили, чего давали, а сама звоню в больницу, чтоб место нашли, что В.П. очень плохо... Этой же машиной в больницу, благо она близехонько, таким же манером в лифт и в палату, и тут же капельницы... Посидела часа два, а дома-то Польша одна, и мне сказали (все же нас уж знают в этой больнице), мол, идите домой, отдыхайте, ничем же не поможете, мы тут сами...

А через два дня, когда Витя маленько пришел в себя, велит мне ехать в деревню, мол, плохо, может, запер, что на печке помидоры, килограмма четыре. Пропали бы они, те помидоры! Все равно половина уж сгнила... Ну, раз велит, поехала, взяла Полю с подружкой... А на обратном пути попали в аварию... Девчонки отделались испугом, а я сломала свою руку.. В такой ситуации как посмотреть: с одной стороны — трагедия — ничего не могу делать, с другой стороны — какой с меня спрос, если что не так...

Вот, милый Женя, я только теперь подошла к главному-то, ради чего вон сколько написала ни о том ни о сем. Ты уж прости, и если до этого места мог читать хоть по диагонали, то с этих пор уж почти, наберись терпения.

Пока я жила с загипсованной рукой, дошла и до третьего своего намеченного дела: перечитала мешок писем — начитывала для работы. Теперь уж мне приходится не столько жить жадно, сколько успеть побольше сделать. И начитала — отобрала я много папок и после, как освободили мою руку из гипсовой неволи, принялась перепечатывать отобранные письма. Сначала Витины (подлинники) — три папки — кому, чего, когда писал. Он и сам о многом, да почти обо всем, о чем писал, успел (третий день тебе я, Женя, пишу! редко да метко!) забыть, и когда присядет к моему столу, пробежит страничку-другую, и то приятно удивится, то даже похвалит себя, мол, всю жизнь был крут, иногда скажет, мол, это я, пожалуй, зря с ним (с кем-то) связался, да что теперь? Паровоз ушел...

Писем очень много, и от Вити, и к Вите, так сказать, обратная связь. До всего-то ему было и есть дело: то он хлопочет насчет жилья для Веры Викторовны — вдовы Кости Воробьева, то просит здешнюю филармонию, чтоб пригласили замечательную певицу, давнюю нашу знакомую — дать здесь последние концерты — покидает эстраду; то пишет в «Сов. спорт», что Ваулин — комментатор — сделал плохой, недостойный репортаж, не как спортсмен, тем более хоккейный. Витя и об этом написал в «Сов. спорт» и все высказал, как та Красная Шапочка изрекла: «Я пойду в Париж, чтобы высказать все, что на сердце у меня...» Оригинал письма сохранился, Витя его прочитал и велел сделать еще экземпляр и послать в «Пермский молот», чтоб знали, что он по-прежнему преданный болельщик, и эта заметка пусть укрепит их дух (команды). И уже напечатали!

Е.А. Светланов, к примеру, побывав в Сибири с концертами и, вернувшись в Москву, написал восторженные (и только) рассказы о красоте природы и распрекрасной жизни сибиряков. Витя ему ответствовал, как всегда, прямо, мол, машешь кленовой палочкой здорово, талантливо, до той степени, что рубаху впору отжимать — сам рассказывал... А графоманов и без тебя хватает.

Женя! Я пока пишу о том, о чем писал Витя, и оригиналы писем (две большие папки), когда Витя из-за плохого почерка отдавал мне на перепечатку, я сохранила, и вот они очень сгодились.

Включила в рукопись и его письма ко мне, основательно «профильтованные», — мало ли у кого чего не бывало и не бывает... И к начинающим литераторам — им советует что-то важное (из чего состоит литература, например), хлопочет-помогает, пишет туда-сюда, чтоб помогли молодому автору напечататься, что автор с хорошей перспективой. И полковникам, которые, выйдя в отставку, заимели много свободного времени и решили заняться литературой, иные даже наставительно предлагают, чтоб прочитал, проследил за продвижением рукописи и чтоб ее при редактуре «не испортили!...». И Витя, да еще под горячую руку, так выдаст самонадеянному литературному гению — не позавидуешь.

Очень умные, и хорошие, и не очень, но доказательные — письма от читателей. Конечно, они тоже прошли серьезный отбор, но это удивительно интересно, очень!

Когда «наткнулась», Женя, на твое к Вите письмо, где ты сообщаешь, что получил письмо (от Вити) два дня назад, а до конца разобрал только сегодня, что, мол, такие уж ты «узелки» вяжешь!

Дальше твои к Вите письма — их оригиналы сохранились тоже. А вот ранешних нет. Это меня очень печалит, и ради того, чтоб ты прислал бы мне его «рукописные» письма, я бы их перепечатала, затем на ксерокс, чтоб было 5 экземпляров рукописи, тебе бы с благодарностью великой вернула. Не откажи, будь ласка!

Дело в том, что об этой грани творчества Вити, как я уже говорила, не многие имеют представление, а чтоб в полной мере — никто, даже Витя, но это из-за перегруженности памяти и напряжения контуженной головы. А ведь у многих писателей в собраниях сочинений есть том, а то и два — «Переписка писателя». А чем же хуже Витя?! И кто же вни-

мательней меня (надеюсь хвастливо) это сможет сделать? А мне просто необходимо чувство нежности — это меня уже в большей степени и «держит под мышки...». Слов нет, после перелома рука моя стала плохо мне повиноваться и болит и днем, и ночью, но я терпеливо и постоянно ее «разрабатываю» — устану печатать (а напечатала уже около полутора тысяч страниц — дело нешуточное!), осталось еще с полтысячи, может, побольше. Но я остановлюсь на письмах до майских поздравлений — эту же книгу можно составлять бесконечно: письма шли, идут и будут приходить. То, что действую не с той уж удалю, то не даю себе обратить это в трагедию, взяла на вооружение восточную мудрость: «Не бойся медлить, бойся остановиться», — с тем и живу.

Я и писательские письма беру не все, лишь избранные, лишь самые-самые!.. А вот вашу, твою, Женя, и Витину переписку, так бы надо привести полностью. И обозначить: «Письма другу или друга» или как-то по-другому, но у Вити ближе друга, человека, писателя, почти родного надежного человека, нет, и переписка ваша — эталон! Я вот перепечатывала твое письмо, в котором ты сообщаем, что услышал по радио, что ему, Вите, присудили Гбс. премию и был рад и горд за него. И далее: что ты не расслышал только, за какую книгу, и тут же говоришь, да хоть за какую — все будет заслуженно и справедливо. И далее: «Я вот так встану, — пишешь ты, — зажмурюсь, пошарюсь на полке с книгами, возьму любую, открою на любой странице — и душа удивится приятно! И то не беда, что не расслышал, за какую книгу, да я бы за одни только твои письма тебе премию дал!»

Об этом, кроме тебя, Женя, никто ни разу не обмолвился. Другое дело, Витя получает много писем, каждый день, и не по одному, и бывает, кто придет к нам, застанет Витю за чтением полученного письма, а он, Витя, то хмурится, то сосредоточенно лоб наморщит, то расхохочется и скажет: «Ты только послушай, чего он пишет (она ли)» и прочтет абзац, стихотворение ли... И в ответ гость признается, мол, хорошо, что мы с Вами в одном городе, но жаль — я никогда не получу от вас письмо...

Женя, милый! Я понимаю, как злоупотребила твоим временем и вниманием. Но все это я так длинно и занудно рассказывала тебе для того лишь, чтоб ты не отверг мою просьбу. Это просто очень необходимо! Перепечатаю и верну, если пожелаешь, то и печатный экземпляр для тебя сделаю.

И это еще не все.

Посылаю тебе два журнала: «День и ночь» и альманах «Енисей» — юбилейные, посвященные 70-летию Вити. Может, ты их уже и имеешь, но я очень многим посылала их бандеролями, а догадался ли Витя послать тебе — не знаю...

Вот теперь все!

Витя в деревне. Он сам и присоветовал, чтоб тебе написала я, объяснила, что к чему, и он, мужик умный, добрый и горячо мною любимый, уверен, что отзовется.

Сегодня вечером, когда он будет звонить, скажу, что поговорила с тобой в письме — это всегда печально оттого, что «игра в одни ворота»

и пока придет ответ, сколько всего и всякого еще произойдет. Я же очень надеюсь и на твою благосклонность, и что, как поэт сказал: «Я пока люблюсь белым светом, я пока не верю, что умру...» Верить-то в это я верю, еще как верю, но благодарю Бога да врача своего, которая придет с минуты на минуту — позвонила, — и сделает мне пару укольчиков...

Я, милый мой Женя, обнимаю тебя, целую и заранее благодарю. Валентине — дай Бог здоровья и много лет жизни. Привет Жене с Татьяной, Иринке с семьей и всем, кто с тобой.

Твоя Марья
4 июня 1996

Е.И. НОСОВ — М.С. АСТАФЬЕВОЙ-КОРЯКИНОЙ

Дорогая Маша!

Похварывая, наконец-то дочитал твои «Знаки жизни»... Давно так не волновался, не сопереживал, не сочувствовал родственно написанному! Страницы о тете Тасе не раз доводили до комка в горле. Я ведь ее видел воочию, разговаривал, общался немного, а потому, должно, так явственно вновь увидел ее воспрянувшей из твоих строк, так больно казнилось за ее удивительное святое и мученическое бытие.

Впрочем, маму твою я не видел, а все равно впечатления от написанного о ней столь же сильны, ярки и незабываемы — таков результат от затраченной тобой душевной энергии и таланта. Превосходная книга! Я закрыл ее с уважением и с какой-то возвышенной думой о сокрытой силе русского человека, о не востребованности его доброты, святого долготерпения и тех духовных сокровищ, кои несут свет и благо, где бы этот человек ни жил и чего бы ни касались его руки и душа.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы «Знаки» обрели более достойный вид, нежели тот, в каком они сейчас представлены читателю: уж больно сера и никчемна бумага, не радуют и какие-то ветхие одежды, ниспадающие даже после бережного обращения. А ведь судьба у этой книги — не просто нетронутая стоять на полке — ей ходить из рук в руки, ее будут брать и спрашивать. Ее бы лучше переиздать в каком-либо хорошем издательстве. Спрос на нее будет по всей России. У меня возникла даже идея присоединить «Знаки жизни» к Витиному собранию сочинений, издать ее как бы приложением, семнадцатым томом — в той же обложке, в идентичном оформлении... Она просит-ся туда всем своим нерасторжимым содержанием и привязанностью. К судьбе и творчеству Виктора. Подумайте...

Однако перед изданием твоей книги над ней следовало бы маленько поработать. Чувствуется, что над ее страницами особенно не засиживались ни редактор, ни корректор. Много стилистичес-

ких погрешностей, смысловых неточностей и просто опечаток. Серьезный, вдумчивый редактор обязан был обратить внимание автора на такие места и помочь устранить их.

Даже маленькое, всего на полстранички авторское вступление хочется переписать и поправить, избавить его от необязательных строчек и нечеткостей в стиле. Например, в первом же абзаце останавливает небрежная и двусмысленная фраза: «Наша жизнь уникальна, как, наверное, уникальна, неповторима жизнь у многих людей». Вроде бы все ясно и понятно. Тем не менее фразочка эта непредвиденно коварна. Вот если бы ты, Маша, написала только первые три слова: «Наша жизнь уникальна», — то это было бы правильно, исчерпывающе. Ибо, действительно, нет одинаковых людей. Но тебя потянуло порассуждать, ты удлинила фразу и все запутала. Написав, что, «наверное, уникальна, неповторима жизнь у многих людей», ты тем самым как бы разделила человечество на два вида: уникальных и так себе. Больше того, говоря: «наша жизнь», ты как бы безоговорочно причисляла себя к оригинальным счастливчикам, обрела, так сказать, «бронь» на неповторимость, как бы торжествуя про себя над теми несчастными, кто такую «бронь» не получил.

В следующем абзаце ты сообщаешь, почему не успела написать такую книгу раньше: «Не успела даже из-за перегрузок бытового толка, обстоятельств и многого такого, перед чем мы рабы...» Но почему конкретно, так и не сказала, и фраза осталась незаконченной... Авторское вступительное слово — это фирменный знак книги. Оно должно быть идеально выверено и прозрачно, как бокал хорошего вина — без лишних слов, без неясностей и опечаток... Фирма! Творческое лицо автора! Его интеллектуальный автограф.

В самом же тексте книги всякого рода несогласованностей, неточностей и описок еще больше. Так, на стр. 12 завивка волос называется пергаментной, а надо — перманентной. Тут же: «Елизавета Петровна держала меж пальцев недокуренную сигарету...» В то время сигарет не было еще в обиходе, кроме трофейных, которые, разумеется, до Чусового вовсе не доходили. Пустяк, конечно, но и такая мелочь подрывает доверие к автору.

Впрочем, бери в руки книгу и давай пройдемся по ней постранично.

Стр. 17. «Проехали г. Клин, даже не город, а землянку-шалаш с прибитым к деревянному щиту на невысоком шесте, и на щите том было написано: "г. Клин"». Что к чему прибито? «Мертвецы... плотно составленные, стояли на ногах» и т. д. Вспомни хорошенько, так ли это было? Для того чтобы мертвецы стояли, надо, чтобы они были мерзлыми. Далее: чтобы их так составить, надо было кому-то удерживать самого первого мертвеца, к нему прислонить второго, третьего... Кому взбрело в голову так их составлять? И зачем?

Чтобы больше вместились? Почему женщины наги и с вытаращенными глазами? С раззявленными ртами? Им, что, специально раззявливали рты? Ты назвала эту картину ужасной, от которой и теперь еще «кожа покрывается льдом». Но в тексте нет ни строчки раздумий на этот счет, проехали — и все. А ведь вопросов возникает много. Впрочем, пусть это останется на твое усмотрение...

Стр. 19. «Снимали ламповое стекло и прожаривали швы, особенно у лифчиков». Наиболее концентрированный жар как раз исходит из отверстия лампового стекла, даже можно прикуривать. Если же стекло снять, то нарушается направленность тепла, фитиль лампы начинает коптить, отчего лифчик покроется копотью, а то и загорится.

Стр. 29. «Моя мама — мать-героиня...» «Матери-героини» были учреждены в 1944 г., и это звание присуждалось за рождение и сохранение десяти детей.

Стр. 41. «Часть наших девчат, наших братиков-солдати́ков, тоже начали демобилизовываться...» По нормам языка слово «часть» требует согласования со словом «начала», а не «начали». Корректорский недосмотр. «...Где жила моя доверительная подруга Полинушка, решили заглянуть в ней» (надо — к ней) — опечатка.

Стр. 44. В фразе: «Через несколько дней мы компанией, кому надо было на вокзал к поездам: кому в Пермь, кому — в Вышний Волочек, мне вот в Ленинград» — нет сказуемого. Компанией — что? Пошли? Поехали? Фраза не завершена...

Стр. 53. «Слезли с тамбура...» Надо слезли с тендера.

Стр. 82. «...подошла к Калерии, где она сидела на табуретке...» Очень напоминает чеховскую строчку, где он вышучивает: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа». Видимо, надо было написать: «Подошла к Калерии, сидевшей на табуретке».

Стр. 116. «...Зная, что я сегодня поеду, потому что уже сидя в вагоне у окна, не ожидая, когда тронется поезд — по вагону прошел мой Витя...» Это тоже про чеховскую шляпу. Ко всему прочему сумбур вносит обилие ненужных тирушек.

118. «...сипя сдерживаемыми слезами...» Слезы исходят не изо рта или носа, а из глаз, которые не умеют «сипеть».

139. «Сжав меня за плечи, долго, до рези в глазах, смотрел на меня...» Позволь, откуда тебе известно, что Виктор смотрел на тебя до рези в глазах? Так появляются на свет банальности.

167. «...утянуть живот» — это значит ни больше ни меньше, как переместить живот с места на место, унести прочь... Ты же хотела сказать: втянуть живот, т. е. вобрать в себя.

209. «И этот случай, и вообще, что ты часто, чаще, чем другие, заходил к нам, разговаривал, читал стихи, с улыбкой говорил, как у нас хорошо, уютно...» Разберись, пожалуйста, с этой незаконченной фразой. Что значит: «И этот случай, и вообще...»? Где сказуемое?

238. «А рассказал о Мите Сазонове, которого расстреляли свои же, уже после войны... писать не буду». Здесь нет согласования, надо разобраться.

256. «Мы приехали в вашу страну подивиться на райские кущи...» Нота протеста, а получилось смешно.

255. «В Бомбее в отделе»... — надо — в отеле.

256. «И вдруг отовсюду.. бои приносили...» Надо — стали приносить. «...В тончайших разноцветных сафари...» Надо — сари.

259. «...и сообщила, что сама тоже недавно стала детоубийцей, и тоже не от радости...» Разве бывают детоубийцы от радости? Я не ехидничаю, я взаправду не понял...

272. «Хорошо, что мы попали, нас, несколько молодых салаг, таких же, как я, попали к старикам...» Фразу надо ошкурить и хорошенько потесать. Замечу вдобавок, что «молодые салаги» — масло масляное, ведь старых салаг не бывает, салаги — и есть молодые. «Как некоторые парни напились из трубы трупной воды...» На кладбище течет по трубам обыкновенная вода из городской водопроводной системы. А «трупная вода» — это предрассудки.

273. «Правда, таких побед пермяки вроде и сами не то что боялись, но верили и не верили...» Во что верили и не верили? Напиши, пожалуйста, поотчетливей. «Я, будучи в Болгарии, и когда мне почти насильственно представили (надо: предоставили) слово, представив меня детским писателем, то я...» Плохо, когда в одной простенькой фразе дважды употреблено слово «представили». А кроме того, сама фраза неошкуренная, из нее коряво торчат ненужные сучки: «Я, будучи в Болгарии, и когда мне...»

274. «Потом наш Андрей — надо же ему было отработать три года... и он тогда решил днем заниматься роставрацией», опечатка — надо «реставрацией». Сама же фраза разбалансирована, нет согласования, в ней как бы три начала: 1. «Потом наш Андрей». 2. «Надо же ему было...». 3. «И он тогда решил». Три начала, и нет согласованного конца. «И все это за зарплату, когда за чертой бедности, все это по пословице...» — вставка: «когда за чертой бедности» — выглядит чужеродной. Видимо, намеревалась сказать так: «Все это за зарплату, не превышающую черту бедности...»

275. «Не успел наш Андрей выйти после больницы, проработать и две недели, и их стали отправлять на уборку...» Тоже неприбранная фраза... Наверное, лучше так: «Не успел наш Андрей после больницы проработать и две недели, как их стали отправлять на уборку». И еще: сочетание «и их» лучше заменить на «как их».

276. «При виде такого больного Андрея во все мое существо гулко и больно ударились убийственная мысль...» Фраза из-за своей излишней эмоциональности выглядит пародийно. Такое впечатление, что мысль угодила в автора откуда-то извне, как молния. «Как-то старчески, осторожно встал из-за стола, приложил ладони с ра-

стопыренными пальцами к груди, чтоб больше уложить себя на кровать...» Авторская мысль понятна, но у тебя не хватило изобразительных средств для точного воплощения. Видимо, предполагалось сказать: «...приложил ладони с растопыренными пальцами к груди, как бы стремясь побыстрее погрузить себя в кровать».

Одним словом, в книге есть над чем попынтеть хорошему, доброжелательному редактору. И уж конечно, нужно вычеркивать патологию, как ты, Маша, пишешь, не щадя своего женского достоинства, и вообще, неизвестно, ради чего, ради какой-такой истины. Мне было стыдно читать об этом и жалко тебя... Представь себе, сколько скабрёзных усмешек вызвали эти твои откровения.

Прочитал также Витины воспоминания «Разговор со старым ружьем» в журнале «Костры и зори». Очерк написан, как всегда у Виктора, интересно, доверительно, с милыми, а иногда и горестными подробностями тогдашнего его бытия, но есть в этом очерке и досадная оплошность, которую должны были исправить дотошные охотничьи редакторы. На стр. 45 журнала № 3 написано:

«Но вдруг новый удар — ретивые хозяйственники взялись спасать в прах разбитый уральский лес, оберегать недра, принялись осыпать дустом то, что еще росло, цвело и жило». И далее: «Я никогда не забуду той страшной и горькой весны... Иду по просеке, а под ногами что-то хрустит и сапоги мои по колено в пере. Остановился, огляделся: батюшки-светы! Опушка-то вся завалена птичьими трупами... отравлено птичье поголовье, отравлены зверьки, наевшиеся отравленного мяса. Еще раз убита! Еще раз растоптана, бездушно растерзана безответная уральская природа...»

К великому сожалению, ничего этого быть не могло. Ну, во-первых, почему эти глухари, рябчики, дрозды, скворцы решили умереть на просеке? Ведь не одна только просека была посыпана дустом... А самое главное — от дуста этак вот не умирают. Дуст — ядовит, но он относится к веществам не прямого действия, как, скажем, стрихнин, а проявляется постепенно, даже через целые поколения, воздействуя на наследственную систему. Так что, наклевавшись дуста, глухарь или рябчик в полном здравии улетит дальше, а не падет тут же. Точно так же не падут и зверушки, поевшие «отравленного» мяса.

Между прочим, в своей запальчивости, в желании сказать резко и веско, произвести впечатление, сенсацию, Виктор очень часто допускает подобные неточности.

В последнем интервью газете «Труд» Виктор пишет: «Без крестьян даже такие безземельные страны, как Голландия, Япония, где каждый клочок на учете, — это не государство. Это — территория, где развивается военная промышленность, чтобы остальных пугать».

В запальчивости сказано хлестко, но опять-таки неверно. Почему же Голландия — без крестьян? Известно, что эта маленькая страна содержит пять миллионов голов крупного рогатого скота, производит по два литра молока в сутки на каждого человека, то есть больше, чем все остальные страны. Выпить это молоко просто невозможно. Поэтому оно идет на производство знаменитых голландских сыров, которые Европа просто не успевает поедать. Из-за перепроизводства молочной продукции голландские крестьяне даже вынуждены сокращать поголовье скота... А еще Голландия снабжает почти всю Европу своими великолепными овощами и цветами, особенно — тюльпанами, которые тоже требуют заботливых крестьянских рук... Забыл сказать, что весь скот круглогодично содержится на пастбищах, а не томится, как у нас, всю зиму на привязи. Какое же это безземелье, если на пастбищах долины Рейна бродит пять миллионов коров? Неверно и то, что Голландия от безземелья вынуждена развивать военную промышленность... Нет, не развивает. Нет у нее ни танковых, ни военных авиазаводов... Голландия совершенствует не производство оружия, чтобы «пугать других», а развивает торговлю. В этой стране самые большие в Европе морские причалы, торговые терминалы, крупнейшие международные банки, мировые адвокатские офисы...

Что касается Японии, то среди промышленно развитой семерки у нее самый высокий процент сельского населения, т. е. крестьян. Японцы любят землю, она для них священна, земля предков. Много они делают вручную, по традиции, хотя могли бы заставить работать современную технику. Вот почему японцы не очень горазды покидать землю и держатся на ней до последней возможности. Многие из них, даже если работают в городе, предпочитают жить в деревне, в тиши родовых очагов. Производство оружия с тем, чтобы «пугать других», в Японии запрещено законом. Ее военный бюджет составляет 1/10 часть национального бюджета, а не половину всех средств, как еще недавно было у нас, где много земли.

Маша, прости за длинное послание. Привет Виктору.
Обнимаю.

Женя

Е.И. НОСОВ — В.И. БЕЛОВУ

1

Дорогой Василий!

Вот какая незадача: буквально за два дня до твоего письма прислали мне гранку — предисловие «Детгиза»¹, я почитал, поправил кое-какие словеса и отправил. И вот твое письмо... Как же быть? Запрашивать гранки обратно? И чем мотивировать их запрос? Тво-

им несогласием с предисловием? Словом, не знаю, как поступить. Далась тебе эта Тимониха! Я вот нашел черновик предисловия, посмотрел эти два первых абзаца и убедился, что простым вычеркиванием «конкретностей» тут не обойдешься. Если у тебя есть эти гранки, то посмотри и убедись сам. Редактирование ничего не достигает, тут, скорее всего, надо писать заново. Короче говоря, напиши, что ты сам на этот счет думаешь.

Господи, да наплюй, не терзайся! Да я и не пойму, что за причина? По сути все же верно: Тимониха питала и питает тебя главным образом, а не какие-то прочие деревни, как и меня тоже питает моя деревня.

А что люди, кони и собаки в книжке не конкретные, обобщенные, так это, по-моему, ясно. Да я и не пишу, что речь в книжке именно о Тимонихе. Она только служит тебе прообразом и сырьевым подспорьем. Не так ли?

Как живу? 70% времени уходит на прочтение чужих рукописей, на всякое меценатство, в котором я не волен, само собой так получается: шлют и шлют всякие сочинения, и вот читай. Так что на свою работу, на себя, на то, чтобы быть самим собой и распоряжаться своим временем, ничего не остается. От этого жестоко страдаю морально и мучаюсь уже годами. Разве это жизнь?..

Твой Носов

2

Дорогой Василий!

Спасибо за фото. Я его положил под стекло на столе, и теперь оно все время передо мной. Ошибаюсь ли, но Аня¹ похожа, как мне кажется, на Ольгу². Нет? А в общем, славно, что она у тебя есть! Это целый мир, нами почти забытый. Да мы никогда и не осознавали его в таком возрасте, а лишь пребывали в нем. Сознательное же детство наступает позже, чем помнится сейчас. Да, дети — всегда радость, хотя и с примесью огорчений, но радость всегда! У меня ведь в доме тоже завелась кроха: внук Роман. И я теперь дед. И знаешь, ничего, согласен называться дедом. И за эту, в общем-то формальность я получаю столько удовольствия, когда держу внука на коленях. Вот пишу тебе письмо, дверь в мою комнату закрыта, а он барабанит, требует, чтобы я открыл. Нет для него ничего интереснее в доме, чем дедова комната: тут и удочки, и всякие слесарные инструменты, и книжки... И когда он врывается, глаза сверкают восторгом. Правда, писать стало труднее, но ведь это временно. Хотя, впрочем, и не пишу ничего. Вот уже скоро год... В июне будет семинар в Иркутске, согласился поехать: никогда не видел Сибири. Кажется, Астафьев тоже собирается. Может быть, и ты присоединишься?

У нас давно уже бесснежно, весна кислая, без буйства воды и жизни. Реки сошли в два дня почти незаметно, нет обычной весен-

ней радости а душе. Но, видно, и годы подходят такие, когда все меньше радости. Скоро и мне пятьдесят, как говорят французы — сверну за угол... Привет ребятам!

Обнимаю.

Носов

3

Здравствуй, Василий!

Я уже знал, что ты в таком дальнем путешествии. Писала Лиля, а потом Игорь Лободин, наш курянин из Литинститута. Ты с ним встречался там. Я и сам чуть не махнул в те края. Да ведь ты знаешь, мне нужна длинная бетонная площадка для разбега... Так и не взлетел, остался. А Лиля пишет, славно поплавала по Тихому — до Курил, Камчатки, Сахалина. Это же ее родина. Такое путешествие всем нам просто необходимо — для ощущения своей страны, для встряски, для чего хошь... Вот еще побывай в Средней Азии, в Киргизии например. Это тебе не затрюханный Кавказ. Все огромно космически: и степи, и горы, как в первый день мироздания. И народ там, хоть и не наш, а хороший, окромя, конечно, городских чиновников и пижонов.

Идет у меня книжка в «Сов. России», видел уже оформление. Правда, пижонское, делал какой-то эстет. Чисто, но бездушно, под Фаворского. Теперь кругом тискают эти гравюры. Боюсь только, что цензура, а то и сам Туркин¹, зарубят книжку. Уж больно она не юбилейная. А повестуха, которую ты читал, просто не удалась, и ты зря поскромничал, не поругал. Там, и верно, все дело в сюжете. Как я ни изворачивался, а ничего поделать не смог. Хотя бы маленькое течение действия, и все пошло бы. А то стоячее болото. Пришлось все делать в разговоре. И получилось грубо, лобово. Ну, выкричался, и ладно. После нее написал рассказ «Храм Афродиты» — тот мне нравится, и Лиля говорит, что получилось сильно. Тоже все про нашу бедную деревню. Послал его в «Новый мир», но пока — ни слуху ни духу. А сейчас помаленьку кропаю еще одну вещицу. Даже не знаю пока названия. Задумывался так просто, для разминки, и думал, что напишу быстро и легко, но вот опять завяз, потому что, как тучи, напоззли какие-то мысли, и в рассказе резко изменился климат. Вот и все, что сделал в этом году.

Получил от Саши Романова книжицу — «Красное застолье». Мне нравится. А еще роман от Меркулова. Тот не читал и что-то неохота... А Витькина «Кража» что-то не понравилась. Там много всяких концов, которые он не сумел вплести в повесть, и они торчат как-то. Да и само название «Кража», по-моему, не оправдывается. Держится на неразработанной придумке. Словом, получилась какая-то пестрая мешанина. Ему бы надо больше держаться судьбы одного парнишки — как его вместе с дедом ссылали на Север, как все пошло потом... А как тебе?

Прислал мне Ваня Пузанов читать в рукописи повесть. Ее Туркин шуганул из плана, не везет ему никак. Сейчас он ушел из «России» и работает в Комитете по печати.

А я думаю на самое никудышное время, на ноябрь, поехать в Переделкино. Ориентировочно с 10-го ноября. Послал деньги на путевку. Может быть, как-то увидимся, если ты к тому времени отслужишь и будешь ехать через Москву. Где-то в ноябре на пленум приедет и Витя Астафьев. Хорошо бы, Васек, встретиться. Читал о тебе Дороша². Можно было написать получше, позабористей. Уж очень они осторожничают. Ну, брат, пока. Обнимаю тебя сердечно. Как говорится, ты служи, мы тебя подождем!

Женя

4

Вася!

Получил от редакторши из Воронежа письмо. Пишет, потрясена «Привычным делом» и будет стараться что-либо сделать для тебя. Она очень хорошая, отзывчивая, делает все совершенно искренне. Разумеется, как везде, надо прошибать начальство, но она это умеет. Авось, что-то да получится.

Мне «Мосфильм» тоже подкинул приманку, просят сценарий по одному рассказу — «Домой, за матерью». Рассказ вполне киношный, можно хорошо дать и самого мордатого малого, и Москву, и пр. Но писать сценариев не умею, да и писать свое не находится времени. То проводили семинар, то предстоят выборы секретаря. Вот, может, в январе вырвусь в Переделкино, там что-либо сделаю.

Если в Воронеже все пойдет гладко, то тешу себя надеждой, что ты заглянешь в наши края, поскольку так просто, без причины, ты не соберешься. А тут еще причина есть. Зимой решил жениться Игорь Лободин. Поедем к нему на Орловщину? Отпляшем свадьбу...

Что хорошего у вас в Вологде? Все живы-здоровы? Саше Романову передай, что в плане 2-го номера «Современника» стоят его стихи.

Получил от Бориса Грбунова письмо, от кирилловского художника. Родился у него сын, назвал его наперекор всем Иваном. Жалуются, что одиноко ему живется в Москве, пишет, что работает над картиной по моему рассказу «Пятый день осенней выставки». Не знаю, как у него это получится. Буду в Москве, зайду к нему, покалякаем, посидим.

Никак не выберусь на окуней. Уже стали реки, а я все сижу, сижу за бумажками. Так вот, наверно, проходит жизнь, растрачивается по пустякам. Одно время загорелся купить себе ружье, но теперь уже знаю: не могу убивать. Ну его! И так полно вокруг садизма и живодерства.

Вась, пиши, ладно? Кланяйся ребятам, маме, Олюхе.

Обнимаю.

Женя

5

Дорогой Вася!

Растрогал ты меня до слез своим Иваном Африканычем!.. Есть просто гомеровские страницы. Читал по кусочкам, по глоткам, как дорогое вино, которое жалко сразу проглотить. Чудо это, Вася! Не антихрист ли ты, грешным делом?.. А я после того, как побывал у вас и чуточки посмотрел на людей великих, на холмушки и горюшки, чувствую и понимаю твои строчки не токмо глазами, ноздрями, прочими чувствами, но и самой шкурой даже... А когда же, в каком номере будет продолжение?

У нас тут юг, все зелено давно, хожу без рубахи и уже одну шкуру спустил под солнцем. Журнал «Север» бывает у нас случайно и в считаном количестве, так что уследить за этим трудно.

Вась, очень хорош тебе попался художник. Цветные вставки на очень высоком уровне, хотя, может, типами и не совпадают с твоими героями. Но дух, поэзию жизни и характеров, высокую нравственную чистоту Катерины и Ивана он передал тонко и проникновенно. Будешь выпускать книжку в «Советском писателе», обязательно попроси этого художника оформить ее.

Ничего не знаю о твоей жизни — где ты, как ты? За последние три-четыре месяца три раза был в Москве. Накатал тут небольшую повестуху, но, видимо, ей придется туго, так как я опоздал и попал в полосу голубого штiria в журналах, который продлится не месяц и не полгода... Виделся с Сапожниковым. Тоже пишет повесть о 30-х годах, частично списывает со своей жизни. Я ее читал (начало — листа три) — ничаво! Только не пропечатают за сильными намеками.

Вась, случись как-нибудь два-три дурных дня, заскочил бы. Правда. Поночевали бы где-нибудь на речке.

Ну, будь здоров. Поздравляю тебя с Маем! Хорошие стоят деньки. Земля чистая даже паханая. И люди все на улице — и малые, и старые. И телята первые, и гусята, и пески чисты по речкам. Шел вчера деревеньками, и благо было на сердце от чистоты этой...

Ну, обнимаю тебя, парень.

Женя

6

Вася, дорогой!

Да, не балуем мы друг друга известиями, ты прав. Вот теперь даже и не знаю, где ты. Не в Моздок ли уже направился... А я только что из Москвы. Ездил утрясать насчет своей книжки в «Сов. России». Отдал туда два новомирских рассказа и последнюю повестуху, которая называется «Затмение луны». Скромничаю я насчет нее потому, что где-то она «не тово»... Я там разворчался и пошел в лоб. В общем, есть места откровенно публицистичные, в духе Можаяева (последняя его повесть «Полюшко-поле» уж очень плоха), так что я

и о своей тоже не очень стараюсь распинаться. Пройдет, как «ко-сой дождь». А вот сейчас, кажется, зачесались руки — напишу наконец «Два сольди», от которой у самого мурашки по спине...

А мы все под впечатлением от твоего Ивана Африканыча. Лильча написала на него рецензию, не знаю, что у нее получилось, но у нее до сих пор мокрые глаза от тобой сотворенного. Она будет очень рада твоему привету, потому как любит тебя зело, без дураков... А писать она может, есть у нее царь в душе.

Коли ты еще дома, то, когда поедешь, дай мне телеграмму, я встречу тебя на вокзале, и постоим, поболтаем, пока будет стоять поезд. А вообще непременно заезжай ко мне, может быть, на обратном пути. Или еще как. Я свозил бы тебя в свою родную деревню. Был я там недавно по Троице (после десяти лет перерыва), видел свою родную хату, и в носу щипало от ее последних судорог устоять на этом свете. На заколоченном ржавым шманделком железа окне написано: «В етем доми ни кто неживает»... <...> Походил я со своими двоюродными братьями по родным местам, повспоминали. Да... Приезжай, Вась, посмотришь на нашу деревню, которую совсем стоптал город... А то просто заедем с тобой куда-нибудь, разобьем палатку и проживем там маленько цыганами...

Ну, ладно, Васек. Пока. Пиши, не затеривайся.

Женя

7

Василий свет-Иваныч!

Ай-я-яй, сколько долго ты молчишь и жив ли, здоров ли? А я вот прослышал, что вышла твоя книжица в «Сов. России», и вот сейчас пойду и куплю целую охапку — мало ли что: себе сгодятся да и друзьям-товарищам разослать на тот случай, ежели ты сам зале-нишься. Даже не прослышал, а видел и держал в руках уже куплен-ную одним хлопцем. У нас тебя знают и любят степняки-куряне.

Не понравился мне твой художник, картинки не срастаются с текстом, а смотрятся чужеродно и враждебно. Отражают суровость жизни своей манерой? Ничего они не отражают, а, наоборот, мор-дуют русского человека до неузнаваемости. Это не художник. Вот в «Севере» это был парень! Какой глубины и проникновения сделал он тебе к «Африканычу» иллюстрации! Ого-го! Там и поэзия, и печаль, и тихая любовь, и суровость жизни — все есть. Не знаю, как-то они размалуют мою книжицу. А что с «Африканычем» в «Сов. писателе»? Вышла ли? Смотри, не замотай, не зажуль книжицу-то, пришли. Не будешь ли ты на совещании писателей-деревенщи-ков в мае, числа 4–5? Меня пригласили, и я поеду уж только ради того, что, мобудь, часом подскочишь и ты. Писал мне Игорек Лобо-дин, что ты промелькнул где-то зимой на Бутырках. А что б тебе заглянуть и ко мне, ведь ехать-то всего ничего...

Пишу помаленьку всякие непотребные по нынешним временам вещи, и уже сказывается их непроходимость: нигде еще не напечатали ничего. Лежит рассказ в «Новом мире», одобренный, но давно уже, скоро и книжка выйдет, другой лежит в «ЛГ», третий в «Лит. России», и, как поется:

*И не пишется, не читается,
И не мил мне домашний уют,
Потому что везде причитается
И нигде ничего не дают.*

Сейчас у меня на рецензии повесть Макарова, того самого, что печатался в «Новом мире» и которого ругают вместе с Можаяевым. Очень хорошая повесть. О том, как послали московского корреспондента в глушь, под Великие Луки, написать о рыбаках-браконьерах и как он там жил, вместе с ними браконьерничал, пил, морду ему набили за девку, и уехал, ничего так и не написав, потому что люди-то оказались хорошие, хоть и воруют. Молодец парень! Только не дадут эту штуковину, особенно в «Сов. России», куда он с ней сунулся.

Ну, братка, пока! Обнимаю.

Женя

8

Вася, голубчик!

Я тебе посылал письмишко на Вологду, но ты, оказывается, сидел в Тимонихе... Да, дела у вас там... Жалко Ваську Дворцова, бабушку Колоколену жалко. Да и всех. А мне Степанов из «Правды» написал, как он у тебя там был. Это не для него ли нужен рассказ, а? А нету, друже, ничего нету. Был один, да я сплавил его в «Лит. Россию». Обещают напечатать где-то в мае. А больше не написал пока.

Получил письмо от Вити Астафьева, болеет парень, совсем расклеился что-то. Он делегат съезда, и я, наверно, все-таки сметаюсь с ним повидаться. Да и ты бы подсказывал, а?

Звал меня Серега Викулов на какое-то ихнее совещание. Да я не поехал. Не мой это журнал. Когда-то там печатался, а потом отбился. Вась, не замотай Ивана Африкановича. И вообще, когда его напечатают?

А у меня под окном в саду бушует черемуха, и все ею пропахло в доме. И ходит по избе хмельной ветер с пчелиным гудом. Ах, как бы так изловчиться да засесть хорошенько за работу...

Вася, с Днем Победы тебя, родной! Хотя бы уж ничего не было, чтобы тихо да мирно. А я вчера читал твоего Тишу и то хохотал, то грустно делалось. Слышал я, будто кропаешь роман. Правда ли?

Обнимаю тебя, парень.

Твой Женя

9

Дорогой Вася!

...Виктор (Астафьев) хорошо делает, что переезжает к вам. В Перми ему одиноко и, как я понимаю, неприятно. Он говорил, что хотел махнуть в свой Красноярск, а мне почему-то было жалко, что он туда переедет. Уж больно далеко от России. А с вами ему будет полегче. Подходят годы, и одиночество все тягостнее. Места у вас пока еще не столь зацивилизованы, раздольные, народ чудесный (я имею в виду просто баб и мужиков), есть где и с ружьишком пройтись. Так что ему там будет хорошо. А еще слыхал, Костя Воробьев хотел перебраться к нам из Вильнюса.

Не были в Петрозаводске? Петя, кажется, опять пошел работать в «Север». На прозу. Народил он себе сына, назвал тоже Петром. Это, видно, уже под занавес. А я ему завидую. Мои уже повзросли, и у них своя жизнь — танцульки, кино, друзья-приятели. Я их почти и не вижу дома. Раньше хоть сынишка ходил со мной на рыбалку, а теперь вырос (завел бороду!), и ему со мной стало неинтересно. А дальше женится и вовсе отойдет. Теперь ведь семьями не живут. Подходит унылое время... Ну да ладно, что теперь поделаешь. Одно бы — работалось бы. Живу теперь в казенной клетке, так что и собаку не могу держать. Всегда держал собак, и веришь, нет преданнее друга, чем эта псина на четырех лапах. Сидишь, работаешь, и он все время лежит под стулом. Встал из-за стола — он встает, подтягивается, смотрит, куда ты. А поласкаешь его, уж он так обрадуется, так подпрыгивает!

Книжицы про северные монастыри я не достал. Где ее достанешь? Нет ли ее у вас в Вологде? А пленки, те, что мы с тобой заряжали, проявили только на днях. Одна, первая, полностью засвечена. Вторая — наполовину, а третья — Кириллово и Ферапонтово — вся целехонька. Отпечатаю — пришлю. А мне почему-то больше понравилась поездка в Кириллово. Там хорошо посидели на лужайке, окуньков подергали... Славно так!

Ну, пока, брат! Очень я скучаю по всем вам. Кланяйся маме, всякого ей добра и здоровья!

А у нас тут зима с морозами и бесснежьем. Озимые запорошены пылью. Живу ожиданием весны, первой капли, воробьиной суматохи в кустах. А сейчас все замерло в стылом и голом холоде, как на Марсе.

Обнимаю.

Женя

10

Дорогой Василий!

Не писал тебе, наверно, по случаю жары, размеренной лени и единообразия мыслей. А жара действительно изнуряющая. Обмелели речки, иссякли, обнажилось дно в верховьях прудов. Хлеба стоят низкорослые, иной раз ниже колена. А еще заковыка: сокращаются

посевы сахарной свеклы. Работы с ней много, а доходов мало. Все доходы достаются сахарозаводчикам. Так же, как доходы от молока — не крестьянину, который с трудом обихаживает скотину, а опять же — молокозаводчикам. Короче, хорошего ждать не приходится.

Дорогой Василий! А пишу тебе по такой нужде. В г. Новомосковске выпускается журнал «Поле Куликово». Редактором его один Божий подвижник, Плеб Паншин — человек небывалого мужества и доброго порыва. Года три тому назад из его головы вырезали 400 граммов опухоли, и по сей день он с трудом волочит ноги и держит перо, но даже в таком искалеченном виде этот человек бьется за жизнь журнала, как говорят, до последнего патрона. На каждом выпуске номера он имеет 8 млн. убытков, но как-то по крохам собирает, выпрашивает нужную сумму, занимается перепродажей консервов, сахара, чтобы сохранить журнал...

Он стесняется лично обратиться к тебе и попросил сделать это меня. А дело такое: нужен от тебя рассказец или два-три для поддержки журнала. В «Куликовом поле» уже печатался Саша Романов и другие вологодцы: А. Грязев, А. Цыганов. Но если бы ты прислал свои рассказы, Плеб Паншин был бы просто счастлив. Он гордится каждым хорошим автором. Если что будет, вышли на мой адрес: я являюсь членом редколлегии.

Обнимаю и помню.

Женя

11

Дорогой Василий!

Рассказ твой прочитал и книжку, посланную вдогон, получил. Спасибо!..

Но в общем итоге все эти мои замечания, тоже порядком занудливые, вполне исправимы. Рассказ от этих поправок несколько не пострадает. Главное, читать его грустно и горько. Только способны ли нынешние читаки воспринять это своей опустошенной душой?.. Я вот тоже пишу, и часто опускаются руки: а надо ли? Для кого я стараюсь? Ведь даже издатели всем своим видом показывают, что такие «данные» им не нужны. Даже в журнале «Москва» я чувствую себя приживалом. Гнать не гонят, но не выражают особого расположения. За много лет печатания в этом журнале никто ни разу не прислал мне какой-нибудь цедулки, за исключением Шугаевой¹, через которую и осуществлялась вся моя связь с «Москвой». И вообще живу я бирюком, в Москве был только один раз за последние десять лет. Ездил получать какую-то премию, а так ехать туда незачем, и никто тебя там не ждет... Москва живет сама собой, без провинции. Устраивает какие-то сборища, делит премии, и вся эта деятельность в пределах Садового кольца, в закрытых обществах, где главенствуют выползшие из сомнительных закоулков все эти «пэн-клубы», «Триумфы» и «Антибуккеры»... Покидая Моск-

ву, я оставил все свои должности. Ушел из всех редколлегий — и «Роман-газеты», «Современника», «Литгазеты», даже не все забра премии, присужденные мне «Литературкой» — после того, как она перешла в чьи-то загребушие руки. Одним словом, окончательно опростился, почти не получаю писем и живу норно, отшельником хотя еще и не заводил бороды...

А тебе я рад, Вася. Обнимаю.

Носо

12

Милый Вася!

Поздравляю с Весной, с Победой!

Как дочка? Как незабвенная Анфиса Ивановна? Нижайший поклон ей. Чем жив? Все мои землетрясения, кажется, прошли.. Ты всегда был прав: нет ничего святее работы. Корплю, как Пимен¹ и уповаю на лучшее.

Обнимаю.

Жен:

13

Милый Вася!

Маленько запоздал, но все равно поздравляю с Днем Победы и с весной!

Не хочешь ли в Курск? Об этом подробно в письме Астафьеву прочти.

Повестуху твою я сразу же отослал Гончарову в «Подъем». Они дают какой-то твой рассказ, правда, Гончаров пишет, что маленько пощипала цензура. А какой — не написал. О повести пока не слышать. Может, он уже написал тебе?

Обрати внимание на открытку — это Курщина. Может, соблазнишься, приедешь?..

Обнимаю.

Носо

14

Дорогой Василий!

Спасибо за юбилейные поздравления! И вообще за хорошее, доброе и живописное письмо. Все так живо, зримо высветилось в памяти от твоих строк. Но прежде всего — горестно сознавать, что уже нет Анфисы Ивановны¹... Эта милая, мудрая женщина всем своим обличем и сущностью своей так органично вписывалась в твою Тимонику, в окрестное мирозданье, что я как-то не представляю себе эти места без нее.

Впрочем, придет время, и мир будет существовать и без нас, хотя представлять себе это вовсе не хочется. Но зато от таких мыслей хоть та польза, что видишь свою собственную суетность и не-

благовидность слов и поступков и хочется быть требовательнее к себе. Хотя совершенствовать себя уже поздновато: все-таки стукнуло семьдесят. Пора перебрать намаранные бумажки и многое сложить в большой костер.

Письмо твое возбудило во мне не только волнующие воспоминания, но и вопросы чистого любопытства. Например, помню, как возмутило меня, что у тебя, в твоей родной деревне, нет ни клочка земли, которую можно было бы вскапывать и засеивать по своему усмотрению. Помню, как я за банькой сорвал пучок лука, и оказалось, что лук не твой... Ну, а теперь как? Неужели ты и доси стоишь на одной ноге на собственной усадьбе? Помню яблоню-дичку за домом... Жива ли? А как славно посадить новое деревце! И сам дом... Слышал, что ты его перестроил? Прислал бы карточку — поглядеть. И чтобы на фотографии была старая береза... Бог ты мой! Какие сейчас во мне толпятся светлые и радостные чувства от воспринятых картин! А церквушка как? Ты что-то в ней мастерил, восстанавливал... У меня же, на моих карандашных набросках, она в скорбном запустении, как и кладбище у ее подножья. Конечно, хотелось бы взглянуть на все это воочию. Но годы все больше теснят в угол, привязалось высокое артериальное давление, и я теперь почти не езду. Уже более трех лет не был даже в Москве...

Вася, за книжечку спасибо, как-нибудь полистаю, хотя какие-то фрагменты прочитал сразу же...

Обнимаю.

Женя

15

Дорогой Василий!

Извини, пожалуйста, что я так задержался с ответом и благодарностями за «Север» и за чудесные фотографии.

Дело в том, что я спохватился писать рассказ о войне тогда, когда об этом все уже написано, а, главное, — уже писать поздно. Это только чокнутые садятся писать за месяц до выхода журнала. Но нашелся и такой же «чокнутый» журнал — «Москва», который согласился меня ждать и терпеть, но не позже 15 апреля, иначе они просто не успеют даже набрать в типографии. Вот сегодня, 17 апреля, жду вечернего поезда, чтобы передать рукопись проводнице. А 15-го и 16-го журнал не работал. Одним словом, я свое выполнил, теперь дело за журналом.

С удовольствием читаю «Север», много знакомых имен, почерков. Давно не читал тебя, но как только прочитал «У котла», сразу воскресла вся твоя манера письма, которая ну никак не изменилась аж со студенческих времен. Конечно, с годами, с опытом усложняются темы, сами проблемы, но вот колорит — это уже как отпечатки пальцев. Это — вторая натура.

А еще видел тебя на телеэкране на каком-то аграрном съезде.. Наверно, интересно послушать, что они говорят, может, что и дельное, но самой этой публике я что-то не доверяю: ребятки они нагло ватые, вороватые, живут пузом вперед и большие мастера выжрать.. Вот вопят хором, нет средств, нет бензина хлеб сеять, а у нас одного засекли — цистерну бензина продал за кордон, на Украину, тем паче что кордон этот проходит теперь почти под окнами. Если хохлы начнут бомбить Россию, то, конечно, первому достанется Курску.

Совершенно тронут видом церковки и ее окрестностей. Много вспоминаю, глядя на эти места. Особенно, как я на рассвете бежал к устью ручья ловить рыбешку. И как мы потом под горой, на виду у церквушки, затеялись варить уху...

Работать стало трудно, быстро утомляюсь. Какой-либо рассказец написать — целая проблема. Хотя по моим журнальным публикациям еще не скажешь, что это писано из последних сил. Да я и не хочу, чтобы об этом знали. Да здравствует жизнь, и я стараюсь радоваться ей, сколь могу. И постараюсь еще написать что-либо из множества так и не воплощенных задумок.

Вот наконец дожили до весны. Ах, какая это прелесть!

Твой Носов

16

Дорогой Василий!

Через заснеженную Россию тянусь к тебе новогодней чаркой с пожеланием душевной бодрости и доброго здоровья! Нижайше кланяюсь матушке твоей, светлой Анфисе Ивановне, кою, поколь живу, буду любить и радостно помнить!

Как твои дела? Далеко ли до стропил твоего романа? Хорошо ли тюкает твой волшебный плотницкий топорик? Отзовись!

Ты там меняешь адреса, и посылаю эту открыточку без всякой уверенности, что попаду точно.

Ну, будь здоров, друже, с Новым годом!

Твой Евгений

17

Милый Василий!

Живой ли? Здоровый ли? Как ты там во своей Вологде? Давно не видел твою светлую головушку, соскучился. Завидую вам, потому что вы соберетесь кучкой и выпьете в День Солдата. Мысленно присоединяюсь к вам, шлю свою любовь и пожелания блага.

Обнимаю.

Носов

Вась, из новогодних завещаний Мономаха¹:

1. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; не ленитесь ни на что доброе; да не застанет вас солнце в постели!

2. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: в этих пороках и душа, и тело погибают; не пейте не вовремя и всегда пейте с умеренностью, а не до пьянства.

3. Жен своих любите, но не давайте им над собой власти.

4. Больного навестите и к мертвому ступайте, потому что все мы смертны.

5. Особенно же чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простой или знатный человек; если чем не можете одарить, то угостите хорошенько: странствуя, он разносит по всем землям хорошую или дурную славу о человеке.

6. Спать ложитесь — оружия не снимайте!

Мудры были наши праотцы! Васек!

Обнимаю.

Женя

18

Дорогой мой Василий!

Спешу поздравить с праздником и обнять тебя по-братски, ибо соскучился по тебе несказанно... Где ты есть и как ты там?

А я только из Тулы и навестил поле Куликово. И сыро, и хладно, но сквозь века чувствуется, как было здесь жарко... На одной из переправ попил водицы из Дона великого. А весь Дон-то стал — куры пешком на тот берег бегают... А ведь Дмитрий-князь раздумывал: переходить его или нет. Стало быть, глубок и широк был, коль вызывал раздумья у полководца. Да, все затягивается илом: и реки, и память, и совесть...

Че будешь делать зимой? Я думаю маленько поработать, как будет здоровье. Давненько ничего не писал — уже два года — ни строчки. Ну да ладно! Поднимаю чарочку за тебя! Добра тебе и счастья! Здоровья тож!

Твой Евгений

В.И. БЕЛОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Здравствуй, Женя!

Получил я твою открытку с поздравлением. Спасибо за добрые слова.

Вчера заглянул я в Академгородок и случайно в торговом центре, на столиках, увидел твою книгу «Красное вино победы».

Сегодня прочитал «И уплывают пароходы...» и все незнакомые мне вещи, и вдруг мне стало стыдно за свою книжку, что я послал тебе, что напросился на чтение, представил, как ты морщился, досадовал оттого, что я нетребователен, неряшлив и даже самоуверен: ведь напросился, отнял время... Я не самоуничижаюсь, не ломаюсь... Мне просто после твоей книжки было хорошо и грустно.

Как шевелятся у тебя туманы, навстречу солнцу, в крахмальной изморози на изломе помидоры.

А ведь остается совсем мало людей, которые готовы, смогут тебя читать. У всех остальных же не хватит материала души, чтобы тебя почувствовать.

И приходится тебе стучаться в души, не «прожженные заревым светом», которые ни на какие краски не отзываются.

Хорошая у тебя книжка получилась. Бережно к тебе в «Советской России» относятся — издают со вкусом, «лирично» даже как-то. Небрежности, как к другим, к тебе не позволяют. Слава богу, что тебя там так хорошо видят.

Что ты сейчас делаешь, пишешь? О чем думаешь?

Работая, ты так «видишь», что мне кажется, у тебя никогда не может быть срывов. Ты никогда не спустишься до «рядового» потока литературной макулатуры.

Если В. Астафьев предлагает поехать с ним в Сибирь — собирайся. Здесь есть тоже «нечто», без чего тебе не надо жить только одной знакомой тебе радостью.

Если смотреть на летнюю землю, то солнечные просветы на траве меж облаками — это твоя Курщина, а когда надвигается тяжелая громада туч и несет с собой холодную темь, тогда то, что уже кипит под тучей — Зеленая темь на Земле — Сибирь. Она разная, но посмотреть на нее надо, да еще с Виктором. Может, тогда и встретимся.

Привет твоей семье.

Обнимаю.

Твой Василий

2

Евгений Иванович!

Спасибо за письмо.

То, что ты не нужен в Москве, — ерунда! Еще как нужен! Ищи банкира. Тебя надо читать. Давление советую снижать клюквой. (Жаль, у вас там она не растет.) Если позволишь — пришлю.

Да, земли у меня все так же нет. Только две небольшие грядки. Баня моя все еще стоит, дом, береза, колодец. А земля соседа Витахи (занял, черт и не отдает, а если судиться с ним, то ведь весь мир завопит, какой Белов кулак. С соседом, мол, судится. Пенсия у него в 1,5 раза моей больше. Яблоньку ту я спилил, она высохла. Посадил кое-что: лиственницы, дубки, сосны, но все это около старой березы, а у речки, где вторая баня, растут кедреныши. Очень быстро растут. Жил бы я там безвыездно, да жена туда не стремится и дочь тоже. Посылаю несколько снимков. Церковь (остатки) я просто спас от разлома, уже подгоняли два трактора с тросами. Но не растащили, так как ломать тоже надо уметь. Тут я и подвернулся... Материал (лес, кирпич, железо) удалось запасти до повышения цен. Почти все, вплоть до креста и кровли, делал сам, чем и хвастаюсь.

После материнской смерти два года тосковал, ничего не делал...

Ладно. Пока.

Кланяюсь всем близким твоим и родным.

Белов

3

Женя!

У тебя хоть и худые, но все же ХЛЕБА (и свекла есть).

А у меня на родине нынче, то есть в 1995 г., впервые за две тысячи лет истории не пахали, а следовательно, не сеяли. (Зяби тоже не было.)

Спрашиваю: почему? Говорят: «А солярки нет».

Да, солярка стоит в два раза дороже молока, но дело, видимо, не только в ней.

(В войну бабы таскали плуги и бороны на себе.) Истаскались...

Посылаю подборку моих свободных переводов с сербского. Для Паншина. Может, ему они придутся по вкусу. Не придутся — не обижусь. Но больше послать нечего.

Кланяюсь твоим родным и друзьям. Когда приедешь в Москву?

Белов

24 ноября 1995

Е.И. НОСОВ — В.Г. РАСПУТИНУ

1

Милый Валя!

Захотелось обнять тебя по случаю твоего года и пожелать всяческого добра, ты, видимо, уже знаешь, что тебе присудили премию в «Нашем современнике» за лучшую повесть года. Правда, начальство колебалось, но мы с Витей Астафьевым настояли, поскольку это тебя оградит в какой-то мере от возможных нападков.

Спасибо тебе за Байкал и за твои золотые руки.

Обнимаю.

Е. Носов

1977

2

Дорогой Валя!

Очень рад был твоей книжке, спасибо, дорогой. Высоко, свежо.

От В. Помазневой (звонила домой) узнал, что тебя приглашали в «верха» на беседу, как говорят, «не бери в голову», не принимай к сердцу. Все пройдет, даже уйдут сами беседчики, а книга твоя останется. Ее теперь ни огнем, ни топором... Она, как твой листвень.

Любопытно, что само начальство хватало твою книжку в лихорадочном ажиотаже. В Курске она так и не попала в продажу — разошлась из-под прилавка, так что если и пытаются ворчать на тебя за «Матеру», то чисто формально, сами не веря в свои слова.

Читал твое интервью, Помазнева говорила, что оттуда убрали страницы полторы. Вот, брат, дожили, приходится объяснять, о чем книжка.

А мне Помазнева тоже надавала вопросов. Очень не хочется выворачивать себя и говорить, о чем повесть, но Помазнева настаивает, говорит, что так надо... Кто их разберет, что нужно и о чем нужно. Одно чувство, что противно и как-то стыдно. И странно получается: не хочется, а вопросы все же записал... Из боязни обидеть человека, ту же Помазневу. Да ладно, мол, девка из кожи лезет, за нас хлопочет.

Вот так-то с уступчивостью нашей...

Но — лучше до встречи.

Твой Е. Носов

Примечания В.Г. Распутина

1. Письмо без даты, написано, вероятно, в середине 1977-го, потому что в марте 77-го меня вызвал к себе секретарь ЦК по пропаганде М.В. Зимянин по поводу опубликованной в «Нашем современнике» в конце 76-го и сразу же в книге издательства «Молодая гвардия» повести «Прощание с Матерой».

2. Валентина Помазнева — журналистка «Литературной газеты».

3. Присланная Е.Н. мне книга — «Берега».

В. Р.

В.Г. РАСПУТИН — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Евгений Иванович!

С любовью и радостью поздравляю тебя (уж позвольте по этому случаю перейти на «ты»!) с Солженицынской премией! Очень и очень заслуженно, очень по адресу (по курскому..) и очень, разумеется, кстати. Я вчера видел Наталью Дмитриевну, а сегодня разговаривал с Александром Исаевичем по телефону. Они и сами радуются тому, что нынче у них такие лауреаты.

Последние рассказы у тебя очень хороши. И в «Москве» читал, и в «Роман-журнале — XXI век», и в «Парламентской газете». Добрый ты человек, Евгений Иванович, потому и письмо у тебя такое чистое и доброе. А вот Виктор Петрович в последних рассказах прилагает огромное мужество, чтобы не злиться и не клеймить. — и ничего не получается. Чуть заходит речь о политруках и пушечном мясе (но сам же и заводит) — и сразу же со всех колпаков вон. Как у него самого сердце выдерживает...

Жаль, что 25 апреля меня в Москве не будет: уеду в Иркутск в начале апреля и, наверное, до осени. Последний год был у меня тяжелым: пять операций на глазах, две из них — отслоение сетчатки, под общим наркозом. И сейчас приходится лечиться. Но в Москве это дело слишком разорительное, слова бесплатно не скажут, поеду-ка к себе, там хоть утешают не за деньги. Без радости влез я в новое тысячелетие, а теперь и оглядываюсь вокруг себя с трудом. Но ничего, как-нибудь.

Обнимаю, Евгений Иванович! Будь здоров хотя бы тем здоровьем, чтобы можно было писать.

Твой В. Распутин
7 марта 2001

Е.И. НОСОВ — В.И. ЛИХОНОСОВУ

Милый Виктор!

Пишу тебе из Москвы. Вчера прошел первый тур заседания комиссии по Госпремиям. Было жарко. Из 13 претендентов зарубили 8. Оставили 5 человек: ты, Екимов¹, Жигулин², Пикуль³, Санги⁴... Вот такой пасьянс. Пока ты сидишь там прочно. За тебя голосовали Дудин⁵, Феликс Кузнецов, Алексеев⁶ — словом, почти единогласно. Но надо 4 человека, а оставлено 5... Один должен уйти во втором туре, я предложил перевести на Госпремию СССР. Но с этим не согласились. Будем биться за тебя и дальше. Думаю, все будет о'кэй.

Е. Носов

В.И. ЛИХОНОСОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Дорогой Женя!

Ты нагрянул ко мне ночью, с вином Победы и в прекрасной одежде. Я тебя чуть раньше видел в таком наряде и, признаться, гадал, что ты поставишь свою подпись.

Спасибо! Дай бог здоровья Михаилу Макарычу, любовь его к тебе слишком заметна. Прекрасная книжка! Только жаль, что нет в ней «Храма Афродиты». Я люблю эту вещь.

Астафьев мне не пишет, не знаю, приедет ли кто из вас на декаду в Краснодар. 50 человек везут В. Кожевников¹ и А. Кешоков². 11 мая приземлятся на аэродроме. 10 дней гуляния по кубанской степи, приезжай! Я называл вас, когда составлял встречный список. Правда, он еще будет показан в крайкоме, и там добавят-убавят по своему усмотрению. Но первый список в РСФСР, и я думаю, что кто-то от вас есть.

Мне предлагают везти группу в Темрюк — Тамань.

Повесть мою из книжки выкинули все же. Если не поднимут меня перед начальством, хоть убирайся с Кубани!

Приезжай, Женя, посмотришь на богатую Кубань. Во всяком случае, богаче ваших летописных земель. И напишешь «Весна в Тамани».

Обнимаю.

В. Лихоносов
23 апреля 1971

2

Дорогой Женя!

Тебя нам очень не хватало в поездке по Тамани. Я ездил с В. Боковым¹, Д. Ковалевым, В. Петришиным и Л. Ленчем². Как ни тяжело выступать, но мы справились. Два моря видели. Мне хотелось, чтобы гостям понравилось. Как раз в эти дни вышла моя повесть «Осень в Тамани». Не знаю, как ее встретят.

Если бы я, Женя, ездил мимо, давно бы остановился у тебя. Дорога моя, к сожалению, лежит через Миллерово, Воронеж, Рязань, а очень бы хотелось задержаться и в Курске, и в Орле, и в Брянске. Вот как-нибудь поеду к Бунину, тогда и заверну..

31-го я улетаю в Москву. Оттуда — куда-нибудь. Годы идут, а романа нет. А очень хочется написать что-то большое, но плотное, чтобы судьбы тянулись, менялись, текли как река. Возможно, годика через 2 попробую, если хватит на то умения и материала.

Не обижайся, книжку краснодарскую не пришлю тебе, «Люблю тебя светло» втиснули, теперь надежда на А. Блинова в «Современнике» и на Софронова³ в «Огоньке». Тогда подарю.

Не хворай, главное, и не кури. Я измучился, но бросить курить не могу. Шлю привет И. Лободину.

Тебя обнимаю и желаю выздоровления.

Твой В. Лихоносов
16 мая 1971

3

Дорогой Евгений Иванович!

Когда проснулись, мне сказали, что поезд стоит в Курске. Что ж, на сей раз брошу тебе свой привет в почтовый ящик станции Белгород.

Счастливые куряне — живете в провинции и недалеко от Москвы. Оттого и пишите в бессмертие.

Похоронили в Москве Ю.П. Казакова¹. Отпевали его на Ваганьковском кладбище, там же, в тесноте оградок, погребли. Наверное, так же скромно, без щегольства, хоронили когда-то А. Платонова². На панихиде и на похоронах были Ф. Абрамов³ и В. Белов. Е. Евтушенко⁴ на кладбище не поехал.

Боюсь, не разберешь мой почерк.

Ты хандришь и не пишешь. Но тебе, рожденному создавать Храмы Афродиты, нельзя соглашаться строить коровники, то есть не писать, а читать рукописи графоманов и попусту отдавать время визитерам.

Всегда, проезжая среднерусские города, вспоминаю классиков.

Не горюй! Обнимаю.

Твой В. Лихоносов

Р. С. Конверт дал В. Черкасов — «Это для Е.И. Носова».

Поезд № 39 Москва — Новороссийск

8 декабря 1982

4

Дорогой Евгений Иванович!!

Не знаю, донесла ли почта мое предыдущее письмо; хочется, чтобы это донесла непременно.

Поздравляю тебя, родной наш писатель! Пусть берегут тебя все: и поля, и реки, и люди, и Господь Бог. И сам себя побереги — для себя и для людей, которым с тобой, с твоими книгами спокойнее и легче. Твое 60-летие... Читал тебя на днях с восторгом и со слезами в «Литератур-

ке», нынче увидел в «Советской России» тебя с матушкой и сказал тебе издалека: «А ты, Евгений Иванович, расспроси ее все-таки о Плевицкой, не забудь!» Ты пишешь, как крестьянин говорит: *только то, что нужно*. И, хотя, наверное, не любишь афонских старцев (в письме был отрывок о них), очень похож на них: можешь простоять на своей молитве с 6 вечера до 6 утра. Да! Живи я с вами в России (в Курске ли, в Воронеже), другим бы писателем был! Но и за тысячу верст вы были со мною. И ты, Евгений Иванович. Все коротенькие встречи с тобой — такие же родные, как с брянскими стариками под станицей Варениковской. Я тебе желаю удачи на речке Тускарь, дома за столом. Все пройдет, «а эти древнерусские старцы с длинными свитками в руках все так же будут стоять и стоять на воротах...» (Бунин), и золотая ниша литературы уподобится им. И душа лучших писателей останется в народе будущем.

Многая лета, Евгений Иванович! Еще раз поздравляю и обнимаю тебя!

Твой В. Лихонос
13 января 1984

5

Еще раз хочу проверить работу курской почты. Провожали меня Вера и В. Черкасов. У вагона говорили о Е.И. Носове; вынесли постановление: поручить т. Носову найти следы о Н.В. Плевицкой¹, родственнице великого писателя², члена многих комиссий по премиям...

Завидую, что у тебя такой прекрасный друг рядом — Петр Георгиевич Сальников. А нам вечером позвонить некому.

Жди выписку о старце с горы Афон. Возле тебя, Евгений Иванович, так спокойно, тепло, просто. Я вчера пошел попрощаться в 249-й номер, но там уже сидела женщина и внимала разбору партии Карпов³ — Каспаров⁴. Пиво продано — буфет закрыт.

На этом заканчиваю.

С дорожным приветом. Обнимаю.

В. Лихонос

Поезд Москва — Керчь

29 сентября 1984

Е.И. НОСОВ — А.А. РОМАНОВУ

1

Милый Саша!

Прими мои объятия по случаю Весны и Победы! В совершенном восторге от твоей новой вещи в «Нашем современнике». Какой свежий, живительный родник бьет из-под твоего пера! Спасибо тебе, родной. Дико соскучился по тебе и люблю неизменно.

Твой Женя
Декабрь 1975

2

Дорогой Саша!

Поздравляю тебя с Новым годом ответно и с не меньшей душевной привязанностью и любовью. Я все же высылаю тебе это приглашение с настоятельной просьбой быть у меня в Курске хотя бы на пару деньков. Ты прав, годы бегут, летят, мчатся, и все меньше остается нам вот таких братских застолий, да и самих нас все меньше и меньше. А там начнут одолевать неподъемные хвори и видеться будет все труднее и труднее.

Так что давай, брат, приезжай, порадуй! На этот случай сообщая тебе свой новый адрес: Курск-4, улица Блинова, д. 2, корп. 2, кв. 17. Я послал такие же приглашения Астафьеву и Белову, так что кучей ехать будет нескучно. Только сообщите мне о согласии заранее, чтобы я мог заказать гостиницу.

Всегда твой Носов

3

Дорогой, светлый друг Саша Романов!

Прими мои самые искренние объятия и поздравления с Весной, Маем, Победой!

Душевное спасибо за подаренные твои книги. Я всегда знал и любил тебя как глубокого русского поэта, всегда было празднично на душе, когда видел в журналах твои публикации. Но вот что ты прекрасно владеешь прозой — это меня радостно удивило. С удовольствием, неспешно, по строчечке прочитал твою прозу, которая — по интонациям, деталям — как нельзя лучше воспроизвела в памяти твой облик во всех дорогих мне подробностях и еще раз подтвердила лучшее в тебе — глубину, мудрость, поиск справедливости.

Ну, а книга о Рубцове доставила всем нам, курянам, истинное удовольствие. Мы читали ее вслух попеременно со стихами, и было так светло и очищающе на душе. Спасибо!!! Пока нечем отдариться, нет ничего нового, но коль скоро выйдет подарочный вариант «Шлемоносцев» — пришлю непременно!

Обнимаю.

*Твой Е. Носов
29 апреля 1984*

4

Милый Саша!

Посылаю тебе свою книжку. Делаю это не без радости. Не все в ней хорошо. Много наивностей, ученического. Но у меня нет другого способа выразить тебе свою любовь. Очень жалею, что в бутырские времена как-то не сошлись поближе. Очевидно, дело в том, что мы, прозаики, уж больно были заняты своими персонами, не были внимательны к вашему поэтическому цеху.

Сборник твой прочитал с величайшим наслаждением, будто в знойный день напился из чистого, освежающего родничка, тихо и непритязательно пробивающегося из-под камня у дороги. Не нарзан, не сироп, не газировка, а вот именно ключевая поэзия. Вы счастливые все там: у вас прекрасная, хорошо сохранившаяся русская земля, которая питает вас поэзией, как мать грудью. У нас похуже: проходной двор, все затоптано, перемешано, и корни наши сидят не так крепко. Уже и не разглядишь ни быта, ни уклада, ни песни русской не услышать в деревне. Все это сказывается на творчестве. Какое-то шатание от темы к теме. Словом, не тот корень. А ведь наша земля породила когда-то Тургенева, Бунина, Фета, Пришвина и множество других. Та самая орловско-курская земля, которая теперь не только поэтов, но и хлеба не рождает.

Саш, обнимаю тебя нежно, напиши, если надумаешь. Привет семье.

Женя

5

Милый, дорогой Саня!

Несказанно рад твоей книге, твоему письмецу, твоей неизменной душевности! Больше всего рад, что прожили жизнь в понимании друг друга. Я всегда восхищался твоим терпеливым умением выслушать и понять другого человека, отчего с тобой хочется дружить и быть тебе верным товарищем. Позволь мне обнять тебя по случаю майских праздников и Весны, которых у нас остается все меньше... Тем паче хочется дорожить тем, что осталось. Вот почему еще мне дороги твоя память и твое внимание.

Саша дорогой! Спасибо за приглашение на твой юбилей. Мы уже с Петей обговорили это событие. И разговор был лихой: «А что, давай возьмем и махнем!», «А чего, у нас прямой самолет до Вологды». Но, право, Саша, трудно наперед сказать твердо. Будем надеяться, что все сложится для удачи.

Но раньше, в мае, хочется поехать в Минск, на праздник славянской письменности. Я ведь там воевал, а после еще не был. А может, Саша, ты сумеешь собраться? Было бы очень хорошо повидаться, неспешно поговорить. Чувствую, как не хватает той резвости, которая была раньше. Но общаться надо, это последняя радость, что еще отпущена нам.

Крепко обнимаю.

Твой Е. Носов
25 мая 1990

6

Дорогой Саша!

Дорогой друг!

Спасибо за чуткость и теплоту твоей души, за добрые слова, долетевшие до меня сквозь руины и немоту нашего теперешнего бытия.

Я многократ рад твоей весточке уже потому, что она от человека, которого я всегда любил и уважал (теперь уже можно сказать — всю жизнь), а сверх того еще и потому, что ты заметил мой рассказец и душевно, сострадательно отозвался о его событиях.

Это так греет! Ведь ныне писательское дело низведено до полной ненужности, а судьба многих писателей унижительна и печальна. Постоянно, как дамоклов меч, висит над тобой вопрос: а стоит ли писать, кому это нужно? Даже издательства отворачиваются от своих же авторов, небрежительно возвращают рукописи, бравирюя своей нищетой и равнодушием к судьбе собрата. Хороший журнал «Москва», но вот на дворе уже апрель, а из редакции — ни слуха ни духа. Обещали прислать несколько экземпляров январского журнала — молчат. Деньги тоже не шлют. Как-то звонила Шугаева (она в «Москве» работает), извинялась: дескать, какие там деньги, мы платим еще по старым расценкам. Но и по старым расценкам до сих пор ничего нет... Кажется, «Москва» едва дышит, переходит на 6-разовый выход, как и многие другие журналы. Но бог с ними, с деньгами — хотя бы небрежением своим не отгоняли авторов.

Были у меня кое-какие деньжата, подкопил на черный день. День этот настал, а деньги превратились в прах. Так что живу на пенсию, да и то не военную... А чем живешь ты, чем питаешься? Тебе, поди, и того труднее. Небось, приходится где-то служить?

И все равно, несмотря на эту повсеместную поруху, не столько для себя, сколь для нашего замордованного народа я не хочу возврата прежнего бездорожья. Не знаю, как будет, но как было — не хочу больше, не хочу!

Санечка, дружок! Обнимаю тебя и поздравляю с Весной — порой надежд и наших упований.

Твой Женя
5 апреля 1992

7

Милый, дорогой Саня!

Книгу твою получил. Спасибо! Полистав сборник и зная твою жизнь, я увидел в книге выстроенное тобой собственное бытие, где каждая строчка прочувствована и пережита, и получается, что ты одарил меня не просто книжкой, а всей своей жизнью или, вернее сказать, средой обитания твоей души, помноженной на годы. Буду читать. Нет, перебирать по строчкам, ибо это нельзя читать заглотом... Кое-что мне знакомо, особенно из раннего, но много нового из зрелых лет, что особенно интересно для меня как ступени совместного шагания по жизни: я — тут, ты — там. Но ощущение таково, что мы всегда были бок о бок. Саша, я тебя люблю, и навсегда!

Женя

8

Добрейший друг мой Саша!

Конечно, обратил внимание на твой новый адрес и порадовался за тебя: наконец-то Саша Романов обрел новый угол! Где-то в глубине души меня оскорбляло то, что ты жил до того на отшибе, в некоем затенении... Но теперь справедливость восстановлена, и я от души рад и поздравляю тебя с новым адресом. Это что же, где-то неподалеку от Васи Белова? Впрочем, я запомню: Вася ведь тоже сменил адрес! Он у меня где-то записан. А вот адреса Виктора Астафьева у меня нет. У нас с ним вовсе расстроилась переписка, а за это время, говорят, он тоже переехал на новое место. В последний раз, когда я посылал ему открыточку, то пришлось адресовать ее на Васю, с тем чтобы он передал ее Виктору.

Ну, а насчет того, что я вас всех забыл, ты не прав. Ну как же я вас могу забыть? Кого же тогда помнить? Хотел даже рвануть к вам на архангельский секретариат, но вышла какая-то путаница с его сроками, а тут подвалили дела, и я не поехал. А то думал: сяду на самолет и — прямо в Архангельск, к открытию секретариата! Напиши, как все было, а то газеты скупы и официальные. Понял, что было много хороших ребят — и Федор Абрамов, и, наверное, Петя Борисков с Витей Соловьевым, и все вологжане. Завидно даже! Хороший был случай повидаться. А то теперь когда еще представится такая возможность... Как прекрасно сказал Коротаев: «Годы, годы, годики тикают, как ходики...» Потихоньку старимся, тяжелеем на подъем, да и время, житуха наша беспокойная подтачивает здоровье...

Я это лето тоже мотался, занесло меня на Нижнюю Волгу, в холерные края, вернулся в сентябре, думал сесть за работу, но дома не нашел ни покоя, ни уединения... И нет у меня такой глухой деревеньки, где бы можно было укрыться от суеты... Саша, родной! По случаю праздника обнимаю тебя по-братски! Передай ребятам мои поклоны — я их очень и очень люблю!

Женя

9

Дорогой мой Саша!

Спасибо за открыточку. А я вот не сподобился поздравить: сильно заболел. Ну да теперь уже поправляюсь. С превеликой радостью шлю тебе книжку и с еще большей радостью жду тебя в Курске (подробности в письме Астафьеву). Приезжайте, ребята, все! Вот было бы здорово! На этой открытке изображено место, где на Курщине находился в плену Шамиль¹ (кавказский пленник), есть и другие чудные у нас места.

Твой Женя

10

Дорогой Саша!

В День Солдата подниму за тебя чарку: всегда радостно сознавать, что ты есть. Как жизнь и вообще дела? Столько тебя не видел, аж соскучился! За окном славно, солнышко, иней, а синицы уже поют. Скоро весна, и пробуждаются какие-то хмельные надежды... Но лучше друзей в мире ничего больше нет.

Обнимаю, родной.

Женя

11

Дорогой Саша!

Всегда удовольствие вспоминать о тебе, мой милый, добрый и мудрый вологодский Берендей. Особенно теперь, в канун Нового года. Рад тому, что ты где-то есть, и тому, что еще напишется твоим чудесным тонкопевным, душевным, воистину русским пером! Хорошо о тебе сказал Валерка Дементьев в «Москве»: ты умеешь как-то так непостижимо написать о самых, казалось бы, обыденных вещах — если о морозе, то буквально осязаешь на себе его дыхание, слышишь, как стеклянисто повизгивают полозья и как сахарно хрумкает каленый снег под валенками возницы; если о девчонке, то со всей целомудренной нежностью и так, что, читая тебя, самому хочется быть чище, а главное, от твоих стихов хочется жить и жить и творить добро. В них какие-то живительные дрожжи, от них всегда хмельно и радостно. Ах, как хорошо, что ты есть! Ты, конечно, простишь мою сентиментальность... На такие чувства невольно толкает приближение Нового года. Все-таки это не шуточки, когда уходит еще один год и их остается все меньше и меньше... И в такие минуты раздумий всегда тянешься к друзьям и хочется сказать им самое хорошее. А я верю, что ты останешься моим другом навсегда. Такой уж ты человек.

От всей души поздравляю тебя с наступающим, всяческого добра тебе и твоей семье. Всегда ненасытно хочу тебя видеть и говорить, всегда с особым удовольствием пью с тобой застольную чарку.

Обнимаю и кланяюсь.

Твой Женя

А.А. РОМАНОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Милый Женя!

Сажусь наконец-то за письмо. Был все в дорогах. Только что вернулся из Москвы, там в «Огоньке» идет моя поэма. Если не сорвется, то для интереса посмотри № 43 (должен выйти 25–27 окт.).

Письмо твое читали все трое. Оно нас всколыхнуло, будто мы говорили с тобой, как бывало, в добрые времена. Мы, конечно, рады были

бы перерады, если ты стал бы жить где-то около нас. Но ведь в Вологду ты не сможешь поехать. Мне говорил Виктор, что у тебя в Курске прекрасная квартира, что жена твоя ей очень довольна и менять на другое жилье не согласится. Да и то сказать, здесь же — все-таки север, холодно, уют такого нет (впрочем, не знаю, не знаю!.. По мне, так здесь — райский уют: леса, озера, просторы).

Словом, мы-то рады бы тебя перетащить, да ты-то сумеешь ли оторваться от своей средней полосы? Тут решаешь только ты сам.

Виктор (а до этого и я) осенью, месяц назад, был в яшинских местах¹ (от Вологды самолетом — два часа). Там подумывали сделать нечто вроде писательского домика.

Вот если эта задумка осуществится у нас, то первое место — тебе! Приезжай хоть на все лето, живи, рыбачь, пиши, дыши...

Ну, мы сейчас живем так: один приедет — другой уедет. Все лето — в дорогах. Уже, кажется, все устали, всех тянет «на зимние квартиры», к столу. Ан нет — Белов почесал свою керенскую бороду да и махнул опять, теперь уж в Болгарию. Вернется лишь к праздникам. И Астафьев не мог прикипеть к столу: надо было ехать в Пермь: там идет вторым изданием «Кража», редакция и пр.

Но к 7 ноября все будем вместе и потолкуем. Выпьем... «красного вина победы» (рассказ не читал, видел только в объявлении, название понравилось. Как хорошо, Женя, когда рядом друзья по духу, а не по службе. А ты — наш, ты будешь (пусть и мысленно) с нами рядом сидеть. Любим мы тебя, потому и кричим: «Береги себя, крепись, ты дороже их во сто крат!» А в декабре на съезде увидимся.

Обнимаю тебя, дорогой, привет твоему дому.

А. Романов

За Спаса на Нерли — душевное спасибо! Он висит над моим рабочим столом.

23 октября 1969

2

Дорогой Женя!

Каждый из нас много встречает на своем пути людей, а в сердце остаются немногие. Пройдут иные, развеселят или опечалят своей судьбой, и потянешься, бывает, за ними, но вдруг будто кто (Кто?!) подтолкнет тебя в левый бок, остановишься, осмотришься, закуришь, и в дымке этом сигаретном растает, скроется тот, за кем было потянулся... Сердце почуяло что-то не то. Трудно и придирчиво отбирает оно тех, с кем ему легко и хорошо. А мне с тобой всегда было легко и хорошо. Даже празднично. Отчего это? Ну, знаешь... И я знаю.

Спасибо тебе, дорогой, за письмо о моей поэме. Извини, что не сразу отвечаю: на меня навалилась ныне проклятая хворь (дважды болел гриппом), до сих пор не чувствую себя свежим. Понравились мне твои советы по поводу поэмы, прав ты, и я, когда стану писать вторую часть этой вещи (так задумано), непременно использую часть из того, что ты советовал.

И за последнюю открытку спасибо. Вот сегодня ее получил, и опять на душе стало легко и хорошо, будто тебя повидал.

Ну, видимо, скоро и впрямь встретимся: говорят, что съезд будет 24/III. Ведь ты приедешь, конечно?

А пока обнимаю тебя по-братски и желаю здоровья.

Твой А. Романов

«Течет речка...» — понравилось, но «Красное вино победы» — потрясло!

Привет от бородача Белова, а Астафьева нету: в Новосибирск, к академикам, на неделю уехал.

24 февраля 1970

3

Милый Женя!

Обрадовал ты меня весточкой, на душе стало хорошо: дружеская близость — дороже всего в этом суетном мире. Да, добро было бы, если бы ты маханул в Архангельск — там собрались все наши, кроме тебя. Какие это были встречи с Федором Абрамовым, Григорием Коноваловым¹ (поглянулся мне он, до этого лично не знал), Сергеем Залыгиным (вот мудрец!), Егором Исаевым...² да много хорошего народу там было. Этот секретариат был самым лучшим творческим собранием, на каких мне доводилось бывать (включая и съезды СП). Видно, потому так вышло, что наша северная земля — искони расейская, исток истоков национальных — подула всем приехавшим в души суровым ветром истинной жизни, и было неловко, стыдно болтать о разных литературных пустяках. Многие говорили как на духу, о самом наболевшем.

Вот только пресса наша дурацкая все опять кастрировала — не побывав там, а почитав, можно понять, что ничего особенно и не было... Ан нет!

Может, я слишком восторженно сужу, может, это объясняется отчасти тем, что увидел и Абрамова, и Борискова, и Залыгина (познакомился), да тут еще Астафьев, Белов — словом, все в куче оказались. Весело и умно было — надолго запомнится.

А потом ведь все приезжали в Вологду, тут мы новые встречи заворотили. (С банкетом в придачу — да каким! Рты пооткрывал кое-кто...) Конечно, и устали здорово. Теперь, после секретариата и праздников, все разбрелись по домам, за дело взялись, тихо стало.

Я на днях уезжаю опять в деревню. А Белов давно там... У каждого из нас должна быть своя деревня. Без нее пропадешь. Не обязательно в деревне писать о деревне, но обязательно надо подышать деревней, чтобы хоть что-то написать...

И ты, милый Женя, как-нибудь вырвись из суеты. Ты — такой большой (во всех смыслах!) — должен делать свое, большое. Приезжай к нам — найдем избу. Обнимаю крепко, по-братски.

А. Романов

Да, у В. Астафьева адрес такой: Вологда, ул. Урицкого, д. 71, кв. 49. Вспоминаем тебя постоянно — помни об этом.

4 ноября 1970

4

Дорогой Женя!

На мою уставшую душу письма твои — как теплый ветер с родного поля. Вот опять посветлело внутри, лишь получил твою открытку. Да, счастье это — друзья!

...А у нас тут было всего. Умер Николай Рубцов — знал ты, наверно, его. Очень талантливый человек. Мы все будто сами попали в крушение. Так тяжело. И хоть боль вроде поутихла, но я-то чувствую, как она глубока и долга. И писать об этом сейчас не могу — при встрече поговорим.

И кряду еще — отчетно-выборное собрание. Говорят, подавай отчет за два года. На собрание помимо многих других приехал к нам даже зав. сектором ЦК КПСС тов. Беляев¹. Волновался я, конечно, сильно, но ребята меня поддержали. Опять-таки — друзья! И выбрали меня снова отв. секретарем писательской организации. Не знаю, радоваться или печалиться этому — просто устал. А в бюро вошли: В. Астафьев, В. Белов, В. Коротаев², И. Полуянов и я. Ничего себе — бюро.

На собрании Виктор Астафьев сказал такую речь о судьбе всякого настоящего русского писателя (начиная от А.Т. Твардовского³ и кончая нами, грешными), что сквозняк в помещение заходил. Здорово сказал, сильно, откровенно и прекрасно!

Вот так и живем. Сейчас читаем поочередно новый роман (разумеется, в первоначальной рукописи) Василия Белова «Да не погибнет терпенье!» Вещь потрясающая! Белов истинно мудр и велик. Но и об этом — при встрече, а в письме что скажешь? Я на днях уезжаю в Дом творчества — хочется собраться с силами и тоже поработать. Пробуду там до начала апреля.

В Вологде начинает голубеть весна, хотя тепла еще мало.

О тебе, дорогой Женя, часто, так часто, что ты как будто все время вместе с нами, вспоминаем и говорим. Может, соберешься как-нибудь в нашу сторону? На рыбалку хоть, что ли?

Обнимаю, дружище, желаю тебе здоровья прежде всего.

Всегда твой А. Романов

4 марта 1971

5

Дорогой мой, задушевный друг Евгений Иванович!

Крепко обнимаю тебя, солдата, патриота, писателя, одного из самых близких моему сердцу, одного из самых замечательных русских людей, в День Победы! И поднимаю за тебя стакан «красного вина», в котором горечь и слава наша!

Спасибо за письмо и добрые слова. Шлю дружеский привет Пете и всем хорошим, отзывчивым на дружбу курянам.

Всегда твой —

А. Романов

1989

Е.И. НОСОВ — А.П. СОБОЛЕВУ

Дорогой Анатолий!

В канун Великой Победы братски обнимаю солдата, моряка, сердечно поздравляю с славным пятидесятилетием. Хорошо, что, пройдя чудовищное горнило войны, ты остался жив, остался в строю, с друзьями, смог увидеть плоды нашей победы, успел многое сделать сам. Миллионы мальчишек учатся по твоим книгам мужеству, честности, справедливости, которые ты пронес в самом себе как солдат и писатель. Верь, что друзья рядом с тобой даже через расстояния. Крепись, будь молод всегда.

Твой Носов

А.П. СОБОЛЕВ — Е.И. НОСОВУ

1

Дорогой мой!

Только что прочитал «Затмение луны», пришел в восторг и пишу вот тебе писульку. Отличный язык у тебя, старик, отличный стиль! Я почему-то сейчас вспомнил Витю Астафьева с его богатым языком и сравнил с твоим. И знаешь, поразился! Ты бьешь точнее, и это потому, что у тебя отточена каждая фраза, стилистически ты сильнее Витьки. Он весь свой запас слов-изумрудов вываливает в каждом рассказе на стол, в кучу, и разбирайся сам. Глаза разбегаются и не можешь выхватить главное словцо, которое заиграло бы в руках лучше всех других. А ты как раз преподносишь в каждой фразе, вышелушиваешь это главное словцо, и фраза бьет прямо под дых. Молодец! Очень рад за тебя, очень! Получил истинное наслаждение, тем более что сам очень люблю покос с детства. В «Грозовой степи» у меня тоже есть покос, почти для сравнения. Мне бы очень хотелось знать твое мнение.

Пьесу я наконец добил, и сейчас она идет премьерой. Будешь в Москве, я тебя свожу посмотреть. Когда будешь?

Витю Астафьева видел в Кемерове на совещании в июле. Он со своей «Кражей» разделался наконец, в «Сибирских огнях» идет вот-вот.

Роман свой добил. В октябре начинаю работать с редактором здесь.

Да! Рисунки твои — прелесть! Я сначала не обратил внимания, чьи они, и думал: вот молодец художник, как здорово схватил! Пляжу, а это ты! Ну молодчина, ну и молодчина!

Я журнал от твоего имени подписал и подарил Нине Аверьяновне. Не обессудь! Уж очень она хотела прочитать.

Ну будь здоров.

Да! Стоп!

В одном ты, на мой взгляд, промахнулся в своей повести. Это — когда сделал жену Чепурина этакой мещанкой, не подругой жизни его. Читателю ее не жалко, бросит и бросит ее Чепурин, черт с ней! А вот если бы она была тоже хорошей женщиной... тут бы конфликт был посыл-

нее да и поправдивее. Возьми вон Аксиныю, Наталью и Григория Мелехова¹. Кто из них плохой? Все отличные, и смотри, какие судьбы! Дело твое, конечно, но для книги я бы переделал эту мешчанку в хорошую бабу, конфликт был бы посильней.

Ну ладно. Все.

Приедешь в Москву, заходи. Рад буду обнять тебя, рыжего!

Обнимаю.

Анатолий

2

Дорогой Женя!

Был я на совещании военных графоманов и узнал, что ты болен.

...На совещании-то были все полковники и генералы, говорили всякие речи, по бумажке, конечно. Поехал я туда не для того, конечно, чтобы слушать благозвучный звон, а по своим собственным делам издательским, кои находятся в разной стадии — и в хорошей, и в плохой.

После «Ухи на Боганиде» заехал я к Василию Быкову в Гродно, давно уже звал он, да все как-то не с руки было. Побыл у него несколько дней. Говорил он о тебе очень хорошо, искренне и все высказывал желание, чтобы ты приехал или к нему или ко мне, а он бы тогда сразу подскочил бы в Калининград. Я вот теперь и думаю: а что, если и правда! Подъехал бы ты ко мне, когда потеплее будет, посмотрел бы тут кое-что, с Василем бы встретился да и места, где воевал, еще бы глазом окинул...

Видел Володю Сапожникова, он говорил, что считает тебя выдающимся рассказчиком, что есть у тебя рассказы-шедевры, не хуже бунинских.

...Ну, вот, вернулся домой и опять начинаю лечиться. Вчера пришел из ГДР «Тихий пост» на немецком. Это юбилейная — десятая книга на другом языке. Даже самому странно. Я ведь все считаю себя деревенским мальчишкой с далекого Алтая, и все кажется, вот-вот скажут: «Эй, ты, а ну марш обратно в деревню! Не в свои сани сел, быдло!»

А куда бы уехать отсюда? Господи, какая чужая земля тут!

Ну, не хворай, Женя! Сапожников-то прав, когда сказал, что ты гордость русской литературы, ты в десятке лучших.

Обнимаю тебя, дорогой. Привет от Гали. Я ей сказал, что если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Если ты не приедешь к нам, то мы к тебе весной приедем, Курщину посмотреть.

Обнимаю.

Анатолий

А еще просьба нижайшая — пришли «Шлемоносцев», вычитал я, что вышли они у тебя где-то в Воронеже, что ли. У меня ведь твоя книга всего одна, еще в Сибирь прислал «Где просыпается солнце?». Будь другом — пришли.

13 декабря 1977

3

Дорогой Женя!

Ну, сколько тебе! Всего-то 53!

Разве это годы! Ты в самый сок вошел для литературы. И дай-то Бог тебе здоровья и душевной неуспокоенности! Так хочется, чтобы ты был в силе своего таланта и еще не раз бы порадовал всех нас своими книгами!

За «Шлемоносцев» спасибо с поклоном!

Я тут недавно натолкнулся на сборник рассказов 62-го года и вдруг обнаружил в нем неизвестный мне твой рассказ «Тысяча верст». Он меня поразил. Так войну еще никто, по-моему, не показывал. И как я пожалел, что он тобою уже написан. Вот если бы ты за него взялся сейчас — это была бы вещь! Ах какую бы вещь ты сделал!

Так вот, дорогой, будь здоров! Будь, если можешь, счастлив! Будь! Будь! Будь!

Ну а я вот уже месяц опять на уколах и иголках. Собираемся с Галей в Дубулты. Закончить надо повестушку. И ей тоже малость надо почиркать, она давно уже пишет книжку, да все никак дописать не может. Под Новый год мне сделали подарок, уведомили, что переводят «Прозовую степь» на алтайский язык. Пожалуй, это самый дорогой для меня подарок. Все же родина! Собираюсь летом махнуть туда, не был уж лет 15.

Галя тебе передает привет и всяческие пожелания по случаю твоего дня рождения!

Обнимаю.

Анатолий
12 января 1978

4

Дорогой Женя!

Дошел слух, что болеешь. Что ж так, парень? Ты уж как-нибудь там держись. Хотя, конечно, как держаться, если заболеешь. Жаль, очень жаль, что тебе нездоровится. Как бы так сделать, чтобы ты не хворал? По случаю Дня Советской армии прими от меня, солдат, матросские поздравления и всяческие пожелания добрые.

А мы тут кропаем помаленьку. В прошлый раз вчерне набросал повестушку и вот теперь, через год, думаю ее закончить. Дай-то бог! Не очень веселая история будет. Провоевал всю войну, а ни одной медали даже не получил, таков мой герой. Кому-то ордена Победы, а он, инвалид на всю жизнь, — домой поехал, дальше горе мыкать.

Когда закончу, думаю в ваш журнал предложить, хотя, может, опять ничего не получится, как и с повестью про спасателей.

Поправляйся, Женя.

Обнимаю тебя.

Анатолий

Привет от Гали!

Привет Сальникову!

20 февраля 1978
Дубулты

5

Дорогой Женя!

Душевное спасибо за твою оперативность — это, по сути дела, одно из проявлений товарищества и вежливости. Знаешь, что меня больше всего поразило в твоём письме и твоих замечаниях на полях рукописи? Уважение к автору. Я уже настолько привык к издевательскому тону редакторских замечаний, что простая человеческая вежливость к автору — поражает. И особенно таким неуважительным тоном отличается «Наш современник». С этой рукописью еще по-божески обошлись, а вот с предыдущей!.. На полях были «Фу-у...», «Ах!», «О чем думает автор?» и т. д., и т. д. А «Молодая гвардия» присудила премию за «Штормовой пеленг». Пять раз пробовал я попасть в «Наш современник»! И каждый раз отворот, но потом я печатался в других журналах и получал одобрение прессы. Теперь я, конечно, не ходок туда.

Прочитал повесть и Василь Быков. Сказал, что такого о войне еще никто не писал. Я, конечно, не отношу это за счет какого-то особого своего дарования, а просто об этом может написать только водолаз. Василь предлагает отсечь пролог и ужать эпилог. Сказал, что не понимает, почему «Наш современник» не взял эту повесть. И сказал об этом крепкими словами.

Все твои замечания, дорогой друг, я внимательно прочитал и продумал. И ты, конечно, во многом прав, очень прав.

Что-то надо делать с Любой, но что именно — пока не знаю. Вот лягу в больницу, подумаю. Может, ее «задействовать» с госпиталя? Пусть там будет какой-нибудь нянечкой. Упускать возможность дать еще один образ русской женщины, конечно, нельзя. Ты прав.

Сцена со «сватовством». Да, это наиболее уязвимая сцена. Я и сам за нее боялся. Но голоса, как говорится, разделились. Быков не видит в ней ничего пошлого, Галя, как женщина, тоже. Сам же я на твоей стороне. Буду думать, что делать. А если «задействовать» Любу уже в госпитале, то и эту сцену можно сохранить. А начинать, видимо, все же надо с торпеды. Это же, в общем-то, обычная водолазная работа, но и она приводит в госпиталь. А вот второй раз, уже окончательно, его угробило негодяйство офицера Пинчука, пославшего его в воду. Хотя он мог да и должен был идти в воду сам. И не случайно потом появляются подполковник-военком и молоденький лейтенантик на Дне Победы — это все продолжение равнодушия к человеку, которое может и убить.

Женя, земной поклон тебе за дружескую помощь!

Мой приезд в Курск был какой-то нелепый и куцый. Толком-то и не поговорили. Я даже не знаю, над чем ты сейчас работаешь, и сам тебе не сказал, что заканчиваю (теперь уже закончил) повесть «Пятьсот-веселый». Послал ее в «Молодую гвардию», но не уверен, что возьмут. Не очень веселая повесть, хотя и о «пятьсот-веселом». В 43-м году пришлось мне везти умирающего матроса в теплушке. Вез двое суток, в стужу, без еды, без дров, один. Сам обморозился, а уж что было с ним!.. Но спас. Правда, в благодарность посадили на «губу». За то, что спалил в «буржуйке» казенный сундук. В 1960 году встретил этого человека на вокзале в Челябинске, узнал его по шраму. А еще через семнадцать лет решил написать повесть. И вот закончил.

Еще раз спасибо тебе за все. Галя передает тебе сердечный привет.

Как бы так сделать, чтобы ты не хворал!
Привет ребятам — Володе и Мише, особый — Пете. Я ему напишу письмо, а ребятам пришлю книжки, как обещал.
Иду в больницу. Сердце опять отказывает.
Всего тебе доброго, Женя! Не хворай.
Обнимаю.

Твой Анатолий
29 января 1979

6

Дорогой Женя!

Выскочил я из больницы и второй день пользуюсь свободой. Малость приду в себя и примусь за работу над «Наградой». Мне не очень верится, что «Наш современник» будет благожелателен, найдут причины опять отказать. Получил письмо от Вити Астафьева, он пишет, что все стали трусами и боятся рисковать печатать шершавые вещи, а без риска какая может быть литература!

Ко мне в больницу вдруг пришел мой выдуманный герой из «Трех Иванов», Одноухий. Спрашивал, какова судьба его товарищей. И впрямь мистика. И он — одноухий действительно, и действительно четыре года пробедовал по концлагерям, и бежал со Стариком и Синеглазым, и поймали их, но только не расстреляли, как у меня. Спрашивал, откуда я знаю его биографию. Совпадение поразительное. Я даже сам был ошеломлен. Пришлось человека разочаровать — не о нем написано. Ушел, так и не до конца поверив моим словам, уж очень схожи даже незначительные детали биографии. А я все выпытывал его — не наврал ли я про весеннюю Германию 45-го. Нет, говорит, все точно. Все так и было, потому он и уверился в достоверности написанного. Ушел он, а я подумал — вот и получил невзначай награду, может быть, самую высокую.

Шлю тебе фото. Это в тот день, когда мы с В. Быковым послали тебе телеграмму, поздравляя тебя с днем рождения.

Обнимаю тебя, дорогой друг. Не хворай.

Поклон Пете Сальникову. Привет ребятам.

Твой Толя
9 марта 1979

7

Дорогой Женя!

С днем рождения тебя, хотя теперь уж эти поздравления и не приносят радости, ибо отпущенное судьбой время сокращается с молниеносной быстротой, но все равно — с Днем рождения! И пусть новый год твой будет удачен и плодотворен! Даст Бог, может, преодолеешь застой и начнешь писать, как всегда прекрасно и на радость всем нам. Очень хочется, чтобы ты вернул себе спортивную форму и выдал что-нибудь удивительно цельное и замечательное.

Когда я перечитываю тебя, а делаю я это довольно часто, меня охватывает чувство радостного недоумения: «Неужели я знаю этого человека? Неужели это Женя, с которым я могу посидеть, выпить рюмку или просто помолчать? До того прекрасен твой язык, что, мысленно перебирая имена

литераторов, я не могу найти, кто бы мог встать рядом с тобою. В этом поколении ты как бы Бунин наших дней... Дай-то Бог тебе здоровья и сил!

Порою, когда встречаешься где-то на совещаниях и пленумах, мне хочется взять тебя за руку, как это делают маленькие дети, и просто поддержать, почувствовать твою уверенную и добрую силу и самому стать увереннее и добрее. В тебе есть та природная интеллигентность, которая свойственна людям русским, выходящим из народа, та природная честность и духовная сила, которые всегда были присущи большим русским писателям, есть то содержание и не показное обаяние, которые приобретаются не посещением салонов, а даются самой природой; есть та доброта и отзывчивость и в то же время беспощадная и бескомпромиссная прямота, которая может быть только у человека, который и сам к себе относится без всяких скидок.

Все это я пишу для того, чтобы еще раз сказать, что я люблю тебя, но и сказать, что для меня (да и не только для меня) ты являешься эталоном нынешнего русского писателя и человека. И дай Бог всегда оставаться тебе таким!..

Обнимаю тебя и целую.

А. Соболев
6 января 1980
Дубулты

8

Дорогой Женя!

Пусть день твоего рождения будет все же радостным, несмотря на цифру не столь уж малую! Черт с ними, с цифрами! Все же немного еще есть впереди времени, и можно его с толком использовать. Ты бы, Женя, поднатужился и закончил бы «Два сольди» или «За два сольди» — я не знаю точно названия. Или что-нибудь другое — носовское, а? Я тут два дня назад наблюдал сценку в книжном магазине — спор из-за единственного экземпляра «Усвятских шлемоносцев» («Молодая гвардия»). Стоял и наслаждался, а два мужика тянули книжку каждый себе. Хотелось подойти и сказать: «Эй, мужики, а я лично знаю Носова. И он меня. Вот!» Поразевали бы рты...

Женя, ты там не хворай, ладно? Поберег бы ты себя да накачал бы что-нибудь носовское. А?

Обнимаю тебя и желаю здоровья и всяческого благополучия.

Галя кланяется.

Целую.

Анатолий
7 апреля 1981

9

Дорогой Женя!

Я так давно тебя не видел! Думал, увижусь на пленуме, но в такой толкучке, да еще среди киношных звезд, — где там! А потом сидел и заполнял бумаги на премию. Это ж надо! Секретарит СП РСФСР выдвинул «Награде не подлежит» на Государственную премию СССР за 83 г.! Ю. Бондарев¹ предложил. Я ему написал письмо, сказал, что раз уж Е. Носову не дали, то кто же даст ее мне?! И если можно, замените мою кандидату-

ру Носовым. Дело это для меня совершенно бесполезное, но бумаги пришлось заполнить. А вечером уехал в Дубулты, чтобы зря не терять дней. Мы здесь с Галей 3 месяца. Она раздалась с версткой своей книги, а я пытаюсь «добить» книгу об океане, и чем ближе подходит работа к концу, тем виднее, что никто эту книгу печатать не будет — ни журналы, ни издательства. Но надо написать. Хоть перед собою быть честным и выполнить долг перед моряками, что мне наказали это сделать. А там — хоть в стол. Скорее всего, именно — в стол.

Будем мы здесь до 25 декабря, а там, наверное, придется ложиться в больницу, позавчера был опять сердечный приступ. Летом собираюсь поехать в Иркутск, где, говорят, есть доктор-колдун, выгоняет драгоценные камни из желчного пузыря без ножа, травками. Витю на пленуме тоже не видел, хотя мне говорили, что он там был.

Женя, ты как там? Как здоровье-то? И душа? Мне так что-то худо очень, на белый свет глядеть не хочется. Тягостно. Душа не на месте. Может, болезнь, может, еще что...

Посмотрел на московских ребят, все сытые, все суетятся, чего-то хотят, друг на друга нашептывают, и так тяжело стало, что в тот же день и уехал.

Теперь вот хожу тут по пустынному пляжу, и на душе холодно. В бане только и отогреваюсь. Попарюсь с мужиками, анекдоты послушаю, байки, шутки — отлеagnet, отмякнет малость.

Женя, с Новым годом тебя! И всяких тебе благ, удач и здоровья.

Привет и поклон ребятам, Пете Сальникову — особый.

Обнимаю тебя, дорогой.

Анатолий
17 декабря 1982

10

Дорогой Женя!

Написал «дорогой Женя» и подумал, что сказать человеку, которого давно и преданно люблю, одному из лучших, а может быть и самому лучшему, «деревенщику», человеку не очень счастливому и не очень здоровому, но такому родному, такому честному и в литературе, и в жизни, что если надо «делать жизнь с кого-то», то, может быть, с него и делать!

Дорогой Женя! Вот тебе и 58! Многовато, конечно, но все же не 68. Верно? Да и 68 не предел. А главное, ты еще напишешь прекрасные книги (я в этом уверен, несмотря на твое молчание) и мне и другим твоим поклонникам принесешь еще немало радости. Главное, чтобы был ты здоров теперь.

Дорогой Женя! Поздравляю тебя с этим днем и выпью рюмку за твое здоровье! Давно уже я тебя не видел, какой ты там стал?

Ну а я просидел три месяца в Дубултах, думал «добить» рукопись, не получилось, и вот еще на месяц забрался в деревню, но уже вижу, что и этого времени не хватит. И давно пора ложиться в больницу. Так что месяц-то отработаю, а там — лягу.

Привет, поклон и поздравления тебе от Гали!

Привет всем ребятам!

Обнимаю тебя и желаю всего самого наилучшего!

Анатолий
8 января 1983

11

Дорогой Женя!

Отвечаю с большим опозданием. То был в Москве на VIII Всесоюзном совещании молодых, не заезжая домой — в деревню. Теперь сижу на чердаке, гляжу в старый яблоневый сад, заросший крапивой и лопухами, и читаю письма, что оптом переслали мне сюда. Вороны орут вместо соловьиного пения, дождь идет, но — тишина-а... И на сердце спокойно. Забрался сюда на весь июль. Делаю журнальный вариант для «Нового мира». Зав. отделом прозы берет, а как там будет выше — не знаю. По всем правилам должны завернуть. У меня еще ни разу не было, чтобы взяли сразу. Всегда тыкаюсь по журналам. Ну, а Викулов мне давал отбой шесть раз. Что бы ни предложил — отказ. Может, и Карлин виноват, может, Васильев, но мне от этого не легче. А потом подходит (Викулов) и говорит: «Меня из-за тебя Бондарев ругал». Мне и от этого не легче. Потому и пошел в «Новый мир» сейчас, хотя всегда сначала нес в «Наш современник». Впрочем, еще могу прийти. Вряд ли Карпов¹ возьмет про то, что мы делаем в океане. Вообще, чую, мне с этими «Якорями» придется помытариться. Уже сказали убрать весь 37-й год. Правда, сказали по-хорошему, предупредили: цензура все равно не пропустит.

Говорят, что мы — свободные писатели, а сказать правду не дают. Сознательно, преступно замалчивается история народа. Кто этого боится? Прошло столько лет, а все боятся, кто-то непрочно себя чувствует.

Был в Москве, мне сказали, что Витя лежит в больнице в Красноярске и юбилей не отмечал. Отек желудка. Что это такое — не знаю, но лежит, говорят, тяжело. Впрочем, теперь все в норме. Было это в середине мая. Видел в «Москве» Васю Белова, жаловался, что Виктор в Вологде не зашел к нему. Передавал приглашение через Марью, но Витя не зашел. Вот тоже не понимаю этого. Ну разъехались уже из одной берлоги, чего делить-то? Чего дуться? Жизнь так коротка и уже у всех у нас на излете...

Как там Петя? Полегчало ли ему? У меня тут камни играют в желчном пузыре. Сижу на диете. Надоело. Теперь то сердце, то камни. Обрастаем наследством.

Сижу вот, ворона орет. Может, кроет меня по матушке?..

Люблю я в деревне сидеть. Но все как-то по чужим, до своей не доберусь. Далече от Алтая заехал. Собираюсь в июле там побывать: и на шукшинских чтениях, и полечиться — заказал путевку. Едем вместе с Галей, у обоих радикулит.

Жень, я тебе писал — нет: я ведь в Италии в апреле побывал. Сказка! Какие шедевры! Вот теперь поглядел «живьем», понял что такое Микеланджело, Рафаэль и Леонардо. Вернее, не понял, а оглушило меня. Понять-то до конца жизни не поймешь.

Нет, ворона всерьез что-то орет, накаркает беду. Я суеверным стал. Жень, ты там не хворай, ладно? И пусть минуют тебя все печали! Василию Быкову 19 июля — 60! Ты ему писульку черкни. Ему будет приятно. Привет тебе от Гали.

Обнимаю.

Твой Анатолий
1 июля 1984

12

Дорогой Женя!

Пишу тебе «из глубины сибирских руд», из мест шукшинских и родных. Лечусь тут в Белокурихе радоном, вместе с Галей. Были сначала на Шукшинских чтениях, потом в свое село, а теперь вот на курорте. Здесь и Валентин Распутин. Лазали с ним по горам, показывал я ему свою родину, хвастал, как всякий кулик. И вправду, с гор такая даль на степь открывается, что дух захватывает.

На чтениях хорошую речь сказал Валентин. Начальство морщилось и в книжечки свои что-то записывало. Уж зачем — не знаю.

Женя, вот бы тебе в Сростки приехать, поглядеть на тысячи народу в день рождения Шукшина на горе Пикет. Я уже в пятый раз приезжаю. Правда, тут особь статья — на родину еду.

Тут местное краевое начальство-то постановило проводить эти чтения раз в 5 лет, но вовремя сообразило, что сие от него не зависит. Народ-то сам едет, его никто не сгоняет, как на демонстрацию. И начальство сделало хорошую мину — мол, их это заслуга, вот как уважили память Шукшина, хотя при жизни-то как раз они и клевали его. Вот какие «печки-лавочки» происходят.

Хотел было тут поработать малость, да куда там! Процедуры всякие, и как-то настроя нет. И дожди пошли. Ну, прям угнетающе. Сроду такого лета не помню, обычно тут лето звонкое, веселое. Думал, на родном солнышке отогреюсь от Прибалтики да Белоруссии, ан нет.

Как ты там, Женя! Как Петя? Как у него ноги-то? Ты черкни пару слов на Калининград. Через полмесяца я буду там. Ну, будь здоров! Привет от Гали. Обнимаю.

Твой Анатолий
3 августа 1984

13

Дорогой Женя!

Собирался к тебе на 60-летие, да вот попал в больницу. И теперь надолго. Сначала, в декабре, заболел гриппом, а потом осложнение. Опять сердце. Это самый слабый мой орган...

Дорогой Женя, ты один из самых любимых моих товарищей и писателей, а может — и самый. Все как-то меняются со временем, а ты остаешься все тем же — добрым, простым, незаносчивым человеком. А в наше время это — подвиг. Все чего-то хотят, чего-то повыше, а ты спокойно идешь своей прекрасной дорогой в литературе, не суетишься, не возвеличиваешь сам себя — потому и велик, и прекрасен.

Ты давно знаешь, что я люблю тебя, верен тебе, — и сейчас еще раз говорю тебе об этом. Дай-то бог тебе здоровья, сил и уверенности в своем таланте, чтобы написать новые прекрасные книги.

Обнимаю тебя, дорогой мой!

С любовью.

Анатолий

Палата № 14. Слава богу, что не № 6...

P. S. Привет всем ребятам, и Пете Сальникову особый.

3 января 1985

14

Дорогой Женя!

Только что внучка моя Даша прочитала твою книжку «Живое пламя». «Малышовское» издание. Смеялась, плакала, переживала и за белого гуся, и за зимородка. А я ей хвастал, что хорошо знаю дядю Женю, показывал фотографии, где мы вместе. И она меня зауважала. Вот видишь, как твоя слава благотворно действует и на меня.

Дорогой Женя! Как ты там? Я после Пензы все прихварываю. Не могу ходить. Пройду 100 м, и в груди адская боль возникает, останавливаюсь, вытаскиваю валидол. И всякие мысли приходят по этому поводу. Теперь, правда, немного полегчало. Съел тонну таблеток, стал понемногу ходить. Дотянуть бы до 60! Получить бы 2-томник. Обещают к юбилею. Для меня это, конечно, последняя радость. В том смысле, что больше таких изданий не будет. Это-то 10 лет ждал.

Женя, передай поклон Пете Сальникову и всем ребятам вокруг тебя. Обнимаю тебя, дорогой мой, желаю здоровья, счастья! Живи, солдат!

Твой навеки.

Толя
30 июля 1985

15

Дорогой Женя!

Как ты жив-здоров-то? Я вот уже «добиваю» месяц в больнице. Сердце. Собираюсь ехать в Дубулты, хочу там закончить новую повестушку про штрафника. Давно задумал, давно пописываю, а все до ума довести не могу.

Ну, а с «Якорями не бросать» такая история. 11 лет писал, а вот уже 3-й год не могу опубликовать. «Новый мир» отказал потому, что идем мы к XXVII съезду, а тут о варварском отношении к океану книга. Пошел в «Октябрь». «Октябрь» заслал рукопись на рецензию в Министерство рыбного хозяйства и в Комитет по охране природы. Министерство прислало разгневанно-разгромную рецензию. Комитет помогал, но обиделся, что его «деятельность» не освещена. Вот такие рецензии. В «Октябре», конечно, заколебались, но все же думают давать журнальный вариант. В начале ноября у меня с ними встреча. Чем уж кончится — не знаю.

Женя, ты-то как? Как здоровье твое? Что делаешь? Ты не хворай, главное.

Всего тебе самого-самого.
Обнимаю.

Твой Анатолий
17 октября 1985

16

Дорогой Женя!

С Новым!

Этот еж (рисунок на открытке. — Сост.), конечно, не «огненный тигр» и потому везет тебе подарки — здоровье, удачи, новые книги, счастье, любовь хороших друзей. Да будет так!

Сегодня с Галей уезжаем из Дубултов, и, видимо, мне опять ложиться в больницу — врачи настаивают на операции на сердце, а мне бы хотелось справить юбилей в мае, а тогда уж... Ходить не могу, через 20 шагов останавливаюсь от дикой боли в груди. Вроде смолоду привык к ней (кессонка — дикая боль), а вот все же...

В суете съезда так и не поговорили. На меня там режиссер навалился, да еще верстка из «Октября». Идет книга во 2-м и 3-м номерах (сокращенный вариант), ибо Минрыбхоз объявил ее «вредной, и печатать нельзя». Цензура еще не смотрела. Может, совсем зарубят.

Женя, дорогой, будь здоров! Живи!

Обнимаю.

Твой Толя

Привет и поклон ребятам, Пете — особый.

Декабрь 1985

17

Дорогой мой Женя!

С днем рождения. Прими мой больничный привет с твоим 61-м годом. Пусть эта цифра все увеличивается и увеличивается. Пусть здоровье твое будет хорошим, на душе покой, пусть в доме будет мир и пусть твое перо вновь обретет силу и уверенность. Очень хочется, чтобы ты вновь писал и писал.

Женя, я люблю тебя, искренне уважаю и преклоняюсь перед твоим талантом и человечностью, хочу, чтобы все у тебя было хорошо и чтобы день своего 61-летия ты справил среди верных друзей.

Обнимаю.

Анатолий

P. S. В третий раз лежу за год в больнице с сердечным приступом. Снаряды ложатся всё ближе...

Январь 1986

Е.И. НОСОВ — Л.Ф. КОНОРЕВУ

1

Дорогой Лев Федорович!

Ну, во-первых, хочу тебя порадовать тем, что попалась мне в 4-й книжке «Москвы» рецензия Петелина¹, где он хвалит тебя, и не только хвалит, но даже противопоставляет Курчаткину², который, как известно, ходит в московских корифеях среди сорокалетних. Впрочем, ты, наверное, уже знаком с этой рецензией, кто-нибудь да донес тебе о ней.

Все же прочее у нас — по-прежнему: жизнь бежит своим чередом, помаленьку старимся, хотя мы этого, каждый день видя друг друга, не замечаем... Впрочем, иногда Миша Еськов вдруг покажет-

ся таким старым, особенно после рыбалки, усталости, что невольно подумаешь, что-де, если Миша таков, каков же ты сам?..

Да еще Петр Сальников попал в больницу. Весь последний год он жаловался на ноги, выяснилось, что у него полностью запечаталась артерия в правой ноге, в перспективе грозит гангрена или же операция с вживлением искусственных трубок, которые более двух лет не держатся, организм отторгает их, и тогда делают новую операцию. И так до конца, пока жив. Но пока его положили с применением барокамеры в надежде, что за счет искусственного нагнетания кислорода ткани освежатся, насытятся, удалятся всякие шлаки, и тем самым необходимость операции будет отодвинута на неопределенное время. Лежит он в Орле.

Ну, а мои дела все еще плохи, не могу работать, чувствую сильную утомляемость, и для меня написать письмо — целый подвиг, не говоря уже о литературном сидении за столом: писать серьезно я все еще пока не могу.. Пока ли?..

Недавно были у меня московские телевизионщики, они готовят передачу в рубрику «Родом из детства». Я возил их в Беседино, на твой земляной курган. Они поснимали с него дальние планы, твою Карасевку, стада, речку Рать. Так что последи за программой и в результате ты, возможно, будешь вознагражден, что увидишь (в цвете) свои родные места. А это было действительно красиво: начало мая, цвели по лесам груши, в том числе одна дикарка у подножья кургана, и буквально все вокруг желтело, золотилось от одуванчиков...

Да, чужбина, марийская ойкумена... Я понимаю тебя, твои чувства и думы. А все ж и это — Россия! А бывает хуже. Вот зашлют тебя за рубеж, там все и вовсе чуждое, не только небо и земля, но и язык, и еда, и вода... А пока и грязь такая же, как везде, и мат, и все прочее — нашенское, российское. Так что жить можно, я думаю...

У нас весь май напролет не было дождей, земля иссохла, весь город на буераках, тревожно и нервозно. Планы по молоку и мясу завалили, начальство злое, одно совещание следует за другим. С годами накопилась какая-то усталость и у земли, и у людей. Нужно что-то радикальное, чтобы выйти из этого цейтнота. Деньги уже не помогут, техника тоже. Какая техника, если некому работать на земле...

Обнимаю и шлю приветы.

Е. Носов
6 ноября 1977

2

Дорогой Лева!

Спасибо за отклик на «Шлемоносцев», за доброжелательное сопереживание у экрана. Между прочим, мы тут у себя, в курском театре, тоже поставили спектакль, свой, самостоятельный, и наш

получился лучше. Мы сделали его не чисто традиционным драматическим действием, как ты видел на экране, а оторвали его от подмостков, приподняли на крыльях заостренной символики, и он воспарил вдохновенно и опозитизированно. У нас много музыки, использовали хоровое сопровождение и даже есть хореографические элементы. Получилось красиво и символично. Наш спектакль пользуется здесь большим успехом и стал фирменным, то есть тем спектаклем, с которым курский театр предполагает гастролировать по стране. Впрочем, об этом уже в минувшую пятницу писала «Литературная Россия». Хотя из газет все же трудно себе представить сам спектакль, и лучше его увидеть, нежели о нем читать.

Но, несмотря на талантливую постановку молодого режиссера В. Гришко, его сразу же убрали с должности главного режиссера, сразу же после премьеры. Оказывается, обком и отдел культуры уже давно тайно, закулисно искали нового режиссера, и никто об этом в театре не знал. А дело в том, что в Курске построили новый театр и к его открытию (в сентябре) давно уже присматривали нового режиссера. Потому что Гришко — молодой и беспартийный. И плевать, что он — талантливый. Взяли какого-то ничем не примечательного режиссера из Орла, который там был на вторых ролях. Я ходил в обком, писал Гудкову, но ничего не помогло, эта железная машина неумолима. Все это типично для Курска: здесь боятся выдвигать молодых. Так обошлись с тобой, так было и с Володией Детковым¹. И вот что парадоксально: как только Гришко оказался не у дел, Министерство культуры сразу предложило ему на выбор ряд крупных театров: Смоленск, Красноярск, Кемерово. Все эти города гораздо весомее Курска, и Гришко улетел в Кемерово, пока посмотреть новое место назначения. А самое прискорбное то, что «Шлемоносцы», еще не родившись, остались бесхозным спектаклем и он обречен на демонтаж и увядание. Все это грустно. Ужасно не везет Курску в смысле культуры. Правит ею народ тяжелый и непросвещенный.

У нас уже весна, но зиму пережили трудную, бескормную. Да и весна ничего хорошего не сулит: опять вербовки в колхозы на сев, потом на прополку и т. д. И конца этому не видно, и нет выхода. Все злые, и особенно само начальство: не разговаривает, а рыкает. Какая уж тут культура!

Ребята живут без особых новостей. Детков уехал на курорт, Миша пишет какой-то рассказец, Петр отлежал месяц в больнице с ногами. Я тоже все еще хвораю, не могу работать, занимаюсь всякой ерундой — словом, живем ни шатко ни валко. Будет okazия — заезжай в Курск, пора повидаться, поговорить.

Твой Е. Носов
9 июня 1982

Л.Ф. КОНОРЕВ — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Евгений Иванович!

Посылаю Вам несколько наших газет-«Молодаек», посвященных присуждению Государственной премии РСФСР. От души поздравляю Вас с этим высоким и давно заслуженным званием! Как и все куряне, горжусь, что живу на одной с Вами земле.

На газете — 25 декабря, то есть день, когда официально ни в одной газете о лауреатах ничего не было. Мы сверстали номер, а телетайпы молчат. Я позвонил Колосову 24-го, и он мне зачитал текст полученного постановления Совмина РСФСР. Я обрадовался несказанно и дал команду — готовить номер с лауреатами. Но вот уже 21 час, а телетайп перестал работать. Как быть? Давать или не давать? И решился, будь что будет — дам, ведь подписал же Соломенцев постановление!

Утром 25-го газета вышла, а в официальной печати — ни строчки. Весь день сидел как на углях. Вот-вот, думаю, позвонят, какое, мол, право имел? Но никто из обкома не позвонил. Оказалось, что они выяснили о моем звонке Колосову и не стали меня тревожить. Я немного... упредил событие, а теперь во всех газетах напечатано. Кстати, «Курская правда» 26-го не выходила и сообщение дала бы только 27-го. Так что мы — первые! В нашем СП — семинар молодых, послали Вам от всех участников телеграмму. Все мы тут ходим именинниками, такое событие для области случилось ведь впервые за ее советскую историю.

От Миши Еськова Вам низкий поклон и всяческие поздравления.

До скорого свидания.

Искренне —

Лева Конорев
26 декабря 1975

Е.И. НОСОВ — В.И. ЮРОВСКИХ

1

Дорогой Василий!

Спасибо за горячий дружеский отклик, за добрые слова участия. У русской литературы всегда были хулители. Тургенева, к примеру, терзали за слово «зеленя», добивались, чтобы он писал грамотно: «озимые посевы»... Но о таких критиканах уже кем-то метко сказано: «Летит журавль, на нем — блоха...»

Всегда радостно сознавать, что у тебя есть друзья, о которых порой и не подозреваешь. Сердечно поздравляю с наступающим Новым годом и шлю по этому случаю мои самые искренние пожелания здоровья и добра.

Спасибо.

Е. Носов

2

Дорогой мой Вася!

С Новым годом тебя, с Новым годом, добра и здоровья! Не сердись на меня, что не писал: много работы, писал повесть и наконец закончил. А то было — ни дня, ни ночи не видел. Гляну в окно — а там уже лето, гляну, а там — осень... Только месяцы мелькали. Ваня передал все твои гостинцы, спасибо, милый. Ели их в Москве всей братией и еще домой привез. Жена настояла целую кастрюлю чаги, вот сижу пью и за свое, и за твое здоровье. Очень рад был познакомиться с Ваней Яганом — какой расчудесный парень! Передай ему мой поклон. А тебя я люблю и буду любить всегда, пока жив.

Твой Носов

3

Дорогой Василий!

Нежно тебя люблю и поздравляю с Новым годом, в котором сердечно желаю новых творческих взлетов и хороших книг!

Прости, что долго не писал тебе. В ноябре был в Москве по всяким своим делам, потом начались хлопоты о квартире, и вот только-только въехал в новый дом: кругом еще полный беспорядок, узлы, чемоданы и пр. Жизнь пока лагерная — без газу и даже несколько дней без воды в доме. К Новому году вряд ли упорядочусь, потому что надо еще покупать мебель, разбирать книги, сваленные в кучу.

В связи с этим событием сообщаю новый свой адрес: Курск-4 (305004), ул. Блинова, дом 2, корп. 2, кв. 17. Это — в одном дворе с прежним моим жильем, но прежде жил в переулке Блинова, а теперь на ул. Блинова.

Вася, отправил в «Лит. Россию» четыре твоих рассказа: «Толстые шти», про то, как ты с бабушкой ходил по грибы и потерял лепешки, и еще две миниатюры. Отослал недели две тому назад и еще не знаю результата. Хотелось бы, чтобы тебя напечатали в Москве. А новых своих вещей ты мне так и не прислал...

Ну, пока, дорогой!

Всегда твой Носов

4

Дорогой Вася!

Не брани меня, что не писал. С самого юбилея хвораю. Сначала был грипп, а потом осложнение на глаза. Долгое время не мог ни читать, ни писать. Из-за этого не смог поехать и на совещание в Москву, и на редколлегия. За всю зиму ни разу не был на улице, так что зима прошла без меня, и не довелось мне посидеть над лункой, подразнить окуньков. Сейчас маленько получшало, стал вы-

бираться на улицу. У нас с йч тоит ст шн я жара — 26–27°. Такого, как сообщают, не бывало 80 лет! Все тронулось в рост, на берегах появились ли-точки, но как-то то н-раду-т, чт -т- в этом ненастоящее, с каким-то подвохом. В этом году не было ручьев, не было и водополья, вода чуть замутилась, но не пошла, и лед на реке заkis и истаял на месте. Черт знает что происходит с природой. Может, оттого и всякие хвори на людей наваливаются.

Вот сижу за столом, обливаюсь потом (батареи топят-то по-зимнему!) и пью холодную воду с твоей клюквой. Клюковка хранится на балконе в старом почтовом ящике, чтобы продувало. Но сейчас дуют такие суховеи, что бедная ягода подсохла и сморщилась. Но все еще хороша, и пахнет от нее волей и лесной тишиной.

Вася, висят на мне те самые стихи. Уж и не знаю, как с ними быть. Я попробовал почитать его книжку, но там много плохих стихов, и мне расхотелось ему отвечать. Парень-то он, видно, хороший, но до хороших стихов ему еще далеко-а-а. А писать правду, обижать — не хочется. А он, видимо, все ждет... Вот незадача! Вася, вдохновила ли тебя Москва? Как работается, как настроение?

Я тебя всегда помню и люблю.

Кланяйся от меня Вите Потанину и береги его — он редкий по красоте душевной человек.

Обнимаю.

Твой Носов

5

Дорогой Василий!

Обнимаю тебя по случаю нового, 1978 года, и да будет у тебя еще много-много удачливых, творчески наполненных лет, а твеса твои — полны грибов и ягод и прочих прелестей родной земли.

Твой Е. Носов

6

Дорогой Василий!

Позволь и мне в свою очередь поздравить тебя с рассказами в «Нашем современнике». Больше всего мне пришелся «Дички», хотя и два других тоже хороши. Но в «Дичках» больше грустной эпичности, какой-то глубинный срез жизненного пласта; и на этом срезе видны круги минувшего бытия и все ушибы.

Эти твои вещицы напоминают мне «Затеси» Виктора Петровича¹. Из них ты тоже можешь сколотить сборничек. Правда, мне меньше понравились твои газетные публикации, которые ты прислал мне вместе с письмом. Понимаешь, в них ты излишне-нарочито уснащаешь свою лексику книжной русскостью. Для того чтобы писать на хорошем русском языке, не обязательно то и дело прибегать к сказоподобию. В этом твоём письме очень чувствуется поделковость.

некая стилизация под «хохлому». А надо, чтобы все было естественно, просто и через это — хорошо, поэтично. Не злоупотребляй золотом. Экономь его. Применяй лишь в совершенно необходимых местах. Золото, оно потому и золото, что рядом с ним все остальное не-золото. Это принцип искусства: работать на контрасте. Звезды потому и сияют на небе, что они редки. А представь, что если бы всё усыпать звездами, сплошняком? Тогда звезды исчезли бы, слились бы в сплошной купол и для глаза была бы интересна всякая чернинка, всякая пустотинка между ними. Иными словами, излишество оборачивается против самого себя, в свое отрицание. Зато как прекрасна, как впечатляюще величава одинокая звезда, прежде других засветившаяся на вечернем небосклоне! Глядишь и глядишь на нее замороженно и не можешь оторваться. Так вот и слово — яркое, крепкое, с умением оброненное на страницу.

Вообще-то тебе пора переходить на более эпические полотна — с сюжетом, разными планами, с людскими страстями и судьбами. Я вовсе не призываю тебя писать сразу романы. Все это исполнимо и в рамках рассказа. В этом смысле не смею принять от тебя предложенный мне сюжет. Во-первых, потому, что уже писал нечто похожее, т. е. связанное с обелиском и митингом над могилой павших. А главное, потому, что мне хочется, чтобы ты написал про это сам. И тут нечего бояться, что у тебя не получится. Как говорят, аппетит приходит во время еды. Вот помани мое слово: начнешь писать — и все получится! И это будет отличный рассказ, как раз такой, о котором я говорил выше, и сюжетен, и эпичен, и с людскими судьбами и страстями. Так что, дорогой Василий, давай, друг, засучай рукава на это святое дело. А потом покажешь, что у тебя получилось. Вообще — смелее, смелее! Мы и так все запаздываем. Поздно начинаем, долго раскачиваемся, а время бежит-бежит!

Спасибо тебе за добрые твои слова, за любовь и преданность.
Братски обнимаю.

Твой Е. Носов

7

Милый Вася!

С цветочным Маем тебя, с предстоящими летними радостями и хлопотами на большой Сибирской земле!

Твой Е. Носов

8

Дорогой Вася!

Получил твою книжку! Спасибо, дорогой! Ура, ура, ура!!! Книжка действительно прекрасная. Как праздник. Как сгусток твоей любви к родной земле. И какой-то добрый и чуткий человек ее оформил — с большим вкусом, с любовью, с пониманием души и нежно-

сти автора. Я с удовольствием и долго листал ее, рассматривая картинки, перечитывая замечательные новеллы, и было на душе хорошо, солнечно, празднично, как в святой день.

Ты как-то спрашивал меня, стоит ли тебе обсуждаться в Союзе РСФСР. Теперь, с такой книжкой, стоит. Смело поезжай, пусть поглядят на тебя, какой ты есть земной и исконный.

Гена Скобликов¹ написал мне, что с тобой они установили мосты, что кое-что предпринимают в твою пользу. Парень он хороший, русский (кстати, курянин, мой землячок), умный и остро чувствующий и думающий...

Остаюсь всегда твой.

Е. Носов

9

Дорогой Василий!

С волнением развязал бечевку, разорвал пакет и выпустил на свет твои «Синие пташки-пикушки». Спасибо за такой радостный майский подарок! У меня много всяких книжек дома, но когда попадает в руки твоя, какое-то теплое чувство полнит душу: видно, от давней любви и привязанности к тебе, но еще больше — от созвучия дум и понимания друг друга. Твое искусство действительно радостно, как пастуший костер на ветру по зябкой осени, как внезапно объявившийся за окном снегирь на голой ветке. Береги себя, ты еще много сделаешь удивительного своим необыкновенным пером и сердцем, тебя всегда будут любить дети и простые люди земли за твою искренность и веру в добро. Позволь и мне взаимно поздравить тебя и обнять с наступлением Мая, весны — поры счастливого обновления жизни, когда все вокруг — молодо, ново, свежо и доверчиво в своем неогрубелом младенчестве.

Твой Е. Носов

10

Дорогой и милый Вася!

С восторгом и наслаждением прочитал твоих «Пикушек». Ах, как хорошо, как светло и грустно, как щемит сердце! Истинное искусство — наше, родное, русское. Куда там французам — ни за что не написать такого. Да и многим теперешним нашим не дано такого написать. У многих очерствели души, забылось прошлое, затуманились прошлые беды и горести — и всё от погони за эфемерными благами жизни, за чинами и званиями. Молодец, Вася! Дай я тебя крепко обниму и поцелую, и не сердись, что так редко отвечаю. Избрали меня секретарем СП РСФСР, и света не взвидел: вот проездил весь год по разным поручениям. Езжу и потом хвораю, езжу и хвораю. А совесть — она-то осталась прежняя: болит, болит, что не написал тебе, хорошему, родному человеку.

Днями видел в Москве Виктора Петровича. Должен был лететь с ним в Душанбе, но я на этот раз не сдюжил, вернулся домой дожварывать, а Виктор полетел. Да и ладно, что не полетел: там как раз умер Турсун-Заде, их главсек, так что Виктор попал не на праздник литературы, а на тризну и теперь стоит понурясь в траурном карауле.

Васята, обними от меня Ваню Ягана, опечалился я его письмом относительно его дочери, мы тут с Петей Сальниковым (наш курский секретарь) погоревали несудьбой у хороших людей, выпили маленько, и я снова ускакал из дому, так и не сподобясь сказать пару утешных слов Ване, положив все это на Бога, который, простя все наши прегрешения, да поможет всем нам.

И скажи ему, что я люблю его по-прежнему и всегда буду любить, как и тебя, как и всех вас вместе, бескорыстных бедолаг и искренних служителей русскому духу, любви и природе на земле.

Кланяйся семье.

Твой Носов

11

Дорогой Василий!

Высылаю тебе рекомендацию в Союз. Боюсь, что опоздал. Ты что-то говорил, что нужна быстро. Но я тут замешкался: был еще раз в Москве, на Пленуме, да оттуда едва ноги унес, приболел. Не взыщи... Ежели опоздал и вы отправили уже документы, то пошли эту рекомендацию вдогон, она не повредит.

Сейчас весь я — в чтении рукописей, готовлюсь к иркутскому семинару.

Некогда и с удочкой сбегать. Да и то сказать, занеродило у нас: вчера сыпал град, а ночью были морозы. И сегодня еще лютый ветер с Карского моря мотает молодую листву на деревьях и гонит хмарь из-за горизонта. Так и не видел я мая! Правда, как-то перед холодами выскочил за город с собакой, без ружья погонял коростелей, обучал собаку. Крепок скрипун в отросших травах, но пес все-таки поднял одного на крыло. Занятное зрелище!

Ну, будь здоров! Обнимаю.

Твой Носов

12

Дорогой Вася!

Ты меня напугал... Что за хворь, что за операция!?! А я ничего не ведаю. Да и ты в последнем письме ничего не объяснил... В ящик ведь сыграть гораздо проще, чем написать книжку. Больше не пугай, держись, браток! Ты и сам, поди, не знаешь, как ты нужен русской литературе, российскому книгочею. Всякие есть писатели, даже такие, как Чингиз Айтматов, а таких, как ты, истинно русских, коренных, раз-два, и все тут...

А я все-таки похварываю, голова все болит, ничего писать не дает. 27 апреля пал большой снег, прямо на зябликов, на дроздов и вальдшнепов... Чудно в этом году. А грибков пришли, раз они у тебя лишние, буду рад и благодарен.

Вася, обнимаю и поздравляю по случаю майских праздников и особенно Весны. Береги себя!!!

Твой Е. Носов

13

Дорогой Василий!

Жив ли ты? Уж больно хвораешь в последнее время. А литературному пахарю хворать негоже: надо сеять добро.

У нас тоже стали озера. Завтра, даст бог, поедem на первую подледную. Хотя все так запоганено вокруг, так навонял Чернобыль, который от нас так недалеко, что люди стали бояться грибов и ягод, да и рыбу многие перестали ловить. А тут еще не уродилась картошка: и зачезла недоразвитой. Это в нашей-то черноземной области, которая снабжала картошкой весь Донбасс! Одним словом, перестраиваемся с одного боку на другой. Как живешь-то?

Обнимаю на октябрьском ветру под шелест красных знамен.

Твой Е. Носов

14

Милый Вася!

Ну, прежде всего охота тебя отругать за посылку. Ну что же ты тратишься, последние деньжата на ветер выбрасываешь, покупаешь для меня дорогие безделушки?! Ладно бы грибы да ягоды, а то и магазинский доклад к ним... Вася, дорогой, я понимаю твой душевный порыв, но, пожалуйста, впредь не шли мне ничего фабричного, тем паче что за это большие деньги лупят. А грибы хороши! Мы наварили картошки и всей семьей отведали груздей. Отменно! Правда, пока съели одну баночку. А остальные бережем до случая.

А нам в этом году не видать грибов. Вот уже месяц откуда-то из-за Каспия дуют суховеи азиатские, земля и все живое стонет от зноя и сухости, и даже на днях горели леса, мне с балкона видно было. Родина моя расположена в предстепье, к югу и востоку от нас начинается, если назвать по-старинному, — Дикое поле, там прежде бродили орды печенегов и половцев. Так что испокон веков, когда вот так задувало с юго-востока, на нашу землю накатывалась засуха и по селам служили молебны. Все это и ныне вносит тревогу, да и цены на рынке держатся высокие на всякую зелень. Но больше всего достанется скотине, поскольку ждет ее бескормная зима.

А рыба тоже чувствует неладное. Во-первых, этой весной не было водополья, реки совсем не выходили из берегов, а это худо для нереста. А кроме того, сушь придавила рыбу, не играет на зорях, не хо-

чет брать наживу. Вот и завидую я тебе, вашим щедротам: у вас, судя по твоим рассказам, рай, всего вдоволь. Да и народу у вас помене, есть еще безлюдные уголки и испуганная живность.

В прошлое воскресенье поехали мы на рыбалку с приятелем, да неудачно: остановились возле железнодорожного моста, там еще сохранились глубы. Но нас прогнал охранник. Снялись мы (на резиновых лодках) и поплыли искать другие местечки. И, веришь, проплыли верст 15 и нигде не приткнулись. Крутом голый народище, палатки, девки, а главное — мелко. Много раз приходилось вылезать из лодки и тащить ее по мелководу волоком. А ведь прежде были такие глубы! Это — главная наша река, а уж о ее притоках и говорить не приходится. Единственный выход — уезжать куда-то за пределы. Вот и нынче, ежели буду здоров, поеду к сестре на Волгу, в ее низовье. Я езжу туда каждый год. Там еще не перевелась рыбка. Но ведь это — раз в году. А вот рыбалки на каждый день, чтобы отдохнуть от работы, не стало. Хоть уезжай из отчих краев.

Милый Вася! Еще раз спасибо тебе за дары сибирской природы. У меня ведь еще и та твоя клюковка цела. Берегу, расходую помалу, смакую по ягодке. А уж чего написалось — прислал бы показать, а?

Обнимаю.

Твой Носов

15

Дорогой Вася!

Обнимаю тебя и поздравляю с Днем Солдата, хотя понимаю этот день не как праздник, а как час проверки... А насчет твоей просьбы могу посоветовать журнал «Север». Там очень хороший наш с Астафьевым друг — Дмитрий Яковлевич Гусаров¹ — редактор журнала. Но ведь должны быть какие-то гарантии, что и повесть твоя хороша. Как твои ребята считают — Потанин, Яган — получилась ли? Прислал бы показать, что ли... А у нас вороны уже токуют, дуроломят. Значит, скоро и весна, скоро скворцы и жаворонки — недели через три.

Обнимаю.

Твой Е. Носов

16

Дорогой Вася!

Еще одну перезимовали зиму, и мне радостно поздравить тебя с Весной-чудесницей, в коей ты так неистощимо находишь для себя вдохновение для своего неповторимого чародейства! Прими же мои дружеские объятия и пожелания тебе вечного и верного пера и радости бытия на этой грешной и прекрасной земле!

Твой Е. Носов

17

Дорогой Василий!

Прости, что давненько тебе не отвечал: два раза болел воспалением легких, а потом накопилась уйма дел, суеты... На Волге сегодня я пробыл неудачно, как раз там на 10-й день и подхватил пневмонию и пролежал у сестры две недели, а потом, больным же, вернулся домой, где еще раз ее схватил и до сих пор не очухаюсь.

О тебе я все время помню и люблю. Как-то увидел твою книжечку в нашем магазине и обрадовался, как самому тебе. Давай начинать работать над чем-нибудь крупным, пора! Например, напиши хорошую детскую повесть. Только обязательно с сюжетом. И вообще, подумай о сюжетности. А то у тебя получается немного созерцательно. А это мешает развернуться твоему таланту во всю ширь.

Обнимаю и поздравляю с праздником.

Твой Носов

18

Дорогой Вася!

Ты меня растрогал своими подарками. Спасибо большущее, дорогой. Столько всего надарил. Клюкву уже отведал внучок: что-то приболел, появился жар, совсем увял парень. И так ко времени поспела клюква, с такой жадностью он попил свежащего узвару. Я сушеные ягоды поберегу ему в зиму: вот как обрадуется! И посудинка твоя пришлась по душе — поставил на книжный шкаф, пусть стоит, радует глаз. А нож! Вася, ведь ты отдал мне свой собственный нож. Это уж слишком! В общем, у меня весь день было празднично на душе от твоих подарков.

Вася, предисловие написал. Не знаю, угодил ли... Это письмо посылаю одновременно с тем заказным пакетом. Но письмо должно прийти раньше (авиа!), так что ты уже будешь знать, что на тебя идет заказное письмо. А рукопись пока придержу у себя. Хочу что-либо выбрать для «Лит. России». Пока наметил взять «Толстые шти», «Грибное гулянье», ну, и еще что-нибудь.

Стихи Саши Виноградова, правда, не успел прочитать, но днями напишу и о них. А ты тем временем подослал бы парочку покрепче, на твой взгляд, рассказов — все для той же «Лит. России». Очень хочется тебя там напечатать с портретом.

Ну, дорогой, пока! Еще раз спасибо!

Твой Е. Носов

19

Дорогой Василий!

Не знаю, как теперь у вас там, а я вот гляжу в окно и вижу белые крыши: вчера весь день лепило мокрым снегом, а ночью прихватило морозцем — скоро, брат, опять зима... Прежде я как-то

умел радоваться такому обновлению, но нынче смутно на душе, зиму встречаю безрадостно, как медведь, не нагулявший жира. А все дело, видать, в том, что прохворал семь месяцев, ничего не работал, и вот этот вынужденный простой казнит и не дает радости бытия. Последний раз писал полтора года назад. А это немалая пробуксовка, если учесть, что впереди не так уж много отпущено.

А за тебя я рад, что хорошо поработалось, что толкач показывает муку. С нетерпением жду твоей книжки, как не ждал, может быть, даже своей. Для меня — великая радость и наслаждение читать тебя. Ты владеешь тем редким даром, тем редким ферментом пчелы, которая, казалось бы, из ничего, из невидимой пыльцы нашего неброского разнотравья собирает и творит целебный и неопостижимый наукой и разумением мед для человеческой души. У тебя все получается целительно и ароматно, потому что берешь свой взятки не с искусственных газонов, а на просторах отчей стороны. Многие из пишущих уже не умеют это делать, разучились, потеряли секрет доступа. И всегда радуюсь и волнуюсь при мысли, сколь ты еще напишешь прекрасного — молодой, не зараженный асфальтовой суетой, — сколь наносишь в общие литературные соты. Только береги себя от всякой скверны, береги свое святое чувство к земле — главную нашу опору во всех тяготах жизни.

Вот заходят праздники, а стало быть, и час поклониться друзьям нашим. А посему передай мои самые горячие приветы Ване Ягану, которого мы с Петром Георгиевичем Сальниковым всегда тепло вспоминаем и любим за его открытость, щедрость души и всегда сожалеем, что нет с нами рядом таких верных и надежных ребят, как он. И конечно, нашему милому человеку Вите Потанину, которому, будь это старые времена, надо бы присвоить не звание заслуженного деятеля культуры, а занести его в святцы как великомученика и при жизни святого за все его деяния и самую жизнь, которая всем нам — пример.

Милый Вася, ты неисправим в своей доброте, и потому смиряюсь перед сим фактом и заранее смущенно благодарю за те дары твоих лесов, которые ты намерен таки выслать. В самом деле, захотелось отведать тех соленых груздочков, которыми некогда потчевал нас в Москве. И по сю пору вспоминаем мы с Петром Георгиевичем, как доставил нам в Москву Ваня Яган столь незабываемый гостинец. Мы ели их всем пленумом и потом остатки я довез до дому, и мои домашние уплетали твои грузди под горячую картошку, удивляясь и нахваливая. Здесь, в России, так солить не умеют, да и какие у нас теперь грузди — все перепахано, затоптано стадами бродящего по уцелевшим лескам праздного люда.

Всегда твой.

20

Дорогой Василий!

Дружески и сердечно обнимаю тебя по случаю нового, 1982 года! Здоровья тебе, вдохновенья, легкого пера и легкой пороши! Письмо твое получил и всем сердцем сочувствую твоему горю — кончине батюшки. Я сам это пережил и глубоко понимаю это неизбывное чувство одиночества и сиротства. И кажется, будто отец жил как-то так, что ничего хорошего не видел в жизни. Что ж, дорогой, утешением нам может служить только работа, дело да те заветы, что оставлены нам и детям нашим. Еще раз братски обнимаю, всегда помню и люблю все твои дела и строки.

Твой Е. Носов

21

Дорогой Вася!

Всегда радуюсь — теперь уже по-стариковски — получить от тебя весточку и узнать, что ты жив где-то там, во глубине сибирской. Рад, что растет нам на смену добрая русская нива, без сору, без пустоцвета и в том числе — ваша славная курганская делянка хороших и верных ребят и друзей.

А на меня не обижайся, Вася, не бери грех на душу: я же тебя люблю и буду любить и радоваться тебе до последнего часа. Вот у меня действительно причина обижаться на тебя — не шлешь своих книжек. А я не только читаю тебя сам, но с радостью и гордостью рассказываю о тебе всем нашим курянам. Так что о тебе тут наслышаны и тоже ждут твоего печатного слова, которое у нас в большой цене. Ну а сам я, верно, хвораю — вот уже полгода: нажил сразу две язвы — в желудке и в 12-перстной. Ну да Бог милостив...

Обнимаю.

Твой Женья

22

Дорогой Василий!

Спасибо за новогодние поздравления! Прими, дорогой, и мои праздничные объятия по случаю нового, 1984 года. Рад, что тебе хорошо работается, и пусть впредь пишется в три руки. Я знаю, что твое количество не отразится дурно на качестве. Твои строчки всегда звонки и чисты, всегда радуют и волнуют.

Твой Е. Носов

23

Дорогой друг мой Василий!

Взаимно обнимаю и поздравляю тебя со всеми весенними праздниками — их сразу так много. На любой вкус, но не на всякое здоровье. Но по случаю Дня Победы я мысленно чокнусь с тобой горь-

кой чаркой... Будь здоров, дорогой! А у нас и вправду весна: трава — впору косить, доцветают черемуха, одуванчики, кинулись цвести сирень, вишни, яблони. По траве ходим уже с месяц, а с удочкой — и того больше. Такая нынче ранняя (подозрительно) весна. Что-то будет потом — даже боязно. А у вас, кажется, прохладно? Передай мои приветы Вите Потанину, Ване Ягану. Я очень скучаю, когда долго не вижу всех вас.

Обнимаю.

Е. Носов

24

Дорогой Василий!

Получил твои майские поздравления. Спасибо!

Ответно и тебе шлю свои объятия и самые искренние добрые пожелания!

Одно худо: редко встречаемся, не хватает живого обмена словом. Правда, в прошлом году заскакивал между сессиями ко мне Виктор Астафьев, и как славно было! Теперь уж до писательского съезда, который вот-вот...

А пока еще раз поздравляю с Весной и ее радостями!

Твой Носов

Курск

1990

25

Дорогой Василий!

Слава богу, пережили еще одну зиму, с чем тебя и поздравляю и обнимаю по случаю Весны. Хотя, впрочем, Весна мало радует: народ ходит понурый, взъерошенный и злой. Что-то еще будет...

Я уже похлебал супу из молодой крапивы и поймал первую плотву на долгую удочку. Бог даст, как-нибудь перебьемся на подножном корме. Тем паче что литература нас уже не прокормит. И все-таки да здравствует Весна, первая травка, первые мухи и вешний стук дятла!!!

Береги себя, дорогой!

Обнимаю еще раз.

Твой Носов

26

Дорогой Василий!

Спасибо, что не забываешь! А я тебя не только всегда помню, но и горжусь тобой и люблю. Ты — продолжение своих книг, а книги — продолжение тебя, как ветви и листья — продолжение ствола, их предержащего. Больше всего ценю в людях, особенно у пи-

сателей, вот такую цельность, такое единство слова и жизни. Поздравляю тебя, дорогой, с новым, 85-м годом!

Береги себя, ты нужен не только себе и домашним — ты нужен всем нам, России. Когда-нибудь ты это поймешь.

Обнимаю.

Твой Е. Носов

27

Дорогой Вася!

Я уже давно занес тебя в списки своих кровных и духовных братьев за твою святую русскую душу и теперь, пользуясь случаем, обнимаю тебя по случаю праздника и желаю самого-самого большого добра во всем: и за листом бумаги, и в чистом поле, которое для тебя является всё тем же творческим листом.

Вася, к сожалению, свою новую книжку я еще пока не заполучил и не смогу выслать к праздникам. Но как только она появится, то вышлю непременно, потому что люблю тебя, дурашку разэтакую.

Обнимаю.

Твой Носов

В.И. ЮРОВСКИХ — Е.И. НОСОВУ

1

Дорогой Евгений Иванович!

Давно и с большой нежной любовью читаю Ваши книги. Счастлив, что в русской литературе ясным солнцем светят такие имена, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Вы, Виктор Лихоносов и Виктор Потанин. Все вы — самая большая надежда истинно народной русской литературы, образец творческого и гражданского поведения для нас, молодых. Вы — писатели глубоко народные, плоть от плоти русичи.

Низко кланяюсь Вашему светлomu таланту, сердечно желаю крепкого здоровья, долгих лет и новых чудесных, милых сердцу русского человека книг. Народ любит Вас, ценит, считает своим национальным художником. И я хочу, чтобы Вы знали о множестве своих незнакомых, но верных и преданных единомышленников в Зауралье.

Позволю себе попросить Вас подписать посланную Вам Вашу книгу. Она мне очень и очень дорога каждой строкой, каждым словом.

С глубоким уважением и сердечной благодарностью.

*Вася Юровских
9 ноября 1973*

2

Милый Евгений Иванович!

И не объяснить словами, не передать, как я счастлив и светел сегодня! Вот и долгожданная весточка, очень желанная, пришла от Вас. А как я ждал, как я ждал ее...

Душа неизбывной болью полна, что так неладно зима обошлась с Вами... Ведь я отлично понимаю, как Вам невыносимо тяжело было сидеть в городе всю зиму и весну. У нас весна тоже не весна, а какая-то скрытая вылазка. Вроде бы грех свершила она, раздел ее апрель до наготы, а она даже не всплакнула ручьями. А коли нет половодья, лывин и ручьев — не голосят кулики, не сходят с ума утки и журавли. Верно подметили Вы, что-то смутное есть в такой весне, грустно-печальное. Одно утешение — синички, дятлы и дрозды. Ну, и зяблики. Эти-то ребята и девки за всех стараются. В прошлое воскресенье мы с сыном Володькой рванули на реку, в лес. Ночевали в избушке своей. А когда шли туда от речки Ольховочки, ночью передохнули в бору, сшумнули ворону, и она закаркала, сунулась в сосны и угодила филину в лапы... Ох как она, бедная, вопила — до слез стало жаль ее, серое горе, как зовут у нас ворон... Защелкал филин клювом, унес ее в темь бора, а вблизи сова, будто ничего не произошло, звала: «Кум, кум, кум...» Вот тебе и кум в соседях у нее!.. Но... славно переспали и на речке Старице чебанов поудили. А главное — нашли новое изумительное место: черемушник, калинники, тальники... Туда и метим на все лето. Особо ждем цветенья черемухи — тогда соловьи ударят — слушать не переслушать... Место птичье, а не людное. А я такие и люблю. Не терплю, когда много людей возле тебя на реке ли, в лесу ли.

Днями я написал рассказ о клюкве — «Тянины ягоды». Но он не просто о ягодах, найденных 60 лет назад отцом, а и о начале войны, о детстве, о сущности жизни простого русского мужика и о целомудрии природы.

Москва, Евгений Иванович, убила меня. Во-первых, не было Вас. Во-вторых, С. Викулов отверг по идейным причинам мою самую дорогую вещь — «Шумят тополя».

Но тем не менее я быстро вошел в колею и уже закончил четыре новых рассказа. Три-то маленькие, а «Тянины ягоды» побольше. Нынче пописалось крепко. Тут очень помогла Ваша поддержка по моей публикации в «Литроссии». Это не просто неизгладимый праздник в моей душе, а и дело огромной важности. Это и вдохновило меня, на крылья подняло, и многие стали иначе смотреть на меня. Замечательная поэтесса Антонина Баева в великом восторге от Вашего слова обо мне. Ну а я прямо-таки не знаю, чем и как Вас отблагодарить. Уж столько, столько Вы сделали для меня! Столько отдали мне своего щедрого сердца! Еще бы мне не работать, не писать после этого! Мне надо, да еще как надо, отрабатывать Ваш аванс, Вашу веру в меня!

Витя Потанин — сам сплошная радость — известил, что вся приемная комиссия в полном составе единогласно проголосовала за меня. Я просто ошалел от радости, а более того — от благодарности Вам и Виктору Петровичу. Если бы не вы, не видать бы Ваське членства как своих ушей. Мы с Витей Потаниным часто по телефону говорим, всегда о Вас вспоминаем. Редкой он души и красоты человек! С волнением и нежностью кланяется он Вам, шлет сердечные приветы.

Ох Евгений Иванович, милый Вы мой, как я разговорился! Всею душой кланяюсь Вам и Вашим родным. С любовью неизбывной, верностью вечной. Обнимаю и целую Вас.

Ваш — преданно —

Вася Юровских
15 марта 1975

3

Милый Евгений Иванович!

...Мое оформление прошло быстро. Работа отогнала все грустные мысли. Надо верить в себя, иначе ничегошеньки не получится.

...Что бы я ни перелистывал у Пришвина¹ — умолкаю в изумлении. Боже, до чего же все современно у великого чародея-мудреца! Как свежо звучит его книга «В краю непуганых птиц»!.. Ну совсем будто сегодня написано! А ведь ей 70 лет.. И еще через 200 лет и даже более, пока жив русский народ, пока звучит русская речь, Пришвин будет звучать в душах любого времени.

Посылаю Вам свой рассказ «Шумят тополя». Душа измаялась с ним, и только Вы сможете рассеять мои думы, мои мучения. Уж не судите строго за навязывание своего рассказа. Для меня это очень, очень серьезно!

Низко кланяюсь Вам, Евгений Иванович, за прекрасные и проникновенные рассказы «Переправа» и «Фронтовые кашевары». Дай Бог Вам здоровья и многих великих радостей для читателей от Вашего светлого и чистого русского слова! Даже трудно передать чувства, испытанные мною при соприкосновении с Вашим словом... Спасибо Вам огромное за целительное утешение, за великую доброту.

Скоро ли Вы собираетесь на Волгу? Я искренне рад за Вас, ни рыбки, ни чешуи Вам, как напутствуют рыболовов. Я завтра тоже тронусь на заветные места. И сердце бьется часто-часто, и душа замирает от скорого свидания с милой речкой, с рыбкой...

Обнимаю Вас, Евгений Иванович, крепко и земно кланяюсь — вечно любящий Вас Вася Юровских.

Мир и счастье Вашему дому.

6 июня 1975

4

Милый Евгений Иванович!

Счастлив, что Вы не позабыли меня и передаете приветы через Витю Потанина. Мне очень хорошо и светло, когда Витя кланяется от Вашего имени. Слов нет, как славно на душе...

А днями — новая встреча с Вами — с книгой «Белый гусь». Безмерно рад, что Детгиз подарил читателям Вашу чудесную книгу!

Не знаю, как Вы нынче летуете? У нас же лето — чудо! Всем оно взяло, всем! Было много клубники, вишеня... листьев не видно, ало от ягод. Натешился я вдоволь белыми грибами, груздями и обабками. Чуть свет выбегу за отцовский дом на угор, а в березняке ждут меня грибы... Млел от радости... И сушил, и солил, и мариновал. Я надеюсь, что Вы не будете возражать, если я пришлю Вам грибков? Мне так охота поделиться щедротами нашего лета!

После прошлогодней засухи и хлеба, и травы, и картошка — ну прямо-таки на диво! Слава Богу, не совсем еще огневали мы природу..

Как никогда, ловится азартно, и рыбка — всякая — вплоть до золотого карася!

Очень, очень бы хотелось с Вами свидеться, Евгений Иванович! Может быть, Вы будете на семинаре прозаиков в Переделкине? Соскучился я по Вас, по Вашим письмам.

Вседушевно желаю Вам и родным Вашим отменного здоровья, солнечного настроения, работы желанной и... рыбки!

Обнимаю с нежной любовью и кланяюсь низко.

Ваш Вася Юровских
12 августа 1976

5

Милый Евгений Иванович!

Спасибо Вам за весточку, слова приветов, ласку и тепло. Ждал я ее, как ждали писем с фронта... Ей-богу, очень мне порой доставало Вашего доброго слова! И самая большая радость — известие о повести! Обнимаю Вас и низко кланяюсь за повесть, жду ее, с огромным нетерпением жду! Слава Богу за минувший год! Пущай были кое-какие неприятности, но ведь для работы прошел он удачно: Вы закончили повесть, а я, Ваш подмастерье, поставил в декабре последнюю точку в своей большой повести. Как уж там она удалась — не мне о том судить, но через душу и сердце пропускал правду, и герои мои — самые простецкие пастухи, люди, чье детство пало на войну. И жизнь у них как-то не сложилась.

А тут — беда мне с самим собой: только закончил эту — поперла новая повесть... Даже страшно стало... Утону я в ней, горе-горькое!.. Хотя очень-то и нечего бояться, «насобачился» я в газете, научился делать быстро, если припрет.

В «Современнике» Володя Крупин написал хорошую рецензию на мою повесть. И вообще-то я голову никогда не вешаю. Мне ведь ничего не надо, кроме куса хлеба да картошки, а всякие «кустюмы и польта» — ерунда! Я радуюсь самой малой крохе, как у вас в прекраснейшем рассказе «Шуба». Вчера ночью взял да и снова перечитал его. Боже мой, до чего мне стало хорошо! Я перефразировал фатьяновские строчки:

*Не был я в жизни ни жадным, ни ловким,
Песни я пел, ничего не тая.
Милая, милая сердцу Юровка —
Детство мое, юность моя...*

Но кто знает, что было бы со мной, не поддержи меня Вы и Виктор Петрович... Все, что есть, что имею и что будет, я обязан вам обоим. Вы бы знали, как я вас обоих люблю!..

Очень я доволен, что так по душе Вам пришелся Ваня Яган! Парень он не просто свой в доску, а... Да просто слов не хватает, до чего он необходим здесь для нас! Да Вы и сами убедились, какого родного брата дал нам Бог в секретари!

Морозы у нас стоят крепкие. Тут придется рыбке, туго... Но вчера потеплело, снежок заморгал, и душа воспрянула. Вот бы Вам к нам обратиться... Да уж и мечтать не смею... Но отдохнуть Вам после большой работы сам бог велел.

Обнимаю крепко Вас и низко кланяюсь.

Вася Юровских

Ваня Яган с великой радостью шлет горячий привет и низкий поклон, к нему присоединяется и Витя Потанин. Дай Вам Бог здоровья, радости и солнышка.

5 января 1977

6

Милый Евгений Иванович!

Обнимаю Вас с весной Света, Песен и Воды, с первыми скворушками и жаворонками, с близкой порой клева! Рыбки Вам на уду, хоть какой, а рыбки! Не будь ее, как бы мы осиротели и усохли!

Спасибо Вам большое за добрые советы. Радуюсь Вам: у Вас весна скоро, а у нас стужа и стужа. Но холод — тоже славно, дрянь всякая убивается, сухо и ядрено. А все же истосковался я по теплу, когда на утреннике ворона так восторженно каркнет — аж сердце забьется! Днем большая синичка завертится в сучьях дерева и закликает трогательно и звонко: «Тут пою, тут пою...» Боже мой, до чего счастливая пора — весна! Заново рождаешься...

Тружусь и с нетерпением жду Вашу повесть. Очень жду, ибо так давно не читал ничего нового, хотя прежние книги часто перечитываю, и всегда они мне милы и свежи! Счастливый я тогда хожу!

Как видите, Евгений Иванович, все у меня хорошо, и журнал «Наш современник» — спасибо Вам — поддерживает дух бодрый, рабочий накал! Чего тужить-то, когда столько-столько в жизни светлого, только нужно уметь радоваться, а не копать в темных углах.

Все мечтается о встрече с Вами, все равно увидимся — было бы здоровье.

Низкий поклон Вам от Вити Потанина и Вани Ягана.

С неизбывной нежностью и любовью вечной.

Вася Юровских

25 мая 1977

7

Милый Евгений Иванович!

До слез растроган Вашей похвалой — она мне всего на свете дороже! Спасибо Вам и низкий поклон за все, все неоценимое, что сделали Вы для Васьки Юровских. Я и голос Ваш услышал, и объятие крепкое почувствовал. Спасибо, Евгений Иванович! Я даже враз здоровше себя посчитал. Дурак я, поехал третьего дни в кедах и промочил ноги — в итоге ангина и пр. Пока иней холодил — пластал лесами, что лось, — и кстати, лось поблизости мычал, лис здоровенный напоролся и крайне удивился: зачем лезет в лог какой-то тип? А где-то за логом токовал косач, сойки верещали подбитым зайцем, и всюду вертелись, звенькали-тренькали синицы. И груздей я наковырял сухих, а иные ознобились, сунувшись на свет божий. Боярки набрал и шиповника. Все было прекрасно, но за снежинками дождь подбрызгивал, и мне хватило его на болезнь. А вообще, в конце августа и весь сентябрь было у нас грибов — тьма тьмущая... Измучил жену, не стала пускать с груздями. Корчагу и банки, что в наличие были, затузили солеными груздями и опятами. Соленые и маринованные опя-

та — чудо, просто чудо! По холоду рискну Вам послать и того и другого. Сушил обабки, завалил балкон и кабинетишко свой. Вот и теперь на подоконнике досыхают. Черемухиросло — ужас! Пирожки с ней — мяса не надо! И от расстройства хорошо, и взрослым, и детям. Рыбку тоже пойлов в усладу. Язи и окуни — вот хитрюги! — дразнили меня на старице, жду ледка, уже отыщу я энтих экземпляров!

Одним словом, лето, осень золотая одарили и дарами, и впечатлениями, и свежим воздухом. Километров по 20–50 выхаживал, и с каким грузом — по три-четыре килограмма всякой всячины тащил на себе.

Ну и поработалось за столом не худо. Детгизовскую рукопись выправил и отослал редактору. Мала будет книжка, но утешает то, что в переплете, улучшенное издание и картинки в четыре краски рисует художник Н. Устинов¹. «Расправился» и с челябинской рукописью на 79-й год — о природе, а сейчас занялся — для «Современника». В ней все новое, листов 12–15.

Я понимаю, Евгений Иванович, как Вам туго приходится, и времени на письма остается совсем мало. А от поездок и на самом деле одна хворь и усталость. Вы уж берегите себя, родной мой Евгений Иванович!

А когда и где будут изданы «Шлемоносцы»? И ради бога, не забудьте книгу мне благословить, а? Повесть Ваша — светлая вершина русской литературы, и будь жив наш гений И.А. Бунин, он бы горячо отблагодарил Вас за нее, за российских мужиков! А я до того люблю Вашу повесть, что, честное слово, боюсь и словами вспугнуть в своей душе все, что осталось после повести... Дай-то Бог Вам здоровья, сил и бодрости!..

Счастливый я сегодня человек, самый счастливый, что получил Ваше письмо...

Обнимаю с нежностью, целую крепко, любящий Вас до последнего вздоха —

Вася Юровских

От моих юровчат Вам низкий-низкий поклон!

Ване я позвонил, он тоже всей душой обрадовался Вашему письму. Он целует Вас с вечной любовью.

2 октября 1977

8

Милый Евгений Иванович!

Слов нет, как я рад и растроган бесценным подарком — Вашей книгой! Спасибо огромное и низкий поклон Вам! С этой святой радостью я и встретил Новогодье за рабочим столом. А накануне уперся на охоту и верст сорок по глубокоснежью крутнул. Лиса пожалел — больной попался, козлов нельзя стрелять. Заяц шустро удрал, мне с ним не потягаться было. Выбрался на дорогу и вернулся в кузове грузовика, на железном днище, в снегу. Продуло, и скрючил радикулит.

78-й год приветствовали втроем. Сына Володьку дождались из армии, он уже написал маслом портрет Виктора Петровича, зачал писать с иконы Рублева и добирается до Вас — рисовать и делать бюст. А дочка моя сказала в школе, что всех лучше о войне написали Астафьев, Носов и Быков.

Обстановка в нашем союзе сложная, приняли бездарного автора, я голосовал против. Я за 45 лет не научился ловчить, лукавить, приспосабливаться, рвать для сытости, для себя. И отец у меня сроду такой был и есть, и мама такая же. Как себя помню, вечно мы не просто делились с чужими последним куском, а отдавали его и радовались, что помогли человеку. В избе нашей чужого люду всегда было больше, чем нас самих. Но другим себя я бы не хотел и не хочу видеть, знать, чувствовать. А за Вас я хоть сейчас на плаху..

Ничего, Евгений Иванович, все переживем, войну выстояли против унижений и оскорблений, главное — душа пусть будет чиста до смертного креста, как бессмертно сказал Николай Рубцов.

Спасибо Вам за все-все! И за премию «Нашего современника» — вещь духоподъемную, вдохновительную и ответственную. Не посрамлю чести русской!

С любовью, сердцем и всей душой.

Вася Юровских
2 января 1978

9

Сын мой, вернувшийся со службы, горит желанием изваять Ваш бюст. Ради Бога, не смейтесь, это на полном серьезе. Он еще до армии изваял Петровича и Есенина. Поищите, пожалуйста, такую карточку — годную для этого дела.

Солнышко прет в окно, хотя дни морозно-сухие, и мы с нетерпением ждем тепла и клева. Эх, Вы бы видели, что по перволедью на старице творится!.. Вороха окуней у каждого рыбака, да каких красавцев-то...

Обнимаю нежно. Вечно любящий —

Вася Юровских
6 февраля 1978

10

Милый Евгений Иванович!

Времени — два часа ночи, я только-только завершил большой рассказ («Саломейны голуби») — о том, как мы в войну утащили голубей у старушки — единственная пара на все село голубей — и мечтали вырастить их, чтобы голубка отправить с письмом к отцу и с живой водой для дяди Федора, сына Саломеи, который и разводил голубей до войны. Кажись, удался он мне... Пошло свое, пережитое и дорогое. Слава богу, записалось. Вот так и живу я, написал много, а ничего не издал пока. Но будем живы — будут и книги, гуртом пойдут, если ничего не случится. Похандрю, потоскую — и опять за дело.

Очень рад за выдвижение «Шлемоносцев» на высокую премию, слушал передачу по радио и все радовался.

Жду весточки о Вашем здоровье. Обнимаю нежно, с вечной любовью. Преданный —

Вася Юровских
7 июня 1978

11

Милый Евгений Иванович!

В понедельник варю уху к обеду из свеженьких окуней — в субботу надергали ведро — видели, как отлично переплыли реку козел, козлуха и козленок (косули наши) — и слышу до того родной и знакомый голос! Верчусь, слушаю и дивуюсь: ну бывает же так, точь-в-точь голос Евгения Ивановича! О хлебушке говорит, стихи Сергея Васильевича¹ поминает. Неужто Евгений Иванович? И не ошибся, сказали. Уж так я был рад, так рад, словно и не радио тут, а Вы рядышком!.. Славно-то как!..

А раньше с радостью читал Ваше интервью в «Совкультуре», куда пригласил Вас мой знакомый из Перми, живший лет семь в Шадринске. Молодец парень, что пригласил! Видите, сколько встреч у меня с Вами, даже и без писем от Вас. Да и знаю, что болеете и стол зовет, за ним и счастье, и радость, и мука вечная наша...

Мои дела и жизнь «на ять»! Сдал рукопись книги в «Современник» и ударил в леса да на реку. Лето было урожайное на все, окромя опят. Калину согнуло к земле кистями, аж ее жалко... Травросло, кукуруза с подсолнухами по четыре метра вымахали... И бабье лето подсобило уборке ласковой погодой, лишь второй день схмурилось и задождило, сколодало, и вон топить начали в домах.

Одним словом, нечего Бога гневить — щедро лето, щедро! Воды полно было, и рыба завелась, зато теперь отбоя нету от нее, на наше счастье рыбацкое.

Эх, как я жалел, что Вы не можете ко мне собраться! Вот бы отвели душу в лесу и на реке!..

От Вани Ягана низкий поклон: гостил он на прошлой неделе три дня, наговорились по душам, порыбачили. Еще собирается приехать лесами побродить осенними.

Как здоровье Ваше? Ничем не смогу помочь?

Обнимаю нежно, крепко целую. С любовью —

Вася Юровских

Вашим домашним низкий поклон.

27 сентября 1978

12

Милый Евгений Иванович!

Шибко кстати пришло Ваше большое и ласковое письмо! А было мне очень тоскливо, муторно и обидно. Видно, любому терпению конец бывает... В течение года в «Нашем современнике» побывало более 30 рассказов и повестушек. Все возвернулось обратно... До получения днями очередного возврата я еще на что-то надеялся, но как забраковали большой и дорогой для меня рассказ — расстроился и задал себе вопрос: а может, я стал хуже писать, с каждым днем хуже? Но прочел Ваше сердечно-щедрое письмо, вострепнулся сердцем и душой, всвеселел и мысленно плюнул на все эти передряги, они показались ничтожными, с мошку размером... И решил так: коли предстоит скоро большая работа, вообще никуда ничего не слать. Чтоб не ждать ответов и не портить настрой. Я не

самолюбивый, не тщеславный и независимый. Мир-то, Евгений Иванович, не без добрых людей. Вот из «Молодой гвардии» сказали: «Два рассказа берем, третий — про запас». В «Урале» подборку на апрель планируют. А если в «МГ» успеют до выхода книги — лучше не надо!

В «Современнике» рукопись ушла в набор, и ежели редактор детгизовский не обманул, наше с Вами «Материнское благословение» будет в декабре. Я тоже истомился, ожидая книгу, да еще первую московскую, да с Вашим напутным словом, да в красочном подарочном издании с рисунками Н. Устинова. Да еще с четырехлетним перерывом после «Певучей речки». Как авторские получу — Вам первая, и авиапочтой! Великая и неповторимая радость будет, Евгений Иванович! А там, бог даст, «Журавлиные корни» поднимутся к небушку, а там и «Весны запев» челябинский. Планы мои — дописать повесть в Детгиз, добить начисто «Пастухов» и все рассказы о природе — «Сыновий зов» — собрать воедино. А пока — житейские дела: завтра еду к брату в деревню, лекарство, давно обещанное Виктору Петровичу, взять. После снова к родителям, дважды до этого ездил туда — вывозил дрова с делянки, пилил, колот. Исколот и старые — остатки родной избы, где родился и вырос... Старые мои на два года обеспечены, и у меня душа успокоится.

Погода у нас дождливая, но перемежается удивительными погожими днями. Засияет, как летом, к ночи — морозец, то теплый морок наплывет и заморосит. Все бы ничего, но хлебушко недоубирали, и болит сердце о нем. Урожай-то под 40–50 центнеров! С га!

В день получения Вашего письма как раз Ваня Яган позвонил, и я прочитал ему Ваши слова, и он, чую, был очень счастлив. А Витенька уехал в деревню. Ваня сказал, что ему к 60-летию комсомола должны премию присудить. Ах да недотепа я! Вот написал и заглянул в «Комсомолку», а там и Витенька есть! Рад, рад, рад ему! И сегодня же телеграмму пошлю, обниму его в ней!

После поездки к брательнику благословлю я в путь-дорогу груздочки и прочее к Вам! Кушайте на здоровье! Да, а о здоровье-то Вы как-то не совсем понятно сказали. Лучше стало или на прежнем уровне? Может, чаги Вам послать? Дай Вам Бог здоровья и, главное, рабочего настроения! Уж так я жду, так жду Вашу повесть о послевоенной деревне! Вы же обмолвились о ней на страницах «Советской культуры», где напечатана беседа с Вами. А еще с трепетом и... боязнью жду октября: как-то решат с премией Вам и Виктору Петровичу.. Никогда еще так не волновался!.. Вы уж не улыбайтесь надо мной, я Вам от чистого сердца признался, из любви беспредельной. Мише Еськову¹ низкий поклон и благодарность за доброе слово об мне в «Литгазете». Приятно и горделиво. Не больно-то избалован я почестями, а быть крестником Вашим и есть высшая честь.

Ой, что-то опять я разошелся и на день задержу Вас с чтением моего письма! А свидеться-то как бы хотелось!..

С праздником Октября Вас, Евгений Иванович! Обнимаю Вас нежно, целую крепко. С вечной любовью —

Вася Юровских

Скоро на зайчишек — любимая охота! Да на первый ледок! Мечта!

30 октября 1978

235

13

Дорогой Евгений Иванович!

Еще и еще раз — с Новым годом! Здоровья, здоровья и здоровья Вам и Вашим близким!

А я боюсь 79-го: три книги сбежалось на него, боюсь, не верю, будто все три — на тебе! Не было ни гроша, да вдруг алтын! А тут не алтыном пахнет! Помните, как у Рубцова:

*Боюсь я, боюсь я, как вольная синяя птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!..*

Будем уповать на здоровье и на то, что Бог любит троицу. Может, и свершится чудо раз в жизни, и я Вам с трепетным счастьем подарю на одном году три книги своих!

Сейчас вон выходил на улицу, эх, чудо-вьюга, русская зима! Теперь бы во поле, на проселок и, до смерти иззябнув, забраться на огонек в родной избе, да хоть в какой, но русской избе!.. До чего же мне любо в непогоду зимнюю очутиться в дороге!.. Ну навьет, ну навьет снегов нынче! Поди, снова сшарашит лето бесподобным урожаем ягод и грибов, хлебов и трав. На дороге вьюжит, а я пишу о грибах и до того размечтался — в пору бегом в ту самую рощу..

Наш сиамский котик затосковал — сиротой остался... А то раньше писать не давал — воровал ручки, часы, лез «печатать» на машинке и жевал рукописи...

А сейчас меня мои женщины — жена и дочь — зовут на пельмени, настряпали из домашнего, не магазинного мяса. Идти надо, не единым святым духом, а и обычным хлебом.

Нежно целую и с волнением обнимаю, дорогой мой Евгений Иванович. Из снеговой русской зимы к Вам навстречу горячее мое сердце.

*Вася Юровских
30 декабря 1978*

14

Дорогой Евгений Иванович!

Испортило мне праздник сообщение о Госпремиях: и потому, что равного у нас в литературе нет — Вашим «Усвятским шлемоносцам», и что присудили только Виктору Петровичу, а не вам обоим. Говорил по телефону с Марьей Семеновной, Петрович спал, они там тоже очень расстроены.

Написал рассказ с посвящением Вам — дерзнул-таки! Все у меня короткие вещи получаются — сокращаю себя в десятки раз, ибо разболтанности в литературе с некоторых пор не терплю. Ужасно, когда из иной повести можно сделать недурственный рассказ на 5–7 страничек. А повествования буквально заплеснули многих ребят. Все главное тонет в занудных описаниях. А надо писать, как Вы: ни слова лишнего, ни буквы лишней! Впрочем, золото потому и золото, что его мало! Пустой породы в литературе много плюс еще и шлак. А премии, к сожалению, в основном даются за шлак, даже не за простую породу.

О переездах в другие места я больше не думаю. Тут моя родина, тут все исхожено-изброжено, тут и рыбалка, и охота, и грибы, и ягоды. Все

родимо и любимо! Не зря же, когда я служил в Германии, то в стихе прорвалось у меня:

*Стороне чужой не повториться
Даже в легком шелесте травы...*

Доведется Вам увидеть мои края — согласитесь со мной, что нельзя покидать их ни при каких обстоятельствах. Я все-таки мечтаю о Вашем приезде, да на целое бы лето... Жили бы в деревне у реки, где и рыбалка, и леса рядом с грибами да ягодами... А края наши лучше Сибири тем, что леса светлые, места просторно-открытые. Нет той угрюмости и темноты звериной, где ельники да пихтачи.

Может быть, Вам травушек каких прислать для здоровья, а? Вам бы сок калиновый пить, знакомый мне охотник только калиной и вылечил язву, хотя доктора уже перестали считать его за жильца...

Нежно любящий Вас —

Вася Юровских
1978

15

Милый Евгений Иванович!

Вернувшись с того света, уже навсегда было попрощавшись с Вами, спешу Вам написать. А случилось что — несколько сердечных ударов кряду. Из сознания вышибало, падал, как сноп... Ну да хоть доктора вовремя успели и отходили, слава богу.

Радость-то какая, Евгений Иванович, радость-то какая! Вышла-таки наша книга в Детгизе, вышла! Редактор прислала днями два экземпляра «Материнского благословения». Увидел и... опять в обморок от счастья. Вот она, книжица, перед глазами. Такая прелесть — просто чудо, не верится никак, что моя книга... Очень любовно украсил ее Н. Устинов, верно найден формат. Да все, как у ребенка, красиво! Ей-богу, Вам тоже поглянется!

Ради такого чуда стоило ждать столько лет! Горю желанием поскорее Вам послать. Теперь я воспрял духом и телом, теперь я зверски за работу возьмусь. Долго я размышлял над Вашим письмом. Правы, ох как Вы правы, что нам всем надо брататься, а не искать вздорных поводов для отчуждения.

С волнением жду, когда «Литроссия» напечатает рассказ с посвящением Вам.

От Вани Ягана и Вити Потанина Вам низкий-низкий поклон.

Обнимаю Вас крепко и нежно целую.

Ваш до последнего вздоха —

Вася Юровских
22 февраля 1979

16

Милый Евгений Иванович!

У меня светло и празднично на душе после столь долгожданного Вашего письма. До того крепко Вы обрадовались нашей книге, что и я

снова возликовал! Бог наградил нас с Вами за терпение. А терпения русскому человеку не занимать!.. А все главные книги — впереди! На лето вот и работа, а между ней — рыбалка и грибы.

Как ваше здоровье? Я мог бы к осени барсучьего сала Вам прислать. Обнимаю и целую Вас.

Любящий Вас Вася Юровских
4 апреля 1979

17

Милый Евгений Иванович!

Счастлив был, когда пришло Ваше долгожданное письмо с поздравлениями майскими и с известием о благополучном «прилете» моих «Пташек». Спасибо! Оно ободрило и обласкало меня как-то особенно нежно и трепетно, настолько же сильно, как я люблю и обожаю Вас и буду любить, пока дышу и гляжу на белый свет. Спасибо!

Дорогой Евгений Иванович! Май выдался маетным для меня во всех смыслах. Скверная, неустойчивая погода — то жара, то холод и слякиса; болезнь века — остеохондроз; хлопоты с памятником и оградой для могилы бати. Но теперь, слава Богу, позади капризы погоды, отпустил «хондроз», увез и установил памятник бате с оградой, матушка покуда жива и — эх! — жила бы подольше. Показал я ей все, как сделал, погоревали и поплакали вместе на скамеечке возле бати. Смотрит он сейчас на леса и поля в сторону родной Юровки, где — умом не постичь! — сколько он исходил с ружьем, сколько рыбачил, сколько работы всяческой перевернул!.. Ничто не застит ему вид на родимую деревню, смотри, батя, покуда жива русская земля!..

Душа моя сейчас на месте, и батя иначе снится... А то однажды на рыбалке явился он во сне — в рыбацкой одежде и шепчет: «Что, уж совсем меня не помните?»

С книгами тоже трудно... Классики наши страдали от издательского произвола, а нам и подавно на роду написано...

Погорячился было, но потом махнул на все — и айда рыбачить. Но и там «сюрпризы» — в азарте утопил садок с рыбой, а ее дивно там наловлено, утопил с лодки и нипочем его не достать, не найти — дно старицы мелиораторы-корчеватели намертво завалили ивняком, за десяток лет не может изгнить в воде. Потом стала срываться крупная рыба, рваться леска и т. д. Не евши, почти не куривши, совался на лодке по кустам, а вокруг стоял изумительно чистый, певучий июльский день...

С субботы на воскресенье было лучше: с берега быстро надергал окуней, наслушался вдоволь кукушек, славок, соловьев, камышовок и уток, ухи котел наварили, объелись и задремали на бережке в травах. На рассвете сынубег писать этюд, а я росными травами неспешно бродил вдоль Старицы — красотища! Сын два этюда написал, а я еще рыбки наловил. А главное — обнаружил тьму нашего «женьшеня» — синюхи голубой, нашел яснотку — глухую крапиву, сведенную почти на нет скотом и корчевателями.

Что ж, раз на раз не приходится... Но с рыбой — всякий раз, а окунища на Старице нынче ого-го! Что старинные тульские самовары! Ей-

богу! У вас такие, наверное, уже перевелись? Экая жалость, как Вы далеко или, наоборот, я далеко...

В мае завернул проездом на Москву Слава Сухачев¹, погостил два дня. Хорошо с ним поговорили, Вас повспоминали с нежностью... Он собирается переезжать в Саратов. В мае же я «пахал» — разрабатывал участок под сад, в двадцати минутах от дома. Насадил там овощей и всякой зелени, картошки в основном. Фрукты-ягоды осенью посадим, а домик позднее поставим. Будем претворять продовольственную программу на деле.

Кажись, все свое житие я Вам описал. В «Детской литературе» хотят меня издать снова хорошо, даже с репродукцией живописного портрета. Леня Фролов вот пишет насчет меня в «Современнике», но похороны родичей за три года выбили меня из русла. А надо доканчивать рукопись туда, надо!

Как Вы, Евгений Иванович? Главное — как здоровье? Где что издается? Я так и не нашел Вашу книгу в издании журнала «Дружба народов». Как бы Ваш двухтомник не прозевать.

Обнимаю нежно и целую.

Любящий Вася Юровских
23 июня 1982

18

Милый Евгений Иванович! Родной!

Вот дело-то какое... 25 декабря 1932 года на полотах юровской избенки появился на свет Васька Юровских... Мог бы и не быть: мама моя не хотела рожать, толкла в ступе дымный порох... и пила его. А он взял да и родился, тот Васька, и уже 50 лет живет. Чем не повод для Вас навестить Зауралье?... Этак робко, без надежды, но со слабой-слабой искоркой увидеться я и приглашаю Вас всем своим существом от имени себя, семьи, Шадринска, Зауралья, всей живности лесной в гости на свой юбилей.

Господи! До чего ж велика Россия-то... Самых дорогих людей не соберешь один раз в жизни...

Обнимаю нежно, целую, любящий Вас до последнего сердечного стука.

Вася Юровских
6 декабря 1982

19

Дорогой Евгений Иванович!

Тяжкий год на исходе, слава Богу! Пусть и работал я крепко, и вот опять пишется хорошо, а год-то ужасный. Утрата Юры Селезнева¹ — вечная боль моя...

Была и подлость по отношению ко мне... Но не озлобился, не почернел я душой. Лишь еще раз понял: таким простакам и доверчивым на роду написано — страдать, но верить в добрых, чистых и честных людей. А их ведь куда больше, чем негодяев, подлецов и удачливых за счет других. Переживем, а «мусор» из сердца вон! Пишу, милый, пишу, хоть и

жестоко хворал весну и лето, ноги отказывали совсем на нервной почве. Но сердце крепкое, голова свежая, а глаза радостные. Три рукописи отправил, а сейчас готовлю большую для «Современника». А в столе еще прорва всего написанного, и голова пухнет от замыслов. И счастлив, что есть Вы — единственный, кого я не разлюбил и в ком не разуверился. Смотрел я Вас в телепередаче, словно рядышком сидел, обнимал Вас... Вторично шлю свою книгу — первая, видимо, не дошла, коли нет известия. Ваш двухтомник не был в продаже, пустили в библиотеки, и я очень опечален.

Обнимаю нежно Вас, целую.

*Нежно любящий Вас Вася Юровских
23 октября 1984*

20

Милый, дорогой Евгений Иванович, здравствуйте!

А я ожил, ей-богу ожил, хотя на лекарства ушло много сил и денег. Они дорогие, больницам их не дают, к тому же иностранного производства. Зато все обошлось без ножа. А что ноги? Яшина резал сам Блохин¹, а зарезал так же, как самый заурядный коновал.

Ну, ладно, до того надоели болячки, что и говорить не хочется о них. И настроение отменное, даже «гражданская война» на полях литературных не подминает, не гнетет. Надо — так хоть сейчас рядовым солдатом пойду в батальон Ю. Бондарева под новый Сталинград! Раз он поднял голос, то это вселяет надежду в торжество разумного, здорового, естественного.

Прошлым годом «осеная» охота, как говорит в деревне у братана один охотник, была погублена дождями. Так и улетела тьма уток живьем на юга. На зайцев — сами дурни! — не туда ездили, тогда как в моей Юровке они гуляли по деревне возле собачьих морд. Озеро, где глубь пужала и тайн столько было для нас в детстве, обмелело, обросло кустами, и зайцев больше, чем овец по всей области. Из трех верных лис привез жене на шапку одну, а две отпустил. Одну, истекающую кровью, тайно присвоил себе участник нашей охоты. Последняя же, у Юровки, ослепила меня. Честное слово, не рыжая лиса, а золотое пламя летело на меня! Без очков показалось близко, шарахнул я по лисоньке, и она мимо сына через деревню рванула живехонька-здоровехонька. Какая красавица ушла!..

Потом снегом завалило по уши, и на том охоте конец. Тут, пока хворал, голову терзал романами и повестями, прозевал рыбалку на чистой речке. Ловили там ельцов, как селедку в старые годы величали, а окуни... Лучше не вспоминать! «Проснулись» мы и всего-то один раз надергали рыбки с сыном на пироги — аромат по сей день чудится! Через несколько дней затопило лед водой. На озере, в сторону Кургана, щук ловят, они там озверели и подряд месяц рвут, но от нас 30 км, не услышишь. Жду сейчас той поры, когда можно ехать на тетеревиные тока, на токовища белых куропачей. Без ружья, конечно, весенняя охота давно закрыта, а боровая дичь и подавно запретная. Послушать хоть, и то радости!

А там и сморчки полезут. Растут ли они у вас? Прошлой весной заморозило сморчки, и я еле-еле отведал чудо-грибы. Ныне все виды на урожай. Может быть, прислать Вам сушеных, а?

С весной Вас, дорогой Евгений Иванович! Здоровья Вам и всего самого доброго!

Грибами запахнет — знайте: это Вася Юровских жарит грибы... А вода у вас в реке заколышется — это я тащу здешнего карпа, кило на четыре...

Обнимаю нежно, с любовью.

Вася Юровских
9 апреля 1987

21

Дорогой Евгений Иванович!

Не взыщите за сморчки и толику соленых груздей. Хранить негде соленые, а сморчки только сухими и можно слать. Думаю, Вы их готовить умеете, М.М. Колосов писал как-то, что Вы его угощали сморчками, под Москвой где-то находили.

Спасибо за утешение и добрые слова, Евгений Иванович! Ничего, все в норме, и о хворобах просто не хочется думать, тем более у Вас своих хватает. Правда, более года не настроюсь на работу, но пишу-то я лишь тогда, когда уже не могу не писать. А просто сочинять — занятие противное для меня, пускай другие «перестраиваются». Даст бог, наберу силенок и наверстаю.

Дошла ли до Вас моя «Столешница» сермяжная? Должна появиться в «Детской литературе» книжица многострадальная, из трех — одна! Ну и Леня Фролов¹ заверяет, будто издадут меня в 85-м.

Погода сумасшедшая, и никак не вырвусь на рыбалку, то жара и ветра, то стужа зимняя...

Что нового у Вас, Евгений Иванович? Дай Бог Вам здоровья!

Обнимаю и целую.

Вася Юровских
6 июня 1987

22

Дорогой Евгений Иванович!

Ужасно рад весточке Вашей, ибо появляются они так редко за последние годы!

У нас нынче — Ташкент! С мая жарит-печет, под 50 градусов было даже. Хлеба подопрели, урожая не жди большого, и, хотя июль балует грозами, ливнями — нету грибов! Нет груздей, а ведь это — еда так еда! — для русского человека! Ягод полно, но мы у себя в саду устали от смородины. Сегодня опять ведро набрал. В лесах не был из-за комаров, страшно много их нынче. Мошка прошла в июне. Много и клещей энцефалитных. Я еще в 70-м году переболел, знаю, как это тяжело. Но в леса, за травами — надо! Душицы, зверобоя нарвать, без этих трав нельзя жить. На рыбалке побывал, отвел душу, рыбы там жутко, и даже бобра видели!

В городе у нас две недели нет 93-го бензина. Смешно и грустно, ведь через нашу область по огромным трубопроводам круглосуточно дуют нефть и газ вплоть до Парижа! Впрочем, на Руси сапожник всегда был без сапог!

Недавно попал в больницу, инфаркта и диабета не нашли. А с мужиками в палате о жизни досыта наговорился, на целую повесть багажа заимел... и — дезертировал домой... Доктора были шокированы, да что поделаешь со мной? Жив — и ладно. Здоров? Почти здоров... А чего зря лежать! Вот ноги стали болеть — это худо, худо... Меня, как волка, всю жизнь ноги кормили, куда ж я без них?..

Об издательских делах думать не хочется. Некоторых авторов издают подряд, по несколько книжек, а М.М. Пришвина всего дважды за последние годы издали, и то — книжки тонкие. Да что говорить... Лучше рыбачить, грибы собирать и свое потихоньку писать — по правде, по совести.

Обнимаю, целую.

Вася Юровских
30 июля 1987

23

Дорогой Евгений Иванович!

Да жив, жив я, как наш серый русский воробушко! И чирикаю, и даже петь собираюсь! А на болезни наплевать, то есть я перестал на них обращать внимание. Надо жить, пока живется, жить и радоваться. На том свете ведь ничего этого не будет. Да и время интересное. Конечно, выплыло много всякого мусора — он всегда сверху, — но уйдешь в сад или в лес — и все потуги, брань, крики становятся смешными и ненужными. А почитать Вашу статью «Что мы перестраиваем?», или книжечку Белова «Ремесло отчуждения», или «Зрячий посох» Астафьева — это куда интереснее и полезнее, чем многие современные толстые романы...

Скоро должна выйти в «Детской литературе» моя книжка «Родня», где есть рассказ «Перепела» с посвящением Вам.

Жизнь моя бьет родничком — на реке, в лесу, а ночью — за столом. Сын у меня — золотые руки — удочки выточил — лучше фабричных, мормышки мастерит любые, особенно из красной латуни, на них рыба берет отменно. А хвори только поддайся, она тут же и одолеет.

Спасибо, Евгений Иванович, что не забываете меня. С нежной любовью и благодарностью...

Вася Юровских

Е.И. НОСОВ — В.И. ПОЛИТОВУ

1

Дорогой В. Политов!

(Дурная привычка не называть свое имя!)

Спешу поздравить Вас с Новым годом, а заодно поблагодарить за дружеские слова приветов по поводу моей повести. Что касается Вашей вещи, то я к ней отношусь со всем добром, и, если в рецензии чувствуется некая досада, то лишь за Ваше неумение и неже-

ление довести до дела прекрасный материал. Тут — или резать, или доделывать. Но резать все же жалко. Там ведь повесть! И ее надо печатать в книге в прежнем объеме. Так что впредь считайте меня среди Ваших доброжелателей.

Сердечно —

Носов

2

Дорогой Виктор!

Рукопись получил. Как только посвободнеет со временем (вот «Огонек» заказал мне написать о Викторе Петровиче по случаю его 50-летия, надо сделать до 25 марта), так и почитаю тебя. О «Затухающих кострах» запросил в письме, чтоб сообщили, как и что. И еще просил, чтобы тебя пригласили на семинар, который «Наш современник» намерен провести в апреле со своими авторами, в основном с молодежью.

А пока могу процитировать из письма сотрудника отдела прозы Володи Кривцова (он недавно пришел в «Наш современник» из «Литроссии»):

«Спасибо за добрые слова о повести В. Политова. Конечно же я тоже хожу под впечатлением от “Затухающих костров”. Здорово, а?! В нашей степи не было рыбы, и Дон-то от нас далековато, но все кажется, что это про мои края написано. Только у девок другие имена были».

Весточка, как видишь, хорошая. Думаю, что и остальные, в том числе и высокое начальство, от которого в основном все зависит, не устоят перед свежестью и честностью твоего письма.

А главное, пиши, работай. Теперь, как я полагаю, у тебя дело сдвинулось, и скоро надо ожидать книжек. Это без шуток. Хорошо, если бы дал «Наш современник» твои «Костры». Это здорово тебе помогло бы в разговоре и с волгоградским издательством, и вообще. Публикация в журнале — она как пропуск.

А насчет переезда Виктора Петровича в Подмоскovie, увы, делодохлое. Виктору нужна свобода, тихие углы, где еще и рябка увидишь, и рыбешку. А подмосковные леса полны консервных банок, и Виктор не сможет прижиться в таких декоративных елках-палках. Ах, годы, годы! Береги их, у тебя еще кое-что осталось, а мы свои уже добираем, и впереди ждут нас одни хвори, безденежье и тоска.

Твой Е. Носов

3

Дорогой Виктор!

По твоему письму чувствую, что ты собираешь себя в кучку, свинчиваешь рассыпавшиеся кости, собираешь воедино душу. И

это меня порадовало. Надо, надо, брат, собраться с духом, нечего нюни распускать. Жизнь — она вся вот из таких ухабов. Пушкин по этому поводу сказал так:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет...*

А вообще ты сам во многом виноват — бросил свои рукописи на произвол и не приехал в Москву. Ведь поездка оплачивалась, не знаю, чего тебе еще? Астафьев мне сказал, что ты как раз в это время загулял... Ну, брат, нашел время!..

Я по-прежнему обеими руками за тебя и буду долбить редакцию. Но, увы, я не все могу: я ведь обладаю лишь совещательным голосом, а решает все Викулов. Он не почувствовал твоего Дона. Сам он северянин, и ему трудно уловить обаяние твоих вещей. Потому он и тянет только тайгу в журнал. И все-таки тебе следовало бы приехать на редколлегию. Плядишь, твое присутствие и склонило бы чашу весов. Она была так близка к одолеванию противовеса. Все решило выступление «шолохововеда» Хватова, который никогда не видел живого, нынешнего Дона, а представляет его книжно. Я дважды брал слово по твоей повести, пытался опровергать Хватова, но Викулов наострил уши и убоился. Его смутила расхристанная судьба героя. Он согласен дать повесть, если там будет поменьше «бабских» вопросов, «абортов» и пр.

Вот ты теперь, остыв, подумай. Может, и на самом деле пойти на уступки и кое-что подпороть? Тебе ведь важно пробить стену. А потом, когда ты станешь на ноги (а станешь ты быстро, Астафьев и я дадим тебе рекомендацию в Союз), тогда тебе будет вольнее дышаться и писаться. Может быть, вторую твою часть не делать отдельно, она проигрывает в сравнении с первой, а замешать их в одно целое? Вторая — статична, тогда как «У потухающих костров» — динамична, мускулиста, вся в развитии. Или можно пока заняться одними только «Кострами».

Прошу тебя, Витя, сцепи зубы, надуйся, доведи эту штуку до печатной возможности. Это так важно. Да и все ребята в журнале за тебя. Так что падать духом — не след и не время.

И насчет Коновалова ты не пренебрегай. Ты ведь ничего не теряешь. Встреться, дай почитать. Он ведь секретарь правления. Нет, дак и нет, забереешь рукопись, и то же будет. Но вдруг алтын? Не сиди в норе, не ешь самого себя поедом. Двигайся, двигайся!

Твой Е. Носов

Днями уезжаю с Астафьевым в Иркутск на семинар. Пробуду до конца месяца. А рукописи твои я все передал в журнал. Но ты не рви поводьев, не забирай их оттуда со скандалом. Не делай глупостей сгоряча. Поверь, все будет хорошо, как сказал Пушкин.

3 февраля 1974

4

Дорогой Виктор!

Извини, что давно тебе не писал: переезжал на новую квартиру, справлял свои 50 лет (был Витя Астафьев), болел и прочая суета. Только что разговаривал по телефону с редактором журнала «Подъем» о твоей повести. Если хочешь им предложить, то вышлай мне побыстрей. А еще раньше я договаривался с зам. редактора Гридчиным (он был у меня на юбилее), он тоже заинтересовался твоей вещью. Так что давай будем пробовать толкать в «Подъем», если ты ее еще никуда не пристроил.

Воронеж ведь тоже имеет отношение к Дону-реке, думаю, что в журнале отнесутся благосклонно к твоей работе, особенно к той ее части, где говорится о судьбе Дона и его рыбных богатств. Для гарантии попрошу, чтобы повесть прочитал Гавриил Троепольский (автор «Белого Бима»). Человек он глубоко чувствующий и тебя поймет.

Ну, пока.

Как живешь-можешь?

Носов

Да, я сменил адрес: Курск-4, ул. Блинова, дом 2, корп. 2, кв. 17.

5 ноября 1974

5

Дорогой Виктор!

Спасибо за книжечку стихов. Я ее прочитал сразу же, как вскрыл конверт. А потом уже читал своим друзьям. Тебе знакомо это: когда что-то тебя задевает, волнует — всегда хочется поделиться с кем-нибудь. Уже по стихам чувствуешь, что в тебе бьется самообытное сердце талантливого русского человека. Почему «уже»? Потому что для меня стихи — это вроде предбанника к бане. Сама же баня — это могучая, как твой Дон, проза. Особенно прищлись по душе «Следы на воде», «Отцу», «Вероятность» и «Бабий век». Но во всех стихотворениях чувствуется твоя кипучая, неутомонная натура. По твоим поэтическим строчкам чувствуешь, что тебе можно верить как человеку, на тебя можно положиться. Чего стоят одни только вот эти строки:

*Жить не в силах,
А живешь,
В слезах — гордишься...
Эх, Россия!*

Прекрасно!

А сегодня утром дочитал твою повесть, и у меня праздничное от этого настроение. Много минут истинного наслаждения получил я от прочтения этой вещицы. Вот прочитал, и жалко отправлять рукопись в журнал, жаль с ней расставаться. Буду горячо рекомендовать «Нашему современнику». Буду ратовать за то, чтобы тебя включили в состав совещания молодых авторов, которое редколлегия намечает провести в апреле этого года.

Маленькое замечание по повести: как-то скомкан, не прописан конец. Я понимаю, будет еще продолжение. Но для публикации в журнале важно, чтобы эта вещь звучала вполне законченно и самостоятельно. Понимаешь, надо не дать читателю почувствовать, что наш герой делает правильно, когда думает покинуть Дон. Может быть, он и оставит отчий край, жизнь заставит, но надо сделать так, чтобы все в читателе протестовало против этого веления времени. Не надо дать восторжествовать мысли, что только инженер в наше время — человек. Человечность зависит не от профессии, а от приверженности своему народу, своей земле. А не сделать ли тебе в конце так, чтобы он после прочтения письма той девицы (которая выступает в роли искустельницы-эпохи) не усидел бы дома, в своей уютной, одинокой каморе, а вышел бы на берег ночного Дона?

И вот так, на его круче, над затихшей зимней рекой перебрал бы он все свои думы и все «за» и «против»? Пусть он решится уехать, но хорошо бы, чтобы при этом его решении все время присутствовал Дон, чувствовалась его неодолимая сила притяжения — Дон уже мелеющий, безрыбный, жалкий своей немощью и безводьем, но по-прежнему родной. В том-то и дело, что в наше жесткое время обстоятельства заставляют делать вовсе не то, на что рожден человек, и потому беспощадно рвутся родственные связи и, не оглядываясь, уходят из отчих домов. В общем, подумай. Сделай конец позвучнее, и пусть прощание с Доном прозвучит в нем тревожным минором.

Ну, пока.

Сердечно —

Носов

P. S. Эти мои рассуждения о кончике повести между нами. Саму же повесть я отправлю и буду рекомендовать, не дожидаясь твоего ответа, сегодня-завтра, как только напишу сопроводительную рецензию или отзыв.

6

Дорогой Виктор!

Обо всех твоих мытарствах написал главному редактору Леониду Анатольевичу Фролову. Он человек справедливый, и будем надеяться, что в твоей судьбе скоро наступят благие перемены.

Твой Е. Носов

7

Дорогой Виктор!

Получил твою веселую, беспечную открыточку и понял, что ты неисправим: забился на Дон, удишь рыбу и, конечно, не знаешь о том, что я тебе послал месяца полтора назад очень важное для тебя письмо.

В том письме сообщалось, что я все уладил в издательстве относительно издания твоей книжки, расчистил для тебя дорогу, убрал все надолбы на твоём блистательном пути, а от тебя до сих пор ни слуху ни духу. Главный редактор, Леонид Анатольевич Фролов, который знает твоё творчество ещё по «Нашему современнику», просил тебе передать, чтобы ты выслал расклейку, а коли нет такой, то просто рукопись, но желательно, чтобы были ссылки, где и когда печаталось.

Обо всем этом я тебе уже писал, но письмо это до сих пор валяется в Саратове, и ты, пребывая в Серафимовиче, блаженно ничего не знаешь, что на твою голову (дурную башку) наконец свалилась божья благодать, для хозяйственного оприходования которой тебе надо трохи пошевелить руками. На всякий случай даю рабочий телефон Фролова: можешь позвонить из Серафимовича ли, из Саратова ли, справиться, как и что.

Твой Е. Носов

8

Виктор, привет!

Ну, че разворчался? То не по тебе, се...

Это все от одичания. 15 тыс. экземпляров в договоре — это всего лишь формальность. На самом же деле таких тиражей, особенно в прозе, не дают. А дают не меньше 30 тыс., т. е. — два тиража. Стало быть, получишь ты 4,5 тыс., а 100% + 60%, потому что за каждые последующие 15 тыс. платят уже не 100%, а только 60%. Не за два тиража, а за один тираж (15 тыс. экз.) плюс 60% за второй. Понятно? Это на первых порах не так уж мало. Можно купить «Жигули». Ну, а уж моторку, и даже не одну, — запросто.

Это раз. Второе: хотя из «Нашего современника» тебя и «завернули», но нет худа без добра: говорил о твоей повести с Ваней Евсеевко, и выяснилось, что ты им не надоел ещё, и просили повесть

прислать им. Что касается путевки для жены, то я, если и писал тебе о таковой, то имел в виду не лечебную путевку, а в Дом творчества. Лечебную — это особая статья... Это должен сделать уполномоченный Литфонда по саратовской писательской организации (есть у вас такой). К нему и обратись. Ничего тут страшного и сверхъестественного нет. Никто тебе в этом не откажет начисто. Не имеют права. Другое дело, что такой путевки может не оказаться на ближайшие 3–4 месяца. Это естественно: многие хотят в Трускавец, но он-то не резиновый... Так что надо набраться терпения и выждать такую путевку, тут ничего не поделаешь, все законно, и никто не будет и не хочет тебя затирать, как тебе кажется. Но только надо сходить к уполномоченному и подать заявку. Шевелись, Витя, шевелись, не хнычь, не чертыхайся понапрасну на людей, которые ни в чем перед тобой не виноваты. Будь сам мужиком, а не лежащим камнем.

За рыбку — огромное спасибо! Что ты! Тысячи восторгов, когда мы с внуком Ромашкой отколотили крышку с ящика.

Твой Е. Носов

9

Дорогой Виктор!

Два твоих главных дела: 1. Надо вступать в Союз, хватит ходить с птичьими правами. Ведь что такое книжка без членства в Союзе? Это — книжка бедного родственника. При расчете за нее ты получишь жалкие крохи. Потому что у тебя нет билета и нет права требовать по 300 руб. за печ. лист. А заплатят тебе по 180, а то и по 150, как кому вздумается. Стало быть, в Союз надо пробиваться, не дожидаясь какой-то очереди, и желательно до того, как выйдет книжка в «Современнике». И вообще — что значит — очередь? Кто ее устанавливал? Все это глупости. Ты в письме обмолвился фразой: «Обстановка такая, что могут прокатить». Что за обстановка, в чем дело — об этом написал бы потолковей. Поди, болтаешь много за выпивкой, костеришь всех и выше! Причина, конечно, глупая, но веская в наше время. За это, и верно, могут попридержать, и тут тебе никто не поможет. Скажут: «А он не почитает начальства, за что же его в Союз?» И будут правы. Потому что один из пунктов устава гласит, что Союз есть объединение единомышленников. Ну а коли ты инакомыслящий, то пеняй на себя, сидеть тебе с твоими «повестюшками» в девках по своей же загульной бестолковщине.

А второе дело: книга. Уж ты не лепи ее кое-как. Зачем тебе эта расклейка? Зачем терять по легкомыслию — сколько? — два печатных листа сокращений. Наверно, выброшены из повести не самые худшие куски. И тебе их не жалко? А кроме всего, два печат-

ных листа — это же деньги, и немаленькие. И терять их из-за того, что ты не можешь отпечатать на машинке. Да и вообще отнесись к своему таланту серьезно. Это ведь не игрушка. Это даже не твоя собственность, коли ты надумал печататься. Смотри, скольких ты людей порадовал своими прекрасными повестями в «Подъеме»! И от тебя ждут новых. А Сибирь — это не дело, это все суета, баклуши. Наплюй ты на нее... Ты сам себе Сибирь: тешь свою душу в работе, в своих книгах. Вот где действительно воля вольная, раздолье, простор для души!

Словом, Вить, давай марш в Союз, надевай хомут и натягивай постромки во все тяжкие. Пора, брат, пора пахать свою неподнятую целину, пока еще есть силенки, кое-какое здоровье. Жизнь-то не шибко долгая: туда-сюда, вот они и пятьдесят. А там и ящик не за горами. Вот купи поллитру, сядь и подумай обо всем своем житье-бытье хорошенько... От добра добра не ищут. Бог наградил тебя душой и песней. Чего тебе еще треба от него? Не прегнева, малыш. Возьмет и отберет и то и другое. Он это может...

Твой Носов

10

Привет, старина!

Ну, вот и молодец: сподобился съездить в Москву. И ничего страшного. А ты боялся. Напротив, потолкался, поговорил с ребятами-издателями, в общем-то, такими же бедолагами, как и ты. Это они с виду хорохорятся да еще московские тряпки на себя напяливают, чтоб стращать провинцию. А жизни и у них нет... А еще надо было бы зайти к Лене Фролову, главному редактору, просто так, познакомиться. Он тебя знает, я ему все ухи прожужжал о тебе, да и мужик он хороший, справедливый, бессребреник. Ему можно высказать все свои претензии по издательству, по книжке, он бы помог все привести в соответствие.

А насчет Сахалина... Идея, в общем-то, хорошая. Больной Чехов на телеге добрался¹. А сейчас за 8 часов на реактивном. Но то Чехов, он мужик осмотрительный, интеллигентный. А за тебя, Витя, я боюсь. Хрен тебя знает, что ты там отмочишь, как все обойдется. Про рыбаков и без тебя тамошние напишут. С налету это не делается. Там — свои повадки, своя терминология, свои подробности и тонкости быта и работы. Не знаю, Вить, не знаю... Я человек домоседливый, в таких делах не советчик. Вот Виктор Петрович — другое дело. Тот мог бы тебе что-либо сказать. Но он и мне что-то не стал писать, видно, разобиделся. Поди, кто-то что-то трепанул ему обо мне. У нас по части свар есть большие любители. Раньше, когда он жил ближе и помоложе был, мы часто пересекались с ним своими путями. А теперь вон куда залетел, в

Москве стал бывать реже, стали потихоньку хиреть и отпадать прежние дружеские связи. Да и к старости возле себя обычно оставляют самых-самых близких друзей. Я, видимо, к таковым не отношусь... Пишу тебе, попиваю из горла пиво и жую твою сомятину. Надо же — так совпало! А у меня под письменным столом стоит твой посылочный ящик, который вон уже сколь долго мне верно служит. Правда, на дне осталась одна задеревенелая чехонька да сомовья челюсть с плавником. Но на этой челюсти я все нахожу и нахожу мясо и с ней еще собираюсь попить пива весь март. А уж потом, окончательно оглодавши, сделаю из той челюсти сувенир. И выграввирую, как у Гюголя: «Сия рыба съедена такого-то числа и рока».

Да, милый друг, по детям только и узнаешь, как неуловимо время. По строчкам почувствовал, что ты дочь свою любишь, и это славное чувство! Трудное это время, когда ей 20. Как, как уберечь ее, как гарантировать ей счастье? А вдруг попадется ей в мужья какой-нибудь хмырь... Я понимаю твои волнения, а рецептов у меня нет. Видно, надо положиться на судьбу. Как и все мы в свое время.

Обнимаю.

Твой Носов

11

Дорогой Виктор!

И хотя я сейчас зверски болею (воспаление оболочки головного мозга) и плохо глядят мои глаза (по этой причине я редко тебе отвечал, а болею с апреля 1980 г.), я все же спешу высказать и мою радость по поводу твоего наконец признания в Волгограде. Правда, еще предстоит пройти проверку «на вшивость» в Москве, но там — проще, а кроме того, в Москве твои бебеки будут идти через меня как секретаря правления, так что последим, чтобы ты прошел как надо.

А вот книжные твои дела меня не радуют, особенно дела в «Современнике». Потому что сам по себе прием в Союз еще не кормит, а только повышает аппетит. Но, я думаю, не все потеряно. Сейчас там сменилось начальство. Старое — разворовало издательство, и им даже нечем платить за рецензии. Так вот, главным редактором пришел туда Леня Фролов, наш парень, из журнала «Наш современник». Он тебя знает по повестям, знает, что ты хороший писатель и что я тебя поддерживаю. Он заступил с 1 января, еще не оклемался там, но какое-то время спустя я напишу ему о тебе, и надо все затеять по-нову. Хорошо, если бы ты сделал расклейку, а не посылал просто рукопись. Расклейка, т. е. наклеенные страницы из журнала, действуют на всех редакторов магически. Но, кажется, до тебя это так и не дошло, тогда черт с тобой,

траться на машинистку, вместо того чтобы отдать 50 коп. за журнал в свое время. Словом, не все потеряно, и готовь сборник срочно для отправки, а лучше, если бы съездил сам прямо к Фролову и сослался на меня.

Твой Носов

12

Вить, привет!

Ну, во-первых, с наступающим!

А во-вторых, не ругай, не досадуй, что не всяк час горазд отписать тебе: и не любитель эпистолярного вообще, а тем паче — замотан, затыркан. И жюри одолели. И дурные думы. И скверное настроение, когда совсем-совсем не пишется. Да и не ты один у меня такой сирота казанская. Есть и еще о ком радеть. На всех вас меня не хватает. Чтобы каждого — по головке, каждому по теплему письму. Но помнить душой — всегда тебя помню и часто спрашиваю себя в бессонные ночи: где ты, что с тобой?

Днями в Москве говорил со Славкой Марченко¹ (он командует в «Современнике» всей прозой). Ругался с ним за тебя, за те хулиганские рецензии, которые пишутся на твои вещи, просил лично обратиться на тебя внимание, заняться твоей рукописью. Он записал что-то в свой блокнот. Но я тебе советую: напиши ему лично, напиши так, как писал мне: откровенно, обо всех перипетиях с твоей рукописью. Он тебя помнит. Когда обсуждали твою повесть в «Нашем современнике», он тогда заведовал там отделом прозы и был за публикацию. Но тогда журнал был сыт: Залыгин, Белов, Распутин — романы, повести и пр. Все это теперь проглочено, новых романов не написано, и журнал рад всякой мелочи. Теперь бы тебя там с руками оторвали. Кстати, нет ли чего новенького?

Так вот, напиши Марченко. Зовут его Вячеслав Иванович. Сошлись на меня и вообще поплачься, не стесняйся, опиши свою странную и неудачливую судьбу. Москва иногда все еще верит слезам. Хотя все реже и реже. Но тут как раз тот случай, когда можно всплакнуть...

Ну, будь здоров!

Держись! У тебя уже нет попятного хода.

Е. Носов

13

Дорогой Виктор!

Не ворчи на меня за то, что долго не откликался. Как приехал из Москвы на Новый год — захворал и прохворал всю весну. Да и теперь еще корчусь от желудка. Запустил все свои дела. Накопилась уйма чужих рукописей, среди которых потонули и твои. Ты ведь у меня не единственный «бедный родственник»: шлют со всей

России, и вот сижу разгребаю, будто я чем-то провинился перед человечеством, и мне придумали вот такую казнь.

Пока дал ход одним твоим «Браконьерам» — отправил в «Литературную Россию». Теперь жди приветов... А вообще, кончик надо бы сделать поэнергичнее. А то он у тебя смазан, скомкан — та сцена, где рыбнадзор ловит-таки Олега. Надо бы посмачнее сделать, попространнее. Ну, да как получилось...

Почему не зайдешь в «Волгу»? Ну что ты, честное слово, как малое дите? Сколько я буду водить тебя за руку?

С приветом.

Твой Е. Носов

Публикация повести в «Подъеме» должна улучшить твои дела в издательстве. А вообще, готовь помаленьку книжку для московского издательства «Современник». Там издадут быстрее.

14

Дорогой Виктор!

«По открытой воде» дал в «Наш современник». Правда, с некоторой неуверенностью, что возьмут... вспомнили, что рукопись рассказа. Но я их маленько припугнул тем, что-де вот не взяли «У затухающих костров», а ее напечатал «Подъем», и теперь эту повесть хвалят в Москве.

Повесть действительно пользуется успехом. Об этом мне говорила куратор по журналу «Подъем» М.В. Зубавина. Она сказала, что давно не читала в этом журнале такой прекрасной вещи.

Думаю, что это повлияет и на судьбу второй повестушки, и «Наш современник» отнесется к ней более внимательно.

А насчет волгоградских чистоплюев особенно не расстраивайся. Пусть дают даже в искромсанном виде. Постепенно ты все же прорвешь всякие запруды: человек ты талантливый, искренний, правдивый, и, как говорится, вода дырочку найдет — так и твой талант: его уже ничем не заткнуть. И никому. Тебе сейчас важны не козни, а деньги, чтобы можно спокойно работать. (Но, чур, не проматывать!)

Главное же — не Волгоград, а Москва. Вот к этой задаче надо отнестись со всей серьезностью и, не откладывая, заняться подготовкой рукописи для издательства «Современник». Собери все, что у тебя накопилось стоящего, перепечатай на машинке и пошли в издательство. Спешить надо, потому что книжку делают долго: если ты этим летом отправишь рукопись, то она при всех благоприятных рецензиях попадет в план лишь на 1979 год. А жизнь наша не бесконечна. Так что рыбалка рыбалкой, а дело делом.

Пошли на имя редактора Вячеслава Ивановича Марченко. Это мой друг, о твоей повести он знает, потому что в то время, когда она

была в «Нашем современнике», он работал там зав. отделом прозы. Парень он хороший, сам неплохой писатель, и в письме сошлись на мои горячие рекомендации. Можешь даже вложить вырезку из «Подъема» с моим предисловием. А когда соберешься отправлять, то дай знать мне: я напишу Марченко письмецо. Так что, как говорится, с богом. А по выходе московской книжки надо подумывать и о вступлении в Союз. Рекомендацию я тебе дам. Астафьев — тоже. Вот такие твои ближайшие задачи. А между этим работай. Не ленись, не транжирь время. А уж после всего этого можешь смело въезжать в Волгоград на белом коне. Кстати, очень прошу, будучи в Саратове, разыщи Григория Ивановича Коновалова, подружись с ним, дай почитать воронежскую повестушку, и он тоже поможет тебе во многом.

Твой Носов

15

Дорогой Виктор!

Молчал потому, что сильно расхворался: взыграла старая моя махровая язва желудка. Вытерпел 59 уколов, прохворал с ноября по сей день — считай, всю зиму. Стали годны старые рубахи и штаны: раньше не застегались...

Рад, что в «Современнике» дела твои на мази. И что в «Подъеме» дают. Там считают, что вторая твоя вещь даже лучше первой. Правда, я считаю наоборот, но дело не в этом, а в том, что обе они хороши, и что ты — хороший писатель и будешь еще лучше, если, конечно, не сплосуешь, не спотыкнешься на чем-нибудь. Например, поездка в тайгу сама по себе романтика, но при условии, что не будешь охально жрать водку. Водку тоже надо уважать и относиться к ней не панибратски, а уважительно, снявши шляпу. Иначе она может так заломать, что никакие титулы не помогут. А тайга и все, что связано с бродяжничеством по ней — все это, увы, водка. Так что думай, брат...

Относительно вступления в Союз... Дело это нескорое, и до тайги ты вряд ли его обтяпаешь. Как делается? Сперва надо подать заявление о приеме в волгоградскую писательскую организацию. Коли тебя там примут, тогда твои дела пойдут в Москву на приемную комиссию, где будет заседать 21 мудрец. Надо, чтобы была брошена за тебя бо́льшая половина шаров. А уж после этого тебя станет утверждать высшая инстанция — секретариат, где восседает и твой покорный слуга. Но это все формальности. Самая же важная для тебя формальность — надо иметь печатные книги. А у тебя пока журнальные публикации. Вот тут и закавыка. Могут сказать: надо подождать до выхода книжки. Но можно попробовать в порядке исключения сунуться и без книги. Во всяком случае, я тут приложу свою секретарскую лапу, буду кое-кого уламывать. Хотя гарантии тут нет. Вить, вот такие дела. Не сердись на меня.

Твой Носов

16

Дорогой Виктор!

Прими мои самые сердечные поздравления по случаю праздника Весны! Не знаю, куда тебе писать: то ли на Серафимович, то ли на Саратов. Видимо, на Саратов лучше, поскольку там твоя семья и ты, наверно, на праздники поедешь туда. А может, и ошибаюсь. Очень жаль, что ты не приехал на редколлегию. Твое присутствие, возможно, как-то повлияло бы на твои дела. А пока, увы, повесть не удалось пробить. Я дважды выступал в ее защиту, но главный редактор уперся как козел и — ни в какую. Очень жалко. Повесть-то хорошая. Смутили их всякие бабские похождения героя. Вот бы ежели без них, говорят, а просто Дон, люди, работа. Но ты не падай духом. Я по-прежнему буду тебя поддерживать, и что-нибудь да сделаем. На первых порах, будучи в Саратове, встретиться с Григорием Ивановичем Коноваловым. Это — секретарь правления писателей Союза РСФСР, человек влиятельный, простой, любит донские казачьи песни, любит выпить. Я о тебе говорил ему. Адрес его таков: Саратов-28, площадь Коммунарная, дом 5, кв. то ли № 1, то ли № 14, дом. тел. 6-01-79. Попроси его пристроить повесть в журнал «Волга». Он сделает. Я уверен, вы с ним сойдетесь, попоете песни... А сначала дай ему почитать.

А вообще, зря не сподобился приехать в Москву. Мы с Виктором Петровичем так ждали тебя.

Обнимаю.

Твой Носов

17

Дорогой Виктор!

Дед Гриша многое может сделать, особенно если полюбит. Надо было с ним поговорить, погулять по берегу Волги. Он сказочник, кладезь! А какие казачьи песни он знает! Ты ему должен понравиться. Вы родственные души по всему своему складу. А ты, конечно, застенчив. Книжку-то, вернее журнал, с повестью хоть подарил? Чтобы он почитал. Если ему понравится (а я уверен!), он все для тебя сделает. И надо было просить квартиру не жене (потому и окраина), а себе — писателю. Тогда разместили бы тебя получше. Зайди, зайди к деду, поговори просто так: о Доне, о рыбалке, о жизни. Не бойся. А с Фроловым я говорил: что ж вы тянете, что вы делаете с парнем? А он: ну, Жень, все, ставим его на 83-й год. Раньше нельзя. Все издательские дела запущены, много хвостов, много долгов. Парень он верный, не трепливый, тебя помнит и меня слушается. Так что потерпи малость. И давай им сразу побольше, листов на двадцать. Рукопись должна быть уже там. Там ли? Успеешь ты на свой Дон. Надо дело делать, а тогда уж — все остальное.

Твой Носов

18

Дорогой Виктор!

Отправил тебе письмецо на Саратов и, оказывается, не угадал. А ты, вишь, на хуторе теперь. Хуторянин... Землевладелец.

А вообще-то это здорово! Я как-то порадовался этому обстоятельству. Тому, что у тебя теперь свой клочок земли. Это то, что можно любить воистину — большой и тихой любовью — каждую травинку у обочины, каждый лопух под плетнем. А если заведешь кочета — так и вовсе счастье. Или собаку. Пусть беспородную, пусть в репьях, но такую свою, такую преданную, которая за твой хутор готова поплатиться жизнью, но не пропустить врага. Ах, как русскому человеку не хватает земли! И хоть мы занимаем $1/6$ часть суши, а жить как-то негде. И нечем...

Но теперь у тебя есть — и где жить, и чем дышать. Славно, что и Дон течет рядом. Теперь не будет сосать под ложечкой от тоски по нем. Одним словом, поздравляю от души.

Конечно, охота и мне побывать на твоём хуторе. Но строить планы — дело ненадежное... Вот чуть было не подох. Отказал желудок, четыре недели ничего не принимал, рвало даже от чаю. Я так обезводел, так исхудал, что ноги не держали. А однажды (от бессолья, что ли) так захотелось солененького, что не утерпел (а мне ведь нельзя!), среди ночи достал чехонь и жадно слопал половину. А потом запил минералкой и спал как убитый. Веришь, хоть бы где кольнуло! С того раза и пошло на поправку. Так что, получается, чехонь выручила. Спасибо тебе за посылку. Прекрасная рыбка. Ты вот что... Когда оглядишься, маленько приведешь в порядок курень, построишь на задах баньку (от хвори всякой — лучше заправских лекарей) — сооруди себе коптильню. Это очень необходимая для рыбака вещь. Сомятину ли закоптить, балык сделать, чехонь позолотить... Что ты! Я делал коптильню из чугунной печи. В верхней ее части помещал на прутьях рыбу, а поддувало служило топкой. А можно сложить из кирпича, а сверху приладить пустую бочку. В бочке и размещать копченье. А уж после бочки дым будет уходить в жестяную трубу. Примерно вот такой комбинат.

Витя, а книжечку твою я поставил на хорошую полку, где стоят книжки моих приятелей. Книжка твоя того заслуживает: в ней есть такое, что может согреть.

Пришли мне снимок твоего куреня.

Ну, будь здоров! Еще раз спасибо за посылку.

Твой Е. Носов

19

Дорогой Виктор!

Дела твои в «Подъеме» нормальные. Я написал несколько слов о тебе, и повесть отправили в набор. Теперь, даже если ее не опубликуют, ты получишь по закону 50 %. Но этого не случится. В Мос-

кве я разговаривал с редактором, вещь ему нравится, и он дал слово, что все будет хорошо. Теперь повесть уже заверстана, кажется в 4-й номер. Все твои послания получил. Спасибо за теплые слова. Спокойно заканчивай свою новую повесть и присылай мне, где-нибудь пробьем еще.

Твой Носов

20

Витя, не ворчи, что долго молчал. Суета суёт, как говорит Папанов¹. Рыбу получил, спасибо! Уважил! Сосу и ликую. Тяну, сколько могу — к пиву только, дружков удивить и побаловать. Вначале очень хороша была, жир по локтям бежал, а сейчас малость подсохла, появилась прогорклость. Но у нас — и это деликатес.

Рад за тебя, что все устроилось с жильем. Отпала еще одна проблема. А что касается Фролова, то, честно, ничего оттуда не знаю. Вот, может, в конце октября поеду на пленум, тогда расспрошу. Да ты не волнуйся, мужик он не трепливый, сказал, значит, сделает.

Повестюшку твою пока прочитать не сподобился, не дошли руки. Но прочту обязательно и уже сообщил «Нашему современнику», что есть такая повесть. Те сказали — «Давай!» У них сейчас с портфелем худо. Нечего печатать. Глядишь, возьмут.

Вить, извини, что коротко пишу. Ты у меня не один. Рука устает отписываться и отбиваться.

Твой Е. Носов

В.И. ПОЛИТОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Уважаемый Евгений Иванович!

Я прочел Вашу повесть «Не имей десять рублей...». Так бы и я хотел писать... А Вы мне в рецензии ставили в пример «какого-то» Хемингуэя с дряхлым стариком. Конечно, Хемингуэй великий писатель и его «Старик и море» — одно из лучших произведений. Но ведь там столько романтизма! А жизнь другая. Я не говорю, что лучше, но другая совсем. Как от жизни этого могучего старика, так и от всех его произведений веет этой самой романтикой. А вот чтоб так запросто, на каком-то подледном лове раскрыть всю глубину такой типичной личности, как Ваш Феденька, это совсем другое дело. Просто все. И поступочки его вроде не из каких общепринятых рамок не выходят, не делает он вроде ничего плохого, а подлец невероятный, причем подлец не сам по себе, а подлец выученный. В общем, здорово! У нас в секции еще три семьи, рабочие в основном, всем давал читать, всем понравилось, всё и все поняли правильно.

Мой рассказ идет в «Нашем современнике», как я понял, сокращенным до минимума. А Виктор Петрович пишет, чтобы я не артачился, что и Вашу повесть резали. А я удивляюсь, как ее не зарезали совсем... Я тружусь сейчас над повестью о рыбаках — «До берега рукой подать». Но... негативные стороны приходится высветлять, и получается неважно.

Спасибо Вам за все советы. И за повесть Вашу спасибо! Доброй Вам работы и всего доброго.

Ваш Политов
2 ноября 1973

2

Дорогой Евгений Иванович!

Посылаю Вам, как и обещал, то, что я насотворил. Посмотрите, пожалуйста. Может, и переосторожничал, но сейчас такие времена. Тут был скандал в «Волге» из-за статьи Лобанова¹, до сих пор не соберусь прочитать и не знаю, что уж он там такого наворочал, чтобы поднимать столько шума. Зато некоторые саратовские писатели, которые ни по каким меркам под слово «писатель» не подходят, издают в Москве книги сотысячными тиражами. Все знают, что по блату, все знают, что это не писатель, а самый настоящий барыга, и никого это не волнует и не возмущает.

Встречался несколько раз с Коноваловым, один раз подзагуляли, и даже крепко. Удивительное здоровье! 75 лет, а он и меня сумел до 3 часов ночи умотать. И работает. Повести мои хвалил. Но из «Современника», как прислали в конце января авторские карточки, якобы для скорейшего заключения договора, так до сих пор ни слуху и ни духу. Как всегда, сижу на мели крепко-крепко.

В «Волгу» просили дать что-нибудь. Дал два рассказа. Один хороший, один так себе, ходовой рассказик. Хороший, всем понравился, а давать бояться: «Пускай у нас полежит»; а «так себе» уже вроде в наборе. О какой же литературе тут можно говорить? Сколько на Руси пропадет настоящих талантов! Не мне Вам это писать.

В апреле, не знаю, как соберу деньжонок, отправлюсь на Дон. Да и не знаю теперь, может, там и к Дону близко не подпустят. Приеду — узнаю.

Думал обосноваться на Волге, купить лодку, но тут это все страшно дорого. Да и не нравятся мне эти искусственные лужи, в которых и купаться-то противно. Да и рыба, только одна видимость... Видно, от Дона мне теперь никуда уж не деться. Настоящая рыбалка крючками там начнется в начале мая. Ну а на сети уж рассчитывать не приходится. Так что я, может, пробуду тут до конца апреля. Евгений Иванович, как прочтете, пожалуйста, сообщите сюда Ваше мнение. Я ведь буду ждать. А если уеду раньше, то напишу Вам. Сейчас думаю заняться стихами. Привести все в порядок, кое-что перепечатать.

Всего Вам самого доброго!

Ваш Виктор

3

Дорогой Евгений Иванович!

Был я недавно в Вологде у Виктора Петровича. Чувствует он себя сейчас вроде неплохо. Трудится потихоньку. Написал мне предисловие к книжке. Из Волгограда пришел ультиматум, что если рукопись до 15 ноября не сдам, договор будет расторгнут и (Подумать даже страшно!!!) аванс изъят. В Москве я никуда не заходил. Сначала хотел зайти в «Наш современник», да и Виктор Петрович советовал. Но я как-то не решился. Не хотелось портить настроение, с каким ехал от Виктора Петровича. Из двух повестей сделал все же одну, как было в ранних вариантах. Думаю, что повесть получилась, а впрочем, черт ее знает. Как кому глянется. Мне уж эти «Костры» надоели. Рассказы пишу, стихи. Все лето прожил на Дону, рыбы пересушил добре. Чувствовал себя неплохо, даже несмотря на очередные неудачи с «Нашим современником». А вот в Саратов приехал, и говорить не хочется. И не хочется идти к Коновалову, да и не с чем. Просил тогда супругу отнести рукопись, она не отнесла. Вы уж на меня не сердитесь, а то скажете: ему советуешь, как лучше, а он в бутылку лезет. Не лезу я никуда, но и не умею, даже не унижаться, это не то слово, а быть в качестве просителя, что ли. Когда человека уважаешь и знаешь, что это человек, то и попросить не стыдно о каком-то одолжении. Только больно уж мало в нашей литературе настоящих Человеков. Не зря В. Шукшин в своем последнем интервью сказал «Есть еще умные люди в России». Раз «еще», то, значит, их очень мало, так надо понимать. И вот еще одного настоящего писателя не стало. А настоящих-то можно по пальцам на руках перечесть. Да и лишние, пожалуй, останутся, пальцы-то.

Ну а Мария Семеновна действительно чудо! И готовит, и печатает, и вяжет, и все в одно и то же время. Без нее Виктору Петровичу было бы туго. Как-то он сказал: «У меня есть жена и три настоящих друга». Вы да два фронтовых товарища. «Эти, — говорит — и в тюрьму не побоятся передачу принести». А я подумал, что он в этом отношении богач, прямо миллионер. У меня вот один друг остался, да и тот уже давно все понял и махнул на эту жизнь рукой. Мудрец. Я так еще не могу. А пора бы. Но не получается пока. Я даже стишки по этому поводу сочинил:

*...Из меня хотела сделать
Своего раба.
Ах, как много ты хотела,
Милая судьба.*

*Потихоньку, полегоньку
Жала там и тут.
Рвется нитка, если тонко,
Тоненько прядут.*

*А на душу не наденешь
Кованых цепей.
У меня свои владенья,
Пой, поэт, и пей.*

Всего Вам самого доброго!

Всегда Ваш Виктор

4

Дорогой Евгений Иванович!

Посылаю Вам рассказ «Иностранки». А где-то в начале февраля отослал «Браконьеров». Может, еще какой шпаны подошлю. С этой публикой хоть не так скучно. Речей они не произносят, рекордов трудовых не ставят, правда, воруют, пьют, спят где попало и с кем попало, но все же с ними не скучно. А то ведь скукотища кругом. Отчего все пьют? Да от скуки же! «Включил телевизор — съезд, радио — съезд, ну я уж утюг не стал включать»...

Гранки из «Подъема» присылали. Все же почти пополам повесть сократить пришлось. Иван Иваныч пишет, что боится, как бы еще не пощипали. Не знаю, что уж там щипать. Пьют вроде рыбаки печатные много. Горе! Живые-то вообще не просыхают. Иной раз окажешься вместе с лодкой в таком месте, что никакой черт бы туда не завел. Сам заехал. Ну, пускай щиплот. У нас жизнь одно, а литература, партсобрания, съезды — совсем другое. Скорей бы весна! Да гонораришко хоть какой получить, чтоб приобрести кое-что из рыбацких снастей. В этом году весной я на Дон не поеду, делать нечего. Попробую погулять по Волге. Нищую матушку-Волгу потрясти. Ведь саратовский герб — это три стерляди. А тут уж не то что у стерляди — какой вкус у селедки, забыли. Не герб, а наглядная агитация.

А в апреле я все же собираюсь съездить в Воронеж. Может, там где удастся приткнуться на житье-бытье. Конечно, саратовский барак — это временное явление. К XXI веку его должны снести, не бульдозером, так атомной бомбой. Чем-нибудь все равно снесут. Только мне некогда ждать. В крайнем случае шалаш опять где-нибудь построю. А к зиме землянку вырою, только бы местечко подходящее найти. Буду искать.

Вот жена с дочкой у меня хворые, а так бы мне хоть куда. Хоть к черту на рога. Терять-то уже нечего, приобретать тоже. Построить небольшую яхту и поплавать по всем морям и океанам — моя единственная, не утраченная с детства мечта. Только когда «посмотришь с холодным вниманием вокруг», так сразу и очнешься, и стыдно станет, что такая наивная, глупая мечта все еще в тебе живет. Вот дурак-то! Рейс до ближайшего магазина — и плавай сколько влезет, да и то если есть на что.

Напишите, пожалуйста, как мои последние сочинения. Повесть «По открытой воде» думаю добить к концу апреля. Дочка весь этот месяц в школу не ходила, болела, еле-еле «Иностранок» удалось перепечатать.

Всего Вам самого доброго!

Ваш Виктор
9 марта 1976

5

Дорогой Евгений Иванович!

Наконец-то я прибил к дому. С 25-го — запрет. За окном хлещет дождь. Нежусь в постели, и выходить никуда не хочется. Все-таки эта романтика у костра хороша в меру. А дрожать из ночи в ночь, подогревая то спину, то живот, тоже надоедает. Рыбы, можно сказать, не было. И все ж я умудрился изловить трех сазанов. Правда, самому не пришлось покушать. На Дону идет какой-то разбой. Не столько браконьеров, сколь-

ко воров. Снимают сети, переворачивают вентера. Была одна захватывающая погоня по залитому водой лесу. Прямо из какого-то американского боевика. Мы на дюральке с «Вихрем» — они на дюральке с «Москвой-25». На 5 сил больше, но нервишки у них не выдержали. Догнали. Один — милиционер. Ничего особенного. Поговорили мирно. Мол, у нас кто-то снял сети. «Да вы что?! Когда? А рыбешка как?» Вот и всё. А может, они и правда ни при чем. На воде ведь следов не остается. А тут два дня назад застрелился главный инспектор рыбнадзора. Герой Советского Союза. За день до этого был у меня со своими разбойниками на стану. Ели уху. Шутил. Надо мной подтрунивал. «Ты напиши рассказ “У костра”». А через день всадил в себя пулю из рыбнадзоровского пистолета. Уже похоронили. Вот и рассказ.

Вчера приезжаю ночью. Мокрый до нитки. Зуб на зуб не попадает. А дома ждет письмецо из «Лит. России» от Г. Дробот. Просит сократить «Следы на песке». Дома — радость! И всё — Вы! Посылаю Вам остальные два рассказа. В итоге, по-моему, получилась небольшая повестюшка из трех рассказов. За это время, конечно, ничего не написал. Ночью пугал кабан. Выживал из своих владений. Пройдет к стану. И — «кгэ! кгэ!» — аж жуть берет. И фонариком мощным в ту сторону свечу. Ни черта не боится. Хотел взять ружье, да потом вспомнил, что штраф за них дюже большой, и передумал. И так каждую ночь с ним воевал. То холод не дает заснуть, то кабан. «...Нет в мире совершенства». Дома кто-то пытался в окно пишущую машинку вытащить. Благо она тяжелая, а ставень старенький. Ставень оторвал, болтается на одной петле. Узнаю, кто, голову оторву.

Хорошо, конечно, если бы «Лит. Россия» дала эти три рассказа связано. Но это уж слишком большие запросы. Да и стоят ли они того, тоже еще неизвестно. Посмотрите.

Теперь числа с 5 мая разрешат отлов чехони плавными сетями. Там толк должен быть. А пока подчищу тут разную мелочь, перепечатаю, может, и нацарапаю что-нибудь. Вот у меня и все новости. Кроме, конечно, мертвого леса, в который жутковато входить: высохшие дубы, хлам, свежий лосиный помет, свежие рытвины, работа диких свиней, мутноватой быстрой Медведицы, таинственные воровские звуки лодочных моторов в ночи и все прочее. Но это надо видеть и слышать самому. А вообще-то жить на свете все-таки неплохо. Зря он застрелился.

Посылаю Вам книжку «Сердцу не прикажешь». Просил, чтоб мне оставили в магазине с десяток. Нынче пойду узнаю. А это Ваше «Следы на песке» в «Лит. России», как подарок к дню рождения. 42 стукнуло дураку. Отмечал в лесу наедине с птицами и рыбами. И было грустно и в то же время умиротворенно. Спешить уже некуда.

Спасибо, дорогой Крестный!

Ваш непутевый крестник —

Виктор
25 апреля 1977

6

Дорогой Евгений Иванович!

Только что дочитал книгу «Усвятские племоносцы». Да, для России-матушки это действительно Священная Книга, которую надо издать в переплете с золотыми застежками. Это наши святцы.

Виктор Петрович пишет: «А Женя-то Носов какую повесть написал! Зе-ли-кую!»

Вот, всё. Больше у меня и никаких слов нет.

Дон что-то совсем оскудел. Рыбалку забросил до августа. Дожди ведь и дожди. Пытаюсь работать — не клеится. От хандры ездил в Волгоград. Поиграл в бильярд, поглядел на матушку-Волгу — и домой вернулся. А тут как раз достал все пять номеров «Современника». Я бы на месте Михаила Александровича Шолохова сказал: «Теперь и помирать спокойно можно». Да, не из слезливых я. Но и посмеялся до слез, и поплакал. И как это Вам удалось!

А у меня горе. Уезжает Та, которой я посвятил столько стихов. Навсегда. Уезжает такой же чистой, молодой и красивой. Дом уже продан.

Шарик, Шарик не будешь лаять
На меня у своих ты ворот.
Она слишком была молодая,
Я же — наоборот.
У меня вот опять горячка,
Снова в сердце — была — не была!
И в подушку я голову прячу,
Вот какие дела.
И, себя растравляя винищем,
Я знакомое вижу дно.
Этих дней пролетело тыщи,
И все то же одно.
Ничего. Я душой не смиряюсь,
Я с собою опять борюсь.
Я стараюсь. Я очень стараюсь.
Лишь пока не нальюсь.
Не с того ли, отхаркав с кровью
Эту черную, злую боль,
То ли с ненавистью,
То ль с любовью,
Принимаю тебя, алкоголь.
Хоть на миг ты даешь отраду,
Хоть на миг ты даешь покой.
А за то, как будто в награду,
Она в грудь мне толкнет рукой.
Шарик, Шарик, не будешь лаять
На меня ты теперь никогда.
Голова ль ты моя удалая...
Голубая донская вода...

Вот уж не думал, что во мне было такое сильное чувство. Это я ужам как крестному и святому отцу покаялся. А так-то хрен кто знает. Да чувства мои были святыми. Вот и все горе-то.

Ох как жалко, что не знал я про этот съезд, вернее, что Вы на нем будете. Обязательно приехал бы и постарался сманить Вас на Дон. Судачок как раз шел. Но да разве в этом дело? Сейчас мой шеф уехал на курорт, и у меня ни лодки, ни мотора. Скоро должен вернуться. Обещаю в августе устроить грандиозную рыбалку. У нас с ним уговор. Я ответствен только за рыбу, а все остальные заботы вплоть до движка электростанции — освещать палатки — он берет на себя. Я, по правде сказать, такие рыбалки не люблю. «С размахом!»

А дома у меня настоящая беда. Мать с бабкой такие скандалы друг с другом закатывают, что хоть затыкай уши и беги куда глаза глядят. Вообще — ужас! А податься пока некуда. И как я, дурак, согласился на этот переезд в Саратов? Теперь и семью потерял, и при таком образе жизни скоро, наверно, себя потеряю. А где выход, пока не вижу. Одно утешает, что такой вопрос задаю себе не я один. «Я опускаюсь в жуть. Где выход... Только благополучных придурков этот вопрос никогда не волновал.

Ну, ладно.

*Уйти бы в тихий край,
Где нет законов.
И преступлений нет.
И тишина
Малинового звона
Была б слышна.*

*Уйти б туда безгрешным,
Безмятежным,
Где никогда не знали зло и ложь.
Но вот беда,
Под платьем белоснежным
И зло, и ложь туда ты принесешь.*

Всего Вам самого доброго!

Всегда Ваш крестник Виктор

Р. S. Евгений Иванович, если Вы уже прочли «Открытие Б. Медведицы» и «Ширину», черкнули бы пару строк. А?

7

Дорогой Евгений Иванович!

...И в договорах-то все мудрят — нет написать, что почему, русским языком, а то ведь ничего не поймешь. Но потом разобрались. Так что моторку куплю обязательно. А на Дон буду ездить набегами. Думаю, в середине августа. Напишу тогда Вам. Вчера вернулся из командировки, ездил по колхозам, выступал, гроши зарабатывал. Стихи мои до колхозников, кажется, доходят. Слушают внимательно и даже просят почитать еще, если, конечно, время есть. Сейчас ведь уборка начинается, не до выступлений.

А насчет путевки для жены я давно заявление подал. Может, и придет. Дочь в художественное училище экзамен провалила. Тут была воз-

можность кое с кем поговорить, но она, как кошка в дубошки: «Не вздумай! Не хочу по блату поступать!» Надо мной в союзе если и не посмеялись, то посчитали за дурачка, не приспособленного к современной жизни. Будем умнее.

А повесть я сокращу и отошлю Ивану Евсеенко. Но это уже к осени. Один раз был на Волге. Все говорят, что вода стала чище. Изловили спиннингами судачков, щук, пару окуней. И хоть уха получилась не то, что донская, но ничего, есть можно.

Рассказ мой — «Чайки» — идет в «Волге» в июле.

Спасибо, что написали! А то уж стало как-то невмоготу. А насчет Вашего приезда в августе — подумайте! Чудесная это пора на Дону! И если надумаете — черканите. Здоровья!

Ваш Виктор
18 июля 1983

8

Дорогой Евгений Иванович!

Скажете, наверно, ну, Политов уже зазнался. После столичной «жизни» не писалось даже писем. Посетил «Современник», познакомился со своим новым редактором Вострышевым Мишей¹. Дали они «Затухающие костры» в расклейке. Говорит: «Срочно надо было сдавать, некогда с рукописью возиться. А то редактриса ни хрена не сделала». Рассказы вообще потерялись. Следом же он прислал верстку. Три повести. Ну, все, что ни делается, к лучшему. Тут должна в № 4 «Волги» выйти повестюшка. Тоже всю порезали. Ладно, до конца не зарезали, живой. Но еле-еле. Хорошо, что у меня есть еще стихи в запасе. Над ними можно без конца душу отводить и никуда не предлагать. Нет, писать куда легче, чем иметь дело с издателями.

Скоро весна!!! Отведу душеньку! Сети тут купил — сила! А летом хочу подать заявление, чтоб съездить на Сахалин. В Южно-Сахалинск. У меня там приятель на сейнере плавает. Давно приглашал на работу. Может, о тихоокеанских рыбаках чо сделаю. Да боюсь, не дадут командировку. Это же из Москвы. А то годы уходят, и материал уже ушел. Тот же, что остался, не для нашей печати. Но это всё планы. А пока живу скудно. Ведь у нас и с деньгами делать не хрена, и без денег. Пить только. Малеевщина.

Чо-то Виктор Петрович молчит. В № 12 «Студенческого меридиана» был фоторепортаж о нем, и почуял я, что у него какое-то большое горе. Не сын ли погиб? Не дай бог.

Дочке-то моей уже 20, а как после семи нет, так и начинаешь икру метать. Бандитизма кругом хватает. А тут еще живем на самом краю, на пустыре. Хоть бы скорей замуж выходила. Работает на заводе «Техстекло» художником-оформителем. Мечтает стать безработным художником-профессионалом. Папин опыт ничему не научил. То 150 р. получает, хочет — до обеда работает, хочет — как хочет. То ничего не будет получать. Бог с ней.

Здоровья!

Ваш Виктор
1 февраля 1984

9

Дорогой Евгений Иванович!

Наконец я дождался авторских экземпляров и увидел книжку в твердой обложке. Правда, к этому времени я уже дожил до такого состояния, что отправить ее не на что. Вспоминаю веселый рассказ О'Генри, когда два ковбоя так разбогатели, что никак не знали, куда потратить свои денежки. Они взяли телефонный справочник какого-то городишки и вызывали и спаивали всех подряд его обитателей, а когда врач и юрист отказались от такого предложения, они купили две шапки ручных часов и выгнали этими часами привередливых интеллигентов из города. Я никого не спаивал и купил всего одни часы, а денежки тю-тю!.. Тем ковбоям пришлось ехать то ли в Нью-Йорк, то ли в Сан-Франциско. В Саратове же потратить 5 тыс. руб. оказывается так легко, что всей семьей удивляемся, куда же они делись.

Но все это ерунда собачья. Главное — вышла книжка. И даже в твердой обложке, которую я так долго ждал, чтобы отправить Вам. Жалко, конечно, что «Затухающие костры» вышли в журнальном варианте, и вряд ли теперь их удастся издать целиком. Но, может, это и к лучшему. Отослал я в «Современник» новую рукопись Мише Вострышеву, с которым знаком лично и он мне понравился, не знаю, как я ему. На Дон так и не попал. Некогда было. А теперь уже и ни к чему. Видел Вас по телеку впервые, а ведь собирался съездить. Эх, да что там! Много кой-чего собирался сделать...

Об одном у меня болит душа — не подлил ли я масла в огонь, если он вообще горел, когда написал Виктору Петровичу, что Вы мне написали о том, что он перестал Вам писать. (Во! Русский язык!) Но ведь столько вокруг завистников и сволочей из графоманов, что волосы становятся дыбом. Один со мной тут пил-пил, клялся в любви, а нажравшись, вдруг с такой ненавистью: «Политов, как я тебя ненавижу!» А тоже писатель. Я тут с ними дюже не чикаюсь. Из плана местного издательства меня выкинули. Везде одно и то же, но с голода не подохну. Не одни же кругом враги — есть и друзья. А с выходом книжки, думаю, прибавится и тех и других. Абы писалось...

Здоровья Вам!

*Ваш крестник Виктор
20 сентября 1984
г. Саратов*

10

Дорогой Евгений Иванович!

Поздравляю Вас с Днем Победы! По-моему, к этому празднику Вы имеете самое прямое отношение. Так что здоровья Вам и здоровья, из которого большая часть осталась на той войне!

Вышла моя повесть в № 4 «Волги». Сильно, конечно, порезанная. Прямо как та каша, которую я описываю в повести. «Попробовал, вроде есть можно. Другой раз попробовал, вроде нельзя». Дело в том, что у писателя свои мысли, идеи и взгляд на жизнь, а у издателя — свои. И получается нечто среднее — «ни рыба ни мясо». Ну черт с ней.

Где-то числа 15 мая получу гроши, отправлю жену лечиться, а сам махну на Дон. На Волге с рыбалкой у меня ничего не получается. Брако-

ньеры тут больше смахивают на бандитов. Да по сути дела, оно так и есть. А я еще до бандитизма не докатился.

Москва что-то притихла. Писали, что ждут сигнал. Но уж больно долго ждут. Тут в издательстве тоже сначала дали 9 л. и 15 т. тираж. Сказал, забери. Теперь вроде дали 18, про тираж молчат. «Своих» дюже много. А я чужак. Да к тому же еще в издательстве был два или три раза. Хоть в Союз хожу мимо чуть ли не каждый день, не умею налаживать я эти «контакты». Да и «зеленый змий» мне в этом деле не помощник. Иногда ляпну такое, что у всех шерсть дыбом. Трезвый-то промолчу. Между прочим, в обкоме повесть, кажется, понравилась. Наш куратор долго тряс руку и выражал надежду, что в Саратове я все-таки приживусь. Идет грызня за квартиры — в общем, как везде. Я даже заявление не подавал. Допишу и доживу на кухне. Не в этом дело. Просто противно на все это смотреть и все это слушать. А вещь еще одну я начал и, видно, не скоро кончу, и видно, что последняя. Ни на какой Сахалин, конечно, я не поеду. Да и печень здорово стала болеть. К врачам не собираюсь. Когда в открытую идет торговля здоровьем, то пошла бы такая медицина и бесплатное лечение. Лучше сдохнуть. Ну вот, начал за здоровье, кончил за упокой. У меня всегда так.

И все-таки здоровья Вам.

Ваш Виктор
7 мая 1984

11

Дорогой Евгений Иванович!

Передал мне от Вас привет Сергей Боровиков. Спасибо! Писать лишь все лентяй. Я тоже.

В августе дочь вышла замуж. Он — художник, учится в том же училище, что и она. Работает в пожарке. Там им дали комнатенку. Свадьбы не было и не будет. Молодая категорически против. Живут самостоятельно.

Отослал я еще летом повестюшку «Ширина» в «Наш современник», Попову Н.В., что-то ни ответа ни привета. Может, Вы в курсе? Из этой «Ширины» у меня вырос чуть ли не роман. Но его еще надо дотянуть. А 15 декабря сдавать рукопись 25 л. в «Современник». Аванс уже тю-тю. Написал я Попову, хоть бы рукопись вернули. Домой на Дон опять не попал. Осваиваю Волгу на резинке. Пока ничего путного не выходит. Сейчас холод и ветер загнали домой. Добью «Ширину» — и снова на Волгу. Один черт, доберусь я до ее запасов. Живу смирно. Сухой закон блюду. Иногда нарушаю. Скука.

Здоровья Вам!

Ваш В. Политов
1 октября 1985

12

Дорогой Евгений Иванович!

Обрадовали Вы меня своим письмом до того, что напугали. Прочитал я письмо, а жена говорит: «Аж побледнел». К ругани-то я уже привык, а как начинают хвалить, так мне здорово становится не по себе. Вот и стало страшно от Вашего письма. Ответственность слишком большую

налагают Ваши добрые слова о моей писанине. Буду стараться, работать буду, хоть Вам-то хорошо известно, как это нелегко. Камни ворочая, точно знаешь, что делаешь видимое, осязаемое дело. А тут пишешь, пишешь, а потом иной раз и самому читать стыдно собственную писанину. Повесть эту я начал лет десять назад. Забрали меня тогда из рыбколхоза в районную редакцию. Приехал из Волгограда Иван Данилов¹. Вы его знаете (автор «Февраль — месяц короткий»), он еще был литработником в «Молодом ленинце». Поехали мы в командировку вместе, а потом по Дону. Я ему кое-что рассказал о рыбаках и рыбке, даже ночевали у одного рыбака. И он меня надоумил попробовать все это описать. И первые главы я написал быстро, а потом почувствовал, что силенок маловато. Да и ушел снова в рыбаки, уехал на Цимлу, потом в Красноярский край, так что не до писанины было. Ну и потом раз десять переделывал, переписывал, бросал, а в прошлом году весной потерял все рукописи в Волгограде по дороге из Саратова в Серафимович. Но черновики остались, и вот снова пришлось многое делать заново. Вторая повестюшка — скорее вторая часть этой же повести, только сделана несколько иначе. Показана одна ночь на Дону. Поздняя осень, холодно, трудно, и основное повествование дается в воспоминаниях. Поэтому я и оставил героя вроде бы как на распутье, но последние слова: «И уж почти что совсем счастливый, я наконец заснул», — мне кажется, звучат достаточно иронически, чтобы читатель всерьез поверил тем наивным мечтам героя о другой, какой-то праздничной жизни, какая его ждет. От Дона он уже не денется никуда, хоть и будет пытаться сделать это. Вещь (II) в основном написана. Я даже думаю к концу февраля, ну, в марте, ее закончить. И тогда уж, если она не удастся, можно сделать более определенный конец, как Вы советуете.

Спасибо Вам большое, Евгений Иванович, за письмо! Легче много мне теперь будет работать, зная, что все-таки это не мартышкин труд. А это, что там ни говори, много-много значит. Виктор Петрович меня тоже здорово поддержал и правильно посоветовал сделать вещь сюжетней, стройнее. А то у меня сначала там был большой ералаш. Так как все основное повествование шло в воспоминаниях, а их последовательность создавала бы искусственность, надуманность. А так не бывает. Поэтому и шло у меня все вразброс. А мнение ваше, как старших писателей, которые пишут правду, для меня очень дорого. И хоть старше-то вы на каких-то 10–11 лет, но правильно сказал Межиров²: ерунда, всего на Отечественную войну. Вы давно понимали, испытали на своей шкуре то, до чего я додумался, может, только годам к 30...

Многое хочется сказать, но разве в письме скажешь? Слова с мыслями враскорячку лезут. Вот бы дожить до лета, собраться на Дону, здорово было бы! А рыбалку я Вам обещаю такую устроить, что Вас потом и с Дона не выгонишь. Есть у нас специалисты, конечно... и похлеще меня, но и я не из последних. Хоть крючками рыбалил только в детстве, да вот года 3 как начал. А ведь многое надо знать, чтоб уметь ловить рыбу удочками. Так что запланируйте там себе на лето недельки две-три отпуска для Дона. В мае хорошо, и в июне, и в июле, и в августе... Все лето, в общем. Я уеду в Сераф-ч где-то в середине марта. Дочка поправляется, ходит в школу, а жить в бедламе, четыре семьи в двухметровом коридорчике, я, честно

признаться, устал. Да и не городской я житель по натуре. Четвертый год прописан в Саратове, а если год в общей сложности здесь прожил, то хорошо. Вот эти стихи про Дон мне даже самому нравятся.

***

А у нас и куреня, и хаты,
И степя задумчиво тихи.
Сколько слез и крови в них вобрато,
Сколько в них головушек лихих!

На дорогах умирают травы.
Гетман — шлях разбойничьей орды.
Слева — степь. Синее Дон направо,
От беды полшага до воды.

А весной какие половодья!
Аж на цыпочки привстанут тополя.
Если отпускает Дон поводья,
То кругом в намет летит земля.

Много там Григориев и Мишек,
Много там Аксиных жгучих глаз.
Говорят там: «Встрели мы братишек»,
Если их встречают в добрый час.

А в степных курганах блекнут кости,
Ковыля колышется волна.
Приходили всякие к нам гости,
Пошумели. Будя. Тишина.

С неба льется песня жаворонка,
Стрепет бьет испуганно крылом.
Широко поют у нас и звонко,
Больше горько, больше о былом.

Я хвалить родной свой край не буду.
От него за тридевять земель.
Говорю тебе, что я отшель,
Ну, а ты скажи мне, ты откуда?

Всего Вам самого-самого доброго. Евгений Иванович! Доброй работы! Доброго здоровья!
Всегда Ваш.

Виктор

13

Дорогой Евгений Иваныч!

Сижу в Малеевке, созерцаю подмосковную природу и дико зеваю. Это уже второй день моего пребывания в Доме творчества. Не знаю, чтобы такое сотворить?

Пока дорабатываю ту повесть, что посылал Вам. Правлю правки редакторши. Все-таки женщин к литературе в качестве редакторов нельзя и близко подпускать. Это преступление против нравственности. Повесть взяли и запланировали в № 4 «Волги».

Н.Н. Блегов, новый редактор, в частном разговоре сделал несколько замечаний, повесть ему понравилась. Но он просит (заметьте, не я прошу, у меня бы язык не повернулся), чтобы Вы написали небольшое предисловие, что ли. Дело в том, что «Волга» еще не «потекла», всякие плотины не пускают. А в стоячей воде... Назвал я ее «Мы и мир». Вся она антивоенная, антиатомная, и никакой конъюнктурщины. Но журналу нужно имя, чтоб прорвать эти свои плотины. Еще он просил, чтобы я у Вас попросил (вон сколько просьб!) хоть что-то Вашего для журнала. А может, какие молодые под рукой есть. Ведь Вы с нами, шалопаями, сколько времени и здоровья гробите.

В общем, мужик (а мужик хороший) хочет сделать журнал, а журнал делать пока, собственно, не из чего.

Думаю побывать в издательстве «Современник». но это попозже. А пока зеваю. Ну и скукотища! Даже бильярда нет, сломался. Думаю, недельки две продержусь, а больше вряд ли.

Если не сдохну от скуки и от умственного вида «курносых», еще напишу.

Здоровья Вам.

Ваш Виктор

14

Дорогой Евгений Иванович!

Вот и от Вас получил письмецо. Спасибо! А то уж думал, Вы совсем обо мне позабыли. Правда, передавал мне от Вас привет Юра Никитин, наш секретарь, человек без юмора. Но ничего секретарь. Что на уме, то и на языке. Иной раз такое загнет, что хоть стой хоть падай. А на днях получил письмо от М. Вострышева, из «Современника». Пишет, что книжка вот-вот и выйдет. Аж не верится. Был я ведь не только в «Современнике», но и в ЦДЛ¹ с ним славно посидел, а потом гдей-то порастерялись. Я ночевал в общежитии Литинстута. А еще приезжал сюда Коля Тюльпинов², тоже редактор из «Современника», собирал рукописи у местных, в основном молодых ребят. Ночевал я с ним в номере гостиницы, и он сказал, что приехал ради меня. Может, брешет. Отдал я ему три повести. Одна должна выйти (если не снимут) в «Волге» № 4. Правда, здорово пощипанная, но кое-что и осталось. Вообще-то теперь с «Волгой» можно иметь дело. Журнал становится интересней. Николай Николаевич — мужик русский, без этих самых. Да и поэт он добрый. Говорят, вытащит мои стихи из стола, поглядит и назад в стол. Но его тоже можно понять. Насчет Сахалина я все еще в нерешительности. А Виктору Петровичу, видно, там не сладко, в родных-то палестинах. Нет пророка в своем отечестве. Да и друзей, похоже, ни старых, ни новых. Я вам никогда не писал, а вот в бытность мою у него в Вологде... Сидим на кухне, выпиваем помаленьку, Мария Семеновна куда-то ушла, и вдруг заваливается один вылощенный хмырь с распростертыми объятиями. Виктор

Петрович встретил его, однако, хмуро. Новой бутылки не достал. Чую, тут что-то не так. Потом тот в туалет, а я спрашиваю:

— Кто это такой?

— Да ... один!

(Это, оказывается был зам. редактора журнала «Урал».)

Потом этот ... один:

— Витя, ты нам что-нибудь дай.

— Пошли вы...

— Ну, ты же мне друг.

Виктор Петрович аж посерел:

— Какой ты мне друг! Вот есть у меня друг Женя Носов, который не побоится, принесет передачу, когда меня посадят! Да еще осталось два-три фронтовых товарища, а ты дру-у-г...

Я-то со стыда чуть сквозь пол не провалился, а тому хоть бы что. Так что, думаю, никакими сплетнями и сварами вашу дружбу не подорвать. А мастаки насчет этого дела есть, я уж на своей шкуре испытал. Домой-то, на Дон, уже ехать неохота, такую там про меня бодягу развели. Но это было испокон веку во всем мире, и удивляться тут нечему. Хорошо еще, что у нас нет желтой прессы, а то бы так ославили! Поэтому я и решил все же купить себе лодку-гулянку с каютой, уже заказал. Вчера только вернулся с подледного лова. Две ночи ночевали в нетопленной даче, но ничего... Рыба еще не пошла, а рыбешка тут есть, и лещ, и судак, и щука, и окунь, и жерех, даже, говорят, осетры есть. Так что буду обосновываться на Волге. Сейчас занимаюсь в основном стихоплетством, проза что-то не идет. Как дошел до серьезных тем, что ли, так и застопорилось все. В № 1 «Волги» была статейка о моем словоблудии, упрекают, что не берусь за серьезные темы. Смех один... Статья начинается Вашими словами, может, и чересчур добрыми, но зато вовремя сказанными. Так что пока поругивают осторожно. Потом, надо думать, разойдутся. За книжку побаиваюсь. Все-таки сделана она слабовато. Кое-что выброшено, а в этом «кое-что» хоть капелька, но была все-таки поваренная соль. А без соли совсем преснятина получается.

Всего Вам доброго! Главное, здоровья.

Ваш крестник Виктор

Е.И. НОСОВ — П.Т. БАРАНОВУ

1

Дорогой Паша!

Спасибо тебе за весточку, за стихи, за добрые слова приветов из своего текелийского далека. Судя по стихам, ты все еще юн душой, и я рад, что ты жив, хотя и боюсь спрашивать о здоровье. А все-таки как твои дела, как живется, написал бы... Все мечтается побывать в ваших местах, да подходит лето — и кружат меня не те дороги. Но все же не оставляю мысли как-нибудь собраться. А сам-то ты бываешь когда-либо в России?

Посылаю тебе свою новую повесть о войне. Ты солдат, тебе она, думаю, многое напомним.

Привет семье и всем текелийцам и талды-курганцам, кого я знаю.

Твой Носов

2

Дорогой, милый Павлик!

Получил твоё пространное послание, которое прочитал с удовольствием, ибо увидел в нём тебя прежнего, какого знал и каким ты, к моей радости, остался. Читал и гневался твоим гневом, радовался твоими радостями от ощущения весны и мироздания. На это твоё письмо я ещё отвечу, а пока спешу обнять и поздравить со всеми майскими праздниками и особенно — с Днём Победы! Будь, сколь можно, здоров и крепок духом! А к нашему разговору о бедствиях природы шлю фото брошенных лошадей. Вот так и зимуют они возле стога, гложут снег и лёд вместо воды, потому что напиться зимой им негде. Оказались никому не нужными. А ведь они Россию и кормили, и защищали от врагов. Горестно это видеть...

Обнимаю.

Твой Женя

П.Т. БАРАНОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Милый ты мой чертяка, Женька!

Уф! Разбередил ты мою душу. Защемило, брат, сердце мое оттого, что таким давно забытым именем — Паша — прозвучала из уст твоих на первой странице «Литературки» моя бедовая, светлая весна. Весть эту мне принесли в больничную палату. Хорошую весть...

Вдруг сухими стали губы от обжигающего пустынного ветра. И вправду, слизнув их, я почувствовал горечь полыни — буйную, хмельную, радостную. Где вы, мои ветры? Я хотел бы, чтобы они с прежней силой толкнули в грудь, рванули ворот рубашки, хлестнули дождем в лицо.

Спасибо тебе, что гикнул, свистнул, мол, айда, братва, в атаку! Не забыл. Не особенно меня балуют такими заревыми почестями.

Удивительно славно, что твои строчки сдунули с узелков памяти слежавшуюся пыль и гарь, высветили самое яркое, звучное, родное. Мы жили без хитрости. Порой умирали улыбаясь.

Мне почему-то вспомнилось, как ты, прочитав мой очерк о тружениках Чубара, сказал, что он пахнет хлебом, арбузами, яблоками.

Это ведь здорово, когда строки пахнут хлебом, звенят луговыми травами. Мне чертовски радостно, приятно пить росяную стынью в твоих

песнях, брать охапками самоцветы душ человеческих, которыми так щедро одарена земля русская. Все в ней под стать друг другу. Когда нас первый раз ударят, мы шутя отмахиваемся. Когда второй раз стукнут, мы огорчаемся. Ну уж на третий удар мы отвечаем: ах так? — засучиваем рукава и бьем, озлясь.

Не все мне пришлось прочесть из того, что было рождено твоим умом и сердцем, что пошло самостоятельно жить-поживать, гулять-погуливать по белу свету.

Это ведь замечательно хорошо, Женя, что в каждом твоём творении бьется пульс живой человеческой души. То твое, что встретилось мне в пути, дарило хлеб, музыку, светлую радость до слез.

Спасибо. Хорошо, что ты вспомнил. О своей внешней поре я бы мог сказать:

*Юность моя голопятая
В сермяге дырявой в мороз,
В кулак от бесхлебья зажатая,
Летела мечтою до звезд.*

Не смог я, мой добрый товарищ, подняться ввысь. не смог! Нахожу успокоенье хоть в том, что душа осталась такой же ненасытной к доброму, прекрасному, оставалась такой же равнодушной к песням, радуге, буйному половодью.

Я вот иногда открываю заветную карточку, на которой Гавриил Федорович Дружинин, Анатолий Георгиевич Попов, Женя Носов и я. Добрая память.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить тебя, милый Женя, со званием писателя, лауреата России, с пятидесятилетием, высокой правительственной наградой. Желаю тебе, чтобы не истощались твои строки, чтобы в них пела душа златоуста, чтобы не только человек, а каждая былинка в луговых разливах, каждая птаха малая, ветер распахни-рубаха сказали: наш друг, золото неразменное...

Все! Крепко жму руку.

*Павел Баранов
Текели, редакция газеты «Горняк»
3 мая 1976*

2

Дорогой Женя!

Как верно определили люди: поет душа. Это радость через край. Это золотой звон солнца под хрустальным куполом неба. Это освежающие капли благодатного дождя в лицо в пору, когда он пахнет парным молоком.

Мне именно было приятно и звездно на душе, когда я получил от тебя, Женя, мой хороший друг, добрую, лучезарную весточку и бесценный подарок — книгу. Хорошую книгу и твоей рукой написанные строчки, обращенные ко мне.

Спасибо тебе, не забыл, вспомнил. Я тебя за все это и за радость светлую, что ты мне подарил, обнимаю, целую. Ты скоро откликнулся. Как ребенок, я расхвастался всем, особенно своим домочадцам. Была осо-

бенно рада словам приветов моя милая Надя. Она ведь хорошо знает и помнит то далекое время, расцвеченное утренними сполохами, ярко представляет многие картины. Она вспоминает один за другим эпизоды. Помнит гульбище в новогоднюю ночь, помнит вашу келью. Даже удивительно: помнит, в каких ты бурках ходил и что сшил ты их сам. Вот ведь какая память!

Я всегда был жадным до верных друзей. Их было много, а мне все казалось, что мало. Особенно острую потребность в них я ощущаю сейчас. Видимо, не только годы, что упали инеем на кудлатую голову, а все нутро просит взгляда доброго, участливого слова. Мне как-то не повезло со здоровьем. Был я бесшабашный — не берег его. Не умел. Как-то на больничной койке, томительной ночью сложил:

Здоровье — это напиток,
Мы пьем его жадно до дна,
Ахнем, когда все распито,
Блеснет когда капля одна.
Но мы потеряли здоровье
Совсем не по личной вине,
Платим за счастье мы кровью
По очень высокой цене.

Почему в больнице? Два года назад я под косу проклятой «старухи» попал. В марте — первый звонок, а в мае — второй звонок... Два месяца на спине. Два месяца тяжелых дум и горьких ссадин в клеточках мозга. Инфаркт миокарда. В моей палате при мне отошли в мир иной пятеро. Я видел, как умирают люди, умирают без стонов, без агонии, тихо, спокойно, делают два-три глубоких вдоха, и всё. Я год не работал. Хотели совсем отстранить от дела, но потом сказали: «Давай!» Весна и осень тяжелы для меня. Смерти обидно, что так очень щедро Павел дарил, расцвечивал радугой осень, если любил — так любил.

Было время, когда у меня однажды пошла горлом кровь. Алая кровь. Что-то лопнуло в правом легком. Меня все же спасли. Милый ты мой, Женя! Я пока был везучим. Не знаю, что во мне было сильным? Я знаю, что любил и люблю этот священный великий дар — жизнь. Люблю вон тот родник, что щебечет за дорогой у подножия горы. Восхищаюсь шитыми из золотых ниток шапками одуванчиков. Как к девичьей груди, припадаю губами к прохладной коже белоствольных берез. Эх, жизнь!

Застыдились, заневестились березки,
Золотые у них тенькают сережки.
Этим чистым, вешним благовестом
Выбираю средь березок я невесту.

Вот такой я дед седой, влюбленный. Мы в свою юность мало испили поцелуев. Обиженными остались наши девчонки.

Столько дум навалилось... Хочу рассказать про многое, а вот, видимо, мало отстукаю. 1 мая будущего года будет ровно 25 лет, как я подписываю «Горняк». Эти четверть века если разложить по полочкам, то много места займет. Были славные дни, были грозы, что рвали душу, нама-

тывали жилы на колесо. До этих «звонков» я и работал что надо, был в самой гуще дел партийных и общественных. Мне не хватало часов, что заключали сутки, а теперь...

Моя Надя работает дежурным у щита управления на электростанции. Старшая дочь, Нина, работает на горсанэпидстанции, врачом. Сын Вовка — электрослесарь на комбинате, его жена — преподаватель русского языка. У него сыновья — Витя и Максим. Младшая, Аленушка, — обогатитель, ее благоверный тоже. Вот такой я богач! Тебе привет от Нади моей. Ей тоже пришелся подарок по душе. Через год она идет на пенсию.

Ты просил сказать о семиреченцах. Право, затрудняюсь. Ураганом, бураном всех раскидало, что сейчас стежек и не найти. Анатолий Попов тогда уехал в город Чертков, писал мне. Н. Кутовых однажды прислал письмо, давно. Василий Егоров уехал в Ленинград. Орловский умер. Алексей Иванович Пермикин — тоже. Мария Васильевна Ракоедова — не знаю. Аня, помнишь, корректор была, такая пухленькая — в редакции, на прежнем месте. Валька Макаров — в Рязани, был в «Окской правде». Наташа Линева здесь, в Текели. Петя Бородин — был в Алма-Ате, парализован. Ленька Никитин — взлетел до редактора областной газеты, а сейчас в Джамбуле, литрабом вроде.

Аяк талды, — сказал бы казах, — конец. Пляди, как расстукался. Привет твоим чадам и особо поклон твоей подруженьке. Эх, сейчас бы свистнуть да... стоп, тебе, Пашка, не положено пить. Не пью.

Обнимаю по-братски.

Павел
28 мая 1976

С.А. КРУТИЛИН — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Женя!

Несказанно рад твоему письму! Для меня, человека замкнутого, твое письмо — откровение и надежда. Да и поддержка в работе. Иногда с грустью сознаешь ненужность своего труда. Руки от этого опускаются. С трудом сажусь за стол каждый день, каждое утро. Тяжело писать о сегодняшней деревне. Твой сюжет с позабытым полем — символичен, забыто все село, запущено. Но работать надо. Я все чего-то жду, на что-то надеюсь. Надеюсь, что поеду в Переделкино и там закончу начатое. Может быть, ты тоже там будешь? Вот бы хорошо! А то я соскучился по нашим тихим разговорам... Да, вспомнил... Только ты пожаловался на свою судьбу, как вдруг я развернул «Литературную Россию» и прочитал там сообщение о выходе твоего сборника за границей. Так что, Женя, тебя помнят и чтут!

Я желаю тебе всего самого лучшего — здоровья и новых книг. Вера шлет тебе поклон. Она часто вспоминает нашу встречу, хочет повторить ее. Но в жизни все быстротечно и неповторимо...

Обнимаю.

Твой Сергей Крутилин
12 января 1979

Ф.А. АБРАМОВ — Е.И. НОСОВУ

1

Евгений, где ты?

Правда ли, что у тебя со здоровьем неладит? Мне об этом Вася Белов сказал. И вот я решил подать свой голос. Не падай духом, дружище! Все образуется. То ли еще у нас было... Удалось ли тебе побывать где-нибудь летом? А я далеко не ездил. Поползал маленько по Подмоскovie, во Владимир и Суздаль съездил. Жуть, как запущена Россия!.. Можайск — трущобы сплошные. Чистота и порядок только во дворике действующей церкви... На днях собираюсь в Кисловодск. Второй год болит под левой лопаткой — может, сколько полегчает.

Да, брат, годы... Ты-то еще молодой, а мне-то уже на шестой пошло... Ну, бывай и не болей. Крепко обнимаю тебя.

Твой Федор
10 сентября 1971

2

Дорогой Евгений!

...Спасибо, спасибо, что ты откликнулся на мое выступление! Хорошо, когда люди, которых ты уважаешь и считаешь, замечают твои дела.

А останкинское дело, скажем прямо, было не из легких. Во-первых, публика разнокалиберная, а во-вторых, шутка ли это — честный разговор о деревне, о нашей «экономной» экономике! Ей-богу, с меня сто потов сошло! Да и молотил я сколько, думаешь? 4 часа! И без передыху. В общем, все острое и живое вырезали, а я таки порой раскручивался на всю катушку.

Насчет будущего нашей деревни ты прав, конечно. И все же, я думаю, причина всех бед наших — существующий порядок вещей. Пока земля будет обезличена, пока у нее не будет хозяина, вернее, пока сельский житель не будет хозяином, до тех пор мы из бардака не вылезем.

Как поживаешь? Посылал ли я тебе свою последнюю книжку? Обнимаю тебя.

Федор Абрамов
1982

В.В. БЫКОВ — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Женя!

С непростительным опозданием прочитал Вашу «Сонату». Восхищен и поражен Вашим талантом, Вашим чувствованием и умением. Впрочем, не впервые жаль, что того же не написал о Вас после «Красного вина победы». Вы великолепный мастер литературы, отменнейший ее труженик, надеюсь, я говорю Вам это не первый, поберегите себя и свой талант.

В. Быков

Г.В. СЕМЕНОВ — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Женя!

Поздравляю тебя! Ты так хорошо улыбаешься со страницы «Литературной газеты», что я, глядя на тебя, тоже улыбаюсь...

Женечка! Сколько раз я собирался написать тебе, когда прочитывал твои какие-то работы, потому что мне все, что ты делаешь, очень по душе. Но вот никак не мог собраться... Да и письма мои получились бы из одних восклицательных знаков.

А теперь сам ты велел восклицать и радоваться за тебя.

Обнимаю и целую тебя! Лена тоже целует.

Всему твоему семейству — поклон и поздравления.

Твой Георгий Семенов

Ф.Г. СУХОВ — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Евгений Иванович!

Часто беру в руки Ваши книги и упиваюсь родником Вашего самостоятельного слова. Пожалуй, сейчас нет больше такого мастера словесного искусства, как Вы! После Бунина ничего подобного в отечественной словесности не было. Из «Совроссии» узнал о Вашем 65-лети. Возраст, как говорят, солидный, но поверьте мне, я немного старше Вас, не такой уж критический.

Вспоминаю свое пребывание под Вашей крышей с радостью.

С уважением —

Федор Сухов

с. Красный Оселок Нижегородской обл.

3 февраля 1990

П.Г. САЛЬНИКОВ — Е.И. НОСОВУ

Здравствуй, дорогой Женя!

Спасибо за весточку, которой обрадовался, как светлому празднику! Но беспокоюсь, что ты опять хвораешь.

Женя, сразу хочется развеять твоё «неудовольствие» моим молчанием. Ради бога, ничего такого, что могло бы поколебать мою привязанность к тебе, а значит и память о тебе. Тут, друг мой, броня! И никакой, даже «подкалиберный», не возьмет. Мое молчание, видимо, происходит от моей мнимой опасливости сбить тебя со строки, с мысли и т. д. Я знаю, как безбожно грабят твоё время, благо ты щедрый и безотказный человек... И я считаю за грех великий участвовать в этом «грабеже», даже своими письмами. Я думаю даже, что чем больше я буду писать сам, также и Астафьеву, тем меньше мне да и другим достанется читать «Затесей» и слушать звоны «луговой овсяницы»... Что-то не допишу я в литературе, от этого печали у людей не убавится, а ты — это уже недород в нашем русском поле. А кто этому будет рад? Я и так предостаточно терзаю тебя, втянув в орбиту передраг моей

судьбы, за что чувствую себя в неоплатном долгу перед тобой и Богом. И прости меня, дорогой друг... Еще раз тебе мое самое сердечное спасибо за твое участие и заботу. Мне этого не забыть до гроба.

Теперь о злополучном «Братуне». Повесть под разными предлогами вернули все журналы. Ты, конечно, был прав в оценке повести. Мне, наверное, всерьез надо подумать о том, так ли и о том ли я пишу и вообще — надо ли писать? Не вернуться ли мне опять в журналистику? Но чувствую, что мне и там худо будет, ибо я «покорявел», стал недоверчивее к пустодушным будням нашей действительности. Теперь, дружище, я попрошу тебя об одном: не тратить больше времени на хлопоты о «Братуне», а я при тихом настроении попробую «перековать» его с учетом ваших с Виктором замечаний. А там — что Бог даст... В общем-то, я свои весла бросил и пустил свою утлую лодчонку по воле волн. Не велика уж и дорога наша осталась... Одно жаль — сгложет тоска по России. Как ни хлебно здесь, в Хохляндии, а душа стонет по своему краю...

Женя, я братски обнимаю тебя и еще раз — прости меня за все. Поклон тебе от моих, а «молодогвардейцам» спасибо за их доброту к моему коню.

Выздоровливай скорее!

Твой Петр

Н. САУТИН — Е.И. НОСОВУ

Многоуважаемый Евгений Иванович, писатель русский!

Спасибо за добрые слова и книгу.

Вы правы, в смысле трактовки образа книжного знака для Вас не обошлось без прекрасных и умных «Усвятских шлемоносцев». Читая их трудную правду, я все время видел живых людей. И еще — очень сильно в повести все приведено к финалу: как из отдельных ручейков рождается мощный мужицкий, народный поток воителей за родную землю.

Быть косарем, пахарем и воином — это, видимо, судьбоносные для русского человека и писателя профессии. Я пытался (но, может быть, сделал это не совсем убедительно) в «Шлемоносцах» представить писателей, которые, идя следом за Вами, смогли и смели «взвалить» на свои плечи неподъемную тяжесть — говорить правду и стоять за нее. Эта планетарной меры круглящаяся «сфера» русской деревни в книжном знаке положена на Ваши плечи. Вы извините, что повторяю очевидные истины — в изображенном и так все видно.

«На дальней станции сойду...», появившийся в «ЛГ», читался дома вслух. Думал даже сделать несколько гравюрок-иллюстраций, изображающих этот горько-типический всероссийский «блокпост». Можно сойти на любой станции...

Вы, Евгений Иванович, в числе тех людей, которых мы называем и помним.

С пожеланием творческих успехов и уважением.

Саутин Н.
9 марта 1987

Н.И. ШАПЧАНСКИЙ — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Евгений Иванович!

Случайно или символично, но именно в день опубликования указа о присвоении Вам звания Героя Социалистического Труда у меня «на столе» был двухтомник Ваших избранных произведений.

Я от всей души поздравляю Вас с этой наградой и вместе с поздравлением прошу принять от одного из Ваших читателей-почитателей признание в моей любви и восхищении Вашим талантом.

Ваши книги на фоне нынешней «политизации с конфронтацией» — прекрасный отдых для души. После них будто окажешься на росной поляне, на тихой рыбалке у реки, на опушке леса. И тихое, раздумчивое умиротворение наступает в душе. И хочется творить хорошее.

Читатель я с многолетним стажем. Поочередно «открывал» для себя Куприна, Цвейга, Шолохова, Айтматова и многих других. А с годами (может, потому, что Вам почти ровесник) «пришел» к Вам. Оценил в Вашем творчестве богатейший язык, умение в мелких и метких деталях отобразить широчайшую картину события, действие, жизнь, размышляя над которыми и обобщая их невольно поднимаешься до философских обобщений.

И как это Вам удастся? Не понимаю, но глубоко чувствую и преклоняюсь перед Вашим великим мастерством.

Давно храню вырезку из «Литературной газеты» с Вашей статьей «Холмы, холмы...» Вот блестящий пример литературного творчества и ярчайшее подтверждение мастерства так, как понимаю его я (не претендуя, конечно, на истину в последней инстанции: я ведь не литератор и вообще не гуманитарий).

Я многое еще хотел бы сказать Вам, уважаемый Евгений Иванович, но, увы, не такой я мастер на слова, как Вы, и, кроме того, не хочу отнимать у Вас минуты, которые Вы, безусловно, подарите читателям и тем обогатите их.

Долгих лет жизни Вам и доброго здоровья!

Еще раз поздравляю!

Ваш читатель Шапчанский Николай Иванович

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН — Е.И. НОСОВУ

Дорогой Евгений Иванович!

Да, Вы правильно определили: первая фраза моего очерка о Вас — это «конструктивный прием» — для того, чтобы, по контрасту, придать большую убедительность дальнейшим наблюдениям и выводам. Если не ограничиваться той, увы, не весьма широкой струей, которая у нас называется патриотическим направлением, — нахожу, что в так сказать «широкозахватной» критике Вас оценили, по-моему, недостаточно. Реакцией на это и родился мой очерк. (Я вообще уже дюжину их напечатал, по разным авторам, все они были в «Новом мире».) К сожалению, № 7 уже вышел, да и последний перед тем месяц было бы по-

одно что-либо исправить в наборе. Учту Ваше возражение на будущее. Простите.

Вы ничего не пишете, преодолели ли болезнь. От души желаю Вам победы над ней — и еще долгого, доброго здоровья.

Всего-всего доброго Вам!

Ваш А. Солженицын
9 января 2000

Е.И. НОСОВ — А.И. СОЛЖЕНИЦЫНУ

Дорогой Александр Исаевич!

По телевидению слушал Вас о Вашей встрече с Президентом Путиным.

Вы сказали о нем предельно исчерпывающе и проникновенно. Ваши слова о нем прозвучали подобно напутствию Сергия Радонежского Дмитрию Донскому перед Куликовым судьбоносным сражением. Хорошо, что именно Вы сказали о Президенте на всю Россию. Эти Ваши ясные и открытые слова, я уверен, помогут единению страны.

Они нужны и самому Президенту. Ему было очень важно услышать Ваше мнение о нем — от человека, лично которому ничего не надобно ни от власти, ни от самого Президента. Все, что Вы сказали о нем, поможет Президенту сориентироваться в самом себе, утвердиться в личностных проявлениях, скорректировать поведение на такой высокой государственной должности, от исполнения которой во многом зависит дальнейшая судьба страны и ее народа.

И конечно же Ваше весомое, выверенное личной мудростью, не замутненное корыстью и потайными расчетами мнение нужно и самому народу, во многом дезориентированному разноречивыми средствами массовой информации, служащими всяким «правдам» притом, что истина едина.

Для наглядности посылаю Вам одну из таких публикаций на страницах еженедельника «Деловой вторник» от 8 августа 2000 г.

А еще прилагаю наш курский отклик на Вашу статью обо мне в «Новом мире». Этот отзыв свидетельствует о том, что Ваше слово всегда ждут и слышат. Вот почему так своевременно прозвучали Ваши впечатления о Президенте.

Сердечно Ваш

Е. Носов
2 октября 2000
Курск

«КАК ХОРОШО, ЧТО Я УЗНАЛ ТЕБЯ...»

Переписка Е.И. Носова была обширной. Когда мне довелось работать над «Книгой о Мастере» (Курск: Крона, 1998), писатель передал мне множество писем — и от коллег по перу, и от читателей. Тогда мы дали их в разделе «Писатели о писателе» и как читательские отклики на отдельные произведения.

При подготовке настоящего собрания сочинений в работе над письмами мне помогал сын писателя Евгений Евгеньевич. Более двадцати папок с перепиской мы разобрали, наиболее значительные и интересные по содержанию письма перепечатали и тоже сформировали как бы по разделам, стараясь относиться ко всем исписанным такими разными почерками страничкам как можно бережнее. И постоянно звучала в памяти фраза Евгения Ивановича, которому я помогала в работе в течение двадцати лет: «Я знаю, что ты весь мой архив разберешь, всё — бумажечка к бумажечке — сложишь...» И такую надежду нельзя было не оправдать.

Обычно о письмах говорят, что это документы времени, а эта переписка — словно живой организм: авторы писем как бы перекликаются друг с другом, дополняют один другого — так постепенно складывается художественная летопись и времени (50–90-х годов XX столетия и начала третьего тысячелетия), и писательских отношений, чаяний, надежд, и — как ни горько — страданий: от непонимания, от бюрократизма чиновничьей машины, порой от бессилия отстоять истину. В письмах — и оценка творчества друг друга, и реальные советы, поддержка, и размышления о жизни страны, нашего многострадального народа, российской деревни; в них — и радость восприятия природы, которая и вдохновляла, и помогала, и давала силы жить.

Начали мы с писем самых близких друзей Евгения Ивановича — Астафьева, Белова, Распутина, Лихоносова, Соболева. К сожалению, не все письма удалось найти, не всегда — установить даты, но это, в общем-то, не нарушает целостной картины дружбы писателей, взаимопонимания, умения дать верную оценку произведениям друг друга. Это всегда объективно, честно, но и уважи-

тельно, с радостью от побед, с горечью от поражений. Удивительна бережность в отношениях этих талантливых людей. Они были как братья... Родные по отношению к миру, к человеку. Для них природа всегда была отчим домом, в Москве, да и вообще в городе, им было тяжелее.

«В Тарусе, на природе, мне хорошо, в Москве я окисляюсь...» — пишет Евгению Ивановичу Сергей Крутилин. И дальше — его же строчки: «Несказанно рад твоему письму! Твое письмо для меня откровение и надежда. Да и поддержка в работе».

Евгений Иванович был очень светлым, добрым, надежным человеком. Он удивительно умел располагать к себе людей — внимательно слушал, сопереживал, старался подробно разобраться в той или иной ситуации, помочь. «Ты произнес яркую речь в защиту моего романа на редколлегии... — пишет Дмитрий Гусаров. — Я счастлив, что не перевелись в нашей грешной литературе люди, которые готовы с достоинством и честью постоять за работу товарища». Это очень точно выразила в письме критик Ирина Богатко: «...прекрасны качества твоего сердца, так умеющего откликаться и сострадать...»

Люди, с которыми переписывался Евгений Иванович, были очень близки ему по духу. Одним из любимейших его писателей был Пришвин. С волнением и теплотой вспоминаю поездку в пришвинское Дунино, встречу с Валерией Дмитриевной Пришвиной в музее, ее рассказ, ее подвижничество. Евгений Иванович говорил с ней как с поверенным Пришвина, писателя и человека. О такой же встрече с Валерией Дмитриевной пишет Е.И. Носову в одном из писем Геннадий Скобликов: «...и уехал я от нее просто такой счастливый, напитавшийся новыми здоровыми соками. Есть, есть люди, которые спасают нас в этой жизни...» А о самом Евгении Ивановиче он же пишет: «Далеко не все так щедры и доброжелательны, как Вы, а потому не всегда способны понять и почувствовать добро, содеянное другими». В этом был великий талант Мастера — быть человеком, чувствовать людей и помогать им. «Письма от тебя — для меня всегда праздник. Мне даже супруга говорит, что, получая их, я молодею...» — пишет Алексей Чуйков. Слово из души — произнесенное вслух или обозначенное на письме — великая сила!..

«Четвертый раз реанимируете меня, возвращаете настроение жить и писать... Не привык, чтобы хлопотали за меня... Прямо сказка, ковер-самолет и живая вода! Горжусь, что есть еще, не перевелись в России заступники и богатыри, а значит, стоит Россия и, даст Бог, стоять будет...» — это из письма Виктора Чекилова.

При поддержке Евгения Ивановича читались и многократно переписывались рукописи, росло и совершенствовалось мастерство молодых литераторов. Многим из них Евгений Иванович дал рекомендацию в Союз писателей, помог при поступлении в Литератур-

ный институт и на Высшие литературные курсы. Это С. Барченко (Москва), В. Детков (Курск), И. Евсеенко (Воронеж), М. Еськов (Курск), И. Зиборов (Курчатов), Л. Конорев (Белгород), В. Коркина (Курск), М. Корякина-Астафьева (Красноярск), В. Кузнецов (Новомосковск), И. Лободин (Орел), А. Малышев (Иваново), Б. Машук (Благовещенск), Г. Паншин (Новомосковск), А. Плетнев (Омск), И. Пузанов (Москва), В. Сженова (Москва), В. Сукачев (Барнаул), Л. Фролов (Москва), Н. Харченко (Белгород), В. Юровских (Шадринск) и многие другие.

Очень многим помог Евгений Иванович и добрым советом, и письмами в издательства, в редакции газет и журналов. С одной стороны, это входило в его обязанности как секретаря Правления СП РСФСР — работа с начинающими авторами, но с другой — он никогда не мог и не хотел относиться к любому делу формально, вкладывал в него душу, читал и читал присылаемые рукописи и очень многих литераторов вывел на путь творчества.

В письмах к главному редактору журнала «Наш современник» Евгений Иванович рекомендует опубликовать те или иные произведения своих земляков. Но делает это, как сам говорит, не из кумовства, а из желания поделиться тем талантливым, сильным по мастерству, с чем встречался сам. Дает им честную, основательную, серьезную оценку.

То же и в письмах к самим авторам. Он по достоинству оценивает то, что хорошо в их вещах, и не скрывает разочарования от слабых мест. Удивительно он умел входить в ткань чужого повествования, будто сам писал его, и героев чувствовал как своих собственных. То же было и в обычной жизни — он всегда досконально входил в нужды обращающихся к нему людей.

«Дорогой Глеб! — пишет он своему большому другу Г.И. Панину, человеку, которого очень любил и уважал. — Рассказы прочитал. Язык чистый, русский. А вот читал с некоторым усилием над собой. Попробуй не конструировать рассказы, не выдумывать, бери глыбу, кусок жизни, маленько поправь, отсеки лишнее — и рассказ готов! Сколько ты знаешь подлинных случаев из той же рыбалки, всяких поездок по Тулыщине, интересных для ребятишек, ценных своей поучительной достоверностью!»

Себе он никогда не позволял слабости. Некоторые рассказы переписывал по многу раз, например, «Алюминиевое солнце» — варианты его были один лучше другого, но он работал и работал. Как-то на встрече Евгений Иванович сказал: «Я добиваюсь, чтобы фраза была музыкальной, я, как медведь щепку, должен попробовать ее на звук». И младшие его коллеги никогда не обижались на замечания. «После Вашей критики хочется работать и не хочется умирать. Даже не представляю, что было бы, если бы в литературе нашей не было таких художников, как Вы», — пишет ему Владимир Черныш.

Очень высокую оценку дают и друзья, и критики таланту и всему творчеству Е.И. Носова. Многие сравнивают его с И.А. Буниньм, начиная с близкого друга классика — Галины Кузнецовой¹: «...Знаю наверное, что Бунин обратил бы на него внимание и очень похвалил бы его». А в письме известного литературоведа и критика А. Овчаренко² читаем: «Пишет он словами-жемчужинами. Язык его богат и почерпнут не из словарей, а из глубин народного употребления. Он мягче Бунина, определеннее Чехова, в его прозе всегда ошутима “напевинка”».

Вот строки из письма Петра Борискова (Вологда): «С Васей Беловым очень тепло говорили о тебе, горевали, что тебя нет с нами, так уж нам хотелось тебя, большого и лохматого, видеть и слышать, говорить с тобой. Говорили, что лучше Жени, душевней и ближе, нет для нас человека».

Называя Евгения Носова «славнейшим из славных русских солдат», Петр Борисков пишет: «...такие люди, как ты, необыкновенно нужны нашей России».

Из письма Виктора Лихоносова: «Тебе, рожденному создавать Храмы Афродиты, нельзя не писать, нельзя тратить время на графоманов и визитеров. Пусть берегут тебя все: и поля, и реки, и люди, и Господь Бог! И сам себя побереги для себя и для людей, которым с твоими книгами спокойнее и легче. Возле тебя действительно спокойно, тепло и просто».

Анатолий Соболев: «Ты выдающийся рассказчик, есть у тебя рассказы-шедевры, не хуже бунинских. Ты гордость русской литературы, ты в десятке лучших! Ты один из самых любимых моих товарищей и писателей, а может, и самый. Все как-то меняются со временем, а ты остаешься все тем же — добрым, простым, незаисчивым человеком. А в наше время это — подвиг. Все чего-то хотят, чего-то повыше, а ты спокойно идешь своей прекрасной дорогой в литературе, не суетишься, не возвеличиваешь сам себя — потому и велик, и прекрасен».

Федор Абрамов: «В Коктебеле прочитал твое “Красное вино победы” и повестуху об Онеге. Прочитал с великим удовольствием — писатель ты от Бога, чего там говорить, но все же это еще не вышка твоя».

Очень хороши письма Василия Юровских. Щедрая, добрая душа, поэтичная, мягкая, одаренная... Не нужно ему никаких благ, были бы грибки да рыбка... И как радуется этому, сколько восторга в его строчках! Таким же был и сам Евгений Иванович, он очень любил и рыбалку, и грибную охоту. Так и хочется представить их вместе, любующихся россыпями опят...

«Ваши “Усвятские шлемоносцы”, — пишет Юровских, — светлая вершина русской литературы, равного ей нет, и будь жив наш гений Иван Бунин, он бы горячо отблагодарил Вас за нее. Быть

крестником Вашим есть высшая честь. Из снеговой русской зимы бьется к Вам навстречу горячо мое сердце. А я за Вас — хоть сейчас на плаху...»

Алексей Марков: «Так редко видимся, хотя за каждой строкой следишь, восторгаешься. Я очень люблю все, что ты делаешь».

Скромная открыточка от Василя Быкова: «Восхищен и поражен Вашим талантом, Вашим чувствованием и умением. Вы великолепный мастер литературы, отменнейший ее труженик...»

Очень теплыми были письма от Тамары Давыденко, редактора из Воронежа. Она всячески побуждала Евгения Ивановичу к тому, чтобы он как можно чаще печатался у них в журнале «Подъем». Все мы хорошо помним военную фотографию писателя, сделанную в 45-м году в серпуховском госпитале, о чем он пишет в «Красном вине победы». В письме Давыденко читаем: «На столе у меня присланный тобой листок из газеты с фотографией 45-го года. Все-таки это великое чудо — остаться после войны живым. И великая благодарность судьбе, что сохранила, уберегла того юношу, почти мальчика — и для людей, и для всей русской литературы».

Алексей Чуйков из Волгограда пишет: «Ты нужен всем нам, как воздух, как Тургенев был необходим России...» И далее приводит отзыв одного из своих друзей: «Он ценит тебя как единственного писателя на Руси, ни на кого не похожего, самобытного, прекрасного художника, называет тебя звонким курским соловьем».

Высокую оценку и критиков, и читателей получили «Усвятские шлемоносцы». «Это подлинно дивное летописное творение. Так и кажется, что видишь сильного, большого монаха, который сидит в келье и выводит эти сладкие строки...» — писал автору Дмитрий Оськин.

Разумеется, у Евгения Ивановича была переписка с курянами-литераторами — когда они переезжали в другие города или бывали на отдыхе, в деловых поездках. Очень уважительно относился он к В.В. Овечкину³, автору знаменитых очерков о деревне 50-х «Районные будни», тепло рассказывал на встречах с читателями о том, как слушал их однажды по громкоговорителю на перроне, ожидая поезда. Да так и не уехал тогда, не смог не дослушать — а что же дальше? — и, пропустив поезд, остался ночевать в копне сена... Сыновья В.В. Овечкина (писатель много лет жил в Курске и Льгове, а потом переехал к ним в Ташкент) тоже писали Евгению Ивановичу. Он ездил туда хоронить своего старшего друга, о его ранней смерти говорил всегда с горечью.

В 2001 году состоялось присуждение литературной премии Александра Солженицына сразу двум курянам — Е.И. Носову и К.Д. Воробьеву (посмертно). Очень высокую оценку дал мэтр литературы курянам. Виделись Евгений Носов и Константин Воробьев всего лишь раз, в Москве, в Центральном доме литераторов,

но духом, творчеством, его истоками и талантом были очень близки. Евгений Иванович написал предисловие к одной из книг Воробьева: «...некогда, еще мальчишками, мы видели одни и те же восходы и закаты, слышали одни и те же майские громы и поди что мокли под общими ливнями... Догадываюсь, как нужны мы были друг другу.. как важны были нам в ту пору взаимная поддержка и одобрение». Эти строчки перекликаются с письмом самого К. Воробьева: «Со стороны родной край русскому всегда милее. И все же часто тоскую и рвусь домой, но из этого ничего не получается...»

К Евгению Ивановичу обратилась вдова писателя, В.В. Воробьева, с просьбой написать предисловие к его книге. И оно было написано.

А потом пришло письмо от читателя А. Корнеева:

«Дорогой Евгений Иванович!

Спасибо Вам за горячее предисловие к долгожданной книге Константина Воробьева "...И всему роду твоему", каким-то счастливым случаем оказавшейся в моих руках.

Большое бы Вы дело сделали, добившись своим авторитетом переиздания К. Воробьева. А то в тени он как-то, хотя и заслуживает признания иного».

Среди друзей Е.И. Носова — писатель П.Г. Сальников, которому он помог переехать в Курск из Тулы и приютил его у себя в самое горячее время — когда работал над повестью «Усвятские шлемоносцы», и художник М.С. Шорохов, удивительно близкий ему человек.

«Спасибо за весточку, которой обрадовался, как светлому празднику. — пишет П.Г. Сальников. — Как-то осиротел, брат, я после нашей разлуки. Будто ничего и не было — одни сны видит сердце: то мы едем на санях летом на Куликово поле, то снился покос, а сегодня виделась война...»

Оба они — фронтовики, оба — рядовые артиллеристы, оба — изранены, и когда Петр Георгиевич уезжал незадолго до кончины из Курска к себе на родину, в Плавск, Евгений Иванович подарил ему маленькую пушку, миниатюрную копию той, с которой оба воевали, хотя и на разных фронтах.

Михаил Степанович Шорохов был очень близок Евгению Ивановичу. Его талант, удивительное жизнелюбие, бесконечная любознательность, скромность, тактичность, непритязательность вызывали у писателя добрый сердечный отклик. Михаил Степанович и в письмах из Крыма пишет, словно рисует красками: «Вообще-то Гурзуф — странный "кореш". Какой-то задумчивый и отрешенный. Даже пресловутый Аю-Даг, по брюхо вошедший в море, что-то сопит про себя. Другое дело Ялта. Это дама изнеженная. Она улеглась между продолговатых хребтов, с изысканным профилем и колером. Ай-Петри — самый дорогой камень в ее короне. Ялта,

кажется, никогда не снимает своего праздничного халата. Гурзуф хмур и непостоянен».

Замечательные слова пишет Евгению Ивановичу Михаил Макарович Колосов:

«Я люблю тебя как человека — чуткого и доброго, я люблю тебя как писателя редкого дарования. Ты меня покориł прежде всего чудным волшебством своего таланта: чем больше читаю тебя, тем больше хочется читать, при повторном чтении твои рассказы не только не приедаются, но, наоборот, — они раскрывают все новые и новые какие-то свои грани, глубины: с каждым новым чтением будто проникаешь в новый, более глубокий слой повествования.

Как писателя я считаю тебя огромной вершиной в нашей современной советской литературе, я знаю: вершину эту ты покориł большим трудом и большим напряжением своего таланта, покориł всем нам на радость...»

Много писем Евгения Ивановича передал нам Л.Ф. Конорев. В Курске он был главным редактором газеты «Молодая гвардия», потом жил и работал в Марийской АССР, в Йошкар-Оле, позже переехал в Белгород. Евгений Иванович подробно писал ему о Курске, о его литературной жизни и ее перипетиях, о природе, обо всем, что его волновало. Несмотря на разницу в возрасте, Евгений Иванович очень тепло относился к своему младшему другу. Это видно буквально из каждой строчки его писем к нему. Лев Конорев дорожил этой дружбой, свидетельство тому — хотя бы эти слова из его письма: «Вовеки будет благословенна земля наша курская, подарившая миру такого писателя! Горжусь, что родился под одним небом с Вами!»

Евгений Иванович стеснялся таких слов, но всей своей жизнью заслужил их.

«...Ехали мы всей компанией — я, Сальников, Детков, Еськов, Чистяков — к Ване Зиборову в Золотухино, на речку Снову. Там у покой, еще по-весеннему шумливой и кофейной воды и провели весь день, палили костер, варили картошку и, конечно же, вспоминали о тебе... Я читал им твое письмо с тем умыслом, чтобы ребята, прочувствовавшись, написали тебе по несколько строчек...»

Евгению Ивановичу всегда хотелось поделиться тем новым, интересным, что узнавал сам, с близкими — будь то сын, внук, друг: «В 10-м номере “Севера” интересная переписка Твардовского и Овечкина. Прочти обязательно!», «А у нас днями прошел семинар. Я-то сам не присутствовал, хворал. Но ребята довольны, говорят, прошел хорошо. Приезжали из Москвы Старшинов, Кузнецов, это придало свежесть семинару...».

Не любил писатель ни званий, ни чинов, ни регалий. Но как они помогали ему вытянуть начинающих авторов — не очень-то привечали молодых провинциалов в столице!

Он пишет Конореву: «...хочу порадовать тебя тем, что в “Москве” появилась рецензия Петелина, где он хвалит тебя, и не только хвалит, но даже противопоставляет Курчаткину, который, как известно, ходит в московских корифеях среди сорокалетних...»

А с какой радостью описывает Евгений Иванович работу в курском театре над «Усвятскими шлемоносцами»! А ведь он не любил вмешательства театра, кино в свой текст.

Достаточно сложные отношения были у Евгения Ивановича с кинематографом. Ему поступало очень много предложений об экранизации тех или иных произведений. Он соглашался, но почти всегда это было связано с душевными и моральными издержками. Евгений Иванович был человеком бескорыстным. Сами по себе гонорары, премии его занимали меньше всего, в бытовой, повседневной жизни он всегда обходился малым. Но он умел и любил работать, знал цену своему труду. Отсюда — досада, раздражение в письмах его к киноработникам, предлагающим ему соавторство. Да и у настоящего его читателя и почитателя не может не вызвать раздражения желание режиссера соединить героев разных рассказов (таких трепетных, по-настоящему живых, одухотворенных, каждый — со своими болями и надеждами) в нечто «винегретообразное», где мешается время, путаются ценностные для разных поколений категории и в результате исчезает сам автор. К сожалению, ни одну из экранизаций своих произведений Евгений Иванович не мог считать удачной.

***

Особая статья — письма не литераторов, но тоже тянувших к поэтической стороне жизни. Очень добрым было отношение Евгения Ивановича к певице В.Н. Ивановой, чей голос часто звучал по радио в прежние годы. Жизнь ее была очень трудной из-за болезни дочери, письма Евгения Ивановича подбадривали ее, она называла его дорогим утешителем и в ответ писала лирические, теплые строчки.

Очень тепло относился Евгений Иванович к Паше Баранову, с которым познакомился в Казахстане, на строительстве железной дороги Турксиб — Талды-Курган: там на общественных началах трудились и работники «Семиреченской правды», в которой сотрудничал тогда будущий писатель. В их последующей переписке много доброго, в строчках Павла — все его боли и надежды, в них видна незаурядная личность, светлая его душа.

Очень интересны письма к Евгению Ивановичу его читателей. В них столько искренности, уважительности, сопереживания с героями, которые пришлись по сердцу! Высокая оценка таланта, благодарность за правдивость, честность, за сохранение чистоты русского языка. Среди их писем выделены отклики на отдельные про-

изведения, больше всего на повесть «Усвятские шлемоносцы», которую писатель В. Политов назвал «священной книгой, нашими святыми, книгой, которую надо бы издать в переплете с золотыми застежками».

Своим творчеством, всей своей жизнью Е. Носов вызывает людей на распахнутость души, на открытость, желание поделиться и собственной болью, и болью за свою землю, за родину.

* * *

Один из последних рассказов писателя — его замечательный «Тёпа». Мудрый, простой, теплый и горький рассказ одновременно. По нему проводились уроки, внеклассные чтения. Его печатали разные журналы, в том числе и «Литература в школе». Некоторые из откликов учителя и ребят были также напечатаны в этом журнале. Евгений Иванович так отвечал его главному редактору Н.Л. Крупиной:

«Дорогая Надя!

Очень тронут Вашим задушевным письмом. Тут же сел писать послание тем милым ребятам, что так старательно и досконально “взъерошили перья” моему Тёпе.

...А школьники — молодцы, умницы! Думаю, что есть кому вручить будущее России. Их суждения оказались весьма разносторонними и по-настоящему зрелыми, хотя и есть у ребят излишняя увлеченность социальными параллелями...»

Любя свой курский край, писатель чувствовал все его проблемы и с болью писал об этом — вспомните замечательный очерк «На дальней станции сойду...» Он размышлял об этом и в письмах: «Вот зашла осень, все — на бураках и картошке, все та же осенняя чехарда с уборкой. Моих Жеку и Иришку загнали на месяц в Пристенъ. Мишу Еськова — в Поньри...»

«У нас уже весна, но зиму пережили трудную, бескормную. Да и весна ничего хорошего не сулит: опять вербовки в колхоз на сев, потом на прополку и так далее. И конца этому не видно, и нет выхода...»

Жить на своей многострадальной земле, любить ее, несмотря ни на какие трудности, — этому учат прекрасные и мужественные строки Евгения Носова. Всей жизнью своей, своим честным сердцем завещал он нам эту любовь.

Е.Д. Спасская

ПРИМЕЧАНИЯ

Александр Солженицын. **Евгений Носов**. Из «Литературной коллекции», с. 5–11
Впервые опубликовано: Новый мир. 2000. № 7.

Александр Исаевич Солженицын (род. 1918) — писатель, лауреат Нобелевской премии (1970), академик РАН (1997).

«КОННЫ, ЛЮДНЫ И ОРУЖНЫ...» Из русской истории

Зеленая охота царя Алексея, с. 15–21

Впервые опубликовано: Поле Куликово. 1994. № 2.

Под псевд. Николай Евгеньин.

С. 15. *В... сельце Измайлове...* — В XVII в. — загородная резиденция царя Алексея Михайловича. С 1935 г. — в черте Москвы.

С. 16. *Державшему путь в Англию послу князю Прозоровскому...* — Иван Семенович Прозоровский (?–1670) — князь, боярин, участник русско-польских (1632–1634, 1654–1667) и русско-шведской (1656–1658) войн, ряда дипломатических миссий. Первый воевода Астрахани (с 1667); после взятия ее Пугачевым казнен.

С. 20–21. *...в Чудов монастырь... в Новоспасский...* — Чудов монастырь — Алексеевский Архангело-Михайловский, мужской, в Кремле. Основан в 1365 г. митрополитом Алексием. В 1930-х гг. строения его разобраны. Новоспасский монастырь — мужской, в Москве. В XIV–XV вв. находился в Кремле, с 1490 г. — на левобережье Москвы-реки. В Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря — усыпальница бояр Романовых. Ныне — действующий.

«**Конны, людны и оружны...**», с. 21–26

Впервые опубликовано: Поле Куликово. 1994. № 3.

Под псевд. Николай Евгеньин.

С. 21. *...Алексеем Тишайшим...* — Так называли при жизни царя Алексея Михайловича.

С. 24. *Вспомним из «Слова о полку Игореве», где Всеволод говорит брату...* — Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212) — великий князь владимирский (с 1176). В 1173 г. княжил в Киеве. Могущество его воспето в «Слове о полку Игореве».

С падением Казани... — В результате Казанских походов 1545–1552 гг. русских войск было ликвидировано Казанское ханство и Среднее Поволжье присоединено к Русскому государству.

С. 25. ...Известный русский писатель конца XVII — начала XVIII века Котошихин.. — Григорий Карпович Котошихин (ок. 1630–1667) — подьячий Посольского приказа, бежал за границу и с 1666 г. — на шведской службе. Автор сочинения «О России в царствование царя Алексея Михайловича».

...художник-историограф Иванов на своей известной картине «Смотр служилым людям». — Сергей Вильямович Иванов (1864–1910). Возможно, писатель имеет в виду картину «Поход москвитян» (1903).

СЛОВ _ О МОЕ _ ДРУГЕ

Творческие портреты, предисловия, рекомендации

Да сбудутся наши надежды! с. 29–31

К 50-летию Виктора Петровича Астафьева (название дано сост.).

Дело всей жизни, с. 31–36

Впервые опубли.: Лит. Россия. 1975. 21 нояб.

К 70-летию писателя М.М. Обухова (Курск).

Высота, с. 36–43

Впервые опубли.: Курская правда. 1975. 17 авг.

К 60-летию поэта Н.Ю. Корнеева (Курск).

С. 41. *Совсем так, как гоголевская Агафья Тихоновна..* — Агафья Тихоновна — персонаж комедии Н.В. Гоголя «Женитьба».

Последний полонез, с. 43–48

Впервые опубли.: Курская правда. 1995. 28 июня.

Творческий портрет курского художника Михаила Степановича Шорохова (1920–1995).

С. 44. ...очаровался музыкой древнесловия: «...Иже везде сый и вся исполняяй... прииди и вселися в ны, и очисти ны...» — См. молитву Святому Духу: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша».

С. 45. ...посвященное поездке Щепкина и Белинского в Коренную пустынь. — С русским актером Михаилом Семеновичем Щепкиным (1788–1763) критик и публицист Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) познакомился в 1837 г. и даже написал для его бенефиса драму в 5 действиях «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», которая ставилась в Москве и Казани. В мае — октябре 1846 г. Белинский впервые совершил длительное путешествие, присоединившись к Щепкину, который предпринял гастроли по центральным и южным губерниям России. Видимо, тогда они и побывали в знаменитой православной обители.

...рокового «ухода» Толстого. — Духовные сомнения, искания привели к уходу Льва Николаевича Толстого из дома в Ясной Поляне. Умер он на станции Астапово (ныне станция и поселок «Лев Толстой»).

С. 46. ...мощным, насыщенным полонезом Огинского. — Михаил Клеофас Огиньский (Огинский) (1765–1833) — граф, польский политический деятель. Будучи участником Польского восстания (1794), после его подавления эмигрировал в Италию. В 1802–1815 гг. жил в Санкт-Петербурге. Прославился как композитор.

Среди его сочинений — опера «Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире» (1799), военные, патриотические песни и марши, фортепианные пьесы, в том числе полонезы (без сомнения, самый известный — «Прощание с родиной», 1794 г.).

С. 47. ...от строгой внутренней схимы... — Схима — торжественная клятва (обет) православных монахов соблюдать аскетические правила поведения. Монах, принявший схиму, называется схимонахом, схимником.

Путь к истоку, с. 49–55

Впервые опубли.: Белов В.И. За долами, за лесами. М.: Сов. Россия, 1967. (Предисловие).

Василий Иванович Белов (род. 1932) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1980).

С. 54. ...ключи от колокольни при вологодской Софии... — Софийский собор — один из древнейших в Вологде (1568–1570).

С. 55. ...выделялся изящный силуэт Сретения... вставал суровый в своей аскетической простоте храм Иоанна Златоуста... высилось громадьё собора Дмитрия Прилуцкого. И сам всемирно известный Прилуцкий монастырь... — Церковь Иоанна Златоуста построена в конце XVII — начале XVIII в., Сретенская церковь — в 1731–1735 гг. Спасо-Прилуцкий монастырь основан в XVII в.

Он любил эту землю, с. 55–59

Впервые опубли.: Воробьев К.Д. И всему роду твоему. Вильнюс, 1978.

Константин Дмитриевич Воробьев (1919–1975) — писатель, лауреат премии Александра Солженицына (2001, посм.); литературной премии преп. Сергия Радонежского (посм.). Жил и умер в Вильнюсе, перезахоронен в Курске (1995).

С. 58. Однажды я побывал в Ферапонтовом монастыре, что на Вологодчине. Довелось мне там увидеть нетленные фрески средневекового живописца Дионисия. — Ферапонтов монастырь основан ок. 1398 г. В соборе Рождества Богородицы (1490), на его западном фасаде и в интерьерах, — фрески работы Дионисия (работавшего здесь вместе с сыновьями в 1502–1503 гг.).

...волшебством Джотто и Боттичелли. — Джотто ди Бондоне (1266 или 1267–1337) — итальянский живописец, один из основоположников искусства Проторенессанса. Боттичелли Сандро (наст. имя и фам. Алессандро Филиппи) (1450–1510) — итальянский живописец периода раннего Возрождения.

Слово о моем друге, с. 59–62

Впервые опубли.: Соболев А. Прозовая степь М.: Детская литература, 1976. (Предисловие; под назв. «Об авторе»; здесь назв. дано сост.).

Анатолий Пантелеевич Соболев — писатель (печатался также под псевд. Анатолий Сибиряк). Жил в Калининграде (обл.).

За родной околицей, с. 62–63

Впервые опубли.: Конорев Л. Шмелиный мед. М.: Современник, 1977. (Предисловие; без назв.; здесь назв. дано сост.).

Лев Федорович Конорев (род. 1933) — писатель (Белгород).

Живое слово и ржавое железо, с. 63–66

Впервые опубли.: Харченко Н.И. Самый горький мед. Воронеж: Центр.-Чернозем. книжн. изд-во, 1983. (Предисловие).

Николай Иванович Харченко — писатель (Воронеж).

Рекомендация И.И. Евсеенко, вступающему в СП СССР, с. 66

Иван Иванович Евсеенко (род. 1943) — писатель (Воронеж).

Рекомендация В.И. Юровских, вступающему в СП СССР, с. 67–68

Василий Иванович Юровских (род. 1932) — писатель (г. Шадринск Курганской обл.).

«ЖДИ ЯСНОГО НА ЗАВТРА ДНЯ...»

Беседы, интервью, выступления

Беседа в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина, с. 71–80

Беседа состоялась в 1981 г.

Публикуется впервые.

Как же обидно за пас!.. с. 80–85

Впервые опубли.: Труд–7. 2002. 22 авг.

Из интервью разных лет.

Неугасимо стремление к красоте... с. 85–88

Впервые опубли.: Лит. Россия. 1986. 25 июля.

Выступление на I Фетовских чтениях (июль 1986 г.).

«Жди ясного на завтра дня...», с. 88–92

Впервые опубли.: Курская правда. 1987. 14 окт.

Выступление на II Фетовских чтениях (июль 1987 г.).

С. 89. *Ласточки пропали,*

А вчера зарей

Всё грачи летали

Да как сеть мелькали

Вон над той горой.

Из стихотворения А.А. Фета «Ласточки пропали...» (1854).

Текст для выступления на церемонии вручения премии Андрея Платонова

«Умное сердце», с. 92

Е.И. Носов не смог присутствовать на церемонии вручения премии, состоявшейся в Москве 26 января 2001 г. Текст, написанный по этому случаю, был зачитан перед собравшимися от его имени.

«С Вами говорит Солженицын...», с. 93–96

Речь на вручении премии Александра Солженицына (2001).

«НЕСКАЗАННО РАД ТВОЕМУ ПИСЬМУ!»

Переписка разных лет

В настоящем издании приводится часть переписки Е.И. Носова: его письма к близким людям, письма ему. Даты (при наличии в оригинале) проставлены после самих писем.

Е.И. Носов — В.А. Рождественскому, с. 99–100

Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) — поэт, переводчик, литературовед.

Е.И. Носов — В.П. Астафьеву, с. 100–154

(№ 1–53)

Виктор Петрович Астафьев (1924–2002) — писатель, лауреат Государственных премий СССР (1978, 1988), Государственной премии Российской Федерации (1995), Герой Социалистического Труда (1989).

1

¹ Юрий Петрович Воронов (1929–1993) — поэт (Москва).

2

¹ Владимир Константинович Сапожников (род. 1922) — писатель (Новосибирск).

² Борис Андреевич Можжев (1923–1996) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1989).

4

¹ Мария Семеновна Астафьева-Корякина — жена В.П. Астафьева, литератор.

5

¹ Анна Берзер — сотрудник журнала «Новый мир».

² Владимир Яковлевич Лакшин (1933–1993) — литературовед, критик, доктор филологических наук. В 1962–1970 гг. работал в журнале «Новый мир».

³ Вадим Валерьевич Дементьев — критик.

⁴ Лилия Ивановна Калашникова — преподаватель МГУ.

⁵ Александр Яковлевич Яшин (наст. фам. Попов) (1913–1968) — писатель.

⁶ Игорь Федорович Лободин (род. 1940) — писатель (г. Дмитровск-Орловский).

6

¹ Номер дома в Курске, по ул. Ломоносова, где жил Е.И. Носов.

² «Кража» — повесть В.П. Астафьева (1961–1965).

³ Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) — график, живописец, народный художник СССР (1963), академик АХ СССР (1962), лауреат Ленинской премии (1962).

⁴ Герой повести В.И. Белова «Привычное дело».

7

¹ Юрий Константинович Петухов — писатель, драматург (г. Красногорск Московской обл.).

9

¹ Гавриил Николаевич Троепольский (1905–1995) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1975).

² Юрий Данилович Гончаров (род. 1923) — писатель (Воронеж).

³ Юрий Григорьевич Буртин (1932–2000) — писатель (Москва).

11

¹ Евгений Евгеньевич Носов (род. 1948) — сын писателя.

12

¹ Михаил Макарович Колосов (1923–1997) — писатель.

13

¹ Виктор Вениаминович Коротаев — поэт (Вологда).

² Виктор Иванович Лихоносов (род. 1936) — писатель, лауреат Государственной премии РСФСР (1986).

15

¹ Сергей Васильевич Викулов (род. 1922) — поэт, главный редактор журнала «Наш современник» (1968–1989).

² Василий Борисович Емельяненко — писатель, Герой Советского Союза.

³ Василий Макарович Шукшин (1929–1974) — писатель, кинорежиссер, актер, лауреат Государственной премии СССР (1971), Ленинской премии (1976, посм.).

⁴ Александр Александрович Романов (1930–1998) — поэт.

⁵ Валентина Родионовна — жена Е.И. Носова.

16

¹ Виктор Федорович Потанин — писатель (Курган).

² «Последний поклон» — цикл автобиографических рассказов и повестей В.П. Астафьева (кн.1–3, 1971–1992).

17

¹ «Царь-рыба» — книга В.П. Астафьева — повествование в рассказах (1976; Государственная премия СССР, 1978).

² Игорь Иванович Ляпин (1941–2005) — поэт, общественный деятель.

³ Валентин Григорьевич Распутин (род. 1937) — писатель, публицист, Герой Социалистического Труда (1987), лауреат Государственных премий СССР (1977, 1987), Государственной премии Российской Федерации (2004), премии Александра Солженицына (2000).

⁴ Геннадий Николаевич Машкин (1936–2005) — писатель (Иркутск).

⁵ Паганель Жак — один из героев романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» (1867–1868).

18

¹ «Белый Бим — черное ухо» — повесть Г.Н. Троепольского (1971; Государственная премия СССР, 1975).

19

¹ Иван Павлович Яган — писатель (Курган).

² Василий (Василь) Владимирович Быков (1924–2003) — народный писатель БССР (1980), Герой Социалистического Труда (1984), лауреат Государственной премии СССР (1974) и Ленинской премии (1986).

28

¹ Зоя Николаевна Яхонтова (ум. 2004) — заведующая редакцией издательства «Молодая гвардия».

² Лев Леонидович Сорокин — писатель (Саратов).

29

¹ Петр Георгиевич Сальников (1926–2002) — писатель (Курск).

² Тамара Тимофеевна Давыденко — редактор Центрально-Черноземного книжного издательства (Воронеж).

30

¹ Виктория Николаевна Иванова — камерная певица, народная артистка РСФСР.

31

¹ Павел Кривцов — фотограф.

² Аркадий Сиренко — кинорежиссер (фильм «Родник» по повести Е.И. Носова «Усвятские племоносцы», 1982).

³ Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) — поэт.

32

¹ Глеб Иванович Паншин — писатель, главный редактор альманаха «Поле Куликово» (г. Новомосковск Тульской обл.).

33

¹ Ирина Евгеньевна — дочь Е.И. Носова.

38

¹ «Зрячий посох» — повесть В.П. Астафьева (1988; Государственная премия СССР, 1991).

41

¹ Михаил Гаврилович Кузькин-Воронецкий — писатель (Калуга).

42

¹ Николай Иванович Шадрин — актер Курского драматического театра им. А.С. Пушкина, литератор.

44

¹ «Поле Куликово» — журнал, выходивший в г. Новомосковске Тульской обл.; главный редактор — Глеб Паншин.

² Ганичев Валерий Николаевич (род. 1933) — писатель, общественный деятель, председатель Союза писателей России.

³ Анатолий Заболоцкий — кинооператор, фотограф.

45

¹ Роман — внук Е.И. Носова.

² Георгий Витальевич Семенов (1931–1992) — писатель, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького (1981).

46

¹ Олег Васильевич Волков (1900–1996) — писатель, лауреат Государственной премии Российской Федерации (1992).

² «Мужики и бабы» — роман Б.А. Можая (кн. 1–2, 1976–1987; Государственная премия СССР, 1989).

47

¹ Сергей Павлович Залыгин (1913–2000) — писатель, публицист, Герой Социалистического Труда (1988), академик РАН (1991), главный редактор журнала «Новый мир» (1986–1998).

49

¹ Татьяна Сергеевна Земскова — редактор ЦТ. Подготовила телепередачу «Я солдат еще живой» (к 9 Мая 2001 г.) с участием Е.И. Носова, телевизионный репортаж о встрече Е.И. Носова с преподавателями и студентами Курского педагогического института (1984).

51

¹ «День и ночь» — литературный журнал для семейного чтения, издавался в Красноярске.

52

¹ Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997) — писатель, поэт, публицист.

53

¹ Владимир Николаевич Крупин (род. 1941) — писатель.

² Алексей Тимофеевич Прасолов (1930–1972) — поэт.

В.П. Астафьев — Е.И. Носову, с. 155–163

(№ 1–7)

1

¹ Инга Николаевна Фомина — редактор, затем — заведующая редакцией издательства «Советская Россия».

6

¹ Джон Эрнст Стейнбек (1902–1968) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1962).

² Эрнест Миллер Хемингуэй (1899–1961) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1954).

7

¹ Виктор Иванович Трегубович (1935–1995) — кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР (1976).

² Виктор Александрович Курочкин (1925–1976) — писатель.

³ Антон Павлович Чехов побывал в Красноярске 28 мая 1890 г. по пути на Сахалин.

В.П. Астафьев — Ф.Ф. Кузнецову, с. 163–164

Феликс Феодосьевич Кузнецов (род. 1931) — критик, литературовед, ч.-к. РАН (1987), директор Института мировой литературы им. М. Горького РАН (с 1987).

М.С. Астафьева-Корякина — Е.И. Носову, с. 164–170

Е.И. Носов — М.С. Астафьевой-Корякиной, с. 170–175

Е.И. Носов — В.И. Белову, с. 175–187
(№ 1–18)

1

¹ Предисловие Е.И. Носова к книге В.И. Белова «За долами, за лесами» см. в этом томе.

2

¹ Анна — дочь В.И. Белова.

² Ольга — жена В.И. Белова.

3

¹ Владимир Туркин — издательский работник.

² Ефим Яковлевич Дорош (1908–1972) — писатель, публицист.

11

¹ Эльвина Анатольевна Шугаева — сотрудник журнала «Москва» (1933–1998).

12

¹ Пимен — персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1824–1825).

14

¹ Анфиса Ивановна — мать В.И. Белова.

17

¹ Владимир II Мономах (1053–1125) — великий князь киевский (с 1113), писатель.

В.И. Белов — Е.И. Носову, с. 187–189
(№ 1–3)

Е.И. Носов — В.Г. Распутину, с. 189–190
(№ 1–2)

В.Г. Распутин — Е.И. Носову, с. 190

Е.И. Носов — В.И. Лихоносову, с. 191

¹ Борис Петрович Екимов (род. 1938) — писатель, публицист.

² Анатолий Владимирович Жигулин (1930–2000) — поэт.

³ Валентин Саввич Пикуль (1928–1990) — писатель, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького (1988).

⁴ Владимир Михайлович Санги (1935) — нивхский писатель, собиратель национального фольклора; пишет и на русском языке.

⁵ Михаил Александрович Дудин (1916–1993) — поэт, лауреат Государственной премии СССР (1981), Герой Социалистического Труда (1976).

⁶ Михаил Николаевич Алексеев (род. 1918) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1976), Герой Социалистического Труда (1978), главный редактор журнала «Москва» (1968–1989).

В.И. Лихоносов — Е.И. Носову, с. 191–193
(№ 1–5)

1

¹ Вадим Михайлович Кожевников (1909–1984) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1971), Герой Социалистического Труда (1974), главный редактор журнала «Знамя» (1949–1984).

² Алим Пшемахович Кешоков (род. 1914) — писатель, народный поэт Кабардино-Балкарии (1964), Герой Социалистического Труда (1990).

2

¹ Виктор Федорович Боков (род. 1914) — поэт.

² Леонид Сергеевич Ленч (наст. фам. Попов) (1905–1991) — юморист, сатирик, фельетонист.

³ Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) — поэт, драматург, публицист, общественный деятель, лауреат Государственных премий СССР (1948, 1949), Государственной премии РСФСР им. К.С. Станиславского (1975), Герой Социалистического Труда (1981), главный редактор журнала «Огонек» (1953–1986).

3

¹ Юрий Павлович Казаков (1927–1982) — писатель.

² Андрей Платонович Платонов (наст. фам. Климентов) (1899–1951) — писатель, драматург, публицист.

³ Федор Александрович Абрамов (1920–1983) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1975).

⁴ Евгений Александрович Евтушенко (род. 1933) — поэт, писатель, публицист, киносценарист, кинорежиссер.

5

¹ Надежда Васильевна Плевицкая (1884–1940) — певица (меццо-сопрано), исполнительница романсов, русских народных песен. После 1920 г. — за рубежом (в основном во Франции).

² По словам матери Е.И. Носова, Полины Алексеевны, Н.В. Плевицкая была их дальней родственницей.

³ Карпов Анатолий Евгеньевич (род. 1951) — шахматист, международный гроссмейстер (1970), 12-й чемпион мира.

⁴ Каспаров Гарри Кимович (род. 1963) — шахматист, международный гроссмейстер (1980), 13-й чемпион мира.

Е.И. Носов — А.А. Романову, с. 193–198
(№ 1–11)

9

¹ Шамиль (1799–1871) — 3-й имам Дагестана и Чечни (1834–1859), создатель мусульманского военно-теократического государства — имамата.

А.А. Романов — Е.И. Носову, с. 198–201
(№ 1–5)

1

¹ Писатель Александр Яковлевич Яшин родился в дер. Блудново Вологодской губ.

3

¹ Григорий Иванович Коновалов (1908–1987) — писатель, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького (1969).

² Егор Александрович Исаев (род. 1926) — поэт, публицист, лауреат Ленинской премии (1980), Герой Социалистического Труда (1986).

4

¹ Александр Альбертович Беляев — заведующий сектором ЦК КПСС.

² Виктор Вениаминович Коротаев — поэт (Вологда).

³ Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) — поэт, критик, общественный деятель, лауреат Ленинской премии (1961) и Государственных премий СССР (1941, 1946, 1947), главный редактор журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970).

Е.И. Носов — А.П. Соболеву, с. 202

А.П. Соболев — Е.И. Носову, с. 202–212

(№ 1–17)

1

¹ Аксинья, Наталья, Григорий Мелехов — герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» (кн. 1–4, 1928–1940; Государственная премия СССР, 1941).

9

¹ Юрий Васильевич Бондарев (род. 1924) — писатель, лауреат Ленинской премии (1972), Государственных премий СССР (1977, 1983), Герой Социалистического Труда (1984).

Е.И. Носов — Л.Ф. Конореву, с. 212–214

(№ 1–2)

1

¹ Виктор Васильевич Петелин — писатель (Москва).

² Анатолий Николаевич Курчаткин (род. 1944) — писатель (Москва).

2

¹ Владимир Павлович Детков (род. 1937) — писатель (Курск).

Л.Ф. Конорев — Е.И. Носову, с. 215

Е.И. Носов — В.И. Юровских, с. 215–227

(№ 1–27)

Василий Иванович Юровских (род. 1932) — писатель (г. Шадринск Курганской обл.).

6

¹ «Затеси» — короткие рассказы В.П. Астафьева, в 1961–1978 гг. публиковались в журналах «Урал», «Север», «Знамя», «Новый мир», «Наш современник», «Сельская молодежь», «Мурзилка».

8

¹ Геннадий Николаевич Скобликов — писатель (Челябинск).

15

¹ Дмитрий Яковлевич Гусаров (род. 1924) — писатель, главный редактор журнала «Север» (Петрозаводск).

В.И. Юровский — Е.И. Носову, с. 227–242

(№ 1–23)

3

¹ Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) — писатель.

7

¹ Николай Устинов — художник-график, иллюстратор.

12

¹ Михаил Николаевич Еськов (род. 1935) — писатель (Курск).

19

¹ Юрий Иванович Селезнев (1938–1983) — писатель, критик, издательский работник.

20

¹ Николай Николаевич Блохин (1912–1993) — хирург-онколог, академик РАН (1979), президент АМН СССР (1960–1968, 1977–1987), Герой Социалистического Труда (1972), лауреат Государственной премии СССР (1982).

21

¹ Леонид Анатольевич Фролов — писатель, долгие годы — главный редактор изд-ва «Современник».

Е.И. Носов — В.И. Политову, с. 242–256

(№ 1–20)

Виктор Иванович Политов — писатель (Саратов).

10

¹ Антон Павлович Чехов совершил поездку (или, как он сам говорил, «конно-лошадиное странствование») на Сахалин в 1890 г.

12

¹ Вячеслав Иванович Марченко — писатель, издательский работник (Москва).

20

¹ Анатолий Дмитриевич Папанов (1922–1987) — актер театра и кино, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР (1989, посм.).

В.И. Политов — Е.И. Носову, с. 256–269

(№ 1–14)

2

¹ Михаил Петрович Лобанов (род. 1925) — литературный критик, публицист, преподаватель Литературного института им. М. Горького.

¹ Михаил Иванович Вострышев — писатель, редактор (Москва).

Е.И. Носов — П.Т. Баранову, с. 269–270
(№ 1–2)

Павел Тимофеевич Баранов — журналист, друг Е.И. Носова по работе в Казахстане (г. Текели).

П.Т. Баранов — Е.И. Носову, с. 270–273
(№ 1–2)

С.А. Крутилин — Е.И. Носову, с. 273
Сергей Андреевич Крутилин (1923–1985) — писатель.

Ф.А. Абрамов — Е.И. Носову, с. 274
(№ 1–2)

В.В. Быков — Е.И. Носову, с. 274

Г.В. Семенов — Е.И. Носову, с. 275

Ф.Г. Сухов — Е.И. Носову, с. 275
Федор Григорьевич Сухов (1922–1992) — поэт.

П.Г. Сальников — Е.И. Носову, с. 275–276

Н. Саутин — Е.И. Носову, с. 276
Николай Саутин — художник.

И.И. Шапчанский — Е.И. Носову, с. 277
Николай Иванович Шапчанский — почитатель Е.И. Носова.

А.Н. Солженицын — Е.И. Носову, с. 277–278

Е.И. Носов — А.Н. Солженицыну, с. 278

Евгения Спасская. «Как хорошо, что я узнал тебя...», с. 279–287

Евгения Дмитриевна Спасская (род. 1947) — зав. литературным отделом Курского областного краеведческого музея, составитель сб. «Книга о Мастере» (Курск: Крона, 1998), данного собрания сочинений Е.И. Носова.

¹ Галина Николаевна Кузнецова — близкий друг И.А. Бунина, литератор, автор «Грасского дневника» (впервые издан в Вашингтоне в 1967 г.; 1-е изд. в России — Московский рабочий, 1995).

² Александр Иванович Овчаренко — литературный критик.

³ Валентин Владимирович Овечкин (1905–1968) — прозаик, публицист, драматург.

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания

1950-е гг.

На рыбачьей тропе: Рассказы. Курское кн. изд-во, 1958. 155 с.

Рассказы. Курское кн. изд-во, 1959. 149 с.

1960-е гг.

Тридцать зерен. М.: Мол. гвардия, 1961. 14 с.

Где просыпается солнце? Курское кн. изд-во, 1961. 20 с.

Шуруп. Курское кн. изд-во, 1963. 43 с.

Дом за триумфальной аркой. Курское кн. изд-во, 1963. 80 с.

Где просыпается солнце?: Повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1965. 284 с.

Шумит луговая овсяница: Рассказы. М.: Правда, 1966. 48 с. (Б-ка «Огонька». № 4).

В чистом поле, за проселком: Рассказы и повесть. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. 344 с.

За долами, за лесами: Рассказы и повесть. М.: Сов. Россия, 1967. 189 с.

Ракитовый чай: Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. 182 с.

1970-е гг.

Берега: Рассказы. М.: Современник, 1971. 386 с.

Красное вино победы. М.: Сов. Россия, 1971. 271 с.

Шумит луговая овсяница: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1973. 512 с.

В чистом поле, за проселком. М.: Худож. лит., 1974. 80 с. (Роман-газета. № 2/744).

Мост: Рассказы и повести. М.: Современник, 1974. 190 с.

Моя Джомолунгма: Повесть и рассказы. М.: Сов. Россия, 1974. 175 с.

Белый гусь. Тула: Приокское кн. изд-во, 1975. 14 с.

И уплывают пароходы, и остаются берега: Повести и рассказы. М.: Современник, 1975. 447 с.

Белый гусь: Рассказы. М.: Дет. лит., 1976. 239 с.

Белый гусь. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1976. 18 с.

Белый гусь: Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1976. 287 с.

Усвятские шлемоносцы: Повесть, рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. 318 с.

Усвятские шлемоносцы: Повесть. М.: Худож. лит., 1977. 80 с. (Роман-газета. № 20/834).

Храм Афродиты: Повести, рассказы. Красноярское кн. изд-во, 1977. 440 с.

- Шумит луговая овсяница: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1977. 496 с.
 Белый гусь. Тула: Приокское кн. изд-во, 1977. 14 с.
 В чистом поле, за проселком...: Рассказы. Брянск: Ал. Яковлев изд-во, 1977. 22 с.
 Где просыпается солнце?: Рассказы. М.: Дет. лит., 1978. 32 с.
 За долами, за лесами: Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1979. 48 с.
 Красное вино победы. М.: Современник, 1979. 71 с.
 Тридцать зерен: Рассказы. М.: Малыш, 1979. 14 с.

1980-е гг.

- Белый гусь. М.: Сов. Россия, 1980. 15 с.
 В чистом поле: Повесть, рассказы. М.: Известия, 1980. 624 с.
 Усвятские шлемоносцы: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1980. 239 с.
 Красное вино победы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 278 с.
 На лугу сенокос: Рассказ. М.: Малыш, 1981. 18 с.
 Травой не порастет...: Повесть, рассказы. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1981. 385 с.
 Моя Джомолунгма: Повесть. Рассказы. Кишинев, 1982. 430 с.
 Зимородок. М.: Малыш, 1982. 22 с.
 Усвятские шлемоносцы: Повести, рассказы. Лениздат, 1982. 512 с.
 Шумит луговая овсяница. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. 23 с.
 Избранные произведения: В 2 т. М.: Сов. Россия, 1983.
 Варька: Рассказ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 24 с.
 Шопен, соната номер два. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983. 448 с.
 Красное вино победы. Шопен, соната номер два. М.: Современник, 1984. 78 с.
 Усвятские шлемоносцы: Повесть. М.: Современник, 1984. 199 с.
 Травой не порастет...: Повесть. Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 479 с.
 Хитрюга. М.: Малыш, 1985. 18 с.
 Зимородок. М.: Малыш, 1986. 20 с.
 Живое пламя. М.: Малыш, 1985. 79 с.
 На дальней станции сойду...: Очерки. М.: Правда, 1986. 46 с. (Б-ка «Огонька». № 43).
 Усвятские шлемоносцы: Повесть, рассказы. М.: Сов. писатель, 1986. 320 с.
 Усвятские шлемоносцы. Петрозаводск: Карелия, 1986. 206 с.
 На дальней станции сойду...: Рассказы. М.: Дет. лит., 1987. 271 с.
 Моя Джомолунгма: Повести, рассказы. М.: Сов. Россия, 1988. 240 с. (Школьная б-ка).
 Хитрюга. М.: Малыш, 1988. 8 с.
 Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
 Лоскутное одеяло: Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. 239 с.
 Усвятские шлемоносцы: Повести и рассказы. М.: Правда, 1989. 480 с.

1990-е гг.

- В чистом поле...: Повести, рассказы. М.: Худож. лит., 1990. 574 с.
 Где просыпается солнце?: Рассказы. М.: Дет. лит., 1990. 32 с.
 Красное вино победы: Рассказы. М.: Русская книга, 1992. 286 с.

2000-е гг.

- Вечерние стога. М.: Современник, 2000. 494 с.
 Журавлиный клин. М.: Воскресенье, 2000. 756 с.
 Избранное. М.: Дет. лит., 2004. 346 с. (Школьная б-ка).

Краски родной земли: Евгений Носов: Писатель и художник: Отрывки из рассказов, репродукции живописных работ и фотопейзажей // Фотоальбом. Курск, 2004. 56 с.

Памятная медаль: Повести и рассказы. М.: Русский мир; Московский учебник, 2005. 512 с. (Литературная премия Александра Солженицына).

Публикации в сборниках

1950-е гг.

На рыбацкой тропе // Курский альманах. Курск, 1956. № 5. С. 244–256.

Знакомой дорогой: Рассказ // Простор (альманах). Курск, 1957. № 6. С. 160–164.

Последняя дорога; Портрет; Во поле березонька стояла... // Простор (альманах). Курск, 1958. № 7.

1960-е гг.

Затмение луны // Наш современник (альманах). 1960. № 2.

Когда звенит капель...: Рассказ // Сердце мое — земля. Курск, 1963. С. 57–64.

1970-е гг.

В чистом поле, за проселком... // Берега: Рассказы. М.: Современник, 1971. С. 92–117.

Красное вино победы // Обратной дороги нет. М.: Воениздат, 1973.

На рассвете: Рассказ // Родные просторы. М., 1973. С. 40–46.

Красное вино победы // Ради жизни на земле: Рассказы о Великой Отечественной войне. М.: Современник, 1975.

В чистом поле, за проселком // Советский рассказ: В 2 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 2. С. 438–450.

Шопен, соната номер два // Версты мужества. М.: Сов. Россия, 1975.

Шопен, соната номер два: Повесть // Доблесть поколения. Хабаровск, 1977. С. 437–490.

Шумит луговая овсяница...: Рассказ // Здравствуй, поле русское!: Сб. прозы и поэзии. М.: Мол. гвардия, 1978. С. 308–315.

Красное вино победы // На войне как на войне: Повести, рассказы и очерки. Архангельск, 1979. С. 143–172.

1980-е гг.

Красное вино победы // Огненные километры. М.: Мол. гвардия, 1980. С. 383–412.

Парторг // Война народная. М.: Воениздат, 1980. Кн. 5. С. 210–214.

Варька // Повести, рассказы. М.: Сов. Россия, 1981. С. 224–249.

Красное вино победы // Дорога к победе. Новосибирск, 1981. С. 278–306.

Красное вино победы // На войне как на войне. М.: Моск. рабочий, 1981. С. 339–367.

Варька // Это молодость наша. М.: Мол. гвардия, 1982. С. 300–325.

Красное вино победы // Советский характер. М.: Сов. Россия, 1982. С. 234–263.

Шопен, соната номер два // Навеки девятнадцатилетние: Повести и рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. Ю. Афанасьева. М.: Сов. Россия, 1982. С. 368–396.

Белый гусь // Золотые слова: Рассказы советских писателей: Книга для чтения. М.: Рус. язык, 1983. С. 29–35.

- Рассказы // Санный путь. Иркутск, 1983. С. 138–147.
- Рассказы // О братьях наших меньших. М.: Мол. гвардия, 1983. С. 213–222.
- Красное вино победы // Характер советский. М.: Мол. гвардия, 1983. С. 62–78.
- Пятый день осенней выставки: Рассказ // Здравствуй, книга. М.: Моск. рабочи..., 1983. Вып. 2. С. 336–342.
- Шумит луговая овсяница... // Рассказы о природе. Пермь, 1983. С. 240–265.
- Живо... о и ржа ое железо: Пр. дисл. к н. Н. Ха, ч. н. «Самый г., ь... й мед» // Центр.-Ч-рнозем. кн. изд-во, 1983. С. 3–6.
- Красное вино победы // Военные повести. М.: Сов. Россия, 1984. С. 405–430.
- Красное вино победы // Повести. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 375–395.
- Красное вино победы // Характер советский. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 88–117.
- Летели бомбовозы: Рассказ // 35 рассказов «Литературной России». М.: Современник, 1984. С. 104–112.
- Парторг // Война. Народ. Победа. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 33–37.
- Пятый день осенней выставки // Рассказы о деревне. Пермь, 1984. С. 256–286.
- Шопен, соната номер два // Венок славы. М.: Современник, 1984. Т. 5. С. 513–552.
- Дежка // Дали отчие, неоглядные. М.: Современник, 1985. Вып. 3. С. 105–111.
- Дорога к дому // Шаги. М.: Известия, 1985. Вып. 10. С. 88–91.
- Красное вино победы // Мы — советские люди. М.: Современник, 1985. С. 437–464.
- Красное вино победы // Рассказы о войне. Пермь, 1985. С. 117–147.
- Красное вино победы // Священная война. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 435–464.
- Усвятские шлемоносцы // Родные нивы. М., 1985. Кн. 1. С. 372–483.
- Усвятские шлемоносцы // Священная война. Омск, 1985. С. 3–182.
- Слово о парторге: Вместо послесловия // Венок славы. М.: Современник, 1985. Т. 7. С. 582–586.
- С сединою на висках... // Перспектива-85: О литературе наших дней. М.: Сов. писатель, 1986. С. 63–78.
- Акимыч // Имя его известно. М.: Современник, 1986. С. 260–264.
- На рыбацкой тропе: Из записных книжек // Рассказ — 1985. М.: Современник, 1986. С. 241–273.
- На дальней станции сойду... М.: Сов. писатель, 1986. С. 34–46. (Писатель и время).
- Повести: [Астафьев В., Носов Е., Шевченко А.] М.: Сов. Россия, 1986. 398 с.
- На дальней станции сойду... // Шаги. М.: Известия, 1986. С. 182–189.
- Шопен, соната номер два // Версты мужества. Волгоград, 1986. С. 327–388.
- Варька // Соловьи. М.: Современник, 1986. С. 12–29.
- Красное вино победы // Поле родины. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 184–211.
- Красное вино победы // Венок славы. М.: Современник, 1986. Т. 11. С. 440–463.
- В чистом поле... // Когда ты людям нужен. М.: Сов. Россия, 1987. С. 123–136.
- Варька: Рассказ // Созвучие. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 213–239.
- Красное вино победы // Характер советский. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 88–116.
- На дальней станции сойду... // Москва шагает впереди. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 132–147.
- Потрава: Рассказ // Трезвые мысли. М.: Сов. писатель, 1987. С. 190–208.
- Распахнутая душа: Рассказы // Рассказ-86. М.: Современник, 1987. С. 138–144.
- Красное вино победы // В прекрасном и яростном мире. Красноярск, 1987.
- Красное вино победы // Одухотворенные люди. М.: Сов. Россия, 1987. С. 355–382.
- Краски родной земли // Художники Курской земли: Каталог выставки к 50-летию Курской организации Союза художников РСФСР. М.: Сов. художник, 1987. С. 3–5.
- Красное вино победы // Горький ветер. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 299–328.
- Пятый день осенней выставки // Отечество Земля. М.: 1988. С. 141–163.

— седи...ою на висках: Сб. докум. прозы. М.: С... и... тель, 1988. С. 350–360. (П... сатель и время).

Тропа длиною в лето: Рассказы // Антология русского советского рассказа: 50-е годы. М.: Современник, 1988. С. 80–104.

Что мы перестраиваем? // Если по совести. М.: Худож. лит., 1988. С. 171–195.

Что мы перестраиваем? // Куряне в перестройке: Сб. статей. Курск, 1988.

Шопен, соната номер два // Версты мужества. М.: Сов. Россия, 1988. С. 288–303.

В чистом поле... // Дорогой ценой. М.: Современник, 1989. С. 388–401.

Красное вино победы // Антология русского советского рассказа: 60-е годы. М.: Современник, 1989. С. 525–552.

Что мы перестраиваем? // Время правды: Сб. публицистики. Воронеж, 1989. С. 134–155.

1990-е гг.

Живое пламя: Рассказ // Современная советская проза: Учеб. пособие для иностранцев. М.: Просвещение, 1990. С. 53–55.

Красное вино победы // Ради мира на земле. М.: Современник, 1990. С. 500–528.

Холмы, холмы... // Личное мнение: Сб. писат. публицистики. М.: Сов. писатель, 1990. С. 4–16.

У толпы нет лица... // Чисты перед нашим народом. М.: Патриот, 1991. С. 34–42.

Варька // Пятнадцать рассказов о любви. М.: Дет. лит., 1991. С. 331–368.

Шумит луговая овсяница... // Повороты: Рассказы норвеж. и сов. писателей. М.: Худож. лит.; Осло: Аскехаут, 1993. С. 13–36.

Варька: Отрывок из рассказа // Мир литературы. М.: Про-Пресс; Худож. лит., 1993. Кн. 2. С. 227–232.

Тысяча верст // Первый салют: В 2 т. Орел: Творч. центр; АП «Курск», 1995. Т. 2. С. 63–72.

Красное вино победы // Избранные произведения о Великой Отечественной войне. М.: Школа-пресс, 1995.

Красное вино победы // Этот день победы: Сб. М.: Пресса, 1995. 540 с.

Трудный хлеб // Вокруг тебя мир: Кн. для ученика: 5 кл. М.: Междунар. академ. изд. компания «Наука», 1996. С. 88–92 (с коммент. и задан.).

Холмы, холмы... // Поле Куликово: Энциклопедия. Новомосковск (Тульская обл.), 1997. С. 210–225.

Миниатюры // Книга о Мастере/Сост. Е.Д. Спасская. Курск: Крона, 1998. С. 36, 130–136, 210, 358, 465, 483, 486, 558, 583, 764, 819.

Варька; Храм Афродиты: Рассказы // Митина любовь. М.: Евразия, 1998. С. 670–713.

2000-е гг.

Усвятские шлемоносцы // Вернитесь живыми: Повести фронтовиков. Иркутск: Вектор, 2000. С. 15–142.

Красное вино победы // Поле Куликово: Избранные произведения авторов журнала. Вып. 1. Новомосковск (Тульская обл.), 2000. С. 62–87.

Красное вино победы // Шедевры русской литературы XX века: Проза. М.: Глобус, 2002. С. 541–562.

Малая родина; Автор о себе; Кулики-сороки (Отрывок из рассказа); НЛО нашего детства; Покормите птиц!..; Переправа // Связь времен: Литература: Учеб. пособие / Под общей ред. В. Ачкасова. Курск, 2002. С. 4–6, 192–242.

Темная вода; Нос // Охотничий сборник. 2003. № 1(6). С. 3–25, 26–38.

Уха на троих // Охотничий сборник. 2001. № 2 (4). С. 3–23.

Красное вино победы // Русский характер: Рассказы, очерки, повесть. М.: Изд-во РАГС, 2005. 365–396.

Публикации в журналах

1950-е гг.

Радуга // Молодая гвардия. 1958. № 1. С. 86–88.

На карповой ферме // Подъем. 1958. № 6. С. 49–56.

1960-е гг.

Степное лето // Огонек. 1960. № 35. С. 14–15.

Ярославна // Подъем. 1960. № 3. С. 90–99.

Кувшинка; Черный силуэт; Где просыпается солнце? // Огонек. 1961. № 14. С. 14–16.

Шуба; Мост; Алим едет на Кавказ // Наш современник. 1962. № 3. С. 53–75.

Моя Джомолунгма // Наш современник. 1963. № 4. С. 77–99.

Шуруп // Наука и религия. 1963. № 8. С. 54–61.

Трое из серой машины // Подъем. 1964. № 5. С. 88–96.

Белый гусь // Наш современник. 1964. № 3. С. 78–81.

На рассвете // Подъем. 1964. № 5. С. 3–14.

Подпасок // Огонек. 1964. № 33. С. 22–28.

Есть ли жизнь на других планетах? // Молодая гвардия. 1965. № 2. С. 216–229.

Шумит луговая овсяница: Отрывок из повести // Огонек. 1965. № 25. С. 14–15.

Объездчик; За долами, за лесами // Новый мир. 1966. № 2. С. 66–96.

Пятый день осенней выставки // Новый мир. 1967. № 8. С. 111–128.

Во субботу, день ненастный... // Наш современник. 1968. № 6.

Красное вино победы // Наш современник. 1969. № 11. С. 10–29.

1970-е гг.

Течет речка... // Наш современник. 1970. № 1. С. 62–76.

И уплывают пароходы, и остаются берега... // Наш современник. 1970. № 6. С. 6–43.

Шопен, соната номер два // Наш современник. 1973. № 3. С. 73–104.

Не имей десять рублей... // Наш современник. 1973. № 8. С. 27–81.

Одолень-трава // Сельская молодежь. 1976. № 6. С. 20–22.

Усвятские шлемоносцы // Наш современник. 1977. № 4. С. 15–86; № 5. С. 19–65.

1980-е гг.

Дорога к дому // Наш современник. 1983. № 4. С. 3–6.

На рыбацкой тропе: Из записных книжек; Петушиное слово; Дежка; Акимыч; Скворешня; Кузиногорец; Нос // Наш современник. 1985. № 1. С. 58–81.

На дальней станции сойду... // Подъем. 1985. № 1. С. 4–10.

Курские холмы: Миниатюры // Огонек. 1985. № 10. С. 27–28.

Распахнутая душа: Рассказы // Огонек. 1986. № 9. С. 20–22.

Белый гусь // Культура и жизнь. 1986. № 11. С. 40–41.

Вечерний рейс // Культура и жизнь. 1987. № 10. С. 42–43.

1990-е гг.

Где просыпается солнце? // Культура и жизнь. 1990. № 1. С. 38–39.

Карманный фонарик // Москва. 1992. № 1. С. 12–25.

Кто такие?... // Смена. 1992. № 8. С. 36–51.

Красное, желтое, зеленое... // Знамя. 1992. № 10. С. 41–52.

НЛО нашего детства // Смена. 1993. № 9. С. 28–44.

Темная вода // Новый мир. 1993. № 8. С. 116–127.

Костер на ветру // Москва. 1993. № 10. С. 7–24.

- К... такие?... // Пол... Куликово. 1994. № 1. С. 4–9.
- Зеленая охота царя Алексея: Эссе/[под псевд. Н. Евгеньин] // Поле Куликово. 1994. № 2. С. 11–16.
- «Конны, людны и оружны...»: Эссе/[под псевд. Н. Евгеньин] // Поле Куликово. 1994. № 3. С. 31–33.
- Кулики-сороки // Поле Куликово. 1995. № 1. С. 30–37.
- Кулики-сороки // Москва. 1995. № 2. С. 8–19.
- Последний полонез // Поле Куликово. 1995. № 3. С. 14–17.
- Карманный фонарик // Поле Куликово. 1995. № 5. С. 13–23.
- Синее перо Ватолина // Москва. 1995. № 5. С. 13–28.
- Фанфары и колокола; Переправа; Фронтовые кашевары; С сединою на висках // Воин. 1995. № 5. С. 33–41.
- Красное вино победы // Подъем. 1995. № 6. С. 131–157.
- Синее перо Ватолина; Яблочный Спас // Воин. 1996. № 4. С. 67–80.
- Яблочный Спас // Москва. 1996. № 5. С. 3–13.
- Яблочный Спас // Порубежье. 1996. № 1. С. 3–9.
- Карманный фонарик // Дон. 1997. № 1. С. 3–24.
- Два рассказа: Карманный фонарик; Темная вода // Дальний Восток. 1997. № 4. С. 3–48.
- Предисловие к рассказу Н. Громова «Шел солдат к дому» // Воин. 1997. № 5. С. 27–31.
- Греческий хлеб // Москва. 1997. № 6. С. 8–39.
- Яблочный Спас // Юность. 1997. № 6. С. 7–15.
- Красное вино победы // Четыре шедевра о войне: Школьная роман-газета. — М., 1997. № 5/17. С. 88–96.
- Яблочный Спас: Рассказ // Яблочный Спас. М., 1997. (Роман-газета. № 21–22/1315–1316).
- Ярославна. Рассказ // Ярославна. 1998. № 2/5. С. 19–22.
- Мемуары и мемориалы // Юность. 1998. № 5. С. 2–7.
- Уха на троих // Порубежье. 1998. № 3. С. 60–65.
- Ветерок; Тана; Собачий наперсток // Смена. 1998. № 6. С. 84–93.
- Соло втроем // Воин России. 1998. № 7. С. 44–51.
- Карманный фонарик. Кулики-сороки // Роман-газета. 1998. № 19/1337.
- Жаних // Москва. 1998. № 12. С. 91–98.
- Тридцать зерен; Как ворона на крыше заблудилась // Детская роман-газета. 1999. № 6/24. С. 52–54.
- Алюминиевое солнце; Жаних; Уха на троих // Роман-газета XXI век. 1999. № 8. С. 2–23.
- Красное, желтое, зеленое... // Толока. 1999. № 29–30. С. 33–38.
- Долгая ночь в октябре: Миниатюры // Толока. 1999. № 29–30. С. 30–32.
- Последний полонез: Эссе // Толока. 1999. № 29–30. С. 24–25.
- Зеленая охота царя Алексея: Эссе // Толока. 1999. № 29–30. С. 28–30.
- Путь к истоку: Очерк // Толока. 1999. № 29–30. С. 22–23.

2000-е гг.

- Памятная медаль // Москва. 2000. № 1. С. 13–37.
- Курские холмы: Миниатюры // Роман-газета XXI век. 2000. № 1. С. 94–95.
- Алюминиевое солнце // Наш современник. 2000. № 1. С. 94–95.
- Зарисовки под капельницей // Юность. 2000. № 3. С. 12–20.
- Путь к истоку: Предисловие к книге В. Белова «Холмы» // Толока. 2000. № 1. С. 22–23.
- Хутор Белоглин: Рассказы // Роман-газета. 2000. № 17.

- Шопен, соната номер два // Роман-газета. № 8/1374. 2000. С. 39–58.
- С непокрытой головой. К 75-летию писателя П. Сальникова. С Вами говорит Солженицын...: Речь на вручении Солженицынской премии // Толока. 2001. № 3. С. 19–20, 48–49.
- Задумал еж разбогатеть...: Современная российская сказка // Толока. 2001. № 5–6. С. 42–44
- Картошка с малосольными огурцами; Тепа; Покормите птиц!.. // Москва. 2001. № 1. С. 28–50.
- Потрава // Подъем. 2001. № 1. С. 84–108.
- Картошка с малосольными огурцами // Роман-газета XXI век. 2001. № 1. С. 6–9.
- Жаних // Подъем. 2001. № 6. С. 112–124.
- Тёпа // Уроки литературы (Прилож. к журналу «Литература в школе»). 2002. № 3. С. 9–11.
- Сронилося колечко...: Два сольди // Москва. 2002. № 1. С. 3–46.
- Фагот // Москва. 2002. № 5.
- Фагот; Памятная медаль; Тёпа; Задумал еж разбогатеть...; Покормите птиц!...; Два сольди; Греческий хлеб (отрывок); Сронилося колечко...; Краски родной земли // Роман-газета XXI век. 2002. № 9.
- Он любил эту землю: Предисловие к книге К. Воробьева «...И всему роду твоему» // Толока. 2002.
- Покормите птиц!.. // Муравейник (Прилож. к «Охотничьему сборнику»). 2002. № 11. С. 29–33; № 12. С. 31–33.
- Памятная медаль; Покормите птиц!...; Задумал еж разбогатеть... // Сибирь. 2002. № 6. С. 5–50.
- Греческий хлеб: Рассказы и повести // Роман-газета. 2002. № 7.
- Покормите птиц!.. // Юность. 2002. № 12. С. 2–9.
- Фагот // Воин России. 2003. № 1. С. 27–39.
- Дорога к книге; Вышивание крестом: Миниатюры // VIP (Курск). 2003. № 1 (16). Январь. С. 38.
- Тёпа // Пограничник. 2003. № 3. С. 76–79.
- Багульник; Хорошо бы, Васек, встретиться...: Письма Е. Носова В. Белову // Толока. 2003. № 43. С. 8–16, 17–22.
- Фагот // Подъем. 2003. № 6.
- Толока. № 42. 2003 (специальный номер, посвященный 78-летию Е.И. Носова): Главная стезя моей жизни (из автобиографии). С. 15; Малая родина. С. 16–17; Греческий хлеб (отр. из пов.). С. 18–20; Фагот (в сокращ.). С. 21–25; Памятная медаль. С. 26–42; Дорога к дому (в сокращ.). С. 43–45; Я человек земной... (из радиointервью). С. 57–58.
- Сронилося колечко...: Рассказы // Роман-газета. 2005. № 1.

Публикации в газетах

1950-е гг.

- Уличный певец // Мол. гвардия. 1952. 30 нояб.
- Наглядный урок // Мол. гвардия. 1956. 4 сент.
- Живое пламя // Лит. газета. 1957. 5 дек.
- Когда звенит капель... // Мол. гвардия. 1958. 18 янв.
- Лесной хозяин // Курская правда. 1958. 4 марта.
- Рассвет: Отрывок из повести // Мол. гвардия. 1958. 17 мая.
- Весенними тропами // Курская правда. 1958. 6 июня.
- Портрет // Курская правда. 1958. 8 авг.

Лесной хозяин // Лит. газета. 1958. 4 сент.
Идет премьера: Очерк // Курская правда. 1959. 31 мая.
Друг мой, лодка // Мол. гвардия (Курск). 1959.

1960-е гг.

Майское движение: Новелла // Курская правда. 1960. 31 мая.
Степное лето // Курская правда. 1960. 23 июля.
Тридцать зерен: Короткие рассказы // Мол. гвардия. 1960. 25 авг.
Снега над Россией // Мол. гвардия. 1961. 29 авг.
Тысяча верст // Мол. гвардия. 1961. 9 дек.
Подпасок // Курская правда. 1963. 1 сент.
На рассвете // Курская правда. 1963. 24 нояб.
Бог наш — Солнце // Мол. гвардия. 1964. 13 февр.
Шумит луговая овсяница...: Отрывок из повести // Курская правда. 1965. 7 марта.
В чистом поле, за проселком... // Курская правда. 1965. 5 нояб.
Парторг: Рассказ // Мол. гвардия. 1966. 5 мая.
Домой, за матерью // Лит. Россия. 1967. № 21. 19 мая. С. 12–14.
Варька // Сел. жизнь. 1968. 1 янв.
Красное вино победы // Курская правда. 1969. 9 мая.

1970-е гг.

Тысяча верст // Мол. гвардия. 1971. 5 мая.
Варька // Сов. Россия. 1974. 8 марта.
Голубую лодку напрокат // Мол. гвардия. 1975. 14–15 янв.
Фронтовые кашевары // Курская правда. 1975. 1 мая.
Рубежи и версты // Курская правда. 1975. 7 мая.
Парторг // Лит. газ. 1975. 7 мая. № 19. С. 12.
Фронтовые кашевары // Лит. Россия. 1975. 9 мая.
Одолень-травы // Мол. гвардия. 1975. 25 дек.
Вдохновляющая земля: Слово Е.И. Носову // Курская правда. 1976. 1 янв. С. 3.
Летели бомбовозы: Отрывок из пов. // Лит. Россия. 1976. № 19. С. 12–13.
Набат: Глава из новой пов. // Курская правда. 1976. 13 и 16 июня.
На берегах Остомли: Отрывок из пов. «Усвятские шлемоносцы» // Лит. Россия. 1977. 16 янв. С. 8–9.
На пути к фронту: Отрывок из пов. «Усвятские шлемоносцы» // Сов. Россия. 1977. 13 марта.
Октябрьским днем на проспекте Маркса // Курская правда. 1977. 7 нояб.
Гудок: Отрывок из повести «Не имей десять рублей...» // Лит. Россия. 1978. 20 июля.
Детство — пора серьезная // Пионерская правда. 1978. 31 окт. С. 4.
Кнут и атом: Вариант к рассказу «Течет речка...» // Мол. гвардия. 1979. 1 янв.

1980-е гг.

Дорога к дому // Курская правда. 1982. 4 дек.
Тепло родных камней // Сов. Россия. 1983. 17 апр.
Петушиное слово // Курская правда. 1984. 15 апр.
На дальней станции сойду... // Лит. газ. 1984. 8 авг. С. 12.
Хата с краю: Из записных книжек «На рыбацкой тропе» // Мол. гвардия. 1984. 24 авг.
Переписка на машинке: Глава из новой пов. // Курская правда. 1985. 13 янв.
Скворешня: Ремонтировали театр // Мол. гвардия. 1985. 15 янв.
Праздничный душ: Миниатюра // Мол. гвардия. 1985. 15 янв.

В ожидании праздника; Счастье: Стихотворения // Мол. гвардия. 1985. 15 янв.
 С сединою на висках... // Лит. газ. 1985. № 2. С. 7.
 Дымила кухня на колесах... // Мол. гвардия. 1985. 9 мая.
 Слово писателя // Мол. гвардия. 1986. 18 янв.
 «Неугасимо стремление к красоте...»: Выступление на I Фетовских чтениях // Лит. Россия. 1986. 25 июля.
 Шуметь ли луговой овсянице? [Беседа с писателем] // Мол. гвардия. 1986. 2 окт.
 «Неугасимо стремление к красоте...» // Курская правда. 1986. 14 окт.
 Жди ясного на завтра дня...: Выступление на II Фетовских чтениях // Курская правда. 1987. 14 окт.
 Каким быть новому обществу? // Лит. газ. 1988. 1 янв. С. 11.
 Что мы перестраиваем? // Лит. газ. 1988. 20 апр. С. 12–13.
 Холмы, холмы... // Лит. газ. 1989. 4 янв. С. 12.
 Холмы, холмы... // Курская правда. 1989. 8 янв.

1990-е гг.

Фанфары и колокола // Лит. газ. 1990. 9 мая.
 Сон о незатворенной выюшке // Курская правда. 1991. 28 февр.
 Темная вода // Курская правда. 1993. 29 янв.
 Костер на ветру // Курская правда. 1993. 6–7 мая.
 Костер на ветру // Красная звезда. 1993. 9 октяб.
 Кулики-сороки // Курская правда. 1995. 13 янв.
 Переправа // Сел. жизнь. 1995. № 5. 14 янв.
 В большую литературу крещен Зубавиным // Лит. Россия. 1995. 10 марта С. 6.
 Последний полонез // Курская правда. 1995. 28 июня.
 Стадо идет...: Отрывок из пов. «Греческий хлеб» // Курская правда. 1997. 19 апр.
 Кулики-сороки // Сел. жизнь. 1997. 29 апр.
 Яблочный спас // Сел. жизнь. 1997. 16 авг.
 Зарисовки под капельницей // Курская правда. 1997. 23 дек.
 Ветерок // «ПС» № 50. 1998. 7 мая.
 Слово на баррикадах прогресса. // Лит. газ. 1998. 28 дек. С. 10.
 Степное лето // Сел. жизнь. 2000. 13–19 янв.
 Памятная медаль // Курская правда. 2000. 14 янв.
 Яблочный Спас (в сокращ.) // Моск. железнодорожник (МОЖ). 2000. 15 янв.
 Фронтовые кашевары // Зеленая лампа. 2000. № 5/16. С. 5.
 Жаних // Сельская жизнь. 2000. 3–9 авг. С. 14, 16.
 Фанфары и колокола // МОЖ. 2000.
 Покормите птиц!.. // Курская правда. 2000. 1 и 8 дек.
 Тепа // Курская правда. 2001. 16 янв.
 Дорога помогла мне стать писателем // МОЖ. 2001. 3 февр. С. 15.
 Греческий хлеб (отрывок из пов.) // МОЖ. 2001. 24 февр. С. 15.
 Картошка с малосольными огурцами // Парламентская газета. 2001. 3 марта. С. 6.
 Задумал еж разбогатеть... (Современная российская сказка) // Курская правда. 2001. 22 марта.
 Война всегда не ко времени...: Интервью // Труд. 2001. 19 апр. С. 8.
 Война всегда не ко времени...: Интервью // Гр. известия. 2001. 24 апр.
 Советский писатель: Интервью // Правда. 2001. 24 апр.
 На рыночных ветрах // Курская правда. 2001. 26 апр.
 С непокрытой головой: К 75-летию писателя П. Сальникова // Курская правда. 2001. 11 июля. С. 3.
 Покормите птиц!.. // Гр. известия. 2001. 20 нояб. С. 4–5.
 Петушиное слово // Воскресенье. 2002. Июнь. С. 5.

- Песочные часы: Миниатюра: Из рассказов о детстве: О родной избе // Курская правда. 2002. 18 июля.
- «Мои чернила кончаются, в ручке осталось чуть-чуть...»: Из интервью // Известия. 2002. 15 июня. С. 3.
- О счастье: Миниатюра // Курский вестник. 2002. 19 июля.
- Дача: Час прогулки: Миниатюры // Гр. известия. 2002. 20 июля. С. 4.
- Долгая ночь в октябре // Сельская жизнь. 2002. 18–24 июля. № 53. С. 15.
- Главная стезя моей жизни... // Курск. 2002. 24 июля. С. 10.
- Долгая ночь в октябре // Курск. 2002. 24 июля. С. 15.
- Миниатюры: Дорога к книге; Начало главы; Вышивание крестом; Песочные часы // Курск. 2002. 24 июля. С. 15.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Районному вестнику», Щигры). 2002. 30 авг. С. 5.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Районным новостям», Хомутовка). 2002. 30 авг. С. 5.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Беловским зорям», Белая). 2002. 30 авг. С. 5.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Золотухинской жизни», Золотухино). 2002. 30 авг. С. 5.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Сельской нови», Курский р-н). 2002. 30 авг. С. 5.
- Малая родина // Отличная газета (прилож. к «Районным будням», Рыльск). 2002. 30 авг. С. 5.
- Церковь уважал всегда // Курские епархиальные ведомости. 2002. Сент. С. 3.
- Муки творчества, или Я — счастливый человек // Регион-46. 2002. № 32. 24 сент. С. 13.
- Дорога к дому // Гр. известия. 2002. 24 сент. С. 8.
- Покормите птиц!.. (в сокращ.) // 1-е сентября. 2002. 5 окт. С. 6.
- Покормите птиц!.. // Деловой вторник (прилож. к «Курской правде»). 2002. 30 окт.
- Дорога к дому // Гр. известия. 2002. 24 окт.
- Песочные часы: Миниатюра // Друг для друга. 2003. 14 янв. С. 5.
- Земля заповеданная // Мол. гвардия. 2003. 16 янв.
- Покормите птиц!.. // Класс. 2003. Янв. С. 8–9; 2003. Февр. С. 8–9; 2003. Март. С. 8–9.
- Весна: Грачи прилетели...; Таинственный музыкант // Гр. известия. 2003. 11 июня. С. 1, 7.
- Счастье — это быть искренним...: Миниатюры (Час прогулки; О счастье; Магия величия; Багет; Весна; Грачи прилетели...) // Правда. 2003. 17–18 июня. С. 4.
- Ветеран: Миниатюра // Сов. Россия. 2003. 22 июня. С. 8.
- Вздохи земли родной: Записная книжка Евгения Носова (Миниатюры: Зеленый шум; Походный душ; Июнь; Травный ветер; Сказ о хлебе насущном) // Правда России. 2003. 25 июня — 1 июля. С. 12.
- «Получение звания писателя — еще не путевка в некий рай»: Письма Е. Носова — Л. Конореvu // Смена — Зебра (совм. вып.) (Белгород). 2003. 23 июля. № 58. С. 13.
- Миниатюры // Правда России. 2005. 14–17 янв.
- Взойти на гору: Из записок писателя-фронтовика // Правда. 2005. № 3/28764. 14–17 янв.
- Самое главное — ощущение свободы: Беседа с М. Гусаровой // Гр. известия. 2005. № 31. 12 марта.
- Красное вино победы: Отрывок из рассказа // Калужский меценат: Литер.-худож. прилож. к газете «Весть». 2005. 18 марта.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, включенных в тома 1–5

Автор о себе	I	17*
Аз-буки... ..	II	138
Акимыч	I	234
Алим едет на Кавказ	II	121
Алюминиевое солнце	III	290
Аманита фаллоидес	I	254
Багет	I	305
Багульник	I	268
Белый гусь	I	169
Беседа в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина	V	71
Бог наш — Солнце	I	173
Богатырская симфония	I	324
Варька	II	65
В ожидании праздника	I	314
Весенними тропами	I	118
Весна	I	302
Ветеран	I	300
Вечерний рейс	I	304
Во поле березонька стояла... ..	I	224
Во субботу, день ненастный... ..	III	166
Война всегда не ко времени... ..	IV	405
Время сверить ориентиры	I	388
Встреча у плотины	I	67
В чистом поле, за проселком... ..	II	7
Высота	V	36
Выступление на церемонии вручения Государственной премии РСФСР	I	367
Выступление на V съезде писателей РСФСР	I	367
Выступление на IV съезде писателей РСФСР	I	365
Гармония стиля	I	362
Где просыпается солнце?	I	162
Главный лакмус	I	297
«Год коня!...»	I	313
Голубую лодку напрокат... ..	III	374
Грачи прилетели	I	302

---

* Том, страница.

Греческий хлеб	II	229
Да сбудутся наши надежды!	V	29
Дача	I	301
Два сольди	II	297
Две точки зрения	I	307
Дёжка	II	86
Дело всей жизни	V	31
Деревенские ласточки	I	113
Детство — пора серьезная	II	337
Долгая ночь в октябре	I	307
Дом за триумфальной аркой	II	180
Домой, за матерью	III	131
Дорога к дому	III	523
Дорога к книге	I	197
Дымит черемуха	I	159
Есть ли жизнь на других планетах?	III	71
Жаних	III	279
«Жди ясного на завтра дня...»	V	88
Живое пламя	I	133
Живое слово и ржавое железо	V	63
Забывтая страничка	I	135
За долами, за лесами... ..	II	18
За родной околицей	V	62
Задумал еж разбогатеть... ..	III	515
Зарисовки под капельницей (Палатный сосед; Членистоногие; Синий чепец; Говоря, не... колупай; Ветерок)	III	492
Зеленая охота царя Алексея	V	15
Зеленый шум	I	301
Земля заповеданная	III	123
Зимородок	I	115
Зов весны	I	314
И уплывают пароходы, и остаются берега... ..	III	327
Идет премьера	I	317
История, которую я придумал для себя и для Аленки	I	81
Июнь	I	299
Как ворона на крыше заблудилась	I	91
Как же обидно за нас!.. ..	V	80
Как Кузьма топором рыбу ловил	I	74
Как патефон петуха от смерти спас	I	87
Карманный фонарик	III	244
Картошка с малосольными огурцами	II	129
Кнут и атом	III	205
Коварный крючок	I	126
Когда звенит капель... ..	III	244
«Конны, людны и оружны...»	V	21
Костер на ветру	IV	290
Краски родной земли	I	19
Красное вино победы	IV	227
Красное, желтое, зеленое... ..	II	211
Кто такие?.. ..	II	156
Кувшинка	I	263

Кузиногорец	III	228
Курские холмы	I	299
Лесной хозяин	I	129
Магия величия	I	305
Майский подарок	I	245
Мемуары и мемориалы	IV	393
Мост	II	171
Моя Джомолунгма	I	92
Музыкальная шкатулка	I	101
На воздушном шаре	I	307
На дальней станции сойду	III	210
На рассвете	III	11
Наглядный урок	III	7
Неспешными проселками	I	137
Не имей десять рублей... ..	III	406
Не сотвори кумира	I	306
Неугасимо стремление к красоте... ..	V	85
НЛО нашего детства	II	195
Новая порода	I	307
О поэзии	I	298
О счастье	I	303
Обособление — небезобидно	I	386
Октябрьским днем на проспекте Маркса... ..	III	399
Он любил эту землю	V	55
Палтарасыч	I	152
Памятная медаль	IV	332
Переписка на машинке	III	480
Переправа	IV	222
Песочные часы	I	309
Петушиное слово	III	223
Писатель и время	I	377
Письма:		
Е.И. Носов — В.А. Рождественскому	V	99
Е.И. Носов — В.П. Астафьеву	V	100
В.П. Астафьев — Е.И. Носову	V	155
В.П. Астафьев — Ф.Ф. Кузнецову	V	163
М.С. Астафьева-Корякина — Е.И. Носову	V	164
Е.И. Носов — М.С. Астафьевой-Корякиной	V	170
Е.И. Носов — В.И. Белову	V	175
В.И. Белов — Е.И. Носову	V	187
Е.И. Носов — В.Г. Распутину	V	189
В.Г. Распутин — Е.И. Носову	V	190
Е.И. Носов — В.И. Лихоносову	V	191
В.И. Лихоносов — Е.И. Носову	V	191
Е.И. Носов — А.А. Романову	V	193
А.А. Романов — Е.И. Носову	V	198
Е.И. Носов — А.П. Соболеву	V	202
А.П. Соболев — Е.И. Носову	V	202
Е.И. Носов — Л.Ф. Конореву	V	212
Л.Ф. Конорев — Е.И. Носову	V	215
Е.И. Носов — В.И. Юровских	V	215

В.И. Юровских — Е.И. Носову	V	227
Е.И. Носов — В.И. Политову	V	242
В.И. Политов — Е.И. Носову	V	256
Е.И. Носов — П.Т. Баранову	V	269
П.Т. Баранов — Е.И. Носову	V	270
С.А. Крутилин — Е.И. Носову	V	273
Ф.А. Абрамов — Е.И. Носову	V	274
В.В. Быков — Е.И. Носову	V	274
Г.В. Семенов — Е.И. Носову	V	275
Ф.Г. Сухов — Е.И. Носову	V	275
П.Г. Сальников — Е.И. Носову	V	275
Н. Саутин — Е.И. Носову	V	276
Н.И. Шапчанский — Е.И. Носову	V	277
А.И. Солженицын — Е.И. Носову	V	277
Е.И. Носов — А.И. Солженицыну	V	278
Под старым осокорем	I	143
Подпасок	I	59
Покормите птиц!	I	202
Портрет	III	25
Последний полонез	V	43
Последняя дорога	I	219
Потрава	III	104
Праздник	I	303
Проблемы «провинциального» писателя	I	372
Пропавшая заря	I	41
Путь к истоку	V	49
Пятый день осенней выставки	III	144
Радуга	I	105
«Ради нескольких строчек в газете...»	I	360
Разбой на большой дороге	I	93
Ракитовый чай	I	62
Рассвет	I	149
Рекомендация (И.И. Евсеенко)	V	66
Рекомендация (В.И. Юровских)	V	67
Ремонтировали театр	I	322
Репейное царство	I	99
Русское поле	III	528
«С Вами говорит Солженицын...»		
(Речь на вручении премии Александра Солженицына)	V	93
С сединою на висках... ..	IV	375
Сила привычки	I	306
Синее перо Ватолина	IV	199
Сказ о хлебе насущном	I	302
Скворешня	I	241
Скудная жизнь — скудное творчество	I	392
Слепой карась	I	70
Слово — на баррикадах прогресса	III	555
Слово о моем друге	V	59
Слово о сержанте Борисове	III	369
Смотри и радуйся... ..	I	301
Снега над Россией	I	288

Собачий наперсток	III	511
Сонет	I	314
Сронилося колечко... ..	I	274
Степное лето	I	247
Сучок	I	237
Счастье	I	313
Сонет	I	314
Таинственный музыкант	I	85
Тана	III	506
Творчество	I	297
Текст для выступления на церемонии вручения премии Андрея Платонова «Умное сердце»	V	92
Темная вода	III	261
Тёпа	III	217
Течет речка... ..	III	187
Тридцать зерен	I	168
Тропа длиною в лето	I	29
Трудный хлеб	I	123
Тысяча верст	IV	188
У толпы нет лица	IV	411
Уличный певец	I	284
Усвятские племоносцы	IV	7
Уха на троих	I	185
Фагот	IV	159
Фанфары и колокола	IV	383
Фронтные кашевары	IV	195
Хитрюга	I	96
Холмы, холмы... ..	III	232
Храм Афродиты	III	81
Черный силуэт	I	158
Чирки	I	109
Что мы видели на песчаной косе	I	77
Что мы перестраиваем?	III	534
Шопен, соната номер два	IV	250
Шуба	II	34
Шуметь ли луговой овсянице?	III	532
Шумит луговая овсяница... ..	III	35
Шуруп	II	47
Яблочный Спас	IV	314
Ярославна	I	259

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Солженицын. Евгений Носов (Из «Литературной коллекции»)	5
 «Конны, людны и оружны...» Из русской истории	
Зеленая охота царя Алексея	15
«Конны, людны и оружны...»	21
 Слово о моем друге Творческие портреты, предисловия, рекомендации	
Да сбудутся наши надежды!	29
Дело всей жизни	31
Высота (Юбилейный разговор с друзьями о поэзии)	36
Последний полонез	43
Путь к истоку	49
Он любил эту землю	55
Слово о моем друге	59
За родной околицей	62
Живое слово и ржавое железо	63
Рекомендация И.И. Евсеенко, вступающему в СП СССР . . .	66
Рекомендация В.И. Юровских, вступающему в СП СССР . .	67
 «Жди ясного на завтра дня...» Беседы, интервью, выступления	
Беседа в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина	71
Как же обидно за нас!.. (Из интервью разных лет)	80
Неугасимо стремление к красоте...	85
«Жди ясного на завтра дня...»	88
Текст для выступления на церемонии вручения премии Андрея Платонова «Умное сердце»	92
«С Вами говорит Солженицын...» (Речь на вручении премии Александра Солженицына)	93

«Несказанно рад твоему письму!»

Переписка разных лет

Е.И. Носов — В.А. Рождественскому	99
Е.И. Носов — В.П. Астафьеву	100
В.П. Астафьев — Е.И. Носову	155
В.П. Астафьев — Ф.Ф. Кузнецову	163
М.С. Астафьева-Корякина — Е.И. Носову	164
Е.И. Носов — М.С. Астафьевой-Корякиной	170
Е.И. Носов — В.И. Белову	175
В.И. Белов — Е.И. Носову	187
Е.И. Носов — В.Г. Распутину	189
В.Г. Распутин — Е.И. Носову	190
Е.И. Носов — В.И. Лихоносову	191
В.И. Лихоносов — Е.И. Носову	191
Е.И. Носов — А.А. Романову	193
А.А. Романов — Е.И. Носову	198
Е.И. Носов — А.П. Соболеву	202
А.П. Соболев — Е.И. Носову	202
Е.И. Носов — Л.Ф. Конореву	212
Л.Ф. Конорев — Е.И. Носову	215
Е.И. Носов — В.И. Юровских	215
В.И. Юровских — Е.И. Носову	227
Е.И. Носов — В.И. Политову	242
В.И. Политов — Е.И. Носову	256
Е.И. Носов — П.Т. Баранову	269
П.Т. Баранов — Е.И. Носову	270
С.А. Крутилин — Е.И. Носову	273
Ф.А. Абрамов — Е.И. Носову	274
В.В. Быков — Е.И. Носову	274
Г.В. Семенов — Е.И. Носову	275
Ф.Г. Сухов — Е.И. Носову	275
П.Г. Сальников — Е.И. Носову	275
Н. Саутин — Е.И. Носову	276
Н.И. Шапчанский — Е.И. Носову	277
А.И. Солженицын — Е.И. Носову	277
Е.И. Носов — А.И. Солженицыну	278
 Е. Спасская. «Как хорошо, что я узнал тебя...»	 279
 Примечания	 288
 Библиография	 301
 Алфавитный указатель произведений, включенных в тома 1–5	 313

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ НОСОВ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

Том 5

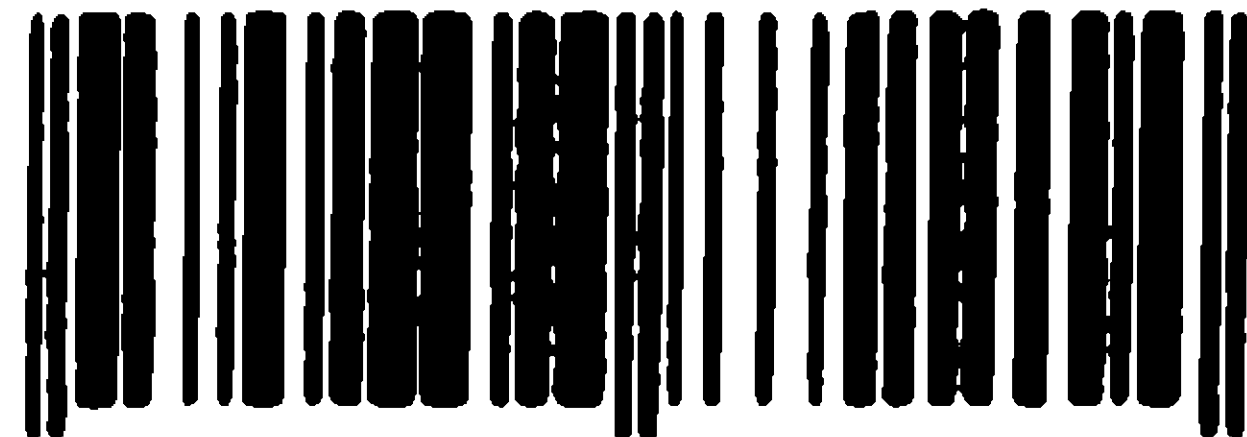
Редактор Т.А. Соколова
Дизайнер Е.Н. Семенов
Компьютерная верстка Л.А. Фирсова
Корректор О.А. Савичева

Подписано в печать 23.08.05
Формат 60х90/16
Бумага офсет
Шрифт: Bookman
Усл. печ. л. 20,0
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1502

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «НОВОСТИ»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

ISBN 5-85887-221-2

9 785858 872214 >

Я вовсе не призываю к важничанию,
самолюбованию...
а зову к тому святому и каторжному труду,
который требует всего себя,
полного самозабвения,
новых, каких-то еще не осознанных тобой жертв
и конфликтов с жизнью.
Само по себе получение звания писателя
еще не путевка в некий рай.
Это всего лишь тот колышек старта,
отсчета новой жизни, перед которой ты берешь
особую клятву и ответственность.

С. Довлатов